

От редакции 3

Путилова Евгения Оскаровна (1923–2018) 6

ИНТЕРВЬЮ

«Вспоминая Евгению Оскаровну»: Михаил Яснов, Сергей Махотин,
Николай Крышук и др. 10
«Милый друг, иль ты не видишь?»: беседа с Е. О. Путиловой 21

АРХИВ

Путилова Е. О. Александра Анненская, Мария Пожарова,
Леонид Пантелеев, Лидия Чарская 30

ИССЛЕДОВАНИЯ

Селиванова О. Архив Показательной библиотеки по детскому чтению:
неопубликованные страницы истории 47
Головин В. Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике 62
Валиева Ю. Ленин и очки: Об источниках книги Л. Савельева
«Штурм Зимнего» 92
Балина М. Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике 114
Рудова Л. «Новые сюжеты» для нового немецкого ребенка, или «Поэзия науки»
М. Ильина в детской литературе ГДР 141
Душечкина Е. Детское творчество как результат восприятия
художественного текста 153
Иванкина М. (Анти)юбилей Питера Пэна 164

ИЗ ИСТОРИИ УЧЕБНОЙ КНИГИ

Шустова Ю. Неизвестное издание московского Букваря 1679 г.
из собрания Отдела редких книг Российской государственной
библиотеки 176
Костина Т., Кирикова О. Учебные книги в гимназии Академии наук
1730-х гг. 194
Безрозов В. Die un/sichtbare Welt: рецепция Orbis sensualium pictus
Я. А. Коменского в России 1-й пол. XVIII в.:
образовательные практики и ранние переводы 220

МАТЕРИАЛЫ

Мельников А. К вопросу о переводах сказки Шарля Перро «Красная
шапочка» в России 285
Костюхина М. Детская литература как прокламация 310

ЭССЕ

Арзамасцева И. Школа для Буратино, или «Грустные и прозрачные
воспоминания» 319

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ	
<i>Асонова Е.</i> Набор открыток ко дню рождения: современные книги, которые дарят стихи.....	325
БИБЛИОГРАФИЯ	
Список избранных трудов Е. О. Путиловой: 1955–2018.....	334
КОНФЕРЕНЦИИ	
<i>Асонова Е., Романичева Е.</i> Детская литература как событие.....	345
SUMMARY	354
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	358

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. ВЫП. 13

ISSN 2304-5817 (Detskie chtenia)
ISBN 978-5-7584-0246-7 (вып. 13)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская (*Екатеринбург*)
Светлана Маслинская (*Санкт-Петербург*)
Анна Сенькина (*Санкт-Петербург*)
Инна Сергиенко (*Санкт-Петербург*)
Марина Жуковец (*Санкт-Петербург*)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (*Москва*)
Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*)
Марина Балина (*Bloomington, USA*)
Валентин Головин (*Санкт-Петербург*)
Андрей Костин (*Санкт-Петербург*)
Марина Костюхина (*Санкт-Петербург*)
Сара Панкеньер Вельд (*Santa Barbara, USA*)
Михаил Яснов (*Санкт-Петербург*)

Выпускающий редактор *Инна Сергиенко*

© Авторы статей, 2018

© Издательство «Кабинетный ученый», 2018

Екатеринбург — Санкт-Петербург — Bloomington (USA)

ОТ РЕДАКЦИИ

13 номер журнала «Детские чтения» посвящен памяти выдающегося российского исследователя истории детской литературы Евгении Оскаровны Путиловой (1923–2018). Подготовка номера началась в момент празднования 95-летнего юбилея Евгении Оскаровны и завершилась в дни траура. Таким образом, часть материалов этого номера была подготовлена с участием самой Евгении Оскаровны, а часть является данью ее памяти.

Тематический блок, посвященный Евгении Оскаровне Путиловой, включает в себя статьи и материалы, связанные с юбилеями тех или иных детских писателей, детских книг и их персонажей. Кроме того, в него вошли публикации, тематически перекликающиеся со сферой научных интересов Е. О. Путиловой. Открывают этот раздел интервью с детскими писателями и исследователями детской литературы, рассказывающими о жизни и деятельности Е. О. Путиловой, и беседа с Евгенией Оскаровной, записанная сотрудниками редколлегии «Детских чтений».

В рубрике «Архив Детских чтений» помещена републикация статей Е. О. Путиловой о детских писателях Александре Анненской, Марии Пожаровой, Лидии Чарской и Леониде Пантелееве.

Рубрику «Исследования» открывает публикация Ольги Селивановой «Архив Показательной библиотеки по детскому чтению: неопубликованные страницы истории». Эта работа посвящена обзору документов, сохранившихся в библиотеке РГПУ им. А. И. Герцена, в которых содержатся сведения о работе Показательной библиотеки по детскому чтению, открытой в 1919 г. при Педагогическом институте дошкольного образования.

В статье Валентина Головина «Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике» на широком историко-литературном материале, охватывающем период первой трети XX в., рассматривается, как отечественные критики оценивали творчество одной из самых популярных детских писательниц. Проблематика этой статьи тесно связана с научными интересами Е. О. Путиловой: биография и творчество Лидии Чарской были одной из наиболее

любимых ею исследовательских тем, а в области изучения критики детской литературы Евгению Оскаровну смело можно назвать первопроходцем¹. Деятельности одного из первых профессиональных критиков детской литературы — М. К. Цебриковой посвящен и биографический очерк М. К. Костюхиной «Детская литература как прокламация», помещенный в разделе «Материалы».

С юбилейной тематикой связаны и другие материалы номера: Юлия Валиева в статье «Ленин и очки: Об источниках книги Л. Савельева “Штурм Зимнего”» выявила источники книги Леонида Липавского «Штурм Зимнего» (1938), написанной для детей под псевдонимом Л. Савельев; Марина Иванкина в работе «(Анти) юбилей Питера Пэна» обратилась к изучению истории публикации пьесы «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел взрослеть», вышедшей в свет в 1928 г.; и Александр Мельников рассмотрел историю переводов на русский язык одной из наиболее известных сказок Ш. Перро («К вопросу о переводах сказки Шарля Перро “Красная шапочка” в России»).

Другие публикации этого блока отсылают к кругу исследовательских проблем, близких Е. О. Путиловой. Это изучение детского творчества (статья Елены Душечкиной «Детское творчество как результат восприятия художественного текста»), вопросы истории советской детской литературы и советской детской книги (статьи Марины Балиной «Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике» и Ларисы Рудовой «“Новые сюжеты” для нового немецкого ребенка, или “поэзия науки” Михаила Ильина в детской литературе ГДР») и историко-культурные контексты создания классических произведений детской литературы (эссе Ирины Арзамасцевой «Школа для Буратино»).

Еще один блок исследований посвящен истории книгоиздания для детей — «Из истории учебной книги». Он представлен работами Юлии Шустовой, Татьяны Костиной, Ольги Кириковой и Виталия Безрогова. Статьи Т. Костиной, О. Кириковой и В. Безрогова освещают события, связанные с рецепцией идеи немецкой педагогики и распространением немецкой учебной книги в России XVIII в. Эта тема является продолжением изучения русско-немецких культурных связей в области педагогики и книгоиздания для детей, ранее уже освещавшейся в «Детских чтениях».

Татьяна Костина и Ольга Кирикова в статье «Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг.» обратились к проблеме формирования круга учебных книг в Академической гимназии,

привлекая для освещения этого вопроса ранее не публиковавшиеся документы. В статье Ю. Шустовой «Неизвестное издание московского Букваря 1679 г. из собрания Отдела редких книг Российской государственной библиотеки» представлена книжная находка — фрагмент разыскиваемого Букваря 1679 г., который оказался вплетен в другую книгу, 1664 г. издания, хранящуюся в книжном собрании Румянцевского музея.

В фундаментальном исследовании Виталия Безрогова «Die unsichtbare Welt: рецепция Orbis sensualium pictus Я. А. Коменского в России 1-й пол. XVIII в.: образовательные практики и ранние переводы» рассматривается история издания одного из самых известных учебных пособий XVII–XVIII вв. — первой детской энциклопедии «Орбис пиктус», со дня выхода которой в России исполняется 250 лет.

В рубрике «Детские книги в круге чтения взрослых» помещен материал Екатерины Асоновой «Набор открыток ко дню рождения: современные книги, которые дарят стихи», где современная детская поэзия представлена самими авторами поэтических сборников.

В разделе «Библиография» опубликован библиографический список «Труды Е. О. Путиловой», который представляет собой наиболее полную библиографию работ Евгении Оскаровны Путиловой.

Завершает номер обзор конференции «Детская литература как событие», состоявшейся в Московском городском педагогическом университете в декабре 2017 г.

Примечания

¹ См., напр.: История критики советской детской литературы 1929–1936 гг. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.

ПУТИЛОВА ЕВГЕНИЯ ОСКАРОВНА (1923–2018)

27 марта ушла из жизни Евгения Оскаровна Путилова. И, несмотря на ее очень долгую и активную до последних минут жизнь, чувство глубочайшей утраты не смягчается. Ощущения всепременности присутствия Евгении Оскаровны на научных и писательских собраниях, посвященных детской литературе, теперь не будет.

Поразительная, долголетняя научная и творческая активность Е. О. Путиловой, начавшаяся практически с послевоенного времени и продолжавшаяся до 2018 г., вызывала и вызывает почтительное восхищение. Начав с изучения творчества классиков советской детской литературы А. Гайдара и Л. Пантелеева, она практически сразу стала замечать, отмечать и открывать «детское» в творчестве писателей, доселе изучаемых только во «взрослом цеху». Сначала исследовав «детское» в творчестве А. Куприна и В. Вересаева, она обратила свое внимание на поэтическое наследие поэтов Серебряного века. А ведь такой ракурс исследования далеко не приветствовался в так называемое «застойное время». Серебряный век пополнился, благодаря Е. О. Путиловой полноценными и полными собраниями детской поэзии Бунина, Блока, Заболоцкого, Поликсены Соловьевой, Марии Моравской, Марии Пожаровой и многих других авторов, безукоризненно представленных

в ее трудах всеми «образцами» детской поэзии: от дидактики и лирики «Задуманного слова» до мифопоэтических опытов «Тропинки» и гротескно-карнавальных стихов «Галчонка».

И такое поднимание «пласта» литературного творчества случилось в жизни Евгении Оскаровны Путиловой далеко не однажды. С 1970-х гг. она изучала советскую довоенную критику детской литературы. Две ее монографии «История критики советской детской литературы. 1929–1936 гг.» (1975) и «Очерки по истории критики сов. детской литературы: 1917–41» (1982) насыщены интересными наблюдениями о литературных дискуссиях и литературной критике в области детской литературы, впервые знакомят читателей с галереей портретов критиков и исследователей детской литературы. И в настоящее время эти книги пока являются единственными фундаментальными исследованиями в области истории критики советской детской литературы.

Способность заново открыть литературное имя, разобрать во всех нюансах его творчество на ниве детской литературы — еще один дар Евгении Оскаровны. Имена К. Петерсона, Л. Модзалевского, А. Пчельниковой, М. Пожаровой и многих других, которые были возвращены в историю русской детской литературы с описанием всех тонкостей биографии и творчества, уже не будут восприниматься как одинокие авторы хрестоматийных «Сиротки», «Дети! В школу собирайтесь» и др.

Евгении Оскаровне была присуща и творческая смелость. В 1983 г., издавая нашумевший сборник детских стихов «Оркестр», Евгения Оскаровна включила в него стихи А. Блока, О. Мандельштама, Б. Ахмадулиной, Н. Матвеевой, А. Вознесенского. А литературных «генералов» там не было. Была присуща ей и безукоризненная научная честность и порядочность. Например, в ее антологии детской поэзии Сергей Михалков попал не только «Дядей Степой», но и «диверсионно-шпионскими» и проталинскими стихами.

Антологии детской поэзии, составленные Е. О. Путиловой, имеют непреходящее значение. Это фундаментальный вклад не только в историю русской детской литературы, но и в русскую культуру вообще. Разве пестрел бы сейчас Интернет музыкальными переложениями «Николашиной похвалы зимним утехам», стихотворением, известным с 1785 г. в вольном переводе А. С. Шишкова, если бы Евгения Оскаровна не включила его в первый и последующие выпуски своих монументальных сборников русской детской

поэзии? Парадоксальным образом, благодаря Е. О. Путиловой, стихотворение, ставшее в конце XVIII — 1-й пол. XIX вв. первым русским детским хрестоматийным стихотворением, обретает спустя почти два с половиной века второй этап хрестоматизации.

Опыты антологий «Русская поэзия детям» (1989, 1997) подготовленные Евгенией Оскаровной Путиловой, превратились в трехтомное собрание «Четыре века русской поэзии детям» (2013), которое в настоящее время представляет собой наиболее полный свод русской детской поэзии с XVII в. до конца XX в.

Благодаря данной книге во многом изменилась картина репрезентации и восприятия отечественной детской поэзии, которая до этого была довольно фрагментарной, — в культурной памяти оставались только классические и хрестоматийные тексты. Близкой к этому была и практика публикаций. Поэтому издание такого поэтического свода в известной степени возвратило детскую литературу в литературный процесс, открывая новые перспективы ее исследования.

В антологии поэтических произведений для детей представлено значительное число забытых детских поэтов и их детских произведений, в том числе известных нам только по одному хрестоматийному тексту (например, по «Раз-два-три-четыре-пять...» Ф. Миллера, «Птички под моим окошком» Элизы Эльген, «Дети! В школу собирайтесь» Л. Модзалевского, «А, попалась птичка, стой!» А. Пчельниковой, «В лесу родилась елочка» Р. Кудашевой и мн. др.).

Издание дает возможность полноценно рассмотреть историю русской детской поэзии за четыре столетия: показывает доминантные сюжеты, мотивы и топосы, выявляет периоды поэтических «взрывов», представляет широкий исторический диапазон смысловых и дискурсивных новаций. Подобная панорамность обладает исключительной значимостью. И что имеет особое значение — в корпусе отобранных текстов в подавляющем большинстве случаев мы впервые после вековых и почти вековых перерывов имеем дело с исходными авторскими текстами, а не с искаженными хрестоматийными публикациями, на которые влияли и педагогические эдиционные практики, и читательская фольклоризация, и прочие факторы, искажающие оригинальный текст.

Евгения Оскаровна оставила нам потрясающее наследие. Даже если назвать, кроме трехтомной антологии, две последние ее книги: «Детское чтение — для сердца и разума: очерки по истории детской литературы» (СПб., 2005) и «Золотых ступенек ряд: книга о детстве и книги детства» (СПб., 2015) — это 700 (!) страниц интереснейшего

чтения, постижения открытий, наблюдения скрупулезнейшего литературоведческого поиска, осознания значения детской литературы в жизни двух веков юных читателей.

В жизни Евгении Оскаровны были разные годы. Были годы, когда она теряла преподавательскую кафедру, были годы запрета публикаций, была даже странная рецензия в «Неве» на первый опыт ее антологии, были ожидаемо разгромные статьи в журналах охранительного толка (таких, например, как «Наш современник»). Но каким счастьем было для студентов, когда она вновь вернулась профессором в свой родной РГПУ им. А. И. Герцена, каким было счастьем для ее коллег ежегодно видеть представление ее научных исследований.

И еще об одном, очень важном деле ее жизни, следует сказать особо. Это публикация трудов ее покойного мужа — выдающегося фольклориста Бориса Николаевича Путилова, которой Евгения Оскаровна была занята последние годы. Она завершила подготовку и издание в одном томе знакового труда Бориса Николаевича «Фольклор и народная культура» и трудов его коллег и учеников¹. В последний год своей жизни Евгения Оскаровна передала в Пушкинский Дом свои воспоминания о Б. Н. Путилове, которые вскоре будут изданы.

К прискорбию, все это осталось в прошлом...

И безумно трудно представить себе «Детские чтения» и Детский семинар без публикаций и выступлений Евгении Оскаровны. Без ее лекций, без ее многочисленных воспоминаний, без встреч с нею, без ее писем и ее звонков...

*Директор Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
В. В. Головин*

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In: мемуары / сост. Е. О. Путилова; РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) СПб. : Петербургское востоковедение, 2003.

ИНТЕРВЬЮ

«ВСПОМИНАЯ ЕВГЕНИЮ ОСКАРОВНУ»: МИХАИЛ ЯСНОВ, СЕРГЕЙ МАХОТИН, НИКОЛАЙ КРЫЩУК И ДР.

Евгения Оскаровна Путилова играла заметную роль в петербургском сообществе, занимающемся детской литературой в 1970–2000-х гг. Своими воспоминаниями о Евгении Оскаровне с «Детскими чтениями» поделились поэты Михаил Яснов и Сергей Махотин, прозаик Николай Крыщук, переводчик и литературный критик Ольга Мязотс, исследователь детской литературы Светлана Маслинская, профессор университета им. А. И. Герцена Мария Воюшина.

ДЧ: Евгения Оскаровна на протяжении долгих лет была одной из самых ярких фигур в ленинградском/петербургском круге тех, кто занимался детской литературой. Не могли бы вы рассказать, как началось ваше знакомство, какое первое впечатление произвела на вас Евгения Оскаровна?

Михаил Яснов: О человеке, которого знаешь и любишь уже много лет, трудно начать разговор, тем более о человеке такого масштаба. Кажется, что Евгения Оскаровна была с нами всегда... Но если проследить истоки нашего знакомства, то корнями оно уходит в 1970-е гг., когда в Союзе писателей, в доме на Шпалерной, собиралась детская секция СП. Тогда наши встречи проходили часто, почти каждую неделю, помню, что семинар переводчиков, который я тоже начал посещать, бывал по вторникам, а детская секция, по-моему, собиралась в среду...

У нас была довольно насыщенная жизнь на этих семинарах — вот вышла книжка, ее сразу обсуждали, читали много и неопубликованного: поэты — свои стихи, прозаики — фрагменты прозы, все это бурно хвалилось, критиковалось, разбиралось... Приходили многие легендарные нынче детские писатели — Николай Сладков, Радий Погодин, Александр Крестинский, Игорь Ефимов, Николай Андреевич Внуков...

И Евгения Оскаровна регулярно наши семинары посещала, энергично на них выступала — ей всегда было интересно, что делается в детской литературе вокруг нее, какие процессы происходят, какие появляются имена...

С поэтом Михаилом Ясновым

Помню, как я ужасно тогда боялся Евгении Оскаровны, страшное дело! Она уже была признанным мэтром и поначалу относилась к нам довольно строго.

ДЧ: А за что же Евгения Оскаровна могла похвалить, а за что поругать? Каковы были ее критические принципы?

Михаил Яснов: Евгения Оскаровна была категорична. «Хватит развлекать детей!» — говорила она. Или: «Что вы там пишете всякую ерунду?!» Она хотела от детской литературы серьезных тем, понимания современного ребенка.

Сергей Махотин: Да-да, она громила пустячные темы. Мысли, чувства, переживания ребенка, их отражение — вот что было важно с ее точки зрения.

Я к этим семинарам присоединился чуть позднее, и Евгении Оскаровны уже так не боялся. Однако в стихах, которые я написал о тех годах, удалось, как мне кажется, передать ее строгость и взыскательность. Она задавала нам всем высокую планку, и я нередко, когда что-то писал и придумывал, мысленно себя спрашивал: «А как к этому отнесется Евгения Оскаровна? Выше я буду этой планки или ниже?»:

В восьмидесятых, в Доме детской книги
Я стал не очень часто, но бывать.
Сюда ходил Крестинский, враг интриги,
Гиневский здесь пытался рифмовать,
Тут семинар свой остро и толково
Вела с сигаркой Нонна Слепакова,
И с первой детской книжкой Попов
Еще не слыл милейшим из столпов.
Вдруг подошла Она. Часы пробили.
Умолкли треп и всякие хи-хи.
«Я слышала, Сережа, вас хвалили.
МНЕ дайте почитать свои стихи». —

С поэтом Сергеем Махотиным

«Пожалуйста. Возьмите». — Что тут скажешь!
 Ну, разве этой женщине откажешь?
 Так голос ее властен, взор — пытлив.
 Я подождал Яснова — и в разлив.
 «А кто она?» — «Путилова!» (Не много
 Писателей я знал, признаюсь вам) —
 «Путилова?» — «Ага! Держись, Серега!»
 И мы переключились на агдам.
 Прошла неделя. Может быть, и больше.
 Валенса победил в упрямой Польше,
 Генсек лишил трудящихся вина,
 И рухнула Берлинская стена.
 «Сережа, я прочла! Все очень звонко.
 Но вот что вам по-дружески скажу:
 Важны переживания ребенка.
 Я этого пока не нахожу».
 Я слушал. Я кивал. Я был не пьяный.
 Но чувствовал себя чуть-чуть Татьяной,
 Которой дан известно кем урок
 По поводу ее наивных строк.
 И понял я: не нужно ждать награды.
 Замечен ты — и тем уж знаменит.
 Кого Она похвалит, будут рады,
 Как рады те, кого Она бранит.
 Чего скрывать, писал порой и чушь я,
 Но чувствуя к себе равнодушие,
 Стройнее делал шумных ямбов строй —
 И оживал лирический герой.
 Евгения Оскаровна, родная,
 Я Вам в любви прилюдно признаюсь!
 Очередную книжку сочиняя,

Оценки Вашей жду, а не боюсь.
Прислушиваюсь к Вашим пожеланьям.
Герой давно готов к переживаньям
И об одном мечтает лишь — о том,
Чтобы попасть в заветный третий том!

Ольга Мязотс: А я познакомилась с Евгенией Оскаровной позднее, можно сказать, уже в другую эпоху. Помню, что это было на конференции 1989 г., которая проходила в Ленинграде. Я тогда только-только начинала заниматься детской литературой и прекрасно сознавала свою некомпетентность, а на конференцию съехались крупнейшие специалисты из разных стран — Прибалтики, Скандинавии, ну и, конечно, наши мэтры, и в том числе Евгения Оскаровна.

Я не помню уже, о чем говорила она тогда в своем докладе, возможно о Чарской, а, может быть, о Пантелееве. Но точно помню свои ощущения тех лет — это было радостная пора, когда в детскую литературу возвращались несправедливо изгнанные из нее писатели. И Евгения Оскаровна как раз и была тем человеком, кто осуществлял это возвращение, боролся за дорогие ей имена. Она столько сделала для того, чтобы сохранить память о Лидии Чарской, Вере Желиховской, Григории Белых и многих других забытых или запращенных авторах, что, конечно, для нее годы перестройки стали долгожданным временем.

Благодаря усилиям многих людей, и Евгении Оскаровны прежде всего, справедливость была восстановлена и корпус отечественной детской литературы восполнял пробитые советской критикой и цензурой бреши. И это постепенное восполнение насильственно созданных лакун, конечно, Евгению Оскаровну радовало, не только как исследователя, но и как честного достойного человека — ведь из детской литературы изгонялась ложь умолчания, предательства.

И вместе с тем одновременно происходила в детской литературе и своя «перестройка»: прежних кумиров новое поколение радостно стаскивало с пьедесталов. Кому-то, возможно, доставалось заслуженно, но — и Евгения Оскаровна знала это, возможно, лучше других — уязвимее всегда бывают самые талантливые.

Особо оголтелой травле подвергался Аркадий Гайдар. Помню, я очень обрадовалась, когда Евгения Оскаровна на той конференции вступилась и за него. Еще бы — ведь Гайдар бесспорно талантлив, а именно таланты она умела ценить, собирать и беречь. В тот раз и я, набравшись храбрости, тоже ее поддержала — ведь это был мой

любимый писатель детства, учивший верности друзьям, данному слову, — и я не могла его предать. Наверное, Евгения Оскаровна тогда меня и отметила, подарив авансом свою дружбу.

Светлана Маслинская: Меня Евгения Оскаровна очень поддержала, когда узнала, что я планирую заниматься историей русской литературы первого сорокалетия XX в. Она надеялась, что я продолжу ее разыскания в области критики детской литературы. Что и произошло.

Когда я только начала работать над этой темой и выступала с докладом на конференции в Пушкинском Доме, Евгения Оскаровна искренне интересовалась моими первыми наблюдениями. Все время норовила отослать меня к своей монографии о критике детской литературы. Могло показаться, что она хочет дать мне наставления, апеллируя к своим собственным достижениям. Однако в действительности ей хотелось вступить в научный диалог. Она не боялась, что с момента выхода ее трудов о критике детской литературы прошло уже более тридцати лет, она была уверена, что ее концепции актуальны и могут быть любопытны современному читателю.

Помню, что когда на конференции в 2009 г., посвященной литературе 1920-х гг., я сделала доклад о приключенческом нарративе для детей, она с недоумением вопрошала, почему я берусь за творчество второ/третьестепенных авторов и не занимаюсь, например, Сергеем Григорьевым или Ауслендером. Я ей честно ответила, что мне гораздо интересней авторы детской литературы, вообще не входившие ни в какие учебники о детской литературе, о которых мало что известно или ничего не известно вообще. Как бы в ответ Евгения Оскаровна сама взялась делать доклад о советской приключенческой прозе, затем написала по этой теме статью и опубликовала ее в «Детских чтениях».

Она мне запомнилась именно таким человеком, который хотел быть в диалоге, хотел делиться собственными гипотезами с младшими коллегами и требовательно ждал ответной реакции.

ДЧ: Да, Евгения Оскаровна была к нам весьма взыскательна! Я помню, на какой-то конференции меня во время выступления угораздило сказать «Алексей Пантелеев», а в зале в первом ряду сидела Евгения Оскаровна и, как выяснилось, внимательно меня слушала. Она тут же начала громко скандировать: «По-зор! По-зор!» и яростно грозить мне кулаком. Пантелеев был ее кумир, а если бы даже и нет, то подобной безграмотности она исследователям не прощала.

С писателем Николаем
Крыщуком

Николай Крыщук: Ее критичность обусловлена ее страстностью. Она — Цветаева литературоведения. Если Евгения Оскаровна разговаривает с вами о вашем тексте — вам мало не покажется. Пристрастна она была до невероятности.

Но эта страстность помогла совершить ей много открытий — Евгения Оскаровна разыскала могилу Чарской на Смоленском кладбище, вернула в историю литературы биографии Кудашевой, Петерсона... Я вижу Евгению Оскаровну живущей в домике русской литературы (если, конечно, можно назвать эту громадину «домиком»), где она с полным самозабвением отдается темам, которые она исследует. Если она что-то любит — то всегда до обожания, как это было, например, с Лидией Чарской, Леонидом Пантелеевым, с детскими стихами Мандельштама и Берггольц. Если ненавидит, то тоже неистово — например, Чуковского за то, что тот уничтожал Чарскую, Маршака за то, что тот, по ее мнению, погубил Житкова и Бианки. И это не личное, а историческое, лично то она их тоже, разумеется, обожает, а исторически — ненавидит.

Пристрастность эта не мешает Евгении Оскаровне быть принципиальной. Например, узнав подробности биографии Л. Пантелева, она спросила его прямо: «Так значит, Вы в ШКИДе появились только на второй год?» «Ну да», — отвечает Алексей Иванович. «Так значит, весь первый год только Гриша Белых описывал, не Вы?» «Ну да», — говорит Пантелеев. Тогда Евгения Оскаровна заявляет: «Вот я приду домой и сразу найду все главы, которые не Вами написаны! Это все теперь мне очень хорошо видно!» А ведь Алексей Иванович был человек сложный, и Евгения Оскаровна его творчество «обожала», считала его очень важной фигурой в детской литературе.

Михаил Яснов: Да, поначалу нам не было с Евгенией Оскаровой уютно, часто казалось, что она несправедливо нас критикует. Некоторые ее оценки были очевидно пристрастными. Иногда она долго присматривалась к человеку — каков он? Насколько предан общему делу детской литературы? Одни и те же стихи могла сначала поругать, а потом, убедившись в том, что человек отдается детской литературе всерьез, — похвалить.

Не быстро мы притирались друг к другу...

Но могу сказать точно — Евгения Оскаровна пользовалась безусловным уважением всех порядочных людей. На компромиссы не шла, сервильных статей не писала, а предложения были... В 1983 г., например, она не включила стихи Михалкова в сборник «Оркестр». А там были и Блок, и Мандельштам, и Белла Ахмадулина, и Новелла Матвеева, и Андрей Вознесенский — конечно, Михалкову хотелось попасть в этот ряд. А Евгения Оскаровна ни в какую. Разумеется, потом у нее были неприятности в этой связи. Но стихи Михалкова она не взяла и в однотомник «Русская поэзия детям», вышедший в 1989 г. Михалков негодовал, а Евгения Оскаровна сказала: «Ну, как он не понимает, что в этот сборник вошли стихи тех поэтов, которые уже умерли. Надо было сказать ему, что в переиздание он точно попадет!»

Сергей Махотин: Составление «Русской поэзии детям» — это грандиозный, подвижнический труд, главное дело Евгении Оскаровны...

Михаил Яснов: Да, она меня изрядно помучила в этой связи, году еще в 1987, прекрасно помню.

Сергей Махотин: Еще бы! Это же страшное дело — такой масштабный, огромный проект, такие тщательные биографические разыскания, выстраивание состава томов... Со всеми живыми авторами Евгения Оскаровна переписывалась, работала с архивами...

Михаил Яснов: Как она была рада, когда ей незадолго до своей смерти успели написать и прислать свои автобиографии Генрих Сапгир и Борис Заходер.

Сергей Махотин: К отбору текстов Евгения Оскаровна подходила, прежде всего, как историк литературы. И эта концепция многое объясняет: у меня, например, она взяла стихотворение «Ковер», напечатанное в 1983 г. в «Костре», не самое лучшее, скажем, из того, что я писал. Но оно отражало дух времени, помните, тогда шла борьба с мешанством, с вещизмом?

С коллегами Светланой Маслинской и Валентином Головиным

Витька пыль из ковра
Выбивает,
Витька игры двора,
Забывает...

Ей было важно отразить атмосферу эпохи, показать через стихи исторический контекст, поэтому она и у Михалкова взяла самое позорное стихотворение — «Пуговку», написанную в 1939 г., в разгар шпиономании.

Светлана Маслинская: Да, Евгения Оскаровна отдала сбору материалов по истории русской поэзии для детей большую часть своей жизни. Не одно десятилетие, наверное. Однако, когда я с ней познакомилась, мне показалось, что ей не хватает разговоров именно об истории советской детской литературы как института.

Конечно, архивно-текстологическими находками и открытиями она делилась со всеми, кто был рядом и кому она доверяла, но было заметно, что ей хотелось говорить с коллегами о том, как во второй половине XX в. складывался литературный процесс, какое влияние на него оказывала цензура и критика, размышлять о конкретных сюжетах. Ей хотелось обсуждать системные знания о литературном процессе для детей в XX в.

Маршак, Пантелеев, Зощенко, разгром Детгиза — она могла часами вспоминать о людях, с которыми ей довелось общаться. Но это не были разговоры в жанре литературного портрета, скорее воспоминания об эмоциональном опыте ее встреч с теми, кто был причастен к детской литературе.

Мария Воюшина: А мне посчастливилось работать с Евгенией Оскаровной на кафедре детской литературы РГПУ им. А. И. Герцена.

Я много лет знала Евгению Оскаровну, и могу сказать, что о литературе, об истории литературы, об авторах, которыми она занималась, она любила говорить не только с коллегами. Например, многие из нас знают, что в трудные моменты своей жизни Евгения Оскаровна любила читать детские стихи. Она рассказывала, как, оказавшись однажды в больнице, послушала жалобы на здоровье своих соседок по палате и сказала:

«Давайте-ка я вам лучше почитаю стихи». Сначала было полное изумление, потом интерес, а назавтра слушатели приходили уже из соседних палат.

Она была блестящим рассказчиком и умела из, казалось бы, обычного события сделать «новеллу» и рассказать ее так вкусно, что надолго запомнились не только сюжеты, но и ее неповторимые интонации.

Николай Крыщук: История литературы — то, чем жила Евгения Оскаровна, и многие ее исследовательские интересы связаны с личным проживанием этой истории. Ее интерес к творчеству Чарской, который многим казался неожиданным, на самом деле вполне закономерен. И не только потому, что Чарская по своему настрою, по своей эмоциональности, экзальтированности в чем-то совпадает с Евгенией Оскаровной по духу, но еще и в том, что, как полагала Евгения Оскаровна — настало время Чарской. Вот был Маршак с его поэзией действия, «литературой глагола», которую Евгения Оскаровна исторически не любила, и вот была Чарская с ее институтками, обмороками, дружбами, преданностью, мелодрамой. Евгения Оскаровна считает, что современному читателю-ребенку тоже хорошо пострадать, погрузиться в эти переживания — «пришло время чувствовать!»

ДЧ: Может быть, Евгении Оскаровне в творчестве Чарской импонировала еще и определенная дидактичность, поучительность?

Николай Крыщук: Нет, я лично никакой дидактики в Чарской не вижу, так же как и нравучительности особой, а вот «половодье

чувств» ее героев было, как мне кажется, Евгении Оскаровне очень созвучно.

Михаил Яснoв: И сама она не имела привычки поучать, хотя авторитет у нее был большой. Скорее советовала, «держала руку на пульсе». Поразительно ее исследовательское долголетие, незашоренность, энергия. Евгения Оскаровна выступала практически на каждом нашем фестивале, читала открытые лекции, интересовалась молодыми писателями... Старческого этого брюзжания, неприятия нового, антипатии к молодежи в Евгении Оскаровне совсем не было. Если уж и было ворчание и брюзжание, то по отношению к нам, к старой гвардии, так сказать...

Евгения Оскаровна до последних дней была в гуще своих исследовательских планов, всегда что-то писала, над чем-то работала — вот сейчас у нее период мемуаров — жила издательскими сроками, академическими дедлайнами. Все мы часто слышали от нее: «Я должна успеть еще вот это. Это мой долг».

Сергей Махотин: И я помню Евгению Оскаровну в постоянном движении, это одно из первых моих впечатлений — в Доме творчества в Дубулутах, например, они с Борисом Николаевичем куда-то устремлялись еще до завтрака, проходили бог знает сколько километров по побережью, и потом я все время видел их гуляющими в парке...

Ольга Мязотс: Именно так, в Евгении Оскаровне был порыв к движению, к свободе не только в сфере литературы, но и в пространстве.

Я помню, как мы встретились однажды на конференции в Стокгольме. Так получилось, что у нас там сложилась небольшая дружная компания интересных друг другу людей. Обаяние и эрудиция Евгении Оскаровны растапливали обостренную настороженность представителей стран бывшего «соцлагеря» (ученых из Прибалтики, Польши и др.) против всего «советского», да и русского заодно. Нам было весело друг с другом.

Не удивительно, что в один прекрасный день мы решили сбежать на пару часов с очередного заседания, чтобы хоть немножко посмотреть сказочный Стокгольм. Но засомневались: стоит ли склоняться к побегу и Евгению Оскаровну? Конечно, она наш друг, но друг-то старший — не осудит ли? Я навсегда запомнила, как просияло лицо Евгении Оскаровны, когда мы рассказали ей о нашем тайном плане: «Прогулять? — Что может быть прекраснее тайного побега! Даешь глоток свободы!»

Когда мы встречались с Евгенией Оскаровной позже, она всегда вспоминала эту прогулку как одно из счастливых мгновений своей жизни. Да, она была признанным мастером, могла быть строгой и значительной, но никогда не бывала напыщенной «важной персоной». Она была — настоящая.

Мария Воюшина: И я готова подтвердить, что Евгения Оскаровна всегда восхищала жизнелюбием, открытостью, увлеченностью, эрудированностью. Где бы она ни была — в студенческой аудитории, на заседании секции молодых писателей, на диссертационном совете — ее живо интересовало все, что происходило, она всегда была готова выступить и поддержать интересную свежую идею, показать возможность ее нового разворота, прочесть стихи, созвучные обсуждаемой теме.

Евгения Оскаровна учила не только детской литературе, она учила быть. Жить по совести всегда, не оправдываясь «трудными временами». Быть требовательной к себе и к другим. Любить жизнь, уметь радоваться, замечать, как прекрасен мир. Любить людей.

«МИЛЫЙ ДРУГ, ИЛЬ ТЫ НЕ ВИДИШЬ?»: БЕСЕДА С Е. О. ПУТИЛОВОЙ

ДЧ: Евгения Оскаровна, как случилось, что Вы занялись исследованием детской литературы? Это было связано с любовью к чтению детских книг в Вашем детстве или со студенческими интересами?

Е. О.: Нет, конечно! Детской литературой я занялась случайно: когда училась в институте, такого даже предположить не могла. Диплом я писала о творчестве Достоевского, интересовалась символическими, Львом Толстым... Но когда спустя несколько лет пришла выбирать тему для кандидатской диссертации, то уже твердо знала — только детская литература, только Гайдар! Мой научный руководитель был изумлен и даже рассержен, но ему пришлось смириться.

Как такое могло случиться? А очень просто — я после института работала в ленинградском лекционном бюро¹, туда приходили путевки от различных учреждений, о каких писателях их сотрудники хотели бы послушать лекции. И вот в какой-то момент стало приходиться много путевок из детских библиотек, школ, каких-то пионерских лагерей... И там все хотели слушать лекции, естественно, про детских писателей. А у нас в бюро никто особо не хотел этим заниматься — какие-то детские писатели! И поручили это самому молодому сотруднику — мне. Что поделаешь — пришлось мне сесть за стол и приняться за изучение того, о чем я ни малейшего представления не имела. Дело в том, что детских книг я в детстве не читала, их просто не было у нас дома. Однажды мой старший брат, тогда уже известный театровед Борис Костелянец, принес домой три книги — «Рождественские рассказы» Диккенса, «Повести Белкина» и однотомник Лермонтова. Это и были мои первые детские книжки. А дальше я пошла в русскую классику и мировую литературу. А тут вдруг «детские писатели».

Но чем больше я погружалась в детскую литературу, чем больше я узнавала, тем интереснее мне становилось, и в какой-то момент

я влюбилась в нее, поняла, что именно это — мое призвание. Первым моим увлечением был, разумеется, Аркадий Гайдар. Я первая вошла в его архив, первая прочла его переписку. И у меня совсем иной взгляд на Гайдара, чем тот, который был распространен в те годы или даже сегодня. Он ведь все уже понимал... У него мне встретилась такая строчка: «В то, что Сашка Косарев шпион — я никогда не поверю...» Это Гайдар говорит

про Александра Косарева², первого комсомольского секретаря, с которым он крепко дружил. И когда Гайдар узнал, что того расстреляли как шпиона... У него все помутилось. Он перестал верить, понимаете? Как он жил дальше с этим знанием?

Я жалею, что больше не вернулась к теме Гайдара...

ДЧ: Почему же не вернулись?

Е. О.: Меня захватили другие вещи. Я увлеклась Пантелеевым. Это увлечение длилось двадцать лет и было для меня нелегким — Пантелеев был человеком трудным, очень тяжело с ним приходилось. Расстались мы плохо, и виновата в этом легендарная «Республика ШКИД». Я ведь хорошо знала, что половина глав была написана Григорием Белых, т.к. Алеша Еремеев появился в ШКИДе на год позже, чем Григорий. И сам Алексей Иванович мне говорил, что они разделили сочинение повести напополам: половину глав писал Белых, половину — Пантелеев. И я считаю, что Пантелеев мог бы сам об этом открыто говорить, от его славы ничего бы не убыло.

Однако уже начинали издавать республику ШКИД только под его именем, называть автором его одного. И он знал, что я делаю все, чтобы восстановить имя Белых, восстановить справедливость. И ему, как мне кажется, это не нравилось. Например, он рассердился на меня, когда я назвала свою книгу о нем «...Началось в Республике ШКИД». Считал, что таким образом я выпячиваю имя Белых, а его роль умаляю. Эту повесть он к концу жизни уже не любил: — говорил «Мальчишеская!», не понимая того, что именно «Республика ШКИД» останется в вечности.

ДЧ: А были ли еще авторы, которыми Вы увлекались так долго? Например, Чарская?

Е. О.: Я и Чарскую открыла для себя почти случайно. Когда я в начале восьмидесятых искала материалы для своего первого тома «Русская поэзия детям», то в журнале «Задушевное слово» наткнулась на одну из ее повестей. Так в «Задушевном слове» почти все ее вещи и перечитала, ведь книги Чарской были недоступны. И тогда началась моя борьба за Чарскую. Я нашла ее — бесхозную! — могилу на Смоленском кладбище и зарегистрировала ее на свое имя. Многие знали об этой могиле, она была хоть и «бесхозная», но ухоженная. Но все боялись взять на себя такую ответственность. А я зарегистрировала и получила жетон. И могила сразу стала открытой — как место памяти. Это было в 1988 г.

Интерес к Чарской огромный, огромный — и он сохраняется по сей день. В феврале я читала открытую лекцию о Чарской в Институте Детства в рамках цикла «Пути развития детской литературы». И такого количества народа даже я не ожидала. Огромная аудитория была наполнена народом, вносили скамейки, сдвигали стулья, негде было не только сидеть, но и стоять.

Я сразу назвала тему лекции «О феномене возвращения Лидии Чарской» и ломала голову как никогда. Как втиснуть в полтора часа все, что я хотела бы сказать? Я понимала, что, с одной стороны, не о Чарской, в сущности, должна идти речь, речь должна идти о детской литературе начала XX в., о детской литературе 1920–1930-х гг., об истории детской литературы в целом. С другой стороны, невозможно не рассказать о судьбе Чарской, о ее «трех жизнях» — одной, начавшейся еще в XIX в.; второй — блестящей в начале XX в.; и третьей — горькой и страшной, наступившей после 1917 г., когда в течение двадцати лет человека сжигали заживо при нем самом, вытолкнули в нищету и обрекли на голодную смерть.

Но нельзя было сосредоточиться только на трагической жизни Чарской, надо было дать и картину ее уникального, особенного творчества. Причем мне хотелось, чтобы наметилась переключка с современной литературой, например, автобиографическая повесть Чарской «Некрасивая» — это же «Чучело» Железникова, а пансионные повести похожи на советскую прозу, где говорится о подростках и нравственных проблемах. Вот, например, конфликт: «выдать или не выдать виновного?» Классический для детской литературы и произведениях о детстве. Помните, как у Полонского в повести «Доживем до понедельника» мальчик встает и говорит: «Не надо сличать почерка»? Помните, как у Гарина-Михайловского эта история ломает жизнь Темы навсегда?

А у Чарской это сделано как ни у кого! Например, в повести «Люда Влассовская». Да, там тоже булавка, о которую учитель ранил руку. И тот же вопрос — как быть классу, выдавать ли виновницу? Девушки учатся последний год, они должны выйти из института, и виновница получит «волчий билет», с которым ее никогда не возьмут ни на какую работу. И класс молчит, зная, что виновата Маруся Запольская, бедная девушка, живущая со своим старым, больным отцом, для которых будущие Марусины учительские или гувернантские заработки — единственный способ выжить. К тому же все знают, что Маруся поступила так, вступившись за свою подругу, к которой учитель был несправедлив.

И вдруг встает одна ученица, богатая, из благополучной семьи, которая не живет с девочками в пансионе, а только приходит на учебу, она выдает Марусю, и все кричат ей «предательница!» А девочка возражает: нет, она не предательница, она открыто, не исподтишка сказала о виновной.

И вот Марусе грозит отчисление, а в это время приходят вести о том, что учитель болен — булавка оказалась ржавой, началось заражение крови и ему грозит смерть или увечье. И все девочки молятся уже о здоровье учителя, и сама Маруся больше всех. Пусть накажут, пусть исключат — лишь бы она не была виновна в самом страшном. И внезапно — вы бы только видели, как меня слушала аудитория, зал буквально замер! — становится известно, что учителю лучше, кризис миновал. И еще жарче молятся девочки —

и вот настает день, когда учитель появляется в классе, как романтический герой, с искалеченной рукой в черной повязке. Маруся падает ему в ноги, прося прощения, хочет поцеловать руку, но учитель не дает. Он поднимает Марусю с колен и сам просит у нее прощения, признавая, что был несправедлив к ее подруге и что он испросил высочайшего прощения для «преступницы» и Марусю оставляют в институте...

Мой зал буквально ахнул! Раздался стон!

Такова сила Чарской, она хорошо понимала, как нужны счастливые развязки, у нее почти всегда истории заканчиваются хэппи-эндом. Кстати, этих-то счастливых концов советские критики и не любили у нее, считали их пошлыми и вредными. Как это так, герой-сирота не участвует в социальной борьбе и вдруг получает богатство и князя-отца, как, например, в «Сибирочке». Невозможно было представить в советской литературе и то, что учитель просит прощения у ученицы. И сказку, и Чарскую в двадцатые годы травили потому, что в них не было социальности, классовой борьбы. Герои сказок и книг Чарской добры, благородны, не предадут друзей, способны к раскаянию — и только! Этого советской литературе было мало. А где классовость, где борьба с эксплуататорами?

Я многое могу простить Чуковскому и Маршаку, но никогда не прошу травли Чарской. Как Маршак мог еще при живой Чарской, отовсюду изгнанной, умирающей с голода, сказать на Первом съезде писателей: «Убить Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, не так-то легко...». Неужели он не понимал?

ДЧ: Если говорить о Маршаке, то мы знаем, что Вы были участницей его семинаров. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Е. О.: Это не так, в семинарах Маршака я не участвовала. Я сама написала программу семинара по детской литературе 1920–1930-х гг., которую я тогда преподавала, и хотела обсудить ее с Маршаком. Я позвонила ему в Москву (он в отличие от Чуковского был доступен), и Маршак сказал: «Голубчик, приезжайте в любое время, в какое вам удобно!»

Мы договорились встретиться в три часа, и надо ли говорить, что уже в половину третьего я сидела на подоконнике в его парадной, дрожа от волнения. Меня встретила его сестра, Елена Ильина, предупредила, что Самуил Яковлевич себя не очень хорошо чувствует, и что у него поток посетителей, чтобы я его не очень утомляла. И, хотя я и была предупреждена, увидев его, я ахнула!

До этого я всегда видела Маршака цветущим, полным, румяным... а тут предо мною предстал иссохший скелет. Это ведь был уже последний год жизни Маршака, но я тогда этого не знала. Он очень тепло меня принял, сказал: «Голубчик, вы написали прекрасную программу!» Но больше всего, как мне кажется, его интересовало, была ли в ней упомянута Тамара Габбе, ведь он был в свое время в нее очень влюблен. Тем не менее, он внимательно прочитал программу и решил: «Голубчик, вы непременно должны быть с этим у меня на семинаре в сентябре, это очень хороший план, начнем работать вместе!»

Я поняла, что он утомился от нашей беседы, и спросила, можно ли его обнять на прощание? И он меня обнял, он, уже почти уходящий, стоящий на пороге смерти — меня, живую. Я была тогда молодая, красивая баба, но он обнял меня не как женщину, а как что-то живое, теплое, человеческое, что прощалось с ним. У меня слезы хлынули градом, у Маршака — тоже... Тут пришла его сестра и позвала меня пить чай. Это было весной, по-моему, в мае. А в июле Маршак умер. Это была наша последняя встреча. И так я не попала на его знаменитый семинар. Это все описано в моих очерках.

Свои встречи с Маршаком, Зоценко, Пантелеевым, Берггольц я успела описать и опубликовать эти работы, чему я очень рада. А сколько еще неопубликованного, несделанного, неисследованного! Например, я открыла поэтессу Марию Моравскую, чье имя я вернула в литературу и о ком не знал даже такой энциклопедически эрудированный человек, как Миша Яснов.

А Виталий Бианки! Вот о ком мне хотелось еще написать. Я когда-то делала о нем доклад, немного писала, но сколько всего осталось за рамками этих работ! Когда я прочла его записи, я поняла, что это большой писатель, он зажат Маршаком, но хочет писать иначе. Дочь Бианки показала мне трехтомник Блока с его пометками на полях, и мне стало ясно, что этот человек — поэт, такие точные и тонкие там были наблюдения. Он писал о музыке слова, о том, что писать стихи проще, чем прозу, потому что у них есть форма, жесткий ритм, и у прозы тоже должен быть ритм, только выдержать его сложнее... Дочь Бианки предложила мне написать об этом статью. Я это сделала и выдала Маршаку по полной!

А вот перед подругой Моравской, поэтессой Марией Пожаровой, у меня большой долг — у меня хранятся ее дневники, и это настоящее сокровище! Они трудно раскрываются, трудно расшифровываются, она их вела для себя, текст записывала определенным

образом, по разделам, как будто кодируя, все это очень непросто понять. Но какие там потрясающие вещи! Например, Пожарова, человек закрытый и необщительный, описывает, как однажды она все же пошла на светский прием в дом к Моравской, и когда она тихо сидела уюлке, к ней подсел какой-то мужчина и поинтересовался тем, почему она не ест мяса (а Пожарова была вегетарианкой и сидела за столом, выбирая из блюд что называется «сено с соложкой»), стоит ли ему самому стать вегетарианцем, попросил разрешения ее проводить. Пожарова согласилась, и они по дороге к дому проговорили почти всю напролет летнюю ночь. И Пожарова дает в дневнике потрясающее описание своего собеседника, еще не зная, кто он. А это был Николай Гумилев. И у нее много таких портретов — Николая Клюева, Алексея Ремизова, Сергея Есенина, Всеволода Князева, Ксении Садовской...

Ах, если бы только у меня было время! Я говорю вам, опубликуй я эти дневники — и будет бомба! Настоящая культурная бомба. И у меня к вам большая просьба — если есть такая возможность, поместите в «Детских чтениях» мою статью о Пожаровой, написанную для сборника «Литературный мир Петербурга», я хочу заниматься этой темой.

ДЧ: Можно ли сказать, что Ваши основные исследовательские интересы связаны сейчас в основном с публикациями архивных документов по истории русской детской литературы?

Е. О.: Ох, нет! Это, конечно, мне страшно интересно, но я двигаюсь и в другом направлении, в направлении литературоведческих открытий. В мае у меня будет следующая открытая лекция, где я хочу

поговорить о поэзии символистов и ее связи с детской литературой. Как получилось, что почти все поэты этого направления рано или поздно начинали писать детские стихи? И Бальмонт, и Блок, и Городецкий, и Кузьмин, и Поликсена Соловьева, и Осип Мандельштам. У меня несколько соображений, но пока только соображений, которые мне хотелось бы стройно развить.

Во-первых, благодаря русской литературе XIX в., благодаря произведениям Толстого, Достоевского, Гарина-Михайловского, Короленко детство как тема, ребенок как литературный герой прочно вошли в русскую культуру и литературу. И символисты уже стояли на этом фундаменте.

Во-вторых, важна самая философия символистов. Она восходит, как вы знаете, к мифу Платона о пещере, где большинство людей сидят спиной к свету и принимают за реальность тени на стене пещеры. И только избранным открывается подлинный мир, только они обретают подлинное знание и могут им поделиться также только с избранными. И вот мне пришла в голову мысль — а что, если этими «избранными» для символистов стали дети? И эта теория многое объясняет — и почему Блок ввел в поэзию культ девочки, и строчки Сологуба «Живы дети, только дети...», и «Фейные сказки» Бальмонта, и стихи Поликсены Соловьевой, полные описаний звуков, запахов, красок, и то, что она издавала в течение нескольких лет детский журнал. Если смотреть на мир с того уровня, с какого видит его ребенок с высоты своего роста, то сколько чудесных вещей

можно увидеть! Не об этом ли хрестоматийное стихотворение Бальмонта «Детство»? Не об этом ли, особом, избранном детском взгляде стихотворение Владимира Соловьева:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

Эту мысль я собираюсь развить.

Беседа записана 13 марта 2018 г.

Примечания

¹ Ленинградское лекционное бюро было частью структуры Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, образованного в 1947 г. В 1963 г. было переименовано во Всесоюзное общество «Знание».

² Косарев Александр Васильевич (1903–1939) — член РКСМ с 1918 г., Первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1929–1938).

АРХИВ

Е. О. Путилова

АЛЕКСАНДРА АННЕНСКАЯ, МАРИЯ ПОЖАРОВА, ЛЕОНИД ПАНТЕЛЕЕВ, ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Уникальным вкладом в историю детской литературы стали архивно-биографические разыскания Евгении Оскаровны Путиловой. В рубрике «Архив» мы публикуем по просьбе Евгении Оскаровны четыре, по ее мнению, лучших работы этого жанра — статьи об Александре Анненской, Леониде Пантелееве, Марии Пожаровой и Лидии Чарской. Они были подготовлены для энциклопедии «Литературный Санкт-Петербург: XX век», изданной сотрудниками Филологического факультета СПбГУ в 2011 г. На текущий момент эта книга относится к разряду редких, а ее электронный вариант проходит стадию подготовок.

А́ННЕНСКАЯ Александра Никитична (урожд. Ткачева) [29.6(11.7).1840, имение Сивцево Великолукского у. Псковской губ. — 6(19).5.1915, Пг.] — детский писатель, переводчик.

Родилась в помещицкой семье, сестра изв. участника народо-вольческого движения, публициста и критика Петра Никитича Ткачева. Рано лишилась отца, в 11 лет с матерью, младшими сестрой и братом переехала в СПб. В 1851–56 училась в немецком пансионе. Зная французский, английский и немецкий яз. в 16 лет сдала в СПб. ун-те экзамен на должность домашней учительницы. Два года работала в воскресной школе, попытка создать частную не удалась из-за отсутствия средств. В 1861 поселилась в семье Ф. Н. Анненского, брата своей матери, домашней учительницей младших детей. Один из них, Ин. Анненский, передал потом атмосферу уроков, для него в голосе молодой учительницы слышалась «музыка сфер», он не столько учился, сколько любовался ею: «В стул утопая коленами, / Взора я с Вас не сводил, / Нежные, с тонкими венами, / Руки я ваши любил...» («Сестре»). В 1868, в небольшой церкви под СПб., уговорив старенького священника, А. обвенчалась со старшим двоюродным братом, Н. Ф. Анненским (в будущем изв. статистиком Министерства путей сообщения). С этого времени А. будет постоянно следовать за мужем в его различных ссылках. В первой, Вышневолоцкой пересылочной тюрьме, произойдет встреча Анненского

и В. Короленко. В «Истории моего современника» Короленко вспоминал: «Александра Никитична, известная уже и тогда писательница для детей, решила следовать за мужем с племянницей <...> и мне казалось вероятным, что наши сдружившиеся семьи смогут устроиться где-нибудь вместе». Пути их временно разойдутся, но потом, с 1887, они находились вместе уже долгие годы в Нижнем Новгороде, обе семьи оказались в центре нижегородской обществ. жизни, объединив вокруг себя прогрессивную интеллигенцию. Но были и веселые сборы, и дружеские вечера. Племянница, дочь покойной сестры А., впоследствии детская писательница, Т. Богданович (1873–1942, друг Л. К. Чуковской), писала: «Когда я вспоминаю то время, оно мне представляется каким-то светящимся, полным содержания жизни и веселья». Принимала энергичное участие в организации и деятельности Бестужевских курсов. Почти все заседания по орг. вопросам проходили на квартире Анненских или их друга, писателя Н. Михайловского. Переводы А., кот. делались сначала ради заработка (полит. отдел «Биржевых ведомостей», 1869–72), постепенно становятся подлинной лит. работой (повести Дж. Гринвуда, С. Крокетта). Особое место в лит. работе А. занимают ее худож. и научно-худож. книги, посвящ. биографиям выдающихся людей (печ. в изд. Ф. Павленкова, в серии «ЖЗЛ»). Можно удивляться широте ее интересов: «Чарльз Диккенс» (СПб., 1892), и «Н. В. Гоголь» (СПб., 1891), «Франсуа Рабле» (СПб., 1982) и «Оноре Бальзак» (СПб., 1895), в этом ряду кн. о путешественниках и людях науки — в каждой из них А. стремилась показать человека во всей неповторимости его личной судьбы, увлечь читателя примером высокого служения своей цели, идеалу, будь то Аврора Дюдеван, ставшая знаменитой писательницей и создавшая романтич. женские образы («Жорж Занд». 1894) или захватывающий своими приключениями Свен Гедин («Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан». СПб., 1899), проявивший в самых трудных условиях мужество и выносливость к страданиям и одержимый лишь одной идеей — достичь цели путешествия. Кн. были рассчитаны, в основном, на юного читателя.

Лит. деятельность А. началась и проходила под знаком идей «шестидесятников» и статей ж. «Современник», связанных с проблемами нравств. воспитания человека. Характерен ее перевод и худож. пересказ «Робинзона Крузо» Д. Дефо (СПб., 1872). В отличие от оригинала, в пересказе А. на перв. место выходит линия нравств. совершенствования героя, отсюда его иные отношения

с Пятницей, кот. на острове не раб, а друг и товарищ. Совсем иначе смотрится путь трудных испытаний героя. Кн. полюбилась читателю, при жизни А. вышло 7-е изд. Широкое распространение получил и ее сокращенный перевод кн. Д. Гринвуда «Маленький оборвыш». Переводила также С. Крокетта и др.

В 1871–88 сотрудничала в ж. «Семья и школа», напеч. в нем роман «*Чужой хлеб*» (1871. № 9–10; 1872. № 1–2), повести «*Находка*» (1872. № 3), «*Сильный мальчик*» (1872. № 4–5), «*Товарищи*» (1873. № 6–8), «*Детство Чарльза Диккенса*» (1872. № 6) и др. В своих произведениях А. рисует жизнь не вымышленную, а настоящую, с ее драматизмом и радостями, победами и поражениями. Она вводит в детскую лит-ру образ «разночинца», изображая детство мелкой городской бедноты, прислуги, ремесленников, чиновников и трудовой интеллигенции.

Гл. место в лит. работе А. занимали ее повести и рассказы («*Всходы*», «*Семья и школа*», «*Родник*»). На перв. взгляд, А. любит создавать контрастные жизненные ситуации, большой сб. ее повестей и рассказов называется «*Свет и тени*» (СПб., 1903). На самом деле в кн. «*Брат и сестра*» (СПб., 1880, 4-е изд. — СПб., 1914), «*Мои две племянницы*» (СПб., 1882, 6-е изд. — Пг., 1915) А. ставит своих героев в одинаковые условия, хотя уже в самих названиях заложено противопоставление. А. заставляет читателя задуматься над разницей в таких понятиях, как «удовольствие» и «счастье», как «равнодушие» и «участие», «богатство» и «духовные радости», считая, что кн. должны знакомить ребенка с подлинной жизнью, «заменяя ему еще отсутствующий жизненный опыт». Занимательно строя повествование в мн. рассказах («*Гувернантка*», «*Старшая сестра*», «*В чужой семье*», «*Неудачник*»), писательница оставляет право читателю решать, кто из героев прав, какой герой и почему вызывает большую симпатию. Без сомнения, ее произведения вызывали «уважение к труду и личному достоинству человека, к какому бы сословию он ни принадлежал» (О. Флоровская).

В тв-ве А. выделяется роман «*Анна*» (СПб., 1881, 7-е изд. — Пг., 1914), где на долю героини выпадает причудливый жизненный путь от почти крестьянской девочки до окруженной роскошью барышни, судьба ее много раз будет меняться. Главное в романе — не в изменении внешних условий жизни героини, а в ее духовном прозрении, в том, что она сумела отделить подлинные ценности от мишуры, внешний — показной мир, от скромного, но истинно нравственного, чистого. Точная оценка тв-ва А. была

дана в ж. «Отч. записки». Автор статьи как бы предупреждал родителей, что кн. писательницы не для всех. Они не для тех, «кто заранее мечтает о “карьере” для детей, мечтает о том, чтобы жизнь их детей сложилась по шаблону, по принципу — “как все”! В своих книгах А. Н. Анненская настойчиво и последовательно развивает идеи долга и служения людям, призывает к умственной и нравственной самостоятельности, то есть учит качествам, “слишком неудобным для мирного и беспечального прохождения по утоптаным жизненным путям”».

А. принадлежат кн. *«На лыжах через Гренландию»* (1897, переизд. 1922 под назв. *«Фритъоф Хансен и его путешествия в Гренландию и к Северному полюсу»*) и *«В Центральной Азии. Путешествие Свена Гедина в 1893–97 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан»* (1899).

С 1896 — сотрудник, а с 1898 редактор беллетристич. отдела детского ж. «Всходы». К 1890-м относятся работы А. в биографич. жанре, в т. ч. для серии «ЖЗЛ» биб-ки Ф. Павленкова: *«Н. В. Гоголь»* (1891), *«Ч. Диккенс»* (1892), *«Франсуа Рабле»* (1892), *«Жорж Санд»* (1894), *«Оноре Бальзак»* (1895). Биографии ученых, путешественников, общественных деятелей отражают стремление А. в каждом своем герое показать человека во всей неповторимости его личной судьбы, увлечь читателя примером высокого служения своей цели, идеалу.

В своих кн. А. настойчиво и последовательно развивает идею долга и служения людям, призывает к умственной и нравств. самостоятельности, отстаивает воспитательную роль детской лит-ры, кот. должна знакомить ребенка «с жизнью, до некоторой степени заменять ему еще отсутствующий жизненный опыт».

Оставила кн. воспоминаний *«Из прошлых лет (Воспоминания о Н. Ф. Анненском)»* (Русское богатство. 1913. № 1–2; 1914. № 7), посвящ. мужу, важнейшим, общественно значимым событиям его жизни и высоко оцененную Короленко. На каждой странице ощущается присутствие его неизменной спутницы, равноправной участницы этих событий. Написанные живо и увлекательно, воспоминания воссоздают живой, привлекательный образ самой писательницы, друга их семьи В. Короленко, передают атмосферу мн. лет жизни России.

Архив: ЦГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 3; ИРЛИ, ф. 377; ГПБ, ф. 211, д. 312 (письма А. Г. Горнфельду); ГА Псковской обл., ф. 110, оп. 1, д. 976, л. 6, 9; ЦГАОР, ф. 102, ОО, 1910 г., д. 94.

Соч.: Чужой хлеб // Семья и школа. 1871. № 9–10, 1872, № 1–2; [Повести и рассказы]: Зимние вечера. СПб., 1877 (7-е изд. — СПб., 1914); Зимние вечера / вст. ст., сост. Е. Путиловой. Л., 1990; Н. В. Гоголь. Жизнь и тв-во. Аудиокнига (2008); Чужой хлеб. М., 2009; Брат и сестра. СПб., 2010; Девичьи судьбы: сб. СПб., 2011; Из истории старой России: сб. СПб., 2011; Без роду, без племени. Брат и сестра. Чужой хлеб: в 3 кн. СПб., 2011.

Лит.: Отец. записки. СПб., 1880; Предисл. к сб. «О детских книгах». М., 1908; Что и как читать детям. 1915. № 11; Некрологи за 1915: «Русский Запад», № 5; «Речь», 7 мая; «Что и как читать детям», № 11; Бабушкина А. История русской детской лит-ры. М., 1948; Короленко В. СС. М., 1954. Т. 6; Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962; Молчанова М. Тв-во Анненской. 1870 гт. // Уч. записки Казанского пед. ин-та. 1975. Вып. 149; Молчанова М. Короленко в воспоминаниях Анненской // Уч. записки Казанского пед. ин-та. 1976. Вып. 168; Путилова Е. «Зимние вечера» А. Н. Анненской // Детское чтение для сердца и разума. СПб., 2005.

ПАНТЕЛЁЕВ Л. (наст. Алексей Иванович Еремеев) [22 (9).8.1908, СПб. — 9.7.1987, Л-д] — прозаик.

Родители — выходцы из старинных купеч. семей. Отец писателя во время русско-японской войны ушел в действующую армию, отличился, получил орден св. Владимира и личное дворянство. Детство П. прошло в обеспеченной семье, однако все изменилось с 1918. С этого вр. мальчик потерял связь с семьей и пополнил собой армию беспризорных. В 1921 попал в школу им. Достоевского для трудновоспитуемых и беспризорных детей, там получил прозв. «Ленька Пантелеев» (отсюда и псевд. «Л. Пантелеев», ошибочно воспроизводимый как «Леонид П.»). Зав. школой был выдающийся педагог В. Н. Сорока-Росинский (Викниксор). Выйдя из школы еще до окончания срока, два приятеля — Л. Пантелеев и Гр. Белых напис. вскоре, в теч. 2–3 месяцев, кн. «Республика Шкид» (М.-Л., 1927). Не следуя никакому сюжету, писатели нашли удобную для себя форму повествования. Они выстроили кн. из отдельных как бы не связанных между собою глав (каждый мог выбрать свою, первые десять глав — Белых), посвятив каждую какому-то одному захватывающему событию. Они описали все самые яркие факты из жизни Шкиды (Школа им. Достоевского), где было много «бузы», много смешного, драматического, а порой и трагического, но где проявилось и огромное желание жить по-другому (одно время в Шкиде на 60 воспитанников выходило 60 газ., каждый был издателем).

Кн. имела ошеломительный успех, однако и ряд серьезных критич. отзывов в педагог. кругах — там, где ее восприняли не как худож. произведение, а как документальное. Среди самых негативных статья Н. К. Крупской: повесть ее встревожила, она увидела

в содержании «Республики Шкид» чуть ли не черты прежней бурсы, «много просчетов заведующего школой Викниксора, вплоть до существования карцера». «Факты давят на авторов, они у них в плену, явления не типизированы» (Д. Тальников). Много позднее, в 1937 (кн. уже была изъята из обращения) А. Макаренко подверг «Республику Шкид» самой резкой критике: «...эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи», в основном она заполнена описанием «весьма несимпатичных приключений “Шкиды”». Особенное осуждение вызвал метод Викниксора: “это карцер, подозрительные дневники, похожие на кондуит”, убеждавшие “в полном бессилии” заведующего Школой “перед небольшой группой сравнительно легких и способных ребят”». Поддержал книгу А. Воронский. Посетовав, что рукописи не коснулась рука ред., замечает: «Тем не менее книга читается с исключительным интересом и является произведением замечательным». С. Маршак был убежден, что кн. не требует редактуры (офиц. ред. числился Евг. Шварц), надо было сохранить свежесть и непосредственность стиля авторов, «они не соблазнились упрощениями, не сгладили углов, не обошли трудностей» (С. Маршак). Об этом же вспоминает Л. Чуковская: забота Маршака заключалась в том, чтобы кн. «не утратила жизненной подлинности, молодого задора, остроты и свежести юношеских впечатлений». М. Горький назв. «Республику Шкид» книгой «преоригинальной, живой, веселой, жуткой», особенно выделяя «монументальный образ» Викниксора. Он засыпал письмами об этой кн. многих писателей, особенно восторженное писал в Куряж к Макаренко, сравнивая двух педагогов в их огромной работе (ответа на письмо Горького в свое время не последовало). Сам Сорока-Росинский, уже тогда, после первых дискуссий, оценил повесть как худож. произведение, где авторы «вовсе не претендовали на роль летописцев Школы... и смело соединили факты с вымыслом и прозаическую действительность с поэтической фантазией». Он же, спустя десятилетия, в рукописи «Школа имени Достоевского» (находится в доме сына педагога, К. Росинского, копия хранится в Музее РГПУ им. А. И. Герцена) с большой теплотой одобрил кн. и отделил то, что казалось увлекательным для молодых писателей и что было на самом деле, увиденное глазами заведующего Школой. Уже давно восстановлена подлинная биография Сорока-Росинского, имя его по праву вошло в историю педагогики. В теч. 10 лет повесть переизд. до 1936 ежегодно, была изъята из обращения после ареста Белых (умер в тюремной больнице,

1938). Выход кн. (с вст. ст. С. Я. Маршака — Л., 1960) можно считать вторым ее рождением. В 1966 по ней снят фильм (реж. Г. Полока, в роли Викниксора С. Юрский).

К теме беспризорника П. обращался еще мн. раз: «*Карлушкин фокус*» (Пионер. 1928. № 10; отд. изд. — М.-Л., 1933), «*Портрет*» (М.-Л., 1928) и в одной из лучших своих повестей «*Часы*» (М.-Л., 1929), где автору удалось создать колоритную фигуру беспризорника и воришки Петьки Валета; повесть, где явственно звучит жаргон 1920-х, и так удачно сочетаются смешное и серьезное в облике героя, где «проявилось мастерство в построении сюжета, всегда напряженного, полного неожиданностей, крутых и резких поворотов», и, вместе с тем, «за приключениями и происшествиями ощущается лирическая глубина повествования» (С. Маршак).

В своем тв-ве П. сам выделил две темы: «*Рассказы о подвиге*» и «*Рассказы о детях*». Среди его многочисл. рассказов о подвиге («*Ночка*», «*Первый подвиг*», «*Гвардии рядовой*», «*На ялике*», «*Главный инженер*») особое место занимает повесть «*Пакет*» (М., 1933): именно она дала возможность К. Чуковскому определить «мускулатуру таланта» П., проявляющую себя в выразительности его языка, в яркости речевых характеристик. Удачу повести, трагич. и одновременно комич., Чуковский увидел в том, что герой «живет перед нами именно благодаря своей простонародной живописной, выразительной речи...». Из множества рассказов о детях («*Маринка*», «*Долорес*», «*Платочек*» и др.) неизменной популярностью пользовались рассказы «*Честное слово*» (Костер. 1941. № 6; отд. изд. — М., 1943, под тем же названием был снят фильм — Мосфильм, 1957), «*О Белочке и Тamarочке*» («*В лесу*» // Чиж. 1940. № 9, полностью Л., 1947, по рассказам вышло несколько телефильмов) и «*Буква “ты”*» (Мурзилка. 1945. № 8; отд. изд. — М., 1945): в этих рассказах совсем др. стилистика, др. ритмич. рисунок, у каждого героя свой характер, автор стремится постичь сложность разговора с ребенком: совершенно по-разному взрослый и ребенок воспринимают мир, слово, язык.

В 1938 готовился однотомник П., но вместо автобиогр. справки автор напис. небольшую повесть «*Ленька Пантелеев*». Продолжая работу над кн., писатель мн. переделал в ней. В 1952 она была опубл. в сб. «*Рассказы и повести*» (Петрозаводск, 1952) и с новыми дополнениями (Л., 1954). В этой повести автор делает попытку описать подробно свою жизнь, начиная с самого раннего детства и кончая уходом из Шкиды. Кн. вмещала в себя события мн. лет — дореволюционных, революцию, нач. 1920-х; на ее стра-

ницах запечатлелись образы близких и далеких людей, мн. моменты истории России глазами юного участника и свидетеля этих событий. Повесть имела большой успех. В посмертной публикации «Л. Пантелеев. Повесть “Ленька Пантелеев и моя подлинная биография”» (Нева. 1994. № 4), подробнее прояснится роль «автобиографического момента в повести».

В сент. 1941 милиция сообщила П., что он подлежит высылке из Л.-да. П. жил тайно до июля 1942, когда был вывезен из блокадного города А. Фадеевым, по просьбе С. Маршака. Но П. продолжал работать, делал записи, вел дневник жизни города. По мат-лам этих записей П. подготовил кн. «В осажденном городе» и «Январь 1944» (кн. «Живые памятники». М.-Л., 1966).

Посл. прижизненная кн. П. «Приоткрытая дверь. Из старых записных книжек. 1924–1947» (Л., 1980), в ней писатель возвращается к своему детству («Дом у Египетского моста») подробно вспоминает о людях и событиях, с кот. свела его жизнь. На стр. книги П. неожиданно делится с читателем важной и потаенной мыслью — он признается, что больше не хочет заниматься сочинительством: чем дальше, «тем больше тянет меня на чистую правду». Размышляя над своими кн., он убеждается: всегда то, что в его лит. жизни «более или менее удавалось», основано было, как правило, «на его личных наблюдениях и переживаниях, порой очень глубоко запрятанных в подсознании... в основе всякого стоящего сюжета каждый раз лежало нечто подлинное, испытанное, пережитое...». Вместе с тем, не в меньшей степени он испытывал «радость придумывания»: если внимательно всмотреться в кн. писателя, постеп. создается ощущение, что все они как бы представляют собой один роман — конечно, не в традиционном смысле слова: «Ленька Пантелеев», «Республика Шкид», блестящие портреты «Маршак в Л.-де», «Шварц» («Живые памятники»), воен. повести, «Наша Маша» (Л., 1966), «Приоткрытая дверь», мы как бы в абсолютной последовательности читаем роман, название кот. «Л. Пантелеев». Но роману этому не хватало чего-то существенного: все время создавалось впечатление, что автор сказал не все, что-то важное скрыл от нас. Теперь, когда посмертно вышла его кн. «Верую» (предисл., сост., подг. текста С. Лурье. Л., 1991), роман этот дополнился существенными представлениями об автобиогр. герое, образ его стал во многом понятнее и ближе.

Соч.: СС: в 4 т. / вст. ст. К. Чуковского; прим. Г. Антоновой, Е. Путиловой. Л.: Детская лит.-ра, 1970–72; СС: в 4 т. / прим. Н. Приймы, Е. Путиловой. Л.: Детская лит.-ра, 1983–85.

Лит.: Крупская Н. Воскресшая бурса // Правда. 1927. 20 март.; Тальников Д. «Республика Шкид» // Красная новь. 1927. № 9; Горький М. СС: в 30 т. М., 1953. Т. 25; Чуковский К. Мускулатура таланта // ЛГ. 1954. 4 дек; Макаренко А. Детство и лит-ра // Макаренко А. СС. Т. 7. М., 1958; Сарнов Б. Пантелеев. Критико-биограф. очерк. М., 1959; Маршак С. Об этой книге // Пантелеев Л. Республика Шкид. Л., 1961; Воронский. А. Лит.-критич. статьи. М., 1963; Чуковская Л. В лаборатории редактора. М., 1963; Ивич А. Воспитание поколений. М., 1967; Путилова Е. Л. Пантелеев: Очерк жизни и тв-ва. Л., 1969; Рахманов Л. Л. Пантелеев и Алексей Иванович // Костер. 1969. № 8; Успенский Л. Необщее выражение // Нева. 1969. № 9; Маршак С. Мир в картинах // Маршак С. СС: в 8 т. М., 1972. Т. 7; Путилова Е. Началось в республике Шкид. Л., 1986; Разгон Л. Началось в республике Шкид // Лит. обозрение. 1987. № 6; Путилова Е. Приоткрытая дверь в мастерскую (к столетию со дня рождения А. И. Пантелеева) // Нева. 2008. № 8; Рубашкин А. Прямой, негибаемый, честный // СПб. ведомости. 2008. 21 авг.

ПОЖАРОВА Мария Андреевна [10.6 (29.5).1884, М. — 4.3.1959, Л-д] — поэт.

Из дворян. Биограф. сведения о П. очень скупы. Дочь полковника Гренадерской дивизии. «Отец Андрей Алексеевич Пожаров, начальник штаба 3-й гренадерской дивизии, полковник, окончил две академии. Умер, оставив жену с тремя дочерьми, младшей было три года. Мать с детьми перебралась в Петербург» (ИРЛИ. Архив М. А. Пожаровой. Дневник. Ф. 376. № 218. Л. 1–2). Семья жила в пост. нужде. Получ. среднее образование.

Тяжело больная, прикованная к постели костным туберкулезом, нашла свое призвание в лит-ре. С детских лет писала сказки.

Перв. стих. «Сивилла Дельфийская» (Ж-л для всех. 1904. № 5). С этого вр. активно печ. в ж. «Русская мысль» («Вереск» — 1909. № 6), «Весы» («Лесное сердце», «Лесу», «Камень» — 1909. № 7), «Аполлон» («Лесные качели» — 1910. № 9), «Огонек» («Пряха туманов» — 1916. № 33), «Нива» и др. Стихи были замечены. В письме к П. (17.2.1909). В. Брюсов писал: «Форма в Ваших стихотворениях мне кажется весьма совершенной, почти безукоризненной. Я верю, что Вы можете стать сильным художником» (Дневник. Л. 143). И. Анненский увидел в стихах П. «очаровательно-женские темы», «заразительное созерцание», своеобразный лиризм: «И эта риторика, когда ее смягчает женский голос, смягчает своей певучестью и вкрадчивым обаянием безвластия... покорности... уступок... как она в сущности берет» (Анненский И. О совр. лиризме // Аполлон. 1909. № 3). Стихи одобрила З. Гиппиус. И все же имени П. не знали, хотя при знакомстве с ней Н. Гумилев вспомнил ее стихи и положительно отозвался об опубл. в «Аполлоне» (Дневник. Л. 66), а С. Есенин знал многие наизусть.

По отношению к нач. периоду творч. биографии П. можно говорить об опред. парадоксе: она не входила ни в одно поэтич. объединение, не принадлежала ни к одному лит. кругу, ни разу не издала свои стихи отд. книгой, объясняя это так: «даже боялась подумать» о собственном сб., т. к. в это время выходили «книги таких замечательных поэтов, как Блок, Гумилев, Ахматова, Брюсов, Цветаева, Вяч. Иванов, Кузмин. Я восхищалась ими» (Дневник. Л. 181). П. жила замкнуто (особенно после поездки в Италию, где пережила любовную драму): «Я боюсь людей, не умею говорить с ними» (Дневник. Л. 66), время чаще всего проводила в лесах Финляндии, испытывая «горькую сладость» лесного одиночества: «Лес мой, вещей мой лес! Ты простер мне зеленые руки, // В колыбели твоей позабуду печали и страх» («Лесное сердце»). П. считала, что «стихи должны быть похожи на исповедь, на молитву... В стихах человек должен стоять с обнаженной душой». В «Ежемесячном ж-ле» В. Миролюбова печ. подборку религ. стихов (1916. № 6).

Постепенно ее лит. «отшельничество» уступает усилиям П. Соловьевой, М. Моравской, она посещает лит. вечера, становится членом «Кружка К. К. Случевского», знакомится со мн. литераторами, начинается ее большая переписка с изв. издателем В. Миролюбовым. В марте 1916 участвует в благотворительном Концерте «Поэтессы маленьким беженцам» (проходил в зале Тенишевского училища, среди участниц объявлены А. Ахматова, Моравская, Л. Рейснер, Тэффи, А. Чумаченко и др.). Критика (Пг. ведомости. 1916. 16 апр.) отметила «потрясающие своей скорбью» стих. «У гроба» (Ежемесячный ж. 1916. № 1), «Обреченная. Памяти матери» (Русская мысль. 1916. № 4), кот. К. Чуковский назовет впоследствии одним из самых необыкновенных, скажет о его «выстраданной красоте» и спустя десятилетия, после гибели сына, не сможет читать «без волнения, слез о самом себе». Прикованная к постели («Я больна всю долгую зиму, / Окошко мое в тени. / Без жизни проходят мимо / Мои ослепшие дни...»), она продолжает работать. Она не только полностью собрала из журн. публикаций свои стих., переписав их в отд. тетрадь с указанием источника, но и продолжала работать над ними, оставив многочисленные правки (Архив М. Пожаровой). Более того, «вопреки всем физическим и логическим законам» выжила в блокаду, помогала «страстная вера в невозможность порабощения России», а реально помогал через Литфонд писатель Л. Карасев. Мн. стих. посвятила детской (инвалидной) колясочке («Коляска»: «Я не сдаюсь,

я не позволю...»), в кот., уже потом, ее вывозили гулять. Эти стих. Маршак оценил как «прекрасные... большой поэтической высоты». Зная, какие нелегкие испытания выпали на ее долю, он писал: «...сохранить такую силу души, такую прочность таланта — дело не простое. Это почти подвиг». Вместе с радостью от победы приходит и радость обширной переписки: с А. Ганзен, Н. Дилакторской, О. Форш, молодыми писателями Л-да.

С 1908 по 1917 шла вторая лит. жизнь П. (в кот. она поначалу вступила ради заработка, потом увлеченно). С этого вр. пост. печатала сказки для детей («Летучая хатка» // Нива. 1908. № 1, 2, «Маленький Люль: Сказка для детей». СПб., 1911, «Волшебная ночь». СПб., 1913, 1914, «В гостях у месяца», «Светлячок», 1916) и множество стих. в ж. («Задушевное слово», «Родник», «Светлячок», «Галчонок», «Тропинка», с издателями ж. П. Соловьевой и Н. Манасеиной дружила). Ее стих. для детей внесли в поэзию ощущение праздничного, радостного отношения с природой: «Даль воздушная прозрачна и тепла, / На лужайке повилика расцвела...» («Повилика»), «Шумят леса, цветет земля, / Поет-звенит ручей: / “Пришла весна, пришла весна — В одежде из лучей!”» («Пришла весна»). Страшное и таинственное ее «взрослых» стих. оборачивается сказочным и волшебным, не страшны даже «заклипания зимы». Лес, природа открыты ребенку. «Вглядись, подумай, вслушайся: / Ты больше не одна! / Друзей дарит бесчисленных / Лесная глубина» («Девочка в лесу»). В отличие от одинокой души, здесь пробуждаются совершенно другие чувства: «Радость в шуме лесном, / Радость в сердце живом!» Мир детства, существующий в окружении живых зверьков и игрушек, строится по законам человечности и доброты. Без страха, полная надежд, вступает ее героиня в юный мир: «И я, крылатая, с весенним вольным пеньем, / Несу к нему мои пятнадцать лет!» («В день рождения»). Стих. были доброжелательно оценены критикой: «...настоящая художественная литература начинает, наконец, проникать в детскую». П. «воспитывает душу ребенка, не пытаясь его поучать», стихи ее обо всем, что близко ребенку... главное в них чувство доброты, любви и жалости» (Моравская М. Бубенчики М. Пожаровой // Ежемесячный ж. 1915. № 11). Стих. для детей стали главными в тв-ве П. до конца дней. Поддержанная Горьким и Маршаком, П. печатается во мн. детских ж-лах («Мурзилка», «Октябрюта», «Искорка», «Костер»), стих. входят в хрестоматии, выходят отд. кн. В предисл. к посмертной публикации стих. П. С. Маршак писал: «Когда твои

отец и мать / Впервые начали читать, / Они в своем журнале / Пожарову читали» (Костер. 1959. № 8).

Вышла детская кн. *«Веселый уголок. Книга рыженькой Ирочки. Рассказы для маленьких детей»* (СПб., 1914). Ее стих. печ. в *«Заветах»* (1913. № 2); в сб. *«Радуга: Рус. поэты для детей»* (Берлин, 1922). В сб. стихов и прозы *«На памятник А. П. Чехову»* (СПб., 1906) — *«Во дворе»* (“Двор, как темная могила...”). В лит. сб. *«Гамаюн»* (СПб., 1911) — стих. *«Длился полдень багряный и сонный...»*. В сб. *«Чтец-декламатор: Стихи и проза»* (Т. 3. Изд. 2-е. Киев, 1909). В *«Антологии современной поэзии. Чтец-декламатор»* (Т. 4. Изд. 2-е. Киев, 1912); ж. *«Красная новь»* (1921. № 1). Стихи П. вошли в сб.: *«Рождественская елка»* (М., 1912), *«Совр. русские лирики. 1907–12»* (СПб., 1913), *«Цветник»* (М., 1915), *«Страда: Кн. 2»* (Пг., 1917). Позже издала неск. детских книжек — *«Солнечные зайчики»* (1924); *«Наша мостовая»* (1930); *«Ручеек»* (1947); *«Стихи для детей»* (1950) и др.

Отд. место в тв-ве П. занимает ее дневник (было, по ее сообщению, два, первый до 1906 потерян, второй велся с 1906 по 1959). Страницы этого дневника — открытая исповедь человека думающего, страдающего, неудовлетворенного собой, находящегося в пост. поисках своего места в поэзии и в жизни, человека, на долю кот. выпало много испытаний и мало радостей (исключение несколько счастливых месяцев в Италии, где ей сопутствовали успех и короткая любовь). Значительный интерес представляют страницы, передающие впечатления от каждого ее пребывания в лит. кругу, особенно удачны портрет Гумилева, портретные зарисовки Есенина, Н. Клюева, М. Бекетовой, Б. Садовского, А. Ремизова, кот. «напоминает нежить лесную, какое-то славное всклокоченное чудище. От него пахнет и стариной, и старообрядчеством и кикиморой». Пост. неверие в себя сказывается на ее отношении к дневнику, она не видит в нем никакого интереса для окружающих. Все чаще на последних страницах она задумывается над необходимостью уничтожить эти записи, но сама не может на это решиться. Посл. запись кончается категорической просьбой: эту тетрадь сжечь. Сотрудники ИРЛИ и его тогдашний директор, В. Базанов, просмотрев тетрадь, увидели в ней богатейший жизненный и лит. мат-л. Здесь надо заметить: многочисленные письма, адресованные и полученные лично П., существуют в дневнике в виде тщательных копий (сохранились некот. конверты). Можно предположить: находясь пост. в состоянии крайней бедности, с неразрешимыми проблемами одежды, обуви, белья,

П., вероятно, вынуждена была расставаться с оригиналами. Сейчас мн. из них находятся в РГАЛИ, в различных описях и ед. хр. без ссылки на дневник. Дневник П., а также множество др. документов (хлопоты об увеличении пенсии, о перемене страшной квартиры на другую и т. д.) остались в полной сохранности.

Архив: ИРЛИ РАН. Ф. 376. № 218; ЦГАЛИ СПб. Ф. 1868.

Соч.: Весенняя сказка // Сказки русских писателей. СПб., 1909; Среди детей, игрушек и зверьков. СПб.-М., 1911; Веселый уголок. Книга рыженькой Ирочки. СПб.-М., 1914; Бубенчики: Стихи. М., 1915; Солнечные зайчики / под ред. М. Горького. Л., 1924; В избе. М., 1927; В саду. Л., 1927; Под парусом. М.-Л., 1927; Веник. М., 1928; На улице. М., 1928; Кто с чем идет. М., 1929; Городок: Загадки. М., 1930, 2-е изд. — М.-Л., 1946; Наша мостовая. Л., 1930; Ручеек / под ред. С. Маршака. М.-Л., 1947; Стихи для детей. М.-Л., 1950; Стихи для детей. Л., 1953, 2-е изд. — 1956; Колодец. М., 1979; Русская поэзия детям: в 2 т. / Вст. ст., сост. Е. Путиловой. СПб., 1997.

Лит.: Писатели Л-да: Библиограф. справочник. 1934–81 / авт.-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л. : Лениздат, 1982.

ЧАРСКАЯ Лидия Алексеевна (урожд. Воронова, в замужестве Чурилова) [19 (31).3.1875, Царское Село — 18.3.1937, пос. Чкаловское Адлерского р-на Краснодарского края; похоронена в Адлере, на Смоленском кладб. в Л-де установлен кенотаф] — прозаик, поэт.

Родилась в семье воен. инженера, полковника. Мать умерла при родах, отсюда мотив сиротства, повторяющийся из книги в книгу. В 1886–93 находится в Павловском женском ин-те СПб. После окончания ин-та выходит замуж за офицера Б. Чурилова, совм. жизнь продолжается недолго. Оставшись с ребенком, Ч. начинает самостоятельную жизнь, поступает учиться на театраль-но-драматич. курсы, в 1898 попадает на единственное вакантное женское место в СПб. Императорский театр (ныне Александринский), под псевд. Л. Чарская, этим псевд. она подписывает и свои кн. Ч. играла роли субреток или старух, а мечтала о Катерине в «Грозе» или Луизе Миллер в трагедии Шиллера: стать наст. актрисой мешает страсть к сочинительству.

Перв. повесть Ч. «*Записки институтки*» напеч. в ж. «Задуманное слово» (1901; отд. изд. — СПб.-М., 1902), с этого вр. ж. печ. повести Ч. ежегодно, принося автору небывалую славу «кумира» юных читателей, властительницы дум неск. поколений русских детей. Была учреждена стипендия ее имени. Особенным успехом пользовалась «*Княжна Джаваха*» (М.-СПб, 1903). Тысячи поклонниц книги приходили к Новодевичьему монастырю, к «могиле» Нины. «Памяти Нины Джаваха» посвятила стих. М. Цветаева в кн. «Веч. аль-

бом»: «Всему внимая чутким ухом, / Так недоступна! Так нежна — // Она была лицом и духом / Во всем джигитка и княжна».

В 1912 появилась ст. К. Чуковского «Лидия Чарская». Автор статьи увидел в книгах Ч. лишь «фабрику ужасов», где механически изготавливаются по одним и тем же моделям «все те же ужасы, те же истерики, те же катастрофы и обмороки», на каждой странице «истертые слова, истертые образы, застарелые привычные эффекты». Ст. сыграла впоследствии роковую роль в судьбе писательницы.

Инструкция полит.-просвет. отдела Наркомпроса (1920) предлагала изъять из обращения кн., восхваляющие монархию, церковь, не удовлетворяющие идейным и педагогич. требованиям, сентиментальные и эмоциональные по своей направленности. Список по объему сам составил целую кн. При переизд. «Инструкций» мн. имена возвращались, но имя Ч. подлежало изъятию навсегда. Особенно строгие наблюдения велись над пионерами, в классах устраивались церемонии «суда» над Ч., ее книги определялись как лит-ра пошлая, сентиментальная, мещанская. По мнению В. Шкловского, кн. Ч. были «пищей карликов», в отличие от настоящей лит-ры — «пищи богов», они тормозили развитие юного человека. Однако «подпольное» положение Ч. было прочным. Уже в 1930-е С. Маршак заметил: «“Убить” Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так легко. Ведь она до сих пор продолжает жить в детской среде, хотя и на подпольном положении».

Причину и опасность популярности Ч. угадала и объяснила Е. Данько: у читателя, лишенного увлекательной лит-ры, «дух захватывало» от картин, где герои Ч. (часто это были переодетые девочки) шли навстречу опасностям. Читатель, захваченный приключениями, «даже не замечал, что в этот момент он «сочувствует классовому врагу» (курсив мой. — Е. П.). Ист. книги Ч. «Смелая жизнь» (СПб., 1905), посвященная Надежде Дуровой, и «Газават» (СПб., 1906) тоже строились на увлекательном сюжете. Излюбленными были два сюжета. Один из них связан с популярнейшей темой в мировой лит-ре о брошенных, потерянных, похищенных детях, об их порой удивительной судьбе. В силу роковых обстоятельств герои кн. Ч. «Сибирочка» (СПб., 1908), «Лесовичка» (СПб., 1909), «Щелчок» (СПб., 1912) и др. оказались оторванными от родного дома. Герои попадают в глухой лес, в воровской притон, за монастырские стены, в цыганский табор, на арену цирка и т. п.

Они познают жестокость, побои, нищету. Однако герои находят доброту, сердечность, навстречу им неожиданно появляется смелый, великодушный мальчик или хрупкая нежная девочка. Героев Ч. нельзя заставить совершить дурной поступок, они бескорыстны и справедливы, терпеливы и добры. В конечном счете побеждает их душевная красота и обаяние.

Другая, может быть, самая гл. тема Ч. была связана с жизнью девушек в Павловском ин-те: «*Записки институтки*», «*Княжна Джаваха*», «*Люда Власовская*» (СПб., 1904), «*Белые пелеринки*» (СПб., 1906), «*Юность Лиды Воронской*» (СПб., 1912), автобиогр. книги «*За что?*» (СПб., 1909), «*Большой Джон*» (СПб., 1910), «*На всю жизнь*», «*Цель достигнута*» (обе — СПб., 1911). В отличие от приключ. повестей эти кн. показывают жизнь, ограниченную одной площадкой, глухими стенами закрытого женского учебного заведения. Чуковскому атмосфера этих повестей показалась «душной», а поведение девушек слишком экзальтированным. Но так полно об этой жизни Ч. сказала первая, и читателю открылось то, чего он совсем не предполагал. Грубая одежда, скудная пища, строгий распорядок дня, дортуар, в кот. размещалось 40 детей, навсегда установившиеся обычаи и традиции, потеря связи с внешним миром на семь лет. Маленький случай превращался здесь в большое событие, а одна душа искала возможность прилепиться к другой. Ч. затронула мн. из тех конфликтов, кот. были характерны для гимназич. повестей, но здесь эти конфликты решались с большей готовностью к прощению, к покаянию. Ч. обвиняли в излишней экзальтированности: в ее кн. взрослые и дети не только горячо любят друг друга, но и говорят об этом пылкими словами, не стесняясь своих чувств. Именно эти особенности героев Ч. казались чуждыми, вредными и даже преступными для нового пролетарского читателя.

Особое место в тв-ве Ч. занимает ее кн. «*Сказки голубой феи*» (СПб., 1909). Как ни разнообразны сюжеты сказок, так или иначе они приводят к мысли: все люди одинаково равны перед торжеством добра, правды, справедливости. Иногда финалы сказок кажутся упрощенными, сентиментальными. Но в каких-то сказках Ч. проявляет глубокое понимание правды жизни. Неправдоподобным выглядит конец сказки, когда жестокий боярин, испытавший сам, по случайности, муки голода, будет потом всегда раздавать свое добро всем нуждающимся («*Чародей-голод*»). Гораздо полновеснее звучит сказка о прекраснородном короле, убедившемся

в том, что все его попытки помочь одной лишь своей добротой всем подданным, не могут принести успеха («Король с раскрашенной картинкой»). Гл. героиня этой кн. — Сказка, и Ч. создает удивительный ее портрет: она очень стара и, одновременно, молода и прекрасна. Эта интереснейшая мысль о природе сказки станет уже через многие десятилетия основной в ст. Маршака «Сколько лет сказке?».

Долгие годы о Ч. не вспоминали, но в 1950–60-е начали раздаваться совсем др. голоса и др. оценки книг Ч.: с теплотой вспоминает ее В. Панова, воздает ей должное Б. Васильев, говорит о Ч. как о писательнице, имя кот. «некогда знали дети всей читающей России», благодарит ее за эмоциональные уроки любви к родной истории. С особым чувством пишет о Ч. Л. Пантелеев: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне...» Самая большая и значительная статья о Ч. обнаружилась недавно, при разборе большого архива Ф. Сологуба, статью он напис. в 1926, незадолго до смерти. Посланная в «Звезду», она была отвергнута ред. ж. Л. Сейфуллиной и вернулась в архив писателя. С копией этой статьи была ознакомлена Ч. Впервые за всю жизнь Ч. такой мастер внимательно проанализировал все стороны ее тв-ва. Полемика с теми, кто третировал Ч., приводит Сологуба, может быть, где-то даже и к завышенным оценкам произведений писательницы: «На всем протяжении русской детской литературы (а быть может, и всемирной) не было писателя, столь популярного среди подростков, как Л. Чарская». Автор называет тв-во Ч. «одним из лучших явлений русской лит-ры». Высшую этич. ценность произведений Ч. Сологуб увидел в том уважении, с каким писательница относится к детям. В тв-ве Ч. он ощутил глубокое понимание интересов подростков, кот. хотят «великих дел, подвигов, опасностей, катастроф во имя высшей справедливости» (Архив Ф. К. Сологуба. РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1, ед. хр. 571, названия у статьи нет). Глубоко тронутая статьей Сологуба, Ч. была уверена, что эта «чудесная оценка» вызвана частично жалостью к ней, «заживо замурованной и растерявшей за годы нужды и болезни все свои скромные ценности» (из письма Ч. к Ф. Сологубу // РО ИРЛИ. Ф. 289). Отвечая Ч., Сологуб еще раз в письме к ней ответил, что все сказанное в статье является «вполне искренним и правдивым». В посл. годы Ч. печ. ее не хотели даже под псевд., из театра она была уволена в 1924. Ч. умерла в нищете и голоде, хотя она ощущала пост. заботу семьи

О. Капицы, М. Зощенко, Е. Данько, В. Калицкой, а также детей, кот. приходили навещать писательницу, несмотря на строгий запрет.

Сейчас о Ч. пишут много и еще больше издают ее кн., подчас небрежно, а иногда и спекулятивно. Так, уже существует ПСС в 9 т. (М., 2006), состоящее из девяти тоненьких книжек, с совершенно новыми, придуманными названиями повестей Ч., с купюрами и мн. др. искажениями.

Соч.: Княжна Джаваха. СПб., 1903 (переизд. М., 1990); Для чего я пишу // Задушное слово. 1911. № 48; Смелая жизнь: Подвиги загадочного героя / предисл. В. Приходько. М., 1991; Повести / вст ст., сост. Е. Путиловой. Л., 1991; Лидия Чарская: Второе рождение (Княжна Джаваха, Сибирочка, Щелчок). Саратов, 1992.

Лит.: Шкловский В. О пище богов и о Чарской // ЛГ. 1932. 5 апр.; Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3; Чуковский К. Л. Чарская // Чуковский К. СС. М., 1969. Т. 6; Маршак С. СС: в 8 т. М., 1971. Т. 7. Панова В. Заметки литератора. Л., 1972; Пантелеев Л. Как я стал детским писателем // Пантелеев Л. СС: в 4 т. Л., 1984. Т. 3; Васильев Б. Повести и рассказы. М., 1988. Т. 2; Глоцер В. Письмо Чарской К. Чуковскому // Русская лит-ра. 1988. № 2; Путилова Е. О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О лит-ре для детей. Л., 1989; Барон Л. Кумир молодежи дорев. России // Русская мысль. Париж, 1991. № 4144; Щеглова Е. Возвращение Л. Чарской // Нева. 1993. № 8; Путилова Е. Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская лит-ра. 1996. № 4; Полонская Е. Из лит. воспоминаний / предисл. и публ. В. Бахтина // Час пик. 1994. 21 сент.; Путилова Е. Charskaya Lidia // Dictionary of Women Writers. London, 1994 (совм. с Р. Зерновой); Путилова Е. Три жизни Чарской. «Русские писательницы и лит. процесс в кон. XVIII — перв. трети XX в. Slavistische Beitrage. Potsdam, 1994; Коваленко С. Записки институтки / вст. ст. М., 1999; Матвеева А. Л. Чарская. Стиль сказочной прозы. Ярославль, 2005; Белоусов А. Анатомия успеха институтских повестей Л. Чарской: Институтка как тип языковой личности и ее влияние на девочек-подростков. СПб., 2007.

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Селиванова

АРХИВ ПОКАЗАТЕЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПО ДЕТСКОМУ ЧТЕНИЮ: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Статья посвящена обзору документов, которые сохранились в библиотеке детской литературы РГПУ им. А. И. Герцена. В этих документах содержатся сведения о работе Показательной библиотеки по детскому чтению, которая была открыта в 1919 г. при Педагогическом институте дошкольного образования. Организатором библиотеки выступила О. И. Капица. В архиве сохранились рецензии на книги детских писателей начала XX в., протоколы заседания библиотечной комиссии Общества содействия дошкольному воспитанию, отзывы о книгах, составляющие экспонаты Подвижного музея учебных пособий, корректуры библиографических списков и указателей детской литературы и некоторые другие документы.

Ключевые слова: национальная библиография детской литературы, детская литература 1910–1940-х гг., редкая детская книга, О. И. Капица.

В сборнике, посвященном тридцатилетию деятельности Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена¹, в исторической справке об Институте дошкольного образования говорится, что 25 сентября 1919 г. при институте открылась объединенная педагогическая библиотека, из фондов которой вскоре была выделена специальная детская библиотека [XXX, с. 236]. После объединения педагогических вузов в 1925 г. в единый Ленинградский государственный педагогический институт фонд Показательной библиотеки по детскому чтению влился в фонд фундаментальной библиотеки ЛГПИ. На сегодняшний день библиотека детской литературы РГПУ им. А. И. Герцена представляет собой исключительное по полноте и целостности собрание детских книг и журналов, изданных в период с XVIII в. по начало XXI в.

Сохранился также небольшой архив Показательной библиотеки по детскому чтению. Каков же состав архива? Это папки и тетради, в которых собраны конспекты лекций, семинаров, практических занятий по детской литературе и детскому фольклору, конспекты

статей научной литературы, протоколы заседания кружка детских писателей, существовавшего при Показательной библиотеке (в состав кружка входили С. Маршак, В. Бианки, Н. Дилакторская, М. Серова, М. Толмачева, Е. Верейская, Е. Привалова), достаточно большой объем занимают корректуры различных указателей по детской литературе, на отдельных листах встречаются выписанные стихи детских поэтов и т. п. Хронологически архив формировался, начиная с 1910-х гг., когда еще только зарождалась идея создания всеобъемлющей библиотеки детской литературы, и до 1940-х гг., когда библиотека активно вела свою деятельность: сотрудничала с Детгизом, постоянно давала рецензии на вновь вышедшие детские книги и т. п.

Среди разнообразия архивных материалов можно выделить папку «Из архива Показательной детской библиотеки. Рукописи О. И. Капицы», где в алфавитном порядке авторов сложены отзывы на книги детских писателей. Папка содержит 245 листов разных форматов, некоторые листы склеены из двух и более частей. Записи сделаны несколькими почерками; в основном преобладает почерк О. И. Капицы², который можно идентифицировать по дарственным надписям на изданиях, входящих в редкий фонд фундаментальной библиотеки, а также по другим документам архива.

Отзывы структурно идентичны. В заголовке стоит подчеркнутая фамилия автора, следом идет название книги, издательство, год издания, количество страниц и цена, иногда отмечается порядковый номер издания и наличие иллюстраций. Затем следуют два небольших абзаца: в первом кратко излагается содержание произведения, во втором — составителем отзыва дается оценка с точки зрения полезности или бесполезности этой книги для детского развития, а также рекомендация по возрастному ограничению. Причем наличие второго абзаца является обязательным условием для составителя отзыва. Наиболее наивные отзывы (составленные, скорее всего, учениками О. И. Капицы), не содержащие критического взгляда на рецензируемый текст, зачеркнуты и продублированы на следующих листах уже самой О. И. Капицей, другие отзывы носят следы активной правки — зачеркивания, переписывания, перемещение абзацев и пр.

Перед нами, можно сказать, черновики аннотированного библиографического указателя книг для детей. Присутствие таких архивных документов дает уникальную возможность проследить, как протекала работа над составлением отзывов, как читатель-

ское восприятие детских повестей и рассказов сотрудники Показательной библиотеки преобразовывали в анализ творчества детских писателей (пусть пока в самом начальном виде), каким образом вырабатывалась методика этого анализа, какие требования предъявлялись к структуре и к внешнему виду рецензий. Сохранившиеся в архиве корректуры библиографических указателей детских книг помогают составить представление о дальнейшей реализации намеченных принципов в виде рекомендательных списков для детского чтения. Наряду с собиранием собственного библиографического материала, О. И. Капица внимательно следила за работой коллег и подвергала скрупулезному анализу все издававшиеся библиографические указатели книг для детей, что отражается в ее многочисленных статьях 1910-х гг.³

Среди отзывов, написанных лично О. И. Капицей, обнаружилось два текста, соответствующих книгам, находящимся в фонде редкой книги фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена. Первый отзыв является оценкой рассказа журналиста и беллетриста С. Н. Терпигорева (более известного под псевдонимом «Сергей Атава»), «Тамбовский Робинзон» (СПб., б/г). В фонде сохранился экземпляр издания в оригинальной твердой обложке с характерным дизайном начала XX в. Текст отзыва О. И. Капицы следующий (лист № 18): «Атава Сергей. Тамбовский Робинзон. Изд. Вольфа. СПб. 1906 г. 26 стр. 4 рис. 15 к. Рассказ из времен крепостного права рисует хорошего помещика, живущего общими интересами с окрестными крестьянами. Все рассказы С. Атавы относятся к крепостному времени, носят эскизный характер, написаны живо, образно и представляют интерес как бытовые, правдивые картины жизни помещиков. Рассказы пригодны для развития детей старшего возраста и подростков».

Другой пример — отзыв на четвертое издание книги Э. А. Гранстрема, автора многих произведений для юношества, «Елена-Робинзон» (лист № 95): «Гранстрем Э. Елена Робинзон. Составл[ено]⁴ по де-Фозе и Меллину. Изд. 3-е [4-ое] Гранстр. 1909 г. 284 [7] стр. 67 рис. 2 р. 50 к. После крушения корабля старого слепого норвежского капитана с дочерью выбросило на безлюдный тропический остров. Капитан вскоре умирает, и девочка остается совершенно одинокой; она приручает животных и всячески борется с трудными условиями жизни, пока, наконец, занесенный бурей английский корабль не дает ей возможность вернуться домой. По фабуле рассказ интересен, дает некоторые, довольно

поверхностные, сведения о тропической природе и детьми прочтется с удовольствием». В фонде редкой книги фундаментальной библиотеки имеется второе издание этой книги 1896 г. в красном тканевом переплете с большим количеством иллюстраций.

Обнаружение подобных совпадений, с одной стороны, служит практическим целям (например, по отзыву можно восстановить дату издания), с другой стороны — позволяет на конкретном примере увидеть реализацию программного принципа О. И. Капицы о привлечении к исследованию всей литературной продукции для детей, не ограниченной какими-либо рамками. Отзывы составлялись не только на значительные по объему или дорого оформленные издания, но и на книги, входившие в так называемые «дешевые библиотеки», брошюры, лубочные издания и т. п.

На настоящий момент все отзывы расшифрованы, листы с разнообразными пометами и исправлениями описаны. Ведется подготовка отзывов к печати, планируется, что они будут сопровождаться справочными сведениями об авторах, а также общим обзором и анализом.

В статье Е. О. Путиловой, посвященной истории создания Показательной библиотеки по детскому чтению, перечисляются организации, книжные собрания которых составили ее первоначальный фонд. Это книги из Подвижного музея учебных пособий при Императорском русском техническом обществе, книги журнала «Что и как читать детям?» и книги закрывшегося в 1918 г. Петроградского учительского союза (всего примерно 11 тыс. томов) [Путилова, 2007, с. 34].

И действительно, среди архивных бумаг встречаются целые блоки документов той или иной организации. Например, сохранился небольшой по объему конверт с материалами упомянутого уже Подвижного музея учебных пособий. Всего 62 листа. Листы представляют собой бланки формата А5, отпечатанные типографским способом. Бланки содержат обязательные для заполнения пункты: «Отдел», «Автор», «Название сочинения», «Издатель», «Место издания», «Год издания» с обозначением количества страниц, рисунков, цены, номера издания и указанием, на какого читателя рассчитана книга и кем она прочитана. Видимо, бланки дпечатывались не раз, поскольку заголовки их разнятся: «Подвижной музей Императорского Р. Т. О. (Прилукская, 10)», «Подвижной музей при И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел (Прилукская, 10)», «Склад книг и учебных пособий Подвижного музея

при Императорском Русском техническом обществе (Прилукская, 10)», «Литературно-издательский отдел Подвижного музея при Постоянной комиссии по технич. образованию И.Р.Т.О. (Прилукская, 10. Телефон 510—48)».

Известно, что в целом музеи наглядных (или учебных) пособий имели педагогический профиль, поскольку основу их фондов составляли коллекции, модели, приборы, инструменты, используемые в учебном процессе. Подвижные музеи часть своих собраний выдавали во временное пользование учебным заведениям и просветительским организациям, как правило, на условиях абонемента. Петербургский Подвижной музей учебных пособий был организован в 1892 г. и имел в своей структуре 4 отдела, в том числе литературно-издательский отдел, штамп которого имеется на некоторых изданиях редкого фонда, а также склад книг и учебных пособий, который занимался составлением и распространением библиотеки и коллекции наглядных пособий [Корольков, 1912, с. 41].

Бланки заполнены отзывами на книги, которые предполагалось использовать в учебном процессе. Рецензируемые книги посвящены в основном биографиям и творческой деятельности русских писателей XIX — нач. XX вв.: А. С. Грибоедова, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. Н. Островского, Г. И. Успенского, Т. Г. Шевченко и др. Большинство рецензируемых книг (48) отнесены авторами отзывов к отделу истории литературы, 5 книг относятся к отделу беллетристики, 2 книги — к отделу детской литературы, и у 7 книг графа «Отдел» осталась не заполненной. Листы расположены в алфавитном порядке авторов и редакторов книг.

Решение о принятии того или иного издания в число учебных пособий музея выносила, по всей вероятности, специальная комиссия, о деятельности которой можно судить по опубликованным библиографическим указателям, выпускаемым литературно-издательским отделом Подвижного музея⁵. Как часто проходили заседания комиссии и в каком формате они протекали, говорить не приходится из-за отсутствия достоверных сведений. Возможно, обсуждения проводились раз в месяц, поскольку среди карандашных помет на бланках имеются вынесенные решения от 15 ноября 1912 г. и 15 декабря 1912 г.

Составителями отзывов было принято делить читательскую аудиторию в зависимости от степени подготовки на пять групп. Первую группу составляют неподготовленные читатели «из на-

рода». Язык книг, рассчитанных на начинающего читателя, предельно прост, изложение элементарное. Такие книги призваны лишь познакомить читателей с личностью и творчеством того или иного писателя, большинство книг приспособлено к чтению с проекционным фонарем для облегчения восприятия текстов. Это такие книги, как «Тарас Григорьевич Шевченко: очерк жизни и деятельности с приложением портрета и избранных произведений в переводе русских поэтов» (М., 1911) Ч. Ветринского, «А. П. Чехов: его жизнь и произведения» (СПб., 1904) К. Н. Левина, «Александр Сергеевич Грибоедов» (СПб., 1900) и «Я. Н. Полонский» из серии «Народные чтения под редакцией Н. А. Майкова» (СПб., 1907), написанные автором под псевдонимом К. П. М. и др.

Вторая группа — малоподготовленные читатели. В эту группу входит не только взрослое население «из народа», но и подростки. Книги представляют собой разнообразные школьные издания, предназначенные для начальных училищ и средней школы, а также для семейного чтения. Главное требование к таким книгам — добротное, доступное и интересное изложение, которое давало бы толчок к знакомству с произведениями русских писателей, желательны понятные и ясные примеры. На малоподготовленного читателя рассчитаны следующие издания: А. Ф. Бардовский «Глеб Иванович Успенский» (СПб., 1908), А. П. Валуева (Мунт) «Искра Божия: из жизни Н. С. Соханской (Кохановской)» (М., 1904), А. В. Кольцов «Избранные стихотворения: классное издание» (СПб., [1909]) из серии «Всеобщая библиотека. Вып. 83», «Алексей Николаевич Плещеев: биография и избранные стихотворения» из серии «Библиотека для семьи и школы под редакцией Тихомирова» (М., 1910) и др.

Третья группа — это в основном уровень средних учебных заведений (отметим, что читательский уровень учащихся этих заведений приравнивался к уровню читателей «широкого круга»). Книги, ориентированные на эту группу читателей, должны быть содержательными и отличаться серьезным отношением к тексту, без погрешностей против научности, хороший литературный язык должен сочетаться в них с общедоступным характером изложения. Такие книги полезны не только для первого знакомства учеников с творчеством писателей, но и для вдумчивого чтения с родителями и воспитателями. Вот несколько примеров: В. П. Острогорский «Этюды о писателях: А. В. Кольцов» (М., 1903), А. М. Скабичевский «Грибоедов» из серии «Жизнь замечательных людей: биографическая библиотека Павленкова» (СПб., 1893) и др.

К четвертой группе читателей причисляются педагоги средней школы, а также те, кто занимается самообразованием. К текстам для этой группы предъявляются повышенные требования по серьезности изложения, по уровню литературности языка. Необходимо, чтобы авторами книг давались яркие характеристики писателей, которые представляли бы ценный биографический материал и служили бы достоверным пособием для изучения эпохи. Таково, например, по мнению рецензентов, исследование профессора К. И. Арабажина о М. Ю. Лермонтове «Поэт мировой скорби» (Пг., 1914) или «Словарь литературных типов. Выпуск VI» (СПб., 1910) под редакцией Н. Носкова, посвященный А. С. Грибоедову, очерки Вл. Короленко «Отошедшие: об Успенском, о Чернышевском, о Чехове» (СПб., 1908).

Подготовленным читателям, которые составляют пятую группу, предложена для чтения всего одна книга, это документальное исследование М. Гершензона «Жизнь В. С. Печерина» (М., 1910).

Главным критерием отбора книг в число учебных экспонатов Подвижного музея, как отмечают авторы отзывов, стало качественное содержание текста, его соответствие той читательской аудитории, к которой обращается автор, отсутствие давления на читателя. И это особенно важно для детей, неподготовленных и малоподготовленных читателей, поскольку подготовленный читатель сам способен разобраться в достоинствах текста. Учитывается также последовательность и полнота составленных биографий, причем в отзывах подчеркивается простота, живость и теплота изложения для любой группы читателей и не приветствуется протокольный характер повествования, отмечается удачный выбор примеров и пояснения исторического контекста.

Авторы отзывов остаются в большинстве своем неизвестными фигурами. Из двадцати человек, чьи фамилии указаны на отзывах, достоверно можно сказать лишь о нескольких. Среди отзывов встречается один о книге А. Ф. Бардовского «Глеб Иванович Успенский» (СПб., 1908), подписанный О. И. Капицей, которая была тогда сотрудником литературно-издательского отдела Подвижного музея⁶. Ручкой Н. К. Пиксанова⁷ написан отзыв об очередном выпуске «Словаря литературных типов», посвященного А. С. Грибоедову (СПб., 1910), подпись «Н. Пиксанов» имеется также на отзыве о книге С. Шпицера «А. И. Гончаров» (СПб., 1912–1913), где он выступает в качестве второго рецензента.

О Татьяне Матвеевне Глаголевой, в замужестве Берхен (1885–1962) известно, что она родилась в Варшаве в семье военного

врача, окончила Василеостровскую женскую гимназию и Высшие женские курсы. С 1907 по 1918 гг. преподавала русскую литературу на Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсах, а также на историко-литературных высших женских курсах Н. П. Раева [Горбунов]. Основным предметом исследований Т. М. Глаголевой была литература и культура XVIII в. Однако, судя по отзывам, фигура М. Ю. Лермонтова интересовала ее не меньше, поскольку из четырех написанных ею рецензий три посвящено разбору книг о поэте.

Крайне скудны сведения о Елизавете Викторовне Арцимович. Это имя можно встретить в числе составителей библиографических указателей, выпускавшихся в серии «Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел». Ею составлены отзывы на книгу о писательнице Н. С. Соханской, более известной под псевдонимом Кохановской, и на книги об А. И. Гончарове.

В. Величкина — это девичья фамилия и псевдоним Веры Михайловны Бонч-Бруевич (1869–1918). Эта энергичная женщина занималась как врачебной, так и литературной деятельностью, побывала несколько раз в заключении, жила за границей, работала врачом на фронте, распространяла нелегальную литературу, вела колонки в журналах и т. д. Вполне возможно, что она могла сотрудничать с таким передовым и прогрессивным для своего времени учреждением, как Петербургский Подвижной музей учебных пособий. За подписью В. Величкиной имеется отзыв на собранные Е. Буланиной «Сказки, легенды и песни Кавказа» (М., 1912), которые рассчитаны на детей среднего возраста. Это тем более говорит в пользу высказанного предположения, поскольку В. М. Бонч-Бруевич была членом «кружка библиографии» при журнале «Детское чтение» и писала рецензии на книги для народных библиотек [Горбунов].

Таким образом, Подвижной музей учебных пособий на протяжении многих лет вел научно-просветительскую и популяризаторскую деятельность. Выпуск библиографических указателей и каталогов, в которых учитывалась степень доступности той или иной книги для определенной группы читателей, способствовал приобщению самой разнообразной читательской аудитории к серьезной литературе. Подвижной музей учебных пособий в Петербурге принципиально позиционировал себя как некоммерческое учреждение, и одним из факторов, благодаря которому он существовал

и развивался более двадцати лет, был бескорыстный труд увлеченных людей, энтузиастов своего дела. «Даровой труд», как его называла М. И. Страхова, первая заведующая, использовался во всех отделах музея, причем количество «даровых работников» с каждым годом все увеличивалось [Страхова, 1902, с. 16]. Даже такое небольшое количество документов, какое сохранилось в архиве Показательной библиотеки по детскому чтению, показывает колоссальный объем той каждодневной работы, которую совместно осуществляли сотрудники музея и «даровые работники».

Еще одна организация, документы которой представлены в архиве — Общество содействия дошкольному воспитанию детей. Общество начало свою деятельность в 1908 г. Его открытию философ В. В. Розанов посвятил отдельную статью, в которой всецело поддерживал идею раннего развития и дошкольной социализации детей, причем призывал государственные власти к всесторонней помощи в этом нелегком деле [Розанов, 1909, с. 4]. Сфера деятельности Общества была крайне широка: оно открывало детские сады для детей рабочих, организовывало летние колонии (аналог дачи) для вывоза городских детей на природу, постоянно выпускало брошюры и методические пособия по педагогическому профилю. В составе Общества работало несколько комиссий: библиотечная, педагогическая, редакционная, по развлечениям, по рассказыванию, по летним колониям, по детским садам. Заседания комиссий проходили два раза в месяц, общее собрание Общества — раз в месяц. Бюджет и деятельность всех учреждений Общества координировало Правление.

Значительную часть сохранившихся архивных материалов составляет Годовой отчет о деятельности библиотечной комиссии Общества за 1915–1916 гг. Отчет занимает более 40 тетрадных листов с постраничной нумерацией (всего 84 страницы), заполненных плотным рукописным текстом. К некоторым листам несколькими стежками белой нити пришиты исправления, заменяющие значительные отрывки текста.

В отчете приводятся подробнейшие сведения о деятельности библиотечной комиссии и о работе Общества в целом. В нем говорится о переезде Общества с одной квартиры на другую, описывается расположение читального зала, библиотечного фонда, склада книжной продукции и выставок по комнатам в новом помещении. В мельчайших деталях представлен один день работы библиотеки Общества, даны крайне выразительные характеристики

читательской аудитории по возрастам и книжным запросам, причем подчеркивается индивидуальный подход к каждому подписчику. Так же точно подмечены и типы покупателей, поскольку, кроме выдачи книг по абонементу, Общество занималось распространением литературы, рекомендованной библиотечной комиссией. С книжного склада продавались не только издания художественных произведений, но и пособия по рисованию, лепке, ручному труду, по ведению детского сада, специальные педагогические сочинения, а также детские журналы. В отчете говорится, что после переезда на «более бойкое» место, то есть в дом № 92 по Невскому проспекту, дела у Общества значительно оживились. Отмечается, что число посетителей было настолько велико, что пришлось увеличить штат постоянных сотрудников. Такие подробности каждодневной работы штаб-квартиры Общества занимают треть всего отчета.

Собственно деятельность библиотечной комиссии Общества состояла в разборе книг по текущей детской литературе и подготовке рекомендательных списков для чтения. Особо были отмечены в отчетном 1915 г. историческая повесть Н. И. Манасеиной «Царевны» (Пг., 1915), воспоминания А. Н. Латри «Светлые дни детства» (М., 1915), рассказы П. Н. Сурожского «Зеленый шум» (Пг., 1915), перевод книги Л. Перкинс «Маленькие японцы» (М., 1915), сказка в стихах П. С. Соловьевой-Allegro «Куклин дом» (Пг., 1916) и две книги из сибирской жизни — «Золотое дно» (Пг., 1915) А. В. Вережникова и «В глуши сибирской» (М., 1915) С. И. Ульриха. Однако составитель отчета сетует, что прямыми обязанностями в отчетном году библиотечная комиссия занималась мало в связи с тем, что книг во время войны «выходило гораздо меньше обычного». Было затеяно обновленное переиздание устаревшего каталога книг для детей дошкольного возраста. Для решения всех спорных вопросов по инициативе П. С. Соловьевой (Allegro) к пересмотру рекомендованных книг были привлечены литераторы А. Блок, З. Гиппиус, А. Ремизов и художники А. Бенуа, С. Яремич и А. Остроумова-Лебедева. На их суд были отданы книги «Лесная царевна» (забракована), «Степка-Растрепка» (реабилитирован), «Гоша — длинные руки» (забракован).

Хотелось бы отметить два важных начинания в деятельности Общества и библиотечной комиссии — это идея издания своего собственного печатного органа и часы рассказывания. Оба направления привели к созданию двух отдельных комиссий Обще-

ства: редакционной и по рассказыванию. Значительное количество заседаний библиотечной комиссии было посвящено также полемике в прессе с неким «отцом», который обвинил Общество и библиотеку в распространении антисемитской литературы. Дело касалось книги Дж. Гринвуда «Маленький оборвыш», в которой есть небольшой эпизод с евреем, обманувшим главного героя. В отчете подробно рассказывается, как библиотечная комиссия готовила ответы анонимному автору писем, однако, из окончательного текста отчета этот значительный отрывок текста исключен.

В целом 1915–1916 отчетный год был благоприятным для Общества содействия дошкольному воспитанию детей, чего нельзя сказать об 1917–1918 гг. В этой же папке с документами сохранился отчет Правления Общества, в котором говорится о тяжелом финансовом состоянии всех учреждений Общества. Текст отчета за 1917–1918 гг. содержит многочисленную правку, расплывшиеся чернильные пятна, что крайне затрудняет расшифровку. Несмотря на общий финансовый кризис, Общество не прекратило своей деятельности, библиотека и книжный склад продолжали работу практически без перерывов, что давало возможность оплачивать аренду квартиры и выплачивать жалование служащим. Тяжелее всего пришлось детским садам, педагогическим курсам и музею, которые выжили исключительно благодаря самоотверженности своих руководителей. Общие для всего Петербурга невзгоды также затрудняли работу Общества, например, при отключении света комиссии заседали либо в полной темноте, либо при одной свечке, а общие заседания отменялись в связи с внезапной остановкой трамваев и т. д.

Главная ценность отчета — сохранение памяти о тех людях, которые трудились в Обществе содействия дошкольному воспитанию детей. Некоторые имена напрямую связаны с историей РГПУ им. А. И. Герцена, в частности, с кафедрой дошкольной педагогики. Это Елизавета Ивановна Тихеева (1866–1944) — талантливый педагог, создатель оригинальной теории дошкольного воспитания, с 1913 по 1917 гг. вице-президент Общества содействия дошкольному воспитанию детей, руководитель организованного при Обществе детского сада, в 1920–1924 гг. профессор Педагогического института дошкольного образования. Ее сестра Лидия Ивановна Чулицкая-Тихеева (1868–1938) — педагог и педиатр, специалист по гигиене детского возраста, преподаватель Педагогического института дошкольного образования, с 1919 г. заведующая

кафедрой анатомо-физических особенностей и гигиены детского возраста в институте им. П. Ф. Лесгафта. Наталия Алексеевна Альмединген-Тумим (1883–1943) — эксперт в области дошкольного воспитания, активный сотрудник Петербургского Фребелевского общества (с 1907 г.), с 1919 г. профессор, первая заведующая кафедрой дошкольной педагогики, в 1923–1924 гг. ректор Педагогического института дошкольного образования. А также Георгий Григорьевич Тумим, Василий Адамович Зеленко, Константин Михайлович Лепилов, Екатерина Ивановна Иорданская.

В Обществе содействия дошкольному воспитанию детей постоянно работали известные люди, например, М. А. Бекетова⁸, П. С. Соловьева (Allegro)⁹, А. М. Калмыкова¹⁰, М. Я. Морозова¹¹, В. В. Каррик¹². В отчете встречаются также имена практически неизвестных персон, сведения о которых скудны либо противоречивы, например, Мария Александровна Литинская (1861–1941) — выпускница Смольного института, заведующая книжным складом и библиотекой Общества [Литинский], Евгения Егоровна Соловьева (1869–1945) — педагог, филолог¹³ и др.

Таким образом, дальнейшая работа с архивом предполагает расшифровку всей рукописной части материалов, более строгую систематизацию документов, их архивизацию как принадлежности библиотеки, публикацию и научный анализ материалов. Параллельно с работой над архивом необходимо составить представление о нынешнем состоянии фонда библиотеки детской литературы РГПУ им. А. И. Герцена периода работы в Показательной библиотеке О. И. Капицы и ее преемницы Е. П. Приваловой. Ценность архивных бумаг неоспорима, и заключается она не только в том, что они являются документальными свидетельствами эпохи, но и в том, что в них отражается целая веха как истории фундаментальной библиотеки, так и истории университета в целом. Поскольку именно с создания Показательной библиотеки началось серьезное изучение детской литературы, позволившее сложиться отдельному самостоятельному кругу научных и учебных дисциплин.

Источники

XXX: Сборник, посвященный тридцатилетию деятельности ЛГПИ им. А. И. Герцена. 17 ноября 1918 — 17 ноября 1948. Л., 1948.

Капица О. И. Обзор библиографических указателей научно-популярной литературы, беллетристики и детских книг // Указатель книг по истории и обществен-

ным вопросам / под ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского, С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 1–57. Прил.

Капица О. И. Обзор указателей детских книг // *Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал, издаваемый при участии Отдела детского чтения Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе М.О.Р.Т.З., издательством при детской библиотеке М. В. Бердниковой.* 1912. № 12 (август). Год I. С. 6–13.

Капица О. И. Указатели детских книг // *Русская школа: общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию / под ред. Я. Я. Гуревича.* СПб., 1912. № 11. С. 17–26. III Отд.

Корольков Н. М. Краткий обзор деятельности Постоянной комиссии по техническому образованию (IX отдела Императорского Русского технического общества): по-поводу XXV-летия деятельности А. Г. Неболсина как ее председателя, совпадающего с XL-летием как члена общества и L-летием его государственной службы. СПб., 1912.

Розанов В. В. Общество содействия дошкольному воспитанию детей // *Новое время.* 1909. 2 (15) мая. № 11902. С. 4.

Систематический указатель книг для детей и юношества: указатель обработан на основании отзывов комиссии: Е. В. Арцимович, О. А. Беляевская, В. И. Добродеева [и др.]. Ч. 1 / под ред. О. И. Капицы. Пг., 1915. XIII с., 274 стб. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел).

Страхова М. И. Подвижной музей наглядных учебных пособий в Петербурге. СПб., 1902.

Указатель книг по истории и общественным вопросам / сост. Е. В. Арцимович, М. В. Имшенецкая, О. И. Капица [и др.]. Под ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского и С. А. Князькова. СПб., 1909. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел).

Исследования

Горбунов Ю. А. Писательницы России: материалы для библиографического словаря. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-4.htm> (дата обращения: 20.02.2018).

Литинский В. А. Как писали завещания в 1820 году. URL: http://world.lib.ru/l/litinskij_w_a/kakpissalizaweshanijaw1820godu.shtml (дата обращения: 20.02.2018).

Путилова Е. О. Показательная библиотека как центр книжной культуры // *Вестник Герценовского университета.* СПб. 2007. № 5 (43). С. 34–37.

Селиванова О. В. Книги из личного собрания О. И. Капицы в фонде отдела редкой книги // *Университетские библиотеки в изменяющемся мире образования, науки и культуры. К 210-летию Герценовского университета: материалы второй международной научно-практической конференции.* СПб. 2007. С. 182–185.

Селиванова О. В. Коллекция детской литературы в фонде библиотеки Герценовского университета // *Вестник Герценовского университета.* СПб. 2009. № 2 (64). С. 47–50.

Селиванова О. В. Архив О. И. Капицы как отражение работы Показательной библиотеки по детскому чтению // *Книжное дело в России в XIX — нач. XX вв.: сб. научных трудов.* Вып. 16. СПб. 2012. С. 220–225.

Примечания

¹ В советское время ЛГПИ им. А. И. Герцена вел отчет своего существования от организованного в 1818 г. Третьего Петроградского педагогического института, в состав которого до 1925 г. были влиты несколько педагогических вузов, в том числе Педагогический институт дошкольного образования.

² Ольга Иеронимовна Капица (1866–1937) — видный исследователь детского фольклора и круга детского чтения, профессор кафедры дошкольной педагогики пединститута им. А. И. Герцена, идейный вдохновитель и организатор Показательной библиотеки по детскому чтению.

³ *Капица О. И.* Обзор библиографических указателей научно-популярной литературы, беллетристики и детских книг / О. И. Капица // Указатель книг по истории и общественным вопросам / под ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского, С. А. Князькова. СПб., 1910. С. 1–57. Прил.; *Капица О. И.* Обзор указателей детских книг / О. И. Капица // Новости детской литературы: критико-библиографический ежемесячный журнал, издаваемый при участии Отдела детского чтения Комиссии по организации домашнего чтения при Учебном отделе М. О. Р. Т. З., издательством при детской библиотеке М. В. Бередниковоой. 1912. № 12 (август). Год I. С. 6–13; *Капица О. И.* Указатели детских книг / О. И. Капица // Русская школа: общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию / под ред. Я. Я. Гуревича. СПб., 1912. № 11. С. 17–26. III Отд. и др.

⁴ В квадратных скобках приводятся расшифровка сокращений и исправления, которые внесены в текст отзывов.

⁵ Систематический указатель книг для детей и юношества: указатель обработан на основании отзывов комиссии: Е. В. Арцимович, О. А. Беляевская, В. И. Добродеева [и др.]. Ч. 1 / под ред. О. И. Капицы. Пг., 1915. XIII с., 274 стб. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел); Указатель книг по истории и общественным вопросам / сост. Е. В. Арцимович, М. В. Имщенецкая, О. И. Капица [и др.]. Под ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменского и С. А. Князькова. СПб., 1909. (Подвижной музей учебных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию И. Р. Т. О. Литературно-издательский отдел).

⁶ Личности и деятельности О. И. Капицы посвящено несколько работ автора данной статьи: *Селиванова О. В.* Книги из личного собрания О. И. Капицы в фонде отдела редкой книги // Университетские библиотеки в изменяющемся мире образования, науки и культуры. К 210-летию Герценовского университета: материалы второй международной научно-практической конференции. СПб., 2007. С. 182–185; *Селиванова О. В.* Коллекция детской литературы в фонде библиотеки Герценовского университета // Вестник Герценовского университета. СПб., 2009. № 2 (64). С. 47–50; *Селиванова О. В.* Архив О. И. Капицы как отражение работы Показательной библиотеки по детскому чтению / О. В. Селиванова // Книжное дело в России в XIX — нач. XX в.: сб. науч. трудов. Вып. 16. СПб., 2012. С. 220–225.

⁷ Николай Кириакович Пиксанов (1878–1969) — советский литературовед, профессор Петербургского, Саратовского и Московского университетов, член-корреспондент Академии наук. Главные его труды посвящены творчеству А. С. Грибоедова. Ценность работ Н. К. Пиксанова для литературоведения в их фактической части, в обилии предлагаемых документов, в планомерной разработке творческой истории произведения, в рассмотрении областных культурных гнезд.

⁸ Мария Андреевна Бекетова (1862–1938) — переводчица, мемуаристка, автор популярных книг для детей, в 1900–1910-е гг. сотрудник журналов «Сол-

нышко» и «Всходы», бессменный секретарь библиотечной и редакционной комиссий Общества содействия дошкольному воспитанию детей, а также правления Общества.

⁹Поликсена Сергеевна Соловьева (Allegro) (1867–1924) — поэтесса и художница, в 1906–1913 гг. издавала вместе с Н. И. Манасиной детский журнал «Тропинка», в 1908 г. ей была присуждена золотая Пушкинская медаль.

¹⁰Александра Михайловна Калмыкова (1849–1926) — издатель, активный участник многих просветительских обществ, видный деятель становления и развития русского народного образования и библиотечного дела.

¹¹Мария Яковлевна Морозова (1882–?) — педагог и специалист по дошкольному воспитанию, с 1918 г. первый эмиссар Северной области по дошкольному образованию, организатор музея дошкольной жизни ребенка в Петрограде.

¹²Валерий Вильямович Каррик (1869–1943) — русский детский писатель, журналист, иллюстратор, карикатурист.

¹³РНБ: Генеральный алфавитный каталог книг на русском языке (1725–1998). URL: http://nlr.ru/e-case³/sc².php/web_gak/lc/92887/1 (дата обращения: 20.02.2018).

В. Головин

ТВОРЧЕСТВО ЛИДИИ ЧАРСКОЙ В ПРИЖИЗНЕННОЙ КРИТИКЕ

В статье на широком историко-литературном материале, охватывающем период первой трети XX в., рассматривается оценка российскими критиками творчества одной из самых популярных русских детских писательниц — Л. А. Чарской. В работе сопоставляется позиция дореволюционных и советских критиков относительно книг Чарской, анализируются основные принципы и приемы критики детской литературы. В фокусе исследования главным образом находятся публикации в педагогической и литературной периодике.

Ключевые слова: массовая детская литература, история критики детской литературы, Лидия Чарская, Корней Чуковский.

Редкий детский писатель, да и любой писатель вообще, создал столько произведений, как Лидия Чарская (Илл. 1): свыше трехсот произведений, среди которых повести, романы, сказки, стихи. Редкий детский писатель имел такую феноменальную читательскую популярность, и редкий писатель вызвал такой объем негативной критики. На наш взгляд, недоброжелательное пристрастие критиков к книгам Чарской связано, прежде всего, с феноменом рецепции ее творчества и огромной популярностью среди юных читателей. Несмотря на то, что произведения Чарской не были обласканы официальной педагогической мыслью и литературной критикой и не печатались, например, в хрестоматиях, не входили в школьную программу, институциональные причины популярности ее творчества были весьма основательны в своей совокупности.

Во-первых, произведения Чарской регулярно публиковались почти во всех детских журналах и других периодических изданиях. Например, в журнале «Задуманное слово» в 1910 г. почти в каждом номере появлялась какая-либо публикация ее авторства. В этих же изданиях обильно публиковались письма детей, восхищенно отзывающихся о своем опыте чтения книг Чарской. Во-вторых, популярность книг Чарской и влияла на книжный рынок, и поддерживалась им же — сочинения Чарской массово издавались самыми крупными российскими издателями начала XX в.;

в их числе М. Вольф, П. Сойкин, И. Сытин, А. Суворин и др. Откликались на популярность Чарской и педагоги-практики вкупе с другими организаторами детского чтения — в различных рекомендательных указателях и списках для чтения встречаются произведения Чарской, правда, нечасто, а в педагогической и библиотечной прессе публикуются результаты социологических опросов и исследований, касающихся чтения детей и подростков, где Лидия Чарская — несомненный лидер.

В советский период к этим факторам добавилось еще и то, что книги Чарской были запрещены — это создавало определенную мифологию вокруг личности и творчества Чарской и дополнительно мотивировало читателей.

Однако перечисления этих фактов явно недостаточно для объяснения столь высокого читательского рейтинга, каким пользовались книги Чарской на протяжении первой трети XX в.; основная причина все же кроется в имманентных свойствах ее произведений. Это, в первую очередь, и вызвало устойчивый негативизм критиков в отношении произведений Лидии Чарской, который нашел отражение не только в периодике, но и в специальной литературе по детскому чтению¹.

Говоря о критиках Чарской, чаще всего вспоминают К. Чуковского. Его статья «Лидия Чарская», в 1912 г. опубликованная в газете «Речь»², одной из самых популярных дореволюционных газет, и перепечатанная в сокращенном виде в его собрании сочинений, была и остается одной из самых известных публикаций о Чарской. Осведомленные читатели могут еще припомнить хорошо известное ностальгическое стихотворение Марины Цветаевой о героине Чарской Нине Джавахе³ и, возможно, эпиграмму В. Князева⁴, отреагировавшего на «ругательную» статью Чуковского. Вот, пожалуй, основные тексты о Чарской, попавшие в широкий читательской оборот: характерно, что в одном из них анализируется читательская рецепция (в статье Чуковского приводятся выдержки из писем

Илл. 1. Л. А. Чарская. Фото из журнала «Задушевное слово» (1903, № 51)

юных читателей Чарской), в другом эта рецепция вербализуется в поэтическом формате, в третьем — иронии подвергается рецепция самих критиков. На наш взгляд, это еще раз подтверждает тот факт, что феномен «критики Чарской» необходимо рассматривать в его тесной связи с феноменом читательской рецепции.

Весь корпус критических работ о Чарской можно разделить на два направления. Первое — это жесткая критика ее произведений, сводящаяся к тому, что книгам Чарской не место в детском чтении. Основное содержание работ этого рода сводится к выискиванию шаблонности и стереотипных приемов, обеспечивающих определенную реакцию со стороны читателей, разоблачение «дешевых эффектов» и др. Такая критика была порождена отчасти страхом педагогов перед популярностью Чарской и верховенством ее книг в чтении детей, по сравнению с книгами классиков, отчасти — убеждением критика в несовершенстве читательского вкуса у детей и у родителей. Второе направление представлено более объективными работами, где критики рассуждают о художественных приемах Чарской, позволяющей ей завоевать юного читателя, с точки зрения их анализа, а не осуждения.

Историю критики Л. Чарской можно условно разбить на несколько этапов.

1. 1901–1910 гг. Наблюдение за творчеством Чарской, признание ее популярности, в равной мере позитивная и негативная критика, высказанная в отдельных рецензиях. Массовая публикация детских читательских отзывов. Включение произведений Чарской в рекомендательные списки для чтения. Установление безусловного лидерства Чарской в современном детском чтении. Публикация очерка В. Воровского «Цыпочка» в 1905 г. — одного из первых отрицательных откликов.

2. 1910–1914 гг. Доминирование негативной оценки творчества Л. Чарской. Фиксация ее лидерства в детском чтении на основании результатов социологических опросов. Публикация статьи К. Чуковского о Чарской, рост числа критических рецензий на ее книги. Постоянное критическое рецензирование (с негативной оценкой) произведений писательницы в ежемесячных выпусках журналов и бюллетеней «Что и как читать детям», «Новости детской литературы». Устойчивое педагогическое «рейтингование» Чарской как одного из «вредных» писателей.

3. 1912–1914 гг. Массовая критика «ура-патриотических» произведений Л. Чарской, особенно повести «Игорь и Милица».

4. 1918–1934 гг. Советская критика постулирует «ненужность» произведений Л. Чарской для юного читателя Страны Советов. Чтение ее книг объявлено проявлением «дореволюционных, буржуазных» вкусов.

I

Первый этап (1901–1910), кажется, не требует особых комментариев (Илл. 2, 3), поскольку критических статей о Чарской было относительно мало. Так, авторитетный критик Н. А. Саввин (1875/1878–1934) в своем «Опыте ежегодника детской литературы» за 1909–1910 гг. фактически не заметил ее и, судя по обзору, большую популярность признавал за Клавдией Лукашевич (1859–1937) [Саввин, 1911]. Тем не менее, критика стала выделять книги Чарской как новое явление в детской литературе. Чаще всего в эти годы о Чарской упоминали в журнальных и газетных рецензиях, авторы которых отмечали: «живой язык, драматизм сцен, умение дать местный колорит различным событиям делают ее повесть («Люда Влассовская». — В. Г.) не только занимательной, но и полезной» [Правительственный вестник, 1904, с. 12]; «Быт института, типы его, радости и печали воспитанниц, первые проявления и первые огорчения красивой дружбы очерчены автором

Илл. 2, 3. Публикация повести Л. А. Чарской «Люда Влассовская» в журнале «Задуманное слово» за 1904 г. Художник В. А. Табурин

со знанием дела, наблюдательностью и симпатичной мягкостью» [Биржевые ведомости, 1905, с. 6]; «красивый и грациозный язык» [Речь, 1909, с. 12]; «роман (“Евфимия Старицкая”. — В. Г.) написан не только со знанием эпохи, но и все его персонажи выведены тепло и талантливо» [Исторический вестник, 1905, с. 121].

Появились и первые рекомендации: «Книгу (“Грозная дружина”. — В. Г.) нельзя не порекомендовать как приятное и полезное чтение для юношества» [Московские ведомости, 1909, с. 12]; «Рассказ (“Смелая жизнь”. — В. Г.) ведется живо и читается с интересом <...> Книга содержит такие положительные данные, что чтение ее принесет пользу кадетам младшей роты» [Пед. сборник, 1903, с. 22];

Отрицательных рецензий было не так много, и это, в целом, можно объяснить двумя фактами:

1. Чарская еще не написала многих своих книг, и стереотипность ее художественных приемов (что чаще всего ставили ей в вину критики) была на тот момент не так очевидна. До половины 1900-х гг. ее творчество воспринималось как новое явление в детской литературе.

2. Популярность Чарской еще не достигла своего апогея, ее книги еще только начинали завоевывать всеобщее читательское внимание. В связи с чем высказывания некоторых критиков, которые позже станут отзываться о Чарской резко отрицательно, пока еще остаются нейтральными или позитивными.

Тем не менее, следует отметить как знаковое явление художественный очерк «Цыпочка (Из журналов)» В. Воровского в журнале «Зритель» за 1905 г., задавший определенную критическую манеру рецензирования Чарской. В своем сатирическом очерке Воровский предлагает псевдобиографию Чарской с вымышленными детскими сочинениями институтки-отличницы и заключает ее следующим пассажем:

И все, о чем так часто говорилось в институте тайно от классных дам и «тапан», о чем грезилось в душных дортуарах белыми майскими ночами, когда сон упрямо бежал от молодых глаз, о чем одиноко мечтала семнадцатилетняя девушка, оторванная от остального, незнакомого мира, от шумной, живой и пестрой жизни и заключенная в унылую педагогическую клетку, где все так однообразно и мертво, — это стало темой ее рассказов...

Каюсь, я никогда не видел госпожу Чарскую. Может быть, ее никто не называл «цыпочкой», да она может быть и не училась никогда в институте, а на «пеночку» и вовсе не похожа.

Может быть... Но о рассказах госпожи Чарской, наивных и скучных, как болтовня светской барышни, больше ничего сказать не могу... [Воровский, 1905].

Участник литературно-критического мейнстрима, ощущавший переломный момент русской литературы, с нарочитой надменностью высказался о творчестве Чарской, заложив оценку ее творчества как явления массовой, а стало быть, по его мнению, и низкопробной литературы.

II

В 1912 г. историк В. П. Родников (1879–1942/1943) в своих «Очерках детской литературы» (Киев, 1912) представил довольно обширный разбор творчества Л. Чарской, назвав ее представителем «героического романтизма, частнее ее исторического вида» [Родников, 1912, с. 84].

В отличие от журнальной критики, В. Родников разносторонне рассматривает творчество Чарской и анализирует ее своеобразную «эволюцию». Позитивно оценив (в каждом случае он подкрепляет свою критику страничным примером и пересказом содержания) историческую прозу, где Родников хвалит «верность исторического изложения и верность изображения исторических характеров, наличие “сильных сцен”, легкость и приподнятость языка» [Там же, с. 84]⁵, критик отмечает стремление Чарской в «новые сферы» — «романтизм ее принимает характер фантастический» [Там же, с. 86]. В этой связи Родников начинает разговор о «женских повестях» Чарской (в частности, о «Ларе Бессоновой») с их эксцентричными героинями и обращает внимание на появление «ненатуральности» в повествовании:

Таким образом, у писательницы в ходе рассказа заметна сильная ненатуральность. Ненатуральность и тенденциозность у Чарской и в обрисовке отдельных типов. Положительные типы без всякой тени... Зато в своих описаниях беспощадна писательница к нелюбимым героям [Там же, с. 89–90].

В. Родников делает тонкое наблюдение, вычлняя один из своеобразных приемов Чарской. Начиная физиономическое или внешнее описание положительного героя, она снабжает его экспрессивными эпитетами и выводит из них черты характера, например:

Энергичен и высокий лоб и смело изогнутые крупным изгибом брови и несколько резко очерченный рот. Все говорит о силе, упорстве

и пережитой борьбе вполне взрослого испытанного человека, а глаза — глаза мечтателя ребенка. Задумчивые, детски чистые, прекрасные глаза [Родников, 1912, с. 90].

Отрицательный тип характеризуется по схожей модели: «В руках хлыстик, фуражка сдвинута на затылок. В лице презрение ко всему, что не касается узкого кителя и лакированных ботинок» [Там же, с. 90]. Цитата из труда В. Родникова приведена не случайно, поскольку такое «детальное» наблюдение — крайняя редкость в критике детской литературы. Более того, его работа, пожалуй, единственное сочинение о Чарской, в котором автор не апеллирует к ее читательской популярности. В. Родников замечает еще одну важную тенденцию: «Как видим, от Чарской к романтизму в детской литературе остается сделать один шаг, чтобы очутиться близко к миру фантастической пинкертоновщины», — то есть к массовой литературе [Там же, с. 90].

С оценкой творчества Чарской выступили и два других видных историка и теоретика детской литературы — Н. В. Чехов (1865–1947) и Н. А. Саввин. Причем в их публикациях взгляд на творчество Чарской эволюционирует в сторону отрицания художественных достоинств ее творчества.

Если Н. В. Чехов в 1909 г., кроме фиксации популярности книг Чарской среди детей, даже отмечал, что писательница обладает «живою фантазией» и литературным слогом и что ей наиболее удастся изобразить жизнь женского института [Чехов, 1909, с. 141], то в 1915 г. он замечает только «убогое однообразие типов», «узость мировоззрения» и что «круг идей, жизненных целей, которыми руководствуются ее герои и героини, поражает своей поверхностностью и буржуазностью» [Чехов, 1915, с. 39]. Н. А. Саввин, не упомянувший Чарскую в обзоре за 1909–1910 гг., в 1914 г. категорично отметил, что «художественные средства ее очень не велики и круг жизненных наблюдений достаточно узок» [Саввин, 1914, с. 7], и категорически ошибся насчет долготы жизни ее произведений в читательской среде. В принципе он повторил мысли очерка К. Чуковского, указав, что:

...она действует на читательниц прежде всего и больше всего так называемыми внешними эффектами, нервически написанными сценами. При отсутствии же настоящего таланта — взамен его у писательницы только технический навык, тогда как в первых ее произведениях была непосредственность переживаний. Все равно, безнадежно доказывать

общественную и литературную стоимость писательницы. Да и успех ее едва ли долго продлится [Там же, с. 7].

В конце 1911 г. педагог З. Д. Масловская в журнале «Русская школа» начала традицию объемных рецензий творчества Чарской, общий смысл которых обозначался вопросом «За что дети любят Чарскую?» В определенной степени это было похоже на соревнование критиков: кто и как сильнее разгромит творчество Чарской. В 1912 г. с аналогичной статьей выступил К. Чуковский, в 1913 — В. Русаков и В. Комарницкий.

Масловская выступила, если можно так сказать, с первым «анти-чарским» памфлетом. В систему аргументации против писательницы и чтения ее произведений входили все возможные доводы. Масловская даже приводит в пример «историю»: девочка, начитавшись Чарской, не только под ее влиянием поступила в институт, но получила глубокую психологическую травму, за которой последовало обращение к врачам [Масловская, 1911]. Однако проверить подлинность этой истории невозможно. Судя по всему, педагога Масловскую крайне испугала популярность Чарской, и она попыталась ее «критически уничтожить». Сопровождая почти каждую мысль отрицательными эпитетами, Масловская постоянно говорит о сюжетной и мотивной схожести всех произведений писательницы. В критическом пылу она даже дошла до рассуждений о частых случаях самоубийства среди молодежи под влиянием текстов Чарской. Рискнем предположить, что если бы эта работа была напечатана не в педагогическом журнале «Русская школа», а в более популярном периодическом издании, К. Чуковский не рискнул бы предложить годом позже свой очерк о Чарской или не избрал бы своим критическим приемом статистику шаблонных схем и мотивов.

В начале статьи Масловской, наряду с интересными рассуждениями о выборе книг детьми, об их оценке и рекомендациях родителями, разбирается «однообразность» произведений Чарской: социальная однотипность героев (сирота, бедная семья и пр.), их схожие характеристики (красота, ум, смелость), шаблонность и частотность конфликтов. Масловская довольно метко обращает внимание на искусственность и фантастичность некоторых сцен, на устойчивый прием «чудесного спасения» детей, находящихся в критическом состоянии (младенец на дереве чудесно обнаруживается охотником, лодка разбивается о невские пороги, а девочку чудесно спасают рыбаки). Не оставляет Масловская и критику

«языкового комизма» у Чарской, выражающегося в коверкании русского языка в иностранной речи.

Для более подробного анализа критик выбирает повесть «За что?» и на нескольких страницах анализирует ее, сопровождая это подробным пересказом. Но анализ этот, не столько литературно-критический, сколько педагогический и даже социальный. Анализируя самоощущение исключительности героини, Масловская называет это самовлюбленностью и эгоизмом, сравнивает с дневниками Марии Башкирцевой, говорит, что такое самоощущение требует соответствующих сцен и декораций и проводит мысль, что исключительность может выражаться и танцами а la Дункан.

Выбрав такую критическую ретиорику, Масловская уже не видит в произведениях то, что видят дети. Сцены раскаяния героини, которым посвящено немало места в повести, Масловская оценивает с недоверием. При этом возникает обычный педагогико-критический трюизм: обозначается «нежизненность», объясняется, что такое «жизненность», и приводится пример литературной демонстрации такой жизненности. То, что логически такой анализ не выдерживает никакой критики, нисколько не беспокоит автора рецензии. Педагог ставит задачу: объяснить родителям вредность Чарской и действует путем «нанизывания» отрицательных эпитетов. Пример алогичности Масловской можно привести в ее суждениях о раскаянии героев Чарской:

Но непонятнее всего, почему Лида просит прощения у мачехи, и в чем она раскаивается; объяснение мы находим только в том, что эти проблески раскаивания — не проблески чувства, а сентиментальности. Ведь раскаивание — это понимание того, что ты своим поступком нарушил гармонию, которая должна существовать в мире; понять свой поступок значит одновременно понять и гармонию жизни, и те диссонансы, которые происходят по нашей вине; тот, кто это понял, не может уже испытывать чувство радости. Детям такое понимание, в общем, недоступно. Те же, которым пришлось подобное раскаяние, уже навсегда потерял детскую беззаботность. Не могу не указать на повесть Вильденбруха «Зависть», где талантливо описаны страдания восьмилетнего мальчика, который раскаялся в том, что жестоко дразнил своего младшего брата. При чтении ясно представляешь себе ужас этих страданий и понимаешь, почему мальчик перестал улыбаться [Масловская, 1911, с. 109–110].

Иными словами, юный читатель должен осознать свой проступок как нарушение космоса, но сам же критик говорит о недоступности такого понимания детям.

Упрекая Чарскую в повторяемости, Масловская грешит тем же. Практически вся статья сведена к критике индивидуальности героинь Чарской, к констатации отсутствия семейной любви в произведениях писательницы и, самое главное, к «апологии» героев-педагогов. Масловская отчаянно отстаивает честь педагогического цеха, считая, что публичная защита убедит родителей:

Все это происходит в книгах; но так ли это в жизни? Если нет, то как родители могут читать такой пасквиль на педагогов, как никто из них — простите за выражение, заброшенных грязью классных дам не сказал хотя бы слово протеста, как не указал на всю несправедливость и вред этих пасквилей? Находясь в самом сердце этой жизни, они имеют полнейшую возможность опровергнуть эту клевету. Если же это не клевета, если есть хоть сколько-нибудь правды в написанном Чарской о педагогах и институте, то остается сказать родителям: прочтите хоть одну книгу Чарской, и если вы после этого решитесь отдать в руки таких воспитателей, обреч ваших детей на подобную жизнь, то Бог вам судья [Там же, с. 123–124].

Очевидно, что критик не учел разницы литературы и жизни и приводит примеры поведения педагогов или отношения к ним из произведений Чарской, которые его возмущают: а) институтские учительницы не имеют педагогических знаний, а стремятся скорее выйти замуж; б) все педагоги имеют прозвища: от «Кочерги» и «Блюхи» до «Вампира» и «Японской шпионки»; в) малейшая ошибка учителя вызывает его травлю со стороны учеников; г) критика раздражает физиономические описания учителей, например: «Учитель сначала побледнел, потом покраснел и притом так сильно, что его лиловый нос принял разом фиолетовый оттенок»; д) учителя постоянно оскорбляют учеников; е) учителя борются за успеваемость в классе и стремятся, чтобы дети сдали переходной экзамен, поскольку на экзамен приглашаются педагоги из других гимназий; ж) институтки, если и ценят учителя (прежде всего *madam*), то только за его знатное происхождение.

Критик завершает статью одним комплиментом Чарской: «Книги Чарской захватывают большую область детской жизни, касаются разных сторон детской психики, пишет она очень легко и живо, то неудивительно, что эти книги не могли пройти незаметными, а сама она не может пройти беззаботной для читателей» [Там же, с. 124]. Но этот комплимент снимается поучением об ответственности детского писателя перед своими читателями: «К несчастью, ее книги некоторым образом представляют

то волшебное зеркало Андерсена, в котором дурное отражается хорошим; она умеет рассказывать о печальных явлениях детской жизни так, что ее книги являются не обличением, а воспеванием. Чарская является знамением времени: высокие идеалы падают, на все смотрят легче» [Масловская, 1911, с. 124]. Критик считает, что сейчас «дети заблудились, они ищут, кто им споет об идеалах, о том стремлении их к Высшему, которое бессознательно живет в их душе». В итоге она сравнивает Чарскую с гаммельнским Крысоловом, который заводит детей в омут, играя на волшебной дудочке, и топит их: «...она поет пошлые мелодии жизни, дает мишуру, побрякушки ложно понятого героизма, заставляет детей любить их — и заводит в то болото пошлости, из которого нет возврата уже по одному тому, “что привыкший ползать, летать не может”» [Там же, с. 125].

Из негативных отзывов о Чарской наиболее известна критическая статья Корнея Чуковского «Лидия Чарская», опубликованная одновременно в сентябре 1912 г. в «Речи» и «Современном слове» и моментально вызвавшая несколько откликов. Популярность этой статьи и столь долгая память о ней объясняется тремя причинами: она опубликована не в педагогических изданиях, преимущественно рецензировавших детскую литературу, а в двух авторитетных газетах; данная статья находилась в общем критическом мейнстриме, а не в русле специализированной критики, и ее автором был один из ведущих литературных критиков. Стоит упомянуть, что это одна из немногих критических статей, посвященных детскому писателю в общем потоке литературной критики.

Статья К. Чуковского в какой-то степени театральна, она откровенно ерническая, и построена на оригинальных риторических приемах. Начав с псевдовосхищения «появлением в России великого писателя» и цитат из отзывов девочек-читательниц (скорее всего, из «рекламных» писем в «Задушевном слове»), где Чарская сравнивается с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем, представив ошеломляющую статистику в пользу чтения Чарской (в одной из библиотек книги Жюль Верна взяли 232 раза, а Чарскую — 790 раз, из 346 детских писем о прочитанных книгах в 282 случаях говорилось о Чарской и т. д.), автор переходит к исследованию самого творчества Л. Чарской, основываясь на прочтении, по крайней мере, шестнадцати ее повестей. Отметим, что это единственный критик Л. Чарской, который оперирует таким количеством произведений⁶.

Очертив общие контуры популярности книг Чарской, К. Чуковский начинает поступательно «снижать» оценку художественного уровня ее произведений. Чуковский как бы читает одну книгу Чарской за другой, подсчитывая и фиксируя «шаблонные» сцены, подкрепляет их примерами и ведет диалог с некой читательницей — Лялочкой, которая постепенно «прозревает», обнаруживая повторяемость мотивов и событий практически в каждом произведении писательницы. Тезисы Чуковского завершаются характерными восклицаниями, усиливающими комически-эмоциональный потенциал критики и развенчивание творчества Чарской (от «Не утнаться за ней старику Жюлю Верну!» до «Институтскую бонбошку нужно иметь вместо сердца, чтобы дойти до такого тартюфства!») [Чуковский, 1912]⁷.

Первоначально Чуковский демонстративно «считает» частотность сцен обморока у юных героинь и приходит к выводу о присутствии данных сцен практически в каждой книге писательницы. Затем перечисляет повторяемые сцены ужаса (ураганы, пожары, разбойников, выстрелы, дикие сцены, пытки, кораблекрушения, столкновения поездов, нападения на героинь волков, каторжников, диких зверей), демонстрирует фрагменты из текстов Чарской со словом «ужас», что позволяет критику припечатать творчество писательницы хлесткой формулой «фабрика ужасов», а читателей назвать «ошалевшими» детьми. После демонстрации мотивов страха во втором разделе критик перечисляет сцены коленопреклоненного раскаяния и частотного «лобызания» («мазохическое лобызание») рук подруг и учителей, ног, платьев. Далее следует подсчет болезней, спасений и пр.

Прерывая свой «подсчет», во второй части статьи Чуковский заключает:

Мне даже стало казаться, что никакой Чарской нет на свете, а просто — в редакции «Задушевного слова» где-нибудь в потайном шкафу имеется заводной аппаратик с дюжиной маленьких кнопочек и над каждой кнопочкой надпись: «Ужас», «Обморок», «Болезнь», «Истерика», «Злодейство», «Геройство», «Подвиг», — и что какой-нибудь сонный мужчина, хотя бы служитель редакции, по вторникам и по субботам засучит рукава, подойдет к аппаратiku, защелкает кнопками, и через два или три часа готова новая вдохновенная повесть, азартная, вулканически бурная — и, рыдая над ее страницами, кто же из детей догадается, что здесь не малейшего участия души, а все винтики, пружинки, колесики... [Там же, 1912].

Вместе с тем, К. Чуковский, хоть и не отвечая на вопрос «Почему читают?» и не обозначая самого явления, приписывает произведения Чарской к разряду массовой литературы, считая последнее «малоисследованным социальным явлением», которому присущи «банальность, вульгарность, тривиальность, безвкусица, фарисейство, ханжество, филистерство, косность» [Чуковский, 1912]. Обозначив Чарскую «воистину гением пошлости», в заключительных, третьей и четвертой частях статьи, Чуковский подверг остракизму «патриото-казарменную» пошлость военной прозы писательницы и «институтские» повести. Первые — за засилье ура-патриотических и монархических идей и неумную жестокость описаний (частотное «крушение врага» вплоть до поджаривания пяток «иноверцам» в одном из примеров). В 1934 г. на Первом съезде советских писателей Чуковский будет отчасти цитировать свою статью, правда, разовьет эту мысль до лексического неприличия: «Чарская отравляла детей сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств» [Чуковский, 1934, с. 180].

«Институтская» часть также критикуется по «чувствам и мотивам»: «...поцелуи, мятные лепешки, мечты о мужчинах, невежество, легенды и опять поцелуи — таков в ее изображении институт» [Чуковский, 1912]. Критикуя Чарскую, Чуковский негативно оценил все женско-институтское образование:

Вся эта система как будто нарочно тому и направлена, чтобы из талантливых, впечатлительных девочек выходили пустые жеманницы с куриным мировоззрением и опустошенной душой. Не будем же слишком строги к обожаемой Лидии Алексеевне [Там же].

Чуковский критиковал Чарскую за шаблонность, пошлость, и не в последнюю очередь за популярность среди детей-читателей. Но вопрос о причинах ее популярности он, строго говоря, обошел, упрекнув юных читателей и их родителей в литературном безвкусици.

Педагог В. Э. Фриденберг в своей обширной статье осуществил попытку ответить на этот вопрос, но сделал это весьма своеобразно. В своей статье «За что дети любят и обожают Чарскую?» он развивает другую форму «античарской» риторики. На двух больших страницах (4 полосы) автор подробнее живописует психологические черты женщины и ее красоту. Затем стиль меняется, и Фриденберг через пример наблюдения женщин в фойе театра очерчивает их современные черты: «...аляповатые маски, сквозь которые совершенно не проглядывают человеческие

черты» [Фриденберг, 1912, с. 2]. Автор утверждает, что представление о красоте у женщин совершенно огрубело, женщину отличает «лживость и кокетство, в смысле произвести впечатление на мужчину» [Там же, с. 3]. Автор, после изрядного перечисления современных женских пороков, заключает, «что это печальное благоприобретение, следствие воспитания» [Там же, с. 3]. Резонерская позиция автора приводит его к мысли, что современная женщина ведет бутафорскую жизнь. Далее следует еще более шокирующий пассаж, обвиняющий и литературу в «развращении» женщины: «И вот современная жизнь выработала, а художественная литература закрепила в художественных образах новый тип удовлетворения полового томления расколотых половинок человеческого рода» [Там же, с. 4]. Снова возвращаясь к социальному дискурсу, критик описывает женские пороки всех классов и приходит к выводу, что

...все меры и все приемы воспитания девочек направлены к тому, чтобы воспитать бездушных кукол, манекены для мишурных нарядов, развить в них именно те черты, которые ценятся в развращенном мире мужчин [Там же, с. 4].

И такое воспитание приводит девочек к тому, что

...они ищут верного зеркала, которое, как в фокусе, сосредоточило, собрало воедино обрывки тех удовольствий, ослепительных, резких, но не глубоких переживаний чувства, театрального героизма, которые встречались в их личной жизни. Чарская своими произведениями и дает им богатый материал увлекательно живо, и главное, легко написанный [Там же, с. 4].

Заметим, что имя писательницы встретилось только в конце третьей страницы текста, причем критик чрезвычайно боится влияния Чарской. И здесь рецензия приобретает довольно грубую форму, из которой следует, что книги Чарской являются едва ли не основным источником женских пороков, поскольку пишет она легко, «фабула ее книг забавна», а проповедует она только «лживость, кокетство и легкомыслие». Особенно категоричен В. Фриденберг, высказываясь по вопросу «полового томления»:

Произведения Чарской особенно действуют развращающее на юных девушек. Они находят в ней отзвук проснувшимся половым томлениям, организм, почувствовав присутствие в себе новых сил, новых потребностей расширяться, выйти из своих собственных границ, сразу встает на опасный путь смакования тех любовных переживаний, о которых

с такой легкостью, с таким бахвальством и особой развязанностью повествуют герои Чарской [Фриденберг, 1912, с. 4].

Произведения Чарской, как полагает автор статьи, значительно страшнее порнографии, поскольку она, в силу своей натуралистичности, отталкивает детей:

...другое дело интересное повествование о том, что общепринято, что окружает детей постоянно, и где присутствует тот же ужас, та же грязь, что и в порнографии, но все это в благопристойной обстановке, с фиговым листом невинности. Эта внешняя благопристойность Чарской большой соблазн не только для детей, но и для родителей. Опасность Чарской не столько в том, что она пишет, сколько в том, как она пишет [Там же, с. 5].

Написав такую «страшилку» о Чарской, Фриденберг все-таки оставляет часть вины на «старой школе» и полагает, что новая школа «совместного воспитания полов», при верном ведении дел, преодолет кризисные моменты в воспитании девочек.

Более аргументировано попытался ответить на данный вопрос («Почему читают?..») в своей лекции педагог и библиограф В. Г. Комарницкий (1872–?), которая была опубликована в 1914 г. Он разделил проблему популярности книг Чарской на два аспекта и последовательно анализировал их: «С одной стороны, вопроса, за что дети любят Чарскую, и с другой стороны, вопроса, каково должно быть отношение воспитателей к этой владычице детских сердец» [Комарницкий, 1914, с. 1]. Считая, что Чарская родилась детским писателем, он заключает, что

...успех ее и увлекательный интерес ее рассказов объясняется счастливым сочетанием знания запросов юного читателя и несомненного таланта метко наблюдать, образно и правдиво изображать жизнь [Там же, с. 2].

Провозгласив («я слышал мнение») творчество Гоголя как наиболее соответствующее психологии детей, в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргороде» он находит черты романтизма и реализма и считает, что творчеству Чарской это также свойственно («хотя в иных формах и оттенках») [Там же, с. 3].

Анализируя героический романтизм, «главным образом исторического вида», который ярко выражен в некоторых повестях Чарской, В. Комарницкий считает изображение героической борьбы «трогательной и теплой; каждый читающий невольно переживает все тревоги и все надежды каждого из героев» («Газета-

Илл. 4, 5. Иллюстрации художника А. Бальдингера к повести Л. А. Чарской «Записки маленькой гимназистки» (М. : Издательство М. О. Вольфа, 1910)

ват». — В. Г.); обосновывает читательскую симпатию ко всем храбрым, любящим свою родину, свободу». («Грозная дружина». — В. Г.) [Там же]. По его мнению, Чарская великолепно угадала потребность детской психики, поскольку «...все героическое полно привлекательных черт для детского возраста, испытывающего особенную потребность во всем сказочном, величественном и героическом...» [Там же, с. 4].

Закончив говорить о романтизме, В. Комарницкий отдает должное Чарской как реалисту (Илл. 4, 5), заключив, что

...темы взяты из действительной жизни, которая представлена вполне реально. Институтская жизнь, классная жизнь, классные дамы, первые подруги, ученицы, горе и радости учащихся, бедная жизнь детей улицы; черты кавказского быта, шалости, проделки учащихся, — все это взято из окружающей и хорошо известной нам жизни [Там же, с. 5].

Автор статьи приводит несколько примеров «языковых удач Чарской» и, подводя итог, полагает,

...что литературное дарование Чарской характеризуется, во-первых, соединением романтического и реалистического и, во-вторых, музыкальными и эмоциональными ритмами в речи, встречающимися, к сожалению, только в некоторых местах и только в некоторых повестях. Эта музыкальность и эмоциональность ритмических периодов,

напоминающая нам прозу Гоголя, также манит к себе юную читательницу [Комарницкий, 1914, с. 5].

Следует признать, что попытка В. Комарницкого серьезно обосновать популярность Чарской была чуть ли не первой и одной из немногих. Но далее автор ставит вопрос: «Как же использовала Чарская свой талант?», — и все возвращается на педагогические круги своя. Критик упрекает Чарскую за то, что

1. Герои Чарской считают себя необыкновенными:

Чарская явно культивирует в девочках привычку любоваться собою, идя навстречу дурным инстинктам женской психики, мы заподозриваем талантливую писательницу в стремлении к дешевой популярности и в приспособлении к грубым вкусам массового читателя. Вместо того чтобы поднимать и возвышать юного читателя, Чарская точно ему льстит [Там же, с. 8].

2. Младшие обожают старших.

3. Дружба у Чарской всегда ревностна.

4. Институтки делятся на две группы: «парфеток» и «мювешек»; «мювешки» беспрекословно несут иго «парфеток», которые кичатся своим именем.

5. Нет уважения к учителям, есть враждебность к педагогам. Много гнусных проделок над учителями, исключая титулованных мадам.

6. Абсолютизирована ценность титула.

Можно заметить, что Комарницкий начал критиковать Чарскую отчасти за то, за что ранее хвалил. «Гнусные проделки» в отношении учителей, как и «ревностная дружба» — явления вполне обычные, а их изображение вполне укладывается в реалистический канон. Однако в конце статьи В. Комарницкий отходит от аналитики и формулирует банально-педагогические постулаты: «Когда читаем Чарскую, больно становится за Тургенева, который завещал русским девушкам другие идеалы: идеалы героизма, да, но героизма скромного и смиренного» [Там же, с. 9]. Продолжая апеллировать к классикам, Комарницкий продолжает: «Чарская для реального взгляда взяла пошлую сторону современной школьной и детской жизни. Но будучи талантом второго порядка, она вместо гоголевского сострадания и таланта внесла развязность и легкомыслие» [Там же, с. 12]. Затем автор как бы возвращается к своему противоречию, по его мнению, реалистичность литературная не может совпадать с реализмом действительности, поскольку детская литература должна ставить своей

целью изображение идеалов, а героини Чарской слишком жизненны [Там же, с. 12]⁸.

В заключение Комарницкий делает вывод: «чтение Чарской или бесполезно, или вредно» [Там же, с. 13]. Тем не менее, последние абзацы брошюры достаточно актуальны. Автор четко ставит задачи перед детской литературой, определяя при этом и принципы критики:

Литература, назначенная для детей, должна их шадить, она должна возвыситься над пошлой обстановкой, тем более что сейчас наши дети и юноши заблудились. Пусть же детская литература скорее споет нашим детям иные песни, песни о светлой жизни и о любви к людям; пусть она напомним о тех идеалах, которые уже давно воспеты, о тех идеалах, которые до сих пор сияют в великих творениях наших корифеев слова [Там же, с. 13–14].

Мы привели в пример наиболее крупные критические работы о Чарской, но это не значит, что у критики не было другого мнения. Иногда появлялись положительные рецензии, иногда — серьезные исследования, авторы которых считали Чарскую уникальным явлением современности и вступали в дискуссию с ее хулителями.

В числе этих работ прежде всего следует указать брошюру известного писателя и журналиста С. Ф. Либровича (1855–1918) «За что дети любят Чарскую» (М., 1913), вышедшую под псевдонимом «В. Русаков», в которой предпринята попытка подвести определенный итог спорам о Чарской. Сложно сказать, насколько непредвзятым было это критическое исследование. Во-первых, С. Ф. Либрович более 40 лет сотрудничал в издательстве М. Вольфа, основного издателя сочинений Чарской; во-вторых, он служил секретарем редакции журнала «Задушевное слово», где она преимущественно публиковалась; в-третьих, его перу уже принадлежал один восхищенно-мелодраматический очерк о Чарской⁹. Определенное преимущество данной статьи заключается в том, что Либрович дал полный историко-тематический очерк творчества Л. Чарской; представил выписки из десятков рецензий на ее книги, как позитивных, так и негативных. Критик представил объемный список отзывов детей и родителей, где они отвечали на вопрос о том, почему они выбирают книги Лидии Чарской и за что они их любят¹⁰.

Но главное не в этом. Совершенно не соглашаясь с панегирической оценкой творчества Чарской, данной Либровичем, признаем, что он очень точно вычленил основные «упреки» критиков

в ее адрес: повести Чарской слишком занимательные, чересчур приковывают внимание юных читателей и увлекают их; «приподнятость» и восторженность языка; постоянность «романтического тона»; частотность и повторяемость сцен, сентиментальность, «героини ее произведений постоянно обнаруживают уродливые наросты женской психики, а герои в большинстве случаев представлены золотой молодежью, которая рукоплещет всем особенностям девушек» [Русаков, 1913, с. 32] (в данном случае автор цитирует Фриденберга, замечая, что Чарской ставят в упрек, «что она рисует действительную жизнь юного поколения такую, какая она есть на самом деле» и в то же время требуют, «чтобы она лгала»). А еще, как отмечает Либрович, критиков-педагогов чрезвычайно возмущает тот факт, что дети простодушно сравнивают любимую писательницу с Пушкиным, Тургеневым, Гоголем и пр. и ставят ее с ними в один ряд.

Итак, Либрович высказывается в своей брошюре однозначно: критики раздражены прежде всего популярностью Чарской.

Сам Либрович увидел достоинства повестей Чарской в следующем: они отвечают запросам детской души; в них присутствует интересный, захватывающий сюжет и увлекательная фабула; писательница смотрит на юного читателя как равноправного гражданина и т. д. Либрович отмечает отсутствие в текстах Чарской «трафаретных подделок под речь ребенка», «прописной мещанской морали и морализаторства» [Там же, с. 20–21]. Чарская умеет так «комбинировать жизненные отношения», что в душе «маленького читателя незаметно вырастают высокие чувства любви и жалости к обиженным и оскорбленным» и «несомненно» возбуждает в юных читателях интерес к русской истории и ее изучению [Там же, с. 21]. Либрович резюмирует: Чарская заменила в детской литературе «благодетельных Катей и Ваней» [Там же, с. 39] живыми современными героями, как «незаурядными, исключительными, сильными», так и «нервными, развинченными» типами [Там же, с. 39], что вызывает у читателя, в первом случае, энергию, смелость, веру в собственные силы.

Дав обещание не цитировать Чуковского, Либрович все-таки сделал это, отметив, что даже Чуковский вынужден признать, что «Чарская несомненно талантлива», и заключил критический очерк словами, что Чарская может ответить «хулам и нападкам» словами древнего писателя: «Я сделала все, что могла; пусть другие сделают лучше» [Там же, с. 40]¹¹.

III

Если до 1914 г. негативная критика Чарской чаще всего была вызвана к жизни ее популярностью, то во время Первой мировой войны сочинения Чарской чаще всего критиковали из-за их урапатриотического содержания, и вполне заслуженно. Так, например в 1915 г. Чарская выпустила повесть «Игорь и Милица» (Илл. 6), где героини — бежавшие на войну гимназисты, совершают «ежестраничные» подвиги и оказываются чудом спасены в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях. В том же 1915 г. Чарская выступила со стихами в хрестоматии К. Лукашевич «Великая война», которые заканчивались строками:

О, родина, утри святые слезы
И верь, что славою закончится война!

Вместе с тем, критики детской литературы в массе своей уже заняли достойную гуманистическую позицию и большинство произведений для детей, связанных с войной, рецензировалось исходя из этих принципов¹². Жестко критиковались книги, где были представлены:

- «Ура-патриотизм»;
- Изображение ужасов войны;
- Изображение войны с участием детей и особенно детей-героев;
- Изображение войны как спорта;
- Издевательство и унижение противника;
- Пропаганда шовинизма в детской литературе.

Надо признать, что повесть «Игорь и Милица» обладала всеми шестью признаками и действительно представляла собой своего рода пособие по воспитанию шовинизма, «агитку» по бегству на фронт и альбом ужасов войны. Достаточно привести одну сокращенную цитату:

Незаметно среди воспоминаний и грез, охвативших ее юную голову, проползла Милица весь положенный путь до самого селения. Теперь белый костел и крестьянские избы находились от них всего на протяжении какой-нибудь сотни шагов. Но то, что увидела девушка там впереди — на площадке костела, едва не вырвало крика ужаса из ее груди. У самой паперти храма росли деревья: два старые каштана, почти что обнаженные от листвы, и к стволу обоих было привязано по человеку... Белые рубахи этих несчастных были сплошь залиты кровью, и в нескольких местах тела зияли страшные следы сабельных ударов.

На сучке одного из деревьев болтался повешенный за шею третий несчастный... А белые домики и костел, казавшиеся такими чистенькими и красивыми издали, вблизи представляли из себя одни жалкие груды развалин... Следы пожара и разрушения виднелись повсюду... [Чарская, 1915, с. 105–106].

Рецензент оценил это произведение следующим образом:

Прочтешь эту книгу и с горечью подумаешь — неужто эту книгу написала интеллигентная женщина? Какое непростительное легкомыслие писать такие книги для детей. Война подняла для нас всех взрослых интеллигентов ряд мучительно-сложных и подчас неразрешимых вопросов. Но кое-что все-таки ясно и теперь: нельзя вмешивать в войну детей и подростков и нельзя лгать. Если изображать войну, то так, как она есть, не вводя в заблуждения целые будущие поколения. Ведь в их руки передаем мы разрешение вопроса о том — быть или нет войне. И им надо говорить правду. А в повести Чарской — все ложь, все грубый и лживый лубок. Есть на войне и подъем и воодушевление, могущие в отдельные моменты заглушить страх смерти, есть бесстрашие и героизм, но ведь это яркие пятна на общем фоне лишений, заглушенного страха и страданий. Долг солдата — тяжелый долг, исполняемый очень часто с большим напряжением и горем, а у г-жи Чарской все весело, все празднично, все умирительно: никто смерти не боится, все благодушны, солдаты нежны к мальчикам, начальники и подчиненные в прекрасных отношениях, везде успех, мы всюду побеждаем, и вообще все очаровательно. Война — это по Л. Чарской ряд подвигов и наград, ряд сильных переживаний, для которых окружаю-

Илл. 6. Иллюстрация художника Н. Герардова к повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица: Соколята. Повесть для юношества из великой европейской войны» (Петроград, 1915)

Илл. 7, 8. Иллюстрации художника Н. Герардова к повести Л. А. Чарской «Игорь и Милица» (Петроград, 1915)

щие смерти, разорванные тела и т. п. лишь фон, только ярче подчеркивающий лишь славу описываемых героев. Но как в 13–14 лет, прочитав такую книгу, не убежать мальчику или даже девочке на войну? Книга, вероятно, и написана с целью такой пропаганды, иначе и нельзя объяснить намерений автора [Абрамова, 1916, с. 172–173].

В целом, создается впечатление, что, предложив критику повести «Игорь и Милица», авторы журналов «Что и как читать детям» и «Новостей детской литературы» и другие критики предпочли о Чарской больше не писать, и ей чаще всего давалась одна и та же оценка: «Все то же самое». Даже в рецензиях «Педагогического сборника, издаваемого при Главном управлении военно-учебных заведений», исключая осуждения произведений «патриотического» толка, произведения Чарской, включая «Игоря и Милицу» не получали никакого одобрения¹³.

Следует признать, что к этому моменту критика «устала от Чарской», и ее новые, но достаточно трафаретные произведения уже не получали столь живого критического отклика, как в 1911–1913 гг.

IV

После революции имя Чарской достаточно долго не появлялось в советской критике. Несмотря на то, что ее книги были включены в «Инструкцию политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» как подлежащие исключению (в этом списке, впрочем, фигурировали и Достоевский, и Шекспир), в 1920-е гг. под псевдонимом «Н. Иванова» она выпустила четыре книги для малышей и изредка публиковала свои короткие рассказы. Тем не менее, отметим рукописную статью Ф. Сологуба о Чарской, датируемую 1926 г. и предполагаемую к изданию в журнале «Звезда», в чем редакция ему отказала. Следует упомянуть и возможную причину ее появления, не имеющую отношения к литературе и критике. Чарская находилась в крайне затруднительном финансовом положении, и появление такой статьи могло мотивировать частных издателей к публикации ее повестей. Сологуб заявил, что «Литературное достоинство Лидии Чарской, не оцененной, к сожалению, русской критикой, очень велико». В качестве аргументов Сологуб пишет об «эмоциональной насыщенности ее стремительной речи», о превосходном построении ее рассказов: «течение ее рассказа развивается естественно, живо, стремительно и не загромождается ничем лишним». Чарская, по мнению Сологуба, «...обладает большим умением изображать характеры людей и внешние их приметы. При этом она соблюдает истинно-художественную экономию средств». В очерке Сологуба отчетливо чувствуется тенденция защиты писательницы. «Критика не поняла Чарскую, увидела в ней только восторженность, не угадала смысла этой восторженности и слишком слепо осудила одно из лучших явлений русской литературы», — пишет он [Архив, 1926, с. 5]. Некоторые мысли и замечания Сологуба достаточно оригинальны и впервые встречаются в критике детской литературы, например:

Чарская имела большую смелость сказать, что дети не нуждаются ни в воспитании, ни в исправлении от взрослых, что настоящее воспитание и, в случае надобности, исправление они получают в другом, более надежном месте, получают только в товарищеском единении. И еще большую дерзость, — хотя, конечно, после Льва Толстого и не новую, — учинила Чарская, показавши, как и сами взрослые воспитываются и исправляются детьми [Там же, с. 5]¹⁴.

К сер. 1930-х гг., когда линия бифуркации между дореволюционным и советским временем искусственно подчеркивается как резкий, окончательный, одновременный перелом и мифологизируется, имя Чарской вновь стало появляться в критике. В 1932–1933 гг. В. Шкловский вновь начинает «погромную» традицию критики Чарской, включив в две своих статьи о писательнице идеологическую составляющую. В статье «О пище богов и о Чарской» Шкловский, узнав о чтении пионерами Чарской, Лукашевич и «Маленького лорда Фаунтлероя» Ф. Бернетт, заявляет, что книги Чарской были «пищей карликов», которая, в отличие от настоящей литературы — «“пищи богов”, тормозила развитие юного человека» и что «книги эти плохие, написанные жалким бедным языком» [Шкловский, 1932]. Следует отметить, что «Маленькому лорду Фаунтлерою» досталось еще больше: «Носить первого мая на палке чучело Керзона или Чемберлена и дома читать маленького лорда — это значит иметь два сердца и две шкуры» [Там же]. Впрочем, во второй статье («Кяжна Джаваха»), где Шкловский упрекает Чарскую в национализме, содержится ряд фактических ошибок, на которые через год укажет Елена Данько [Шкловский, 1933].

Очевидно другое — Чарская, по крайней мере, до середины 1930-х гг. продолжала быть популярной среди детей, причем детей нового поколения, научившихся читать после революции. Поэтому два корифея детской литературы, Самуил Маршак и Корней Чуковский, на Первом съезде писателей однозначно сформулировали свои позиции. Маршак заявил, что «убить» Чарскую «было не так-то легко», и она продолжает «жить в детской среде, хотя и на подпольном положении»¹⁵. А К. Чуковский сказал, что «Чарская отравляла детей тем же сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств»¹⁶. Интересно проследить, как перекликаются взгляды Маршака и Чуковского с последним очерком о Чарской, вышедшим в советский период — в 1933 г.¹⁷ На наш взгляд, этот очерк, принадлежащий перу писательницы Елены Данько (1897/1898–1942), является одной из самых интересных работ о Чарской, сравнимой с «античарским» памфлетом Чуковского или очерком «за Чарскую» Сигизмунда Либровича. До 2-й пол. 1980 гг., то есть до начала реформ эпохи перестройки, этот очерк был последней критической публикацией о творчестве Чарской¹⁸. Елена Данько не хвалит Чарскую, считает, что с ней надо бороться, но очень внимательно замечает и анализирует ее литературные приемы. Она не считает Чарскую достойной чтения,

но и не упрекает ее читателей в безвкусице. Она не обвиняет Чарскую в «нежизненности», наоборот, приводит примеры соответствия поведенческих моделей героев Чарской и советских пионеров. Автор статьи показывает собственный достаточно репрезентативный социологический материал по результатам опросов детей-пионеров¹⁹, который отнюдь не свидетельствует о том, что Чарская теряет свою популярность у читателей-пионеров, несмотря на все ее запреты. Е. Данько на конкретных примерах фиксирует, что советская детская литература не использует любопытных приемов Л. Чарской и поэтому не достигает такой популярности.

Первоначально Данько, после демонстрации анкет пионеров «за Чарскую», как бы следует методике К. Чуковского. Она отмечает повсеместную игру писательницы «на все нарастающем чувстве жути» и «ужасов» переживаний героинь, попавших в руки злодеев. Однако вывод, к которому приходит автор статьи, скорее неожидан:

Но до определенного возраста читатель использует любой материал, лишь бы этот материал какой-то своей стороной годился на потребу формирующейся психики читателя, служил трамплином для воображения и указывал выходы собственной, возрастной героинке читателя. Книги Чарской отвечают этим условиям [Данько, 1933, с. 127].

Приведя в пример начало трех повестей Чарской, где описывается ночная гроза и буря, Елена Данько отмечает, что сегодняшние пионеры ведут себя аналогично героям повестей²⁰ и признает, «что такое начало книги забирает мертвой хваткой нашего “искателя романтики” <...> Читателя уже “не докличешься к обеду”» [Там же, с. 128].

В качестве следующей причины привязанности к Чарской Елена Данько считает ее прием изображения перехода героя «от худшего к лучшему», а многие советские детские книги «изображают судьбу героя как сплошной переход “от плохого к худшему”»: «Наш “искатель романтики” — убежденный оптимист. Книги Л. Чарской привлекают его тем, что в них после опасных приключений, ужасов, страданий наступает и время удач и побед героя» [Там же, с. 129].

Критик отмечает, что ребята требуют сюжетных книг («Читатель изголодался по сюжетной литературе»). Но таких книг в советской литературе откровенно мало. Правда Елена Данько дает этому объяснение:

Советские писатели завоевали для детской книги конкретное материалистическое содержание. В детскую литературу хлынул огромный, совершенно новый материал. Задачи освоения этого материала стояли на первом плане, задачи построения сюжета — на втором [Там же, с.130].

И опять критик делает экивок в сторону Чарской: «Знакомый, привычный материал остро воспринимается читателем лишь в том случае, если он построен сюжетно и развязка — неожиданна» [Там же, с. 131].

Четвертая причина популярности писательницы, по мнению критика связана с тем, что «в произведениях Л. Чарской уделяется много места и внимания личности и психике героини и ее отношениям с окружающими»²¹. Данько ставит в укор советской детской литературе, что «...современный детский писатель стесняется любить своего героя. Мало того, он стесняется говорить о чувствах героев иначе, чем показом внешних проявлений этих чувств» [Там же, с. 132]. На конкретном примере из рассказа А. Углова «На Волге» иллюстрируется, что упоминание в тексте одной конкретной детали, относящейся к персонажу, еще не устанавливает эмоционального контакта между читателем и героем. И автор очерка замечает: «Л. Чарская не преминула бы растрогать читателя мыслями девочки» [Там же].

Как это ни парадоксально для советской критики, Данько очень точно замечает, что:

основная тема Л. Чарской, тема, по которой идет нарастание романтических событий, — бунт одаренной личности против условностей среды, протест героини против серых, “обыкновенных” людей, готовых обезличить и поработить непонятную им индивидуальность [Там же, с.134].

Без акцентировки, но автор очерка указал на некоторую революционность героев Чарской.

И даже в отношении игры Чарской «...на неосознанной чувственности своего читателя. Страницы ее книг пересыпаны поцелуями» [Там же, с. 136]. Елена Данько делает вывод, что советских юных читательниц вполне закономерно интересуют проблемы пола и подкрепляет это данными читательского репертуара девочек-пионерок.

Повторим, никто не предлагает сделать из Данько защитника Чарской. Она совершенно не воспринимает моделей воспитания

«по Чарской» и даже заявляет: «“Принципиальные” читательницы Чарской — последние могики этого типа. Они находятся в непрерывном конфликте со школьной средой» [Данько, 1933, с. 138]²². Критикуются и политические воззрения автора, ведущие к тому, что «увлеченный героикой» читатель не сможет опознать в герое откровенного классового врага. Елена Данько сетует, что читатель «...бессознательно всасывает лубочный монархизм и лубочный шовинизм» [Там же, с. 130]. Но, в конце концов, критик не обвиняет читателей, а упрекает советских детских писателей, хотя лексико-стилистический словарь последнего абзаца отчасти портит впечатление от всей наблюдательной критики в отношении Чарской Елены Данько:

Читатели книг Чарской в массе отнюдь не бросовой, не попорченный человеческий материал. Они заслуживают того, чтобы им дали книгу, отвечающую на их законные возрастные запросы. Но не следует забывать, что автору детских книг нечему учиться у Чарской. Книги Чарской — не первоисточник, а дешевенькая копия, переводная картинка, пошлый лубок. Если читатель удовлетворяет свой здоровый голод жалким суррогатом литературы, мы должны дать ему не такой же суррогат, а здоровую пищу [Там же, с. 140].

Если резюмировать весь корпус критических работ о Чарской за период 1900–1930-х гг., то, к сожалению, приходится признать, что педагогический пафос («боязнь чтения Чарской») оказался здесь значительно сильнее, чем аналитическое начало. Редкие тонкие наблюдения о специфике сюжета и приемов у Чарской, формах детской массовой литературы и массового чтения трудно вычленимы за часто повторяющимися тезисами о стереотипности сюжета и экзальтированности героев.

Возращение к критике и исследованиям творчества Чарской пришло стараниями Евгении Оскаровны Путиловой только в 1989 г.²³ и с тех пор «чарсковедение» стало предметом монографий, диссертаций, сотен статей и даже сайтов ее поклонников²⁴.

Источники

- [Архив Ф. Сологуба] РО ИРЛИ, ф.289, оп.1 (доп.), ед.хр. 57. С. 1–6.
Абрамова В. Лидия Чарская. Игорь и Милица. (Соколята) // Что и как читать детям. 1916. № 5–6. С. 172–173.
 Биржевые ведомости. 1905, № 620. С. 6.
 Война и дети // Что и как читать детям. Критико-библиографический ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 20–21.
Воровский В. Цыпочка // Зритель. 1905. № 9. 7 авг.

- Гловский М.* Задушевная поэтесса // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф (Вестник литературы). 1910. № 2. Стлб. 40–41.
- Данько Е.* О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3. С. 124–140.
- Исторический вестник. 1905. № 12. С. 121.
- Князев В.* На очередные темы // Сатирикон. 1912. № 39. С. 6.
- Комарницкий В.* Чарская как детская писательница. Варшава, 1914.
- Масловская З.* Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа. 1911. № 9. Отд. 1. С. 102–125.
- Маршак С. Я.* Сводоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 (стенографический отчет). М., 1934; (репринт, 1990).
- Московские ведомости. 1909. № 23. С. 12.
- Наркевич А.* «О сочинениях Л. Чарской» // Детская литература. 1939. № 7. С. 62–68.
- Правительственный вестник. 1904. № 23.
- Путилова Е. О.* О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О литературе для детей / Ленингр. дом дет. кн. изд-ва «Детская литература». Л., 1989. Вып. 32. С. 73–97.
- Путилова Е. О.* Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература. 1995. № 4. С. 159–168.
- Речь. 1909. № 13.
- Родников В.* Очерки детской литературы. Киев, 1912.
- Русаков В.* Как живет и работает автор «Княжны Джавахи» // Задушевное слово для старшего возраста. 1913. № 43. С. 2–3.
- Русаков В.* [Либрович С. Ф.] За что дети любят Чарскую? СПб., 1913.
- Саввин Н. А.* Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1913 год. М., 1914.
- Саввин Н. А.* Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература 1909–1910 гг. М., 1911.
- Соболев М. В.* Новые повести Л. Чарской для юношества // Педагогический сборник. 1916. № 10. С. 476–481.
- Фриденберг В.* Новости детской литературы. 1912. № 6. С. 2–6.
- Цветаева М. И.* Памяти Нина Джавахи // Стихотворения и поэмы: в 5 т. Т. 1. N.-Y., 1980. С. 11–12.
- Чарская Л.* Игорь и Милица: Соколята. Пг.: Тип. акц. общ. «Дело», 1915.
- Чуковский К.* Чарская // Речь. 1912. 9 (22) сент.
- Чуковский К.* Современное слово. 1912. 9 (22) сент.
- Чуковский К. И.* Речь // Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 (стенографический отчет). М., 1934; (репринт, 1990).
- Чехов Н. В.* Детская литература. М., 1909.
- Чехов Н. В.* Введение в изучение детской литературы: из лекции народным учителям на летних курсах по вопросам детской литературы и детского чтения. М., 1915.
- Шкловский В.* О пище богов и о Чарской // Литературная газета. 1932. № 16. 5 апреля.
- Шкловский В.* «Княжна Джавахи» // Звезда. 1933. № 5. С. 93–94.

Примечания

¹ См., напр.: Либрович С. Ф. (Русаков В.) За что дети любят Чарскую? СПб., 1913; Комарницкий В. Г. Л. А. Чарская как детская писательница: Доклад. Варшава, 1914.

² Чуковский К. Чарская // Речь. 1912. 9 (22) сент.; Современное слово. 1912. 9 (22) сент.

³ Цветаева М. И. Памяти Нины Джавахана [Цветаева, 1980, с. 11–12].

⁴ Прием неслыханно татарский, —

Не пожалел Чуковский Чарской.

Ам-ам! —

И нет ее, mesdemes,

Ам-ам!.. [Князев, 1912, с. 6].

⁵ См. там же: «Особенно типичною является вторая повесть, посвященная изображению стихийного характера Марфы и ее отважного сына Дмитрия. Следуя довольно верно историческому изложению, рассказ все же изобилует сильными сценами и часто ведется в повышенном тоне» («Под звон веневого колокола (Марфа Посадница)». — В. Г.).

⁶ «Белые пелеринки», «Большой Джон», «Грозная дружина», «Джаваховское гнездо», «За что», «Записки институтки», «Записки сиротки», «Записки гимназистки», «Записки маленькой гимназистки», «Люда Влассовская», «Сибирочка», «Счастьишчик», «Щелчок», «Южаночка», «Юность Лиды Воронской», «Юркин хуторок».

⁷ Представляется необходимым привести некоторые другие примеры: «У Чарской даже четырехлетние дети никак не могут без обморока!»; «Нечего и говорить о том, что эти малые дети то и дело убегают из дому — в дебри, тундры, в моря, океаны, ежеминутно висят над бездонными пропастями и по всякому малейшему поводу покушаются на самоубийство»; «Я волнуюсь, я мучаюсь, но в новой книжке — “Щелчок” — маленький мальчик опять целует у кого-то сапоги, умоляя “Исхлещи меня кнутом до полусмерти!”; «И снова князь, и снова княгиня — ежеминутно на этих обоях повторяется тот же узор»; «Как жаль, что в японскую войну кавалеристы не читали Чарской! То-то натворили бы подвигов!»; «Сосчитайте-ка, сколько поцелуев хотя бы в “Люде Влассовской”»; «Я увидел, что истерика у Чарской ежедневная, регулярная, от “трех до семи с половиной”». Не истерика, а скорее, гимнастика» [Чуковский, 1912].

⁸ См. там же: «Все идеальные, природные сокровища женского ума и сердца у героинь Чарской отсутствуют, ибо на них нет спроса; они обесценены в той среде, где приходится девочкам жить и развиваться» [Комарницкий, 1914, с. 12].

⁹ Русаков В. Как живет и работает автор «Княжны Джавахан» // Задушевное слово для старшего возраста. 1913. № 43. С. 2–3.

¹⁰ «Придерживаясь того взгляда, что дети — прежде всего люди, а не только объекты воспитательного на них воздействия, и что в вопросах, касающихся детей, необходимо до известной, по крайней мере, степени, считаться также и с мнениями и взглядами их самих, подвергая их мнения, если это нужно, тщательному анализу, мы постараемся прежде всего выяснить, как сами дети объясняют свое восторженное отношение к произведениям Чарской. Не думаем, что все ответы, приводимые Либровичем, являются ответами детей (например, «Чарская привлекает фабулой и красивым рассказом») [Русаков, 1913, с. 5].

¹¹ Первую яркую и чисто позитивную оценку всему творчеству Л. Чарской дал в своей статье «Задушевная поэтесса» Мариан Гловский [Гловский, 1910]. Но указанная работа, в основном, строится не на анализе, а на позитивных эпитетах в адрес творчества Л. Чарской.

¹² См., напр., статью «Война и дети» в сборнике «Что и как читать детям» за 1915 г.

¹³ См.: Соболев М. В. Новые повести Л. Чарской для юношества [Соболев, 1916].

¹⁴ См. также: Путилова Е. О. Ф. Сологуб и Л. Чарская [Путилова, 1995].

¹⁵ См.: «“Убить” Чарскую, несмотря на ее мнимую хрупкость и воздушность, было не так-то легко. Ведь она и до сих пор продолжает, как это показала в своей статье

писательница Е. Я. Данько, жить в детской среде, хотя и на подпольном положении. Но революция нанесла ей сокрушительный удар. Одновременно с институтскими повестями исчезли с лица нашей земли и святочные рассказы, и слащавые стихи, приуроченные к праздникам» [Маршак, 1934, с. 22].

¹⁶ См.: «И Чарскую тоже нельзя трактовать (как ее трактуют теперь), как пошлую романтическую институтку. Чарская отравляла детей тем же сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств» [Чуковский, 1934, с. 180].

¹⁷ Данько Е. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3. С. 124–140.

¹⁸ Исключение составляет статья А. Наркевича «О сочинениях Л. Чарской» [Наркевич, 1939].

¹⁹ «В основу этого очерка положен материал анкетного обследования читателей-пионеров, предпринятого ДКВД Смольнинского района, и материал моих заметок, сделанных во время работы с читателем», — пишет Е. Данько [Данько, 1934, с. 124].

²⁰ «Наши читательницы не боятся грозы, но реагируют на грозу крайне эмоционально. В пионерлагерях я видела, как девочки, наравне с мальчиками, радовались грозе, с особенным удалством выбегали под дождь, старались не прозевать ни одной вспышки молнии, сопровождали свою беготню воинственными криками. Между ними и отважной фигуркой героя с первых слов повести возникает контакт» [Там же, с. 128].

²¹ «Читатель хватается за книги Л. Чарской, дающие обильный материал об отношениях с людьми, и не замечает, что интересующие его проблемы разрешены на основе совершенно чуждого ему миропонимания» [Там же, с. 131].

²² Приводится реальный пример такой девочки, которую совет лагеря решил отправить домой за постоянные драки с товарищами: «Дети сами удалили из своей среды инородное тело».

²³ См.: Путилова Е. О. О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской [Путилова, 1989].

²⁴ См., напр., сайт: <http://www.diary.ru/member/?283227>

Ю. Валиева

ЛЕНИН И ОЧКИ: ОБ ИСТОЧНИКАХ КНИГИ Л. САВЕЛЬЕВА «ШТУРМ ЗИМНЕГО»*

В статье производится источниковедческий анализ книги Леонида Липавского для детей «Штурм Зимнего» (1938), написанной под псевдонимом «Л. Савельев». На основе переписки автора с редактором Детгиза К. Пискуновым из материалов РГАЛИ (Российского государственного архива литературы и искусства) рассматриваются некоторые особенности предпечатной подготовки этой книги. Как показывает исследование, среди ее источников особый интерес представляют киноцитаты, которые становятся для автора оригинальным приемом обхождения цензуры.

Ключевые слова: Л. Липавский, Л. Савельев, ОБЭРИУ, детская литература 1920–1930-х, источниковедение, архивные материалы, С. Эйзенштейн, М. Ромм, Г. Болтянский.

Книги обэриутов для детей о революции — одна из «закрытых» тем обэриутоведения. В советское время обращение исследователей к данной теме имело вынужденный характер, в постсоветское — считалось неоправданным. Больше всего вопросов возникает при изучении творчества Л. Липавского (1904–1941), вошедшего в историю советской литературы под псевдонимом «Л. Савельев» как «автор первых книг об Октябре». В статье производится источниковедческий анализ наиболее идеологизированной из его книг — «Штурм Зимнего».

ПЕРЕПИСКА С РЕДАКТОРОМ

Книга Л. Савельева «Штурм Зимнего» вышла в издательстве «Детская литература» в 1938 г., в серии «Маленькая историческая библиотека». Тираж первого издания составил 100 300 экз.

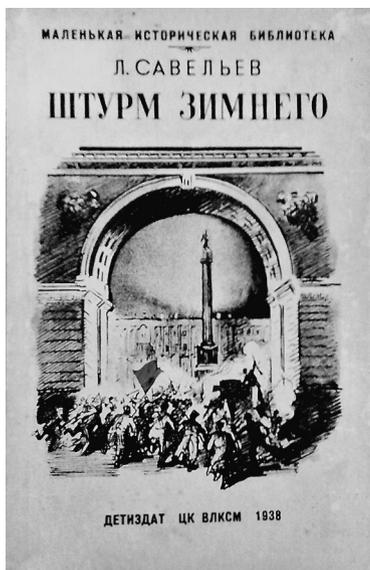
* Основные положения статьи были представлены нами в докладе «Casus Sovieticus (обэриуты и революция)» на Международном научном симпозиуме: The International Symposium “1917–2017: Comparative Looks on the Soviet Artistic Avant-gardes” (06.12–10.12. 2017. INALCO, Paris 10 и Paris 8, Франция).

В 1939 г. книга была переиздана там же, без изменений, в серии «Школьная библиотека», для начальной школы (sic!), тиражом 275 000 экз.

Рецензия в журнале «Литературное обозрение» в достаточной степени передает идеологический характер этой книги: «Автор излагает гениальный ленинский план восстания, рассказывает о гнусной измене Каменева и Зиновьева, раскрывших перед врагами секретное решение ЦК о восстании, показывает судорожные попытки Временного правительства обезоружить петроградский пролетариат» [Литературное обозрение, 1939, с. 41].

Оставляя в стороне вопрос о мотивах работы Л. Липавского над этой книгой, рассмотрим некоторые ее источники.

В РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства) сохранились переписка Л. С. Савельева с редактором «Детгиза» Константином Федоровичем Пискуновым и редактора рукописи, относящиеся к заключительному этапу работы над книгой. Из этих материалов следует, что повесть «Штурм Зимнего» была написана к 20-летию революции. Подготовка ее к изданию затянулась в связи с выходом в свет краткого курса Истории ВКП(б). (История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. : Правда, 1938), что потребовало внесения соответствующих «уточнений» идеологического плана. Дабы избежать неприятностей, К. Ф. Пискунов передал книгу на просмотр Исааку Израилевичу Минцу, одному из составителей «Истории гражданской войны в СССР»¹. Приведем письмо К. Пискунова Л. Савельеву от 15 ноября 1938 г., из которого явствует, что он сам, следуя указаниям Минца, «дополнил» текст «Штурма Зимнего» необходимыми формулировками («некоторые выражения взяты дословно»).

Илл. 1. 1-е издание книги Л.Савельева «Штурм Зимнего» (1938)

Уважаемый т. Савельев!

После долгих хлопот, я получил через Отдел Печати ЦК ВКП(б) замечания Минца на вашу книгу.

Посылаю Вам копию рукописи², на полях которой имеются:

- 1) пометки Минца (красный карандаш),
- 2) мои пометки (чернила в кружочке).

Этот экземпляр рукописи целиком соответствует тем гранкам, которые я отправил сегодня в верстку. Послать Вам гранки я не смог. В гранки мною внесены некоторые поправки (вставки), содержание которых посылаю Вам на утверждение. Все исправления я делал соотносясь с учебником истории партии³ и учебником Шестакова⁴. Некоторые выражения взяты дословно и это не беда. Посмотрите.

Что я жду от Вас? Прочтите всю рукопись от слова до слова, учтите все замечания, исправьте и немедленно шлите обратно.

Меня ожидают крупные неприятности за предстоящую дополнительную правку в верстке — поэтому без нужды не переделывайте, — исправьте самое необходимое — в первую очередь по замечаниям Минца.

Я не уверен, что Минц до конца все внимательно просмотрел — он делал это, видимо, в спешке, и я прошу Вас еще раз сверить рассказ с соответствующими главами учебника «Истории ВКП(б)».

Последняя просьба: пришлите мне перечень всех источников, по которым сделан «Штурм Зимнего».

Вот как много хлопот с этой книгой!

Жду с нетерпением обратной почты!

Привет К. Пискунов

Позвоните мне утром часов в 9.

Дом. тел. К 0-37-88⁵.

Пометы на полях рукописи, редакторская и авторская правка, а также ответное письмо Л. Савельева, содержащее постраничные пояснения, дают представление о требованиях к нему цензуры. Вопросы редактора касались: 1) формулировок идеологического характера; 2) событий в Петрограде 24–25 октября 1917, их хронологии; 3) источников приведенных в книге деталей.

Как можно заключить из редактуры рукописи, несколько глав книги были полностью переработаны согласно замечаниям Минца, добавлены глава «Измена» (о Каменеве и Зиновьеве) и в финале — глава «Речь Ленина» (на II Съезде Советов). Имея сам немалый опыт работы в издательстве, Савельев, тем не менее, пытался редакторскими же методами «двойного чтения» отстоять свой текст от внедрения идеологических клише:

III. (нач. стр. 2) ... «план восстания рабочих и крестьян против буржуазии, против контрреволюционного Временного правительства» во главе с Керенским».

Прошу вычеркнуть слова «контрреволюционного» и «во главе с Керенским». У меня этого, кажется, не было. Эти слова утяжеляют фразу, излишни и нетактичны (?)⁶. Кроме того, фраза может быть прочитана с такой интонацией, что получится смысл — план восстания рабочих и крестьян во главе с Керенским. Надеюсь, что эти мелкие вычерки переверстки не потребуют⁷.

VI. (стр. 3) Вставлено: «раскусив их предательскую политику». Несколько вульгарно. Кроме того, в одной фразе почти рядом «их» и «им», причем «их» относится к меньшевикам, а «им» к большевикам — несколько путанно. Я бы не давал этой вставки⁸.

Ряд замечаний И. И. Минца относится к разночтениям в описании революционных событий, в том числе, действий крейсера «Аврора» и гарнизона Петропавловской крепости: а) кто стрелял первым? б) были выстрелы холостыми или боевыми? в) почему они не были боевыми?

Помета Минца на полях рукописи: «Проверьте, что-то меня смутил этот параграф»:

«Но пушки Петропавловской крепости почему-то не стреляют (больше — зачеркн. ред.). Мерцает красный фонарик высоко над крепостью, но сама крепость молчит, оттуда не доносится ни звука»⁹.

Из ответа Савельева Пискунову:

XXXIX (стр. 42)

Минц, пожалуй, прав: какая-то неясность в этой истории имеется, — если стреляла холостыми, то могла и боевыми. Кроме того, из источников нельзя установить с несомненностью, стреляла ли крепость в этот момент или начал^а потом, уже ночью. Да и вообще получается сложно (слово вписано сверху. — Ю. В.) и путанно: фонарь — холостые выстрелы крепости — холостой выстрел «Авроры» — боевые выстрелы крепости.

Поэтому лучше всего вообще выбросить о холостых выстрелах крепости. Так я и сделал¹⁰.

В текст была внесена правка:

Тогда военно-революционный комитет решает: начать *штурм*¹¹ (бой — зачеркн).

Сигнал к началу боя известен всем начальникам революционных отрядов: над Петропавловской крепостью *загорится* (взвывается —

зачеркн. ред.) красный фонарик; *после этого крепость начнет стрелять по дворцу из пушек* (и пушки дадут холостой выстрел — зачеркн. ред.).

Вот, высоко на шпигеле Петропавловской крепости вспыхивает красный фонарик. Вот, *увидев этот сигнал, дает* (раздаются одни за другим два громких пушечных выстрела: это дала — зачеркн.) холостой выстрел (Петропавловская крепость и сейчас же такой же выстрел дала — зачеркн.) *крейсер «Аврора»*. Теперь Петропавловская крепость должна начать стрельбу боевыми снарядами¹².

Именно в такой редакции (смотри выше) этот эпизод вошел в книгу «Штурм Зимнего» (1938)¹³ и во 2-е ее издание — «Штурм Зимнего» (1939) [Савельев, 1939].

На просьбу редактора прислать «перечень всех источников, по которым сделан “Штурм Зимнего”», Савельев отвечает уклончиво:

Что касается списка источников, то, если бы я знал это заранее, я бы это сделал. Но вспоминать названия всех книг, которыми я пользовался при работе в прошлом году, я не могу. Важно то, что основным было: 1) первоисточники (Ленин, Сталин); 2) статья в «Большевике» № 19–20¹⁴; 3) сборник, изданный «Ист. гражд. войны в СССР»¹⁵.

Введение из воспоминаний (а я перечитал их без счета) я собирал критически, в том случае, если они подтверждали то, что сказано в перечисленных трех источниках¹⁶.

Он дипломатично уходит от перечисления цитируемых так или иначе воспоминаний. Объясняется это тем, что к осени 1938 г. многие авторы мемуаров, а также составители и редакторы сборников документов о революции, были репрессированы. Имена С. А. Алексеева (Аскольдова)¹⁷, Н. Рожкова¹⁸, С. Пестковского¹⁹, чьи работы в той или иной степени были использованы Савельевым при написании глав об Октябрьской революции в книге «Немые свидетели» (1927), не говоря уже о соратниках Ленина (Троцком и др.), не могли быть названы.

Беспокойство редактора, по всей видимости, в связи с этим вызывали источники приведенных в «Штурме Зимнего» деталей приезда Ленина в Петроград 7 октября 1917 г. и подробностей его появления в Смольном в ночь на 25 октября. В первом из этих эпизодов, в описании Л. Савельева, маскировку прибывшего на паровозе Ленина составляли седой парик, очки и широкополая шляпа. Паровоз отцепляли от состава, он давал задний ход и останавливался у водокачки.

Объяснения Савельева по этому вопросу звучат неожиданно — он ссылается в качестве документа на кинотекст, указы-

вает источником фильм М. Ромма «Ленин в Октябре», вышедший на экран в 1937 г.

Из письма Липавского Пискунову:

Х. (нач. 7 стр.). То, что Ленин вернулся *на паровозе, в парике*, имеется во всех воспоминаниях. Минца смутили, очевидно, подробно: юнкера, проверяющие документы; *паровоз, отцепившись, идет назад, к водокачке*. Так именно показан приезд Ленина в фильме «Ленин в Октябре».

И добавляет: «Полагаю, что можно оставить, как есть. Если хотите, вычеркните водокачку»²⁰.

Редактора объяснения Савельева удовлетворили, в таком прочтении, с потерей только одного слова, которым автор согласился поступиться, эта сцена и была опубликована:

Поезд только что прибыл в Петроград. Пассажиры торопливо покидали вагоны. Внезапно их окружили юнкера и стали проверять документы: юнкера искали Ленина.

В это самое время *паровоз поезда отцепился от вагонов и быстро покатился назад*. Потом он вдруг остановился. Со ступеньки паровоза соскочил *невысокий седой человек в очках*. Надвинув на лоб свою *широкополую черную шляпу*, быстро пошел он через рельсы.

Это был Ленин [Савельев, 1938, с. 11] (здесь и далее курсив автора статьи. — Ю. В.).

Источниковедческая интрига, однако, заключается в том, что в фильме М. Ромма поезд действительно дает задний ход, но водокачка не показана, Ленин же — одет в кепку, на нем нет ни парика, ни очков. Отсутствует приведенное Савельевым описание и в опубликованном сценарии А. Каплера:

...Василий отцепляет паровоз, вскакивает на подножку. Паровоз уходит. За паровозом бегут юнкера. Свистят.

Далеко, на запасных путях, паровоз останавливается.

Ильич протягивает руку машинисту:

— Большое спасибо, товарищ.

Ленин и Василий сходят с паровоза и исчезают в темноте.

Вдали слышатся тревожные свистки юнкеров [Каплер, 1937, с. 4].

Любопытно, что сцена с водокачкой была дана в раннем варианте сценария А. Каплера, имевшем название «Восстание» (с текстом которого, следовательно, Савельев был знаком). Сценарий обсуждался на совещании режиссерской коллегии в Ленинграде 19 декабря 1936 г.:

Василий отцепляет паровоз.

Когда караул подбегает — паровоз, рванув с места, уходит в темноту. Василий вскакивает на подножку.

Юнкер свистит и бежит за паровозом.

Машинист останавливается у водяного рукава.

— Спасибо, товарищ!

Ленин пожимает руку машинисту и сходит с паровоза вслед за Василием. Они спускаются с насыпи и скрываются в темноте.

Машинист сосет трубку.

Юнкер со спутниками подбегают к паровозу. Он вскарабкивается в будку и хватает машиниста за грудь.

— Почему уехал?

Машинист медленно снимает руки юнкера со своей груди.

— *Воду набираю... — лицо его сумрачно, на скулах ходят желваки*²¹.

Детали маскировки Ленина в сценарии указаны не были. Их Липавский мог почерпнуть из воспоминаний Эйно Рахья «От Выборга к Октябрю», напечатанных 20 июля 1927 г. в «Ленинградской правде», в которых говорилось о том, как Ленин выглядел, садясь в поезд в Выборге: «Выходя со мной, он надел *фетровую шляпу*. Под шляпой был *густой парик с сединкой*. (Этот парик был в свое время взят на прокат тов. Шотманом в Петрограде в парикмахерской на Кирочной улице, за 5 рублей. Деньги за прокат и по сей день не заплачены, т. к. парикмахерская вскоре закрылась.) В этом парике и в белой рубаше с черным галстуком, при золотых очках, он очень походил на финского пастора» [Рахья, 1927b, с. 2]²². (курсив автора статьи. — Ю. В.).

ЛЕНИН ИДЕТ В СМОЛЬНЫЙ

Вопросы редактора возникли и по поводу источников сведений о событиях вечера 24 октября, о которых говорится в главе «Ленин идет в Смольный»: а) Ленин сам решает пойти в Смольный на заседание Совета; б) кто его «гримирует»; в) сопровождает ли его кто-либо; в) на чем он добирается в Смольный?

В воспоминаниях Эйно Рахья о Ленине, неоднократно публиковавшихся в 1926–1927 гг. в периодических изданиях, утверждалось, что именно он сопровождал Ленина, но имелись разночтения: то автор писал, что они с Лениным шли в Смольный пешком, то сообщал, что ехали на трамвае, по-разному преподносился процесс маскировки: а) Ленин облачался в «костюм» самостоятельно; б) в этом ему помогал Рахья; в) помощников было несколько. Правда, во всех его версиях элементами костюма являются

«кепка» и «широкий платок» (которым у Ленина была перевязана щека, словно у него болели зубы). Вот несколько примеров.

В устных воспоминаниях Рахьи, приведенных в статье Еф. Южного «Ленин в Смольном» в газете «Смена» 22 января 1926 г.: «...Помню, поздно вечером 25 октября²³ Владимир Ильич потребовал, чтобы я проводил его в Смольный <...> Я отговаривал В. И. ехать, опасаясь за его жизнь, но он с присущей ему настойчивостью потребовал сопровождать его. Он был одет в простой рабочий костюм. На голове засаленная кепка. Щека подвязана широким платком, чтобы скрыть лицо» [Южный, 1926, с. 2] (подчеркивание здесь и далее автора статьи. — Ю. В.).

Из публикации 21 января 1927 г. в «Ленинградской правде»: «Для безопасности решили все-таки замаскироваться. Поскольку имелась возможность, переменяли на нем одежду, перевязали зубы достаточно грязной повязкой, на голову напялили заваливающуюся кепку» [Рахья, 1927а, с. 2].

А это воспоминания Рахьи из московского журнала «Экран» (1927, № 43): «Ленин начал одеваться. Я раздобыл у хозяина квартиры старую засаленную кепку, большой грязный платок, обвязал им лицо Ленина — будто бы зубы болят, и в таком костюме мы отправились пешком в Смольный» [Рахья, 1927с, с. 10].

Среди рекомендованной Липавскому Минцем и Пискуновым литературы указана книга «В дни Великой Пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году», представлявшая собой свод воспоминаний о революции (в том числе в литературной обработке²⁴), выправленных с точки зрения трактовки событий. В ее состав были включены воспоминания хозяйки квартиры дома № 4 по Сампсониевскому проспекту Маргариты Фофановой, у которой в октябрьские дни 1917 г. жил Ленин. Фофанова утверждала, что тем вечером Ленин оставался в квартире один, ушел, ее не дождавшись, оставив записку. В ее рассказе о том, каким она увидела Ленина в тот же вечер в Смольном, тоже имеются противоречивые детали: ей (как и Рахье) запомнилось, что у Ленина «щека [была] подвязана платком», и в то же время, что на нем были шляпа и парик!

Вместе с огромной толпой мне удалось все же пробраться в Смольный. Внезапно в этой толпе я увидела Владимира Ильича. Узнала его не сразу — он был *в парике, а щека подвязана платком*. Затем я бросилась догонять Ильича и догнала его только в 100-й комнате. Владимир

Ильич начал раздеваться; снимая с головы шляпу, нечаянно снял вместе с ней и парик. Все это он засунул в карман пальто [Фофанова, 1937, с. 112] (курсив автора статьи. — Ю. В.).

И в этом случае, когда рекомендованный источник расходится с другими известными источниками, Савельев выдвигает аргументом фильм М. Ромма.

Из письма Савельева Пискунову:

XXIX (стр. 25)

Воспоминания по этому поводу не достаточно ясны, так что разобратся нет возможности. В фильме «Ленин в Октябре» Ленин идет в Смольный по собственной инициативе. Я, однако, все же, изменил так, чтобы и минцевское требование было удовлетворено²⁵.

У Ромма в сцене «костюмирования» Ленина присутствуют и рабочий, и хозяйка квартиры (последняя держит зеркало). Ленин стоит в комнате перед зеркалом, поправляет повязанный через щеку платок, примеряет кепку. Рабочий Василий помогает ему.

[Ленин: — Не черезчур?

Хозяйка квартиры — Нет.

Василий: — Хорошо!

Ленин (запахивает пальто, поворачивается к выходу из комнаты):

— Пошли!].

Отметим, что хотя Л. Савельев ссылается на кинотекст, он в этом эпизоде не использует точную цитату, а монтирует фабульные элементы из разных источников, кино-цитата — один из них. Данный эпизод «составлен» из нескольких источников: 1) Ленин в квартире «совсем один» (Фофанова); 2) он самостоятельно костюмируется; 3) приходит рабочий, уговаривает Ленина остаться дома (Рахья); 4) Ленин и рабочий в трамвае (Ромм).

В окончательном виде эта часть представлена в книге так:

Вечером 24 октября Ленин послал одного товарища, большевика-рабочего, в Смольный, чтобы узнать, как там идет дело, все ли готово к восстанию. Сам он остался *совсем один* в квартире. Вдруг он услышал дальние, заглушенные выстрелы: восстание началось!

Владимир Ильич задумался.

Потом он *вынул из стола спрятанный там седой парик, надел его на голову. Повязал лицо платком, как будто у него болят зубы. Надел очки. Взял пальто и надвинул поглубже, на самые глаза, кепку.*

Владимир Ильич решил идти в Смольный.

В это время *вернулся рабочий. Напрасно стал он просить Ленина не выходить на улицу, говорил о смертельной опасности, которая грозит ему. Ленин был непоколебим.*

Тогда рабочий решил проводить Владимира Ильича до Смольного [Савельев, 1938, с. 32–33].

Непосредственно на основе фильма «Ленин в Октябре» или киносценария А. Каплера Савельевым написана только следующая за этим сцена в трамвае.

В тексте Савельева:

Вместе (с рабочим. — *Ю. В.*) вышли они на улицу и вскочили в первый попавшийся трамвай. Владимир Ильич решил заговорить с кондукторшей, чтобы узнать, как широко успела уже распространиться весть о революции.

— Куда едем? — спросил Ленин.

— В парк. — Ответила кондукторша.

— Почему так рано в парк?

— А ты кто такой? — спросила в свою очередь кондукторша.

— Рабочий, — ответил Ленин.

— Тоже рабочий! — сказала с возмущением кондукторша. — Почему да куда — не знает сам, что делается. Буржуев бить будем! Вот куда едем... [Там же, с. 33].

В сценарии Каплера:

Ленин и Василий входят на площадку вагона. <...>

Кондукторша стоит на ступеньках вагона, держась за поручни и всматриваясь в туман. <...>

— Куда идет вагон? — спрашивает Ленин.

Василий дергает его за руку.

— Молчите!..

Ильич (упрямо, глаза весело поблескивают):

— Товарищ, куда вы едете?

Кондукторша озабоченно глядит в темноту:

— В парк...

Ленин:

— А почему, ведь еще рано?

Кондукторша:

— «Куда», «почему», — ты, что, с луны свалился, — не знаешь, что мы идем сегодня буржуев бить?.. [Каплер, 1937, с. 47]

Аналогично, из разных источников, в «Штурме Зимнего» сопрягаются отдельные элементы маскировки Ленина.

Источники:

Рахья: костюм, платок, кепка

Фильм М. Ромма: пальто, костюм, платок, кепка.

Фофанова: платок, парик, шляпа.

Савельев в тексте «монтирует»: платок («будто у него болят зубы») (Рахья, Ромм, Фофанова), кепка (Рахья, Ромм), пальто (Ромм), парик (Фофанова), очки (?).

«ЧЕЛОВЕК В БОЛЬШИХ ОЧКАХ»

«Происхождение» последнего элемента костюма Ленина — очков — заслуживает отдельного рассмотрения. Упоминание об этой детали присутствовало в воспоминаниях Рахьи, но о другом событии — поездке Ленина из Выборга в Петроград в начале октября. Ни в фильме Ромма, ни в воспоминаниях Фофановой очки в маскировке Ленина не фигурируют. «Вопрос об очках» может показаться несерьезным и незначительным, однако, именно эта деталь в описании внешности Ленина, на которой настаивает Савельев, навела нас на мысль, что при написании «Штурма Зимнего» были использованы какие-то еще источники, упоминание о которых, возможно, было в 1938 г. нежелательным.

Интересно, что история эпизода с переодеванием Ленина перед походом в Смольный вечером 24 октября восходит у Савельева к первой его книге о революции — «Немые свидетели» (1927) [Савельев 1927]. Эта книга, написанная к 10-летию Октября, была в 1930 г. издана в переработанном виде [Савельев, 1930a]. Тогда же главы об Октябрьской революции были выпущены отдельной книжкой — «Ночь Съезда Советов» [Савельев, 1930b; Савельев, 1930c]. В 1935 г. готовилось переиздание «Немые свидетели», однако, в связи с пересмотром исторической роли народовольцев, оно было отменено, — самый большой раздел в книге Савельева был посвящен именно этому этапу развития революционного движения в России²⁶.

Полагаю, что эпизод «Ленин идет в Смольный» в «Штурме Зимнего» задумывался Савельевым стержневым — он был опубликован в 1936 г. отдельным рассказом («Ленинские искры». 21 янв. № 7) под заглавием «Опасный путь», предворяя книжное издание. В основу рассказа были положены воспоминания Рахьи из журнала «Экран», в которых сообщалось, что именно тот снабдил Ильича всеми предметами реквизита, но про очки у Рахьи не говорилось, эту деталь Савельев добавил от себя:

Но в этот вечер Ленин решил непременно пробраться в Смольный к товарищам, чтобы руководить оттуда восстанием. <...>

И вот тогда *Рахья* отдал Ленину свою кепку, повязал ему лицо платком, как будто у Ленина болели зубы, и дал ему очки. Все для того, чтобы Ленина было труднее узнать [Савельев, 1936, с. 4] (курсив автора статьи. — Ю. В.).

В книгах «Немые свидетели», «Ночь Съезда Советов» момент костюмирования Ленина и его путь в Смольный показаны не были, но образ Ленина в гриме присутствовал. Этому была посвящена глава «Человек в больших очках»: загримированного Ленина, находящегося утром 25 октября в Смольном, узнают проходящие мимо него меньшевики. Название главы в обеих книгах было одинаковым. При сопоставлении первого издания «Немые свидетели» (1927) с дальнейшими, переработанными, становятся заметными внесенные изменения цензурного характера. В книге «Ночь Съезда Советов» эти исправления были учтены.

«Отмотаем» историю написания этого эпизода в обратной хронологии: «Ночь Съезда Советов» (1930, 2-е изд.) — «Немые свидетели» (1930) — «Немые свидетели» (1927).

Утром 25 октября в одной из комнат Смольного сидел человек очень странного вида. *Голова у него была обвязана платком, точно у него сильно болели зубы; глаза прикрыты большими очками; на голове плохой картузишко; подбородок бритый.*

Мимо проходили меньшевики. Один из них остановился, посмотрел внимательно на человека в картузе и толкнул локтем соседа.

— Узнали-таки, подлецы, — сказал человек в картузе. Но *его собеседник* ответил, улыбаясь:

— Ну, теперь *это не опасно*, Владимир Ильич... [Савельев, 1930с, с. 36]

Также этот эпизод дан в книге «Немые свидетели» (1930). Расхождения минимальны:

Утром *двадцать пятого* октября в одной из комнат Смольного сидел человек очень странного вида. Голова у него была обвязана платком, точно у него сильно болели зубы; глаза прикрыты большими очками; на голове плохой картузишка; подбородок бритый.

Мимо проходили меньшевики. Один из них посмотрел внимательно на человека в картузе и толкнул *другого*.

— Узнали-таки, подлецы, — сказал человек в картузе. Но *сосед* ответил, улыбаясь:

— Ну, теперь это не так опасно, Владимир Ильич... (Глава «Человек в больших очках») [Савельев, 1930а, с. 225]²⁷.

Обратившись к изданию 1927 г., мы обнаруживаем имена участников этой сцены, исчезнувшие в последующих переизданиях: Л. Троцкий, Ф. И. Дан (наст. — Гурвич)²⁸ и М. И. Скобелев²⁹:

Утром 25 октября в одной из комнат Смольного сидел *Троцкий* и разговаривал с кем-то. Его собеседник был очень странного вида. Голова у него была обвязана платком, точно у него сильно болели зубы; глаза прикрыты большими очками; на голове плохой картузишка; подбородок бритый.

Мимо проходил меньшевик Дан с другим меньшевиком Скобелевым, Дан остановился, посмотрел внимательно на человека в картузе и толкнул локтем Скобелева.

— Узнали-таки, подлецы, — сказал человек в картузе. Но Троцкий ответил, улыбаясь:

— Ну, теперь это не так опасно, Владимир Ильич... [Савельев, 1927, с. 227–228].

Источник этой сцены — воспоминания Л. Троцкого на «заседании» участников Октябрьского переворота в Петербурге, состоявшемся 7 ноября 1920 г., опубликованные в 1922 г. в журнале «Пролетарская революция» (№ 10):

25 открылось заседание 2 съезда Советов. И тогда Дан и Скобелев пришли в Смольный и направились как раз через ту комнату, где мы сидели с Влад<имиром> Ильичем. Он был обвязан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидел нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и прошел. Владимир Ильич тоже толкнул меня локтем: «Узнали, подлецы».

Но это было не опасно, потому что в этот момент мы были господами положения [Пролетарская революция, 1922, с. 56].

КИНОЦИТАТА ПРОТИВ ЦЕНЗУРЫ

Заслуживает внимания тот факт, что эпизод узнавания меньшевиками переодетого Ленина присутствует в фильме С. Эйзенштейна «Октябрь», увидевшем свет в тот же год, что и книга Савельева «Немые свидетели» — 1927. Правда, у Эйзенштейна место действия перенесено из комнаты в коридор Смольного. На скамейке сидят Ленин и Троцкий. Ленин в очках, щека подвязана широким платком, на голове большая кепка. По коридору проходят двое,

Илл. 2. Кадр из фильма
С. Эйзенштейна «Октябрь»
(1927)

один в военной форме и фуражке, второй в пальто и кепке, и едят булку. Останавливаются, беседуя. Человек в военной форме узнает загримированного Ленина и показывает другому. Момент узнавания передается через операторский прием двойной экспозиции: вид Ленина в гриме сменяется изображением Ленина без грима — и снова мы его видим в гриме — и т. д. Титры: «Узнали, сволочи!»

Сам фильм Эйзенштейна источником книги «Немые свидетели» быть не мог — съемки велись, когда книга Савельева уже была сдана в печать. Вряд ли был близок писателю и общий подход режиссера к историческому материалу — в 1927 г. Савельев ориентировался на документ, для него был важен первоисточник — Троцкий. Заметим, что в «Немых свидетелях» были использованы и другие работы Троцкого («Октябрьская революция» (1918), «О Ленине. Материалы для биографа» (1924)). У Савельева в этой сцене нет карикатурного изображения — меньшевики, украдкой поедаящие булку. (Этот мотив в фильме Эйзенштейна почерпнут из «воспоминаний» Рахьи, напечатанных в 1926 г. в газете «Смена».)

В 1938 г. кинотекст становится для Савельева возможным выходом из ситуации подцензурности. И хотя в переписке его с Пискуновым имя режиссера не названо, отсылка к фильму «Октябрь» подразумевалась. «Ленин в очках» не представлял цензурных осложнений: цитате из Троцкого служила прикрытием цитата из Эйзенштейна.

По замыслу Савельева, завершать книгу «Штурм Зимнего» должна была глава «Штурм». В результате редакторской правки в опубликованной книге она является предпоследней, т. к. в финале были введены отрывки из речи Ленина на II Съезде Советов.

Приведем фрагмент из этой главы:

Это был *невидимый бой*: все тонуло во мраке, все сливалось, нельзя было различить ни зданий, ни людей. Вслепую стреляли юнкера, целясь

наугад в темноту, в ту сторону, откуда наступали революционные отряды. И так же наугад отвечали им выстрелами красногвардейцы, матросы и солдаты.

Только отдельные части Зимнего выступали внезапно из тьмы и начинали светиться бледным светом, когда на них попадали лучи прожекторов: «Аврора» направляла с Невы свой прожектор на дворец, скользила по его стенам и по крыше голубоватым лучом, выхватывая из темноты то один кусок дворца, то другой.

Площадь тонула в темноте. И эта тревожная темнота была полна звуков. Непрерывный шум, напоминающий гул моря, стоял над площадью. Все тут сливалось воедино: бесчисленные голоса людей, треск ружейных и пулеметных выстрелов, пение пуль, грохот пушечных снарядов.

Среди мрака и шума революционные отряды завоевывали площадь шаг за шагом, продвигались вперед [Савельев, 1938, с. 66] (курсив автора статьи. — Ю. В.).

Написанная ритмической прозой, глава «Штурм» содержит многочисленные реминисценции из русской и европейской классики (от пушкинской «Полтавы» до Томаса Харди), что наводит на мысль о том, что документальный принцип подачи материала, примененный в «Немых свидетелях» (1927), автором и не предполагался. В первом предложении приведенного выше отрывка вводится мотив «невидимого боя». Само это выражение, звучащее двусмысленно («бой, которого не было видно» = «не было»), противоречит по сути названию главы, ставя под сомнение идеологический посыл всей книги. Видимо, насторожило это выражение и редактора.

Из письма Савельева Пискунову:

XXXI (стр. 31).

В ночь на 25 октября 1917 года большинство петроградских обывателей спали спокойно, не подозревая, что в городе происходит борьба за власть. Значит, борьба была действительно бесшумной и незаметной. Можно вместо слова «невидимая» поставить «почти» (слово вписано сверху. — Ю. В.) незаметная или незримая»³⁰.

В сцене подготовки штурма доминируют визуальные образы. Обратим внимание на абзац «Только отдельные части Зимнего выступали внезапно из тьмы...», содержащий цитату из картины «Ленин в Октябре»: площадь пересекается лучом прожектора (источник луча в фильме не показан). Важным тут является

не только построение визуального ряда, но и подразумеваемый контекст: съемка штурма производилась Роммом в павильоне, далеко от места действия, даже не в Ленинграде, а в Москве.

Сам эпизод штурма представляет у Савельева своего рода палимпсест, отсылая к сцене штурма из фильма Ромма («прорыв» красногвардейцев через ворота Зимнего дворца со стороны площади), в которой, в свою очередь, цитировалась знаменитая сцена штурма из фильм Эйзенштейна «Октябрь»:

Красногвардейцы разбрасывали бревна, выламывали двери, *наваливались на ворота, карабкались по ним вверх.*

И вот огромные железные ворота дрогнули, обе их половины стали медленно и плавно расходиться.

Точно лавина, устремились во дворец революционные отряды.

Перед ними открылась сияющая белизной широкая лестница, просторный коридор, уставленный мраморными статуями, увешанный картинами [Там же, с. 69].

Понимание того, что штурма-то и не было и в Петрограде восстания никто не заметил, было выражено и в октябрьской части книги «Немые свидетели». Именно об этом глава «На Невском», действие в которой происходит между 8 и 11 ч. вечера 24 октября. Начинается она так:

На Невском юнкера останавливали автомобили и проверяли пропуск. Пустые автомобили забирали и отправляли в штаб.

Трамваи шли, но не по своим маршрутам. На многих вагонах появились вывески: «Вагон идет в парк». К вечеру трамвайное движение прекратилось.

Осторожные торговцы закрывали магазины и спускали железные занавесы. Но многие магазины не прекращали торговли. Театры и кинематографы были полны народа [Савельев, 1927, с. 218].

В издании 1927 г. за этим следовал эпизод в кинотеатре, где демонстрировался приключенческий фильм:

В кинематографе сидели две барышни и смотрели, не отрываясь, на экран. Шел итальянский фильм из старинной жизни.

На полотне ожесточенно дрались и умирали рыцари и пираты.

Одна из барышень сказала:

— Как интересно было жить раньше, сотни лет назад. Какие тогда были храбрые люди. Они не боялись сражаться и умирать! А что теперь может быть неожиданного? Только то, пожалуй, что нас могут ограбить хулиганы на пути домой.

Но это неинтересно... [Там же]

Этот вставной эпизод о двух барышнях (в последующих изданиях изъятый) был поставлен Савельеву в вину как художественный вымысел, нарушающий документальный характер повествования³¹. Однако ввод этого эпизода был мотивирован жанровым своеобразием книги «Немые свидетели», указание на которое давалось в последней главе — «Кинематографическая съемка»:

За окнами Гатчинского дворца блеснул только что выпавший первый снег. Комендант расталкивал спящих советских командиров. Один из них проспал всю ночь в кресле, другой — на диване, одетый. Ведь это была первая ночь, после многих бессонных ночей.

— В чем дело? — говорили они, вскакивая и по привычке хватаясь за револьверы.

— Все на площади, прибыл кинематографщик, ждем вас, — говорил комендант.

— Сколько времени?

— Одиннадцать часов.

— Ну, и здорово же заспались! Сейчас идем.

На площади против Гатчинского дворца выстроены красногвардейцы, матросы, а позади них казаки и ударники.

Они, казаки и ударники, шли сюда, чтобы драться с советскими войсками. Но теперь они помирились с советскими войсками и, вместе с ними, изображали взятие Царского Села и Гатчины. Кино-оператор снимал это на ленту, чтобы показывать потом во всех городах России.

— И не думали, что на кинематограф попадем, — улыбаются красногвардейцы.

— А кто же будет за Керенского? — спрашивает матрос. — Жаль, что удрал, вот теперь бы как раз пригодился!

А маленький растрепанный человечек с озабоченным лицом хлопочет, суетится около аппарата и все повторяет: «Две минутки, две минутки, и все будет готово. Вот еще минутку. Можно начинать? [Савельев, 1927, с. 252–253].

Выскажем предположение, что речь здесь идет о съемках Григория Моисеевича Болтянского и Петра Карловича Новицкого в Гатчине в первых числах ноября 1917 г. Интересно, что, в отличие от других исторических деятелей, упомянутых в книге, участники этой сцены (режиссер и оператор, по просьбе которых казаки и красноармейцы инсценировали взятие Царского Села и Гатчины; комендант Гатчины, революционер Семен Рошаль³²) названы не были. Скорее всего, источником здесь были воспоминания Болтянского «Кино в боях Октября», опубликованные в журнале «Кино» (1926, 6 ноября):

В Гатчине. Ночью во дворце, в комнате военно-революционного комитета. *Рошаль, утомленный, спит на стуле*, среди десятка других, одетых, в амуниции солдат, красногвардейцев, матросов. *Утром сняли с Новицким* отправление отряда красноармейцев и матросов в Лугу. Снимаем единственного летчика военно-революционного комитета — Локайчука и его полет. Снимаем на путях у Гатчины 9 Донской полк, сдавшийся красным, раненых казаков, отправление артиллерийского батальона на фронт.

Однако, на Лугу, где идут непосредственные боевые действия, по военным условиям нам не удастся поехать.

В Ленинграде еще доснимаем эпизоды. <...>

Пора было монтировать ленту Октябрьского переворота [Болтянский, 1926а, с. 1].

Завершая «Немые свидетели» сценой киносъемки, Савельев обозначал специфику этой книги, восходящую к приемам документального кино 1920-х гг., к жанру «инсценировки хроники». О картинах этого типа говорилось в книге Г. Болтянского «Кино-хроника, и как ее снимать» [Болтянский, 1926b], а также в воспоминаниях П. Новицкого «Кино на войне», приводившего примеры, когда «... съемки, произведенные под огнем, не производят такого впечатления, как хорошо проведенная инсценировка» [Новицкий, 1925].

А вот реплика матроса «А кто же будет за Керенского?» (глава «Кинематографическая съемка») имеет отношение не только к историческому событию (Керенский бежал из Гатчины 31 октября 1917 г.), но и к съемкам Эйзенштейна в 1927 г., поиску актера на роль Керенского.

Объявление в «Ленинградской правде» о том, что для съемки в картине «Октябрь» требуются актеры на роли Керенского и Чхеидзе, было опубликовано 27 марта. Когда именно книга «Немые свидетели» была подписана к печати, у нас сведений нет, в редакционном плане «Детгиза» ее выход был запланирован на июль. Очевидно то, что книга была сдана, когда актер на роль Керенского еще не был найден.

Попутно отметим некоторые случайные совпадения (пересечения), не имеющие непосредственного отношения к рассматриваемому нами сюжету. Съемки в Ленинграде начались 13 апреля 1927 г. Согласно дневнику Эйзенштейна, «17 апреля делалась съемка на канале Грибоедова, у Государственного банка» [Красовский, 1965, с. 47]. Днем раньше, в субботу 16 апреля в 16 ч. на этом самом месте, на канале Грибоедова, был арестован по обвинению

в шпионаже Георгий Кацман (Гага)³³, однокурсник И. Бахтерева, Д. Левина и С. Цимбала по театральному отделению ВКИ ГИИИ, главный режиссер созданного ими театра «Радикс». Он направлялся в Губфинотдел³⁴ сдать деньги Дома Печати.

На роль Керенского в конце мая был утвержден Николай Александрович Попов³⁵, студент 1-го курса отделения Кино этого же учебного заведения, поступивший в институт в сентябре 1926 г. одновременно с Д. Хармсом, К. Минцем, Н. Чуковским, Н. Чугуновым. (Последний, заметим, был арестован по одному делу с Кацманом.)

К сожалению, мы не имеем данных о том, каков был изначальный замысел книги «Штурм Зимнего», написанной спустя 10 лет после «Немых свидетелей». Очевидно одно, что наряду с другими источниками Савельев использовал материал и приемы кино, теперь уже не документального, а художественного. Нельзя исключить и возможности, что эту книгу автор предполагал полностью построить на киноматериале. Помимо оригинального художественного решения, это дало бы автору шанс избежать конъюнктуры. Однако, уйти от идеологических вопросов цензуры и необходимости интерпретации событий в книге о революции не удалось. В этом контексте киноцитаты и «уцелевшие» на Ленине очки являются немногочисленными свидетельствами невидимого боя автора за книгу.

Источники

РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996.

ЦГАЛИ. Ф. 257. оп. 16. № 555.

Болтянский Г. Кино в боях Октября // Кино. 1926. 6 ноября. № 45 (165). С. 1.

Болтянский Г. Кино-хроника и как ее снимать. М. : Кинопечать, 1926.

Подготовка Великой социалистической революции 1917 года (по материалам «Истории гражданской войны в СССР») // Большевик. 1937. № 19. С. 51–81.

В дни Великой Пролетарской революции 1937 — В дни Великой Пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. [М.]: ОГИЗ, «История гражданской войны», 1937 (Серия: «По истории Великой пролетарской революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. Гражданская война в СССР в очерках и воспоминаниях участников).

История ВКПб 1938 — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М. : Правда, 1938.

Каплер А. Ленин в Октябре. Киносценарий. М.-Л. : Искусство, 1937.

«Штурм Зимнего» // Литературное обозрение. 1939. № 6. С. 41.

Миц И. И. Подготовка Великой пролетарской революции. К выходу в свет первого тома «Истории гражданской войны в СССР» // За большевистское изучение истории партии: сборник. Вып. III. Воронежское областное книгоиздательство, 1936. С. 3–25 (В помощь партактиву и пропагандисту).

Кино на войне (Из личных воспоминаний оператора П. К. Новицкого) // Советский экран. 1925. № 6 (16). С. [3].

Обозрение театров. 1917. 25 октября. № 3580.

Воспоминания об Октябрьском перевороте // Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 43–93.

Рахья [Э.] Мои воспоминания о Владимире Ильиче // Ленинградская правда. 1927а. 21 янв. № 17.

Рахья Э. А. От Выборга к Октябрю // Ленинградская правда. 1927б. 20 июля. № 163.

Рахья, Эйно. Ильич в предоктябрьские дни // Экран. М., 1927с. № 43. С. 10.

Савельев Л. С. ...Немые свидетели: Из революционного прошлого Ленинграда. С десятью рис. Н. Л. Бриммера и С. М. Мочалова. М.-Л. : Гос. изд-во, 1927.

Савельев Л. С. Немые свидетели. С илл. Н. Л. Бриммера и С. М. Мочалова. Изд. 2-е, перераб. М.-Л. : Гос. изд-во, 1930а.

Савельев Л. Ночь съезда Советов. М.-Л. : Гиз, 1930б. Рис. П. Алякринского. Для детей среднего и старшего возраста.

Савельев Л. Ночь съезда Советов. М.-Л. : Гиз, 1930с. Рис. П. Алякринского, обложка Н. Куприянова. Изд. 2-е.

Савельев Л. С. Шарнымаш. Йошкар-Ола, 1935.

Савельев Л. Опасный путь // Ленинские искры. 1936. 21 янв. № 7.

Савельев Л. Штурм Зимнего. Рис. П. Васильева и В. Щеглова. М.-Л. : ЦК ВЛКСМ, Изд-во Детской литературы, 1938 (Серия «Маленькая историческая библиотека»).

Савельев Л. Штурм Зимнего. Рис. П. Васильева и В. Щеглова. М.-Л. : ЦК ВЛКСМ, Изд-во Детской литературы, 1939 (Серия «Школьная библиотека»).

Троцкий Л. Октябрьская революция. Пг. : Книгоиздательство «Коммунист», 1918.

Троцкий Л. О Ленине. Материалы для биографа. М. : Гос. изд-во, [1924].

Троцкий Л. Вне-октябрьская литература (Окончание) // Правда. 1922. 19 сент.

Фофанова М. Последняя конспиративная квартира Ленина // В дни Великой Пролетарской революции. Эпизоды борьбы в Петрограде в 1917 году. ОГИЗ. «История гражданской войны», 1937. С. 108–112.

История СССР: Краткий курс. Учебник для 3 и 4 классов. Одобрен Всес. Правительственной комиссией / под ред. проф. А. В. Шестакова. М. : Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1937.

Южный Еф. Ленин в Смольном // Смена. 1926. 22 янв. № 18.

Saveljev L. S. Mükät todistajat. L. : Kirja, 1935.

Исследования

Валиева Ю. М. Материалы к биографии Г. Н. Кацмана (Следственное дело 1927 года) // Русская литература, 2015. № 1. С. 206–230.

Красовский М. Как создавался фильм «Октябрь» // Из истории кино: Документы и материалы. М. : Искусство, 1965. С. 40–62.

Примечания

¹ И. И. Минцем была написана статья, предвещающая это издание. См.: [Минц, 1936].

² Имеется в виду машинописная копия рукописи. Далее в статье, говоря о присланной Савельеву редакции книги, мы используем слово «рукопись» в этом значении.

³ История ВКПб, 1938.

⁴ См.: [Шестаков, 1937]. Тираж — 5 млн. экз. Учебник охватывал период от «жизни первобытных людей» до сталинской Конституции СССР (1936 г.).

⁵ Письмо К. Пискунова к Л. Савельеву // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 1–3. Рукопись. Письмо на бланках «ЦК ВЛКСМ Издательство Детской литературы». Подчеркивание автора.

⁶ Слово плохо читается.

⁷ Письмо Л. Савельева К. Пискунову // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 3 а-3 а об. Автор письма римской цифрой нумерует ответы, далее в круглых скобках указывает страницу рукописи, в кавычках — приводит цитату из редакторской вставки. Отдельные фразы подчеркнуты карандашом. Здесь и далее при цитировании письма Л. Савельева подчеркивание автора, курсив мой. — Ю. В.

⁸ Письмо Л. Савельева К. Пискунову // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 3а об.

⁹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 55.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 6, 7 об.

¹¹ Здесь и далее при цитировании рукописи книги курсивом мною отмечена редакторская правка.

¹² РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 55.

¹³ [Савельев, 1938]. Далее «Штурм Зимнего» цитируется нами по этому изданию.

¹⁴ «Большевик» — политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП (б). В № 19 (1 октября) и № 20 (15 октября) за 1937 г. в разделе «Консультация» были помещены статьи, соответственно: «Подготовка Великой социалистической революции 1917 г.» и «Победа Великой социалистической революции 1917 г.». Обе статьи без указания автора, с подзаголовком: «по материалам “Истории Гражданской войны в СССР”».

¹⁵ См.: [В дни Великой Пролетарской революции, 1937].

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 7 об-7. (Листы расположены с нарушением порядка).

¹⁷ *Алексеев Сергей Алексеевич* (псевд. — *Аскольдов*) (1871–1945) — философ, один из основателей Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. В 1928 г. был арестован по делу религиозно-философского общества «Братство преподобного Серафима Саровского». Отец Владимира Алексеева, соученика Л. Липавского по гимназии им. Л. Д. Лентовской.

¹⁸ *Рожков Николай Александрович* (1868–1927) — историк, преподаватель.

¹⁹ *Пестковский Станислав* (1882–1937, расстрелян) — российский революционер польского происхождения, советский партийный и государственный деятель.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 4-4об.

²¹ ЦГАЛИ. Ф. 257. оп. 16. № 555. Л. 8. Курсив мой. — Ю. В.

²² Воспоминания Рахы датированы здесь 16 июля 1927 г.

²³ Так в тексте.

²⁴ Например, глава об «участии» в революции крейсера «Аврора» была написана Ю. Инге; главы «Встреча в Белоострове» (по воспоминаниям А. Афанасьева, Ф. Андреева и А. Матвеева) и «Московская застава в дни корниловщины» (по воспоминаниям рабочих) вышли в литературной обработке Н. Ходза. В послевоенные годы в переработке последнего была переиздана и книга Л. Савельева «Штурм Зимнего», в т. ч. под заглавием «Ленин идет в Смольный».

²⁵ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 6 об.

²⁶ Хотя на финском и марийском языках книга все-таки вышла: [Савельев, 1935]; [Saveljev, 1935].

²⁷ Курсивом здесь мною выделены расхождения с предыдущим примером.

²⁸ *Дан* (наст. — *Гурвич*) *Федор Ильич* (1871–1947).

²⁹ *Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938, расстрелян).

³⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. № 1996. Л. 6 об.

³¹ Скорее всего, у Савельева подразумевается итальянский фильм «Враги Мацциста». Он шел вечером 24 октября в кинотеатре «Пикадилли» (Невский пр., 60). Из анонса в газете «Обозрение театров» от 25 октября 1917: «Пикадилли (Невский, 60. Театр открыт с 8 ч. до 11 ч. веч.) — Герой “Кабирий”. Маццист в 6-ти акт. картине ВРАГИ МАЦЦИСТА. Небывалой по сюжету и трюкам. Действие происходит в живописных Альпах» [Обозрение театров, 1917, с. 5].

³² *Рошаль Семен Григорьевич* (1896–1917).

³³ См. об этом: [Валиева, 2015].

³⁴ Губфинотдел располагался в здании Государственного банка — наб. Канала Грибоедова, д. 30/32.

³⁵ Н. А. Попов родился в 1903 г. в г. Глазове Вятской губернии, окончил в Вятке школу II ступени и Рабфак. До поступления в ГИИИ учился на полиграфическом отделении ленинградского Художественно-промышленного техникума, окончил 3 курса. Н. Попов участвовал в съемках фильма «Октябрь» с 6-го июня по 1-ое сентября 1927 г.

М. Балина

ДЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ

В статье рассматривается историческая проза советской эпохи для детей. Произведения детской исторической прозы, проанализированные здесь, показывают, насколько сложным и противоречивым был рост и развитие этого жанра в советской детской литературе. Исторические повести, написанные для детей в советское время, позволяют читателю наблюдать различные тенденции в дискурсе детской литературы: от очевидной пропаганды до не менее очевидного инакомыслия, сложный феномен которого российский историк Яков Гордин считает актом «оппозиционного просвещения».

Ключевые слова: историческая проза для детей, советская детская литература, марксистский подход к истории, Древний Египет в детской литературе, С. Григорьев, М. Матъе, Н. Остроменцкая.

Яков Гордин, современный историк культуры, сделавший много для понимания места истории в человеческом опыте, писал в 1979 г.: «Всем нам свойственна историческая ностальгия, которая происходит от временного разрыва. Психологически снять мучительное ощущение разрыва времен способна только историческая проза высокого уровня. Ее задача — восстановление связи времен, создание духовно-эмоционального единого поля. Ибо только в этих условиях происходит обмен духовным опытом» [Гордин, 1979, с. 42]. Насколько справедливо такое замечание по отношению к советской детской исторической прозе? Справедливо ли говорить о создании такого «единого эмоционального поля» у читателя-ребенка, историческое знание которого формировалось под влиянием постоянно переписываемых властью учебников истории. Осип Манделъштам писал в 1920-е гг. о том, что в результате исторических катаклизмов XX в. люди оказались «выброшенными из своих биографий, как шары из бильярдных луз» [Манделъштам, 1990, с. 203–204]. Какой должна была стать историческая проза, призванная «восстановить связь времен» в то время, когда эта связь была сознательно прервана? Б. Дубин писал о возникновении исторической прозы

в советской России, «уже на самом начальном этапе формирования “новой литературы”, подводящей символические итоги революционного переворота и гражданской войны» [Дубин, 2003, с. 13]. При этом, как отмечает исследователь, создание нового исторического нарратива происходило в период, когда «власть провозглашает демонстративный идеологический “разрыв с прошлым”» [Там же]. Далее Дубин поясняет: «Фактически подобный прокламируемый “разрыв” означает одно: заявку победившей власти и ее приверженцев на монопольное владение истолкованием социальной жизни — как дореволюционной истории людей, так и пореволюционного настоящего» [Там же]. В такой обстановке идеологического давления начинается формирование новой исторической прозы для детей и «голос власти» определяет как группировку исторического материала, так и выбор исторических персонажей для пореволюционного поколения читателей.

Историческую прозу для детей, как собственно и большую часть детской литературы советского периода, чаще всего рассматривают в категориях идеологической догмы¹. У такого подхода есть вполне объяснимые основания, т. к. именно историческое знание было призвано формировать такие важные советские постулаты, как, например, патриотизм и пролетарский интернационализм, дать марксистское понимание «формационного» подхода к истории как смене экономических формаций в результате классовой борьбы и тем самым сводить до минимума понимание роли культуры и личности в том или ином историческом процессе. Тем не менее, в данной работе мне хотелось бы показать, насколько противоречивым явлением была в действительности историческая повесть для детей советского времени и почему замечание, высказанное Гординым в 1979 г., о необходимости исторического знания для восстановления связи во времени именно в этом жанре выполняло такую неоднозначную роль. Исторический нарратив позволяет нам наблюдать разные тенденции в формировании дискурса детской литературы — от откровенно пропагандистского до не менее откровенной «фронды» — такого сложного явления, которое цитируемый мною выше Гордин называет актом «оппозиционного просвещения» [Гордин, 2001, с. 44]. В некоторых своих работах автор статьи уже высказывал предположение о том, что процессы, которые привели впоследствии к «окаменению» взрослой советской литературы — тому самому “Verstaatlichung”, о котором писал немецкий исследователь Ханс Гюнтер, обычно начинаются

в литературе детской, а затем распространяются и в пространство литературы взрослой [Günther, 1984]. Процесс этот начинается в 1920-е гг., почти за десятилетие до закрепления соцреалистического канона в советской литературе [Балина, 2010; Балина, 2014]².

Замечания об инфантильности советской литературы в целом не новы: Евгений Добренко много и подробно писал об этом, но именно такая инфантильность — на месте в детской литературе, и именно в ней идеологические приемы разрабатывались сначала вчерне, чтобы затем быть перенесенными в пространство взрослой литературы³. В силу своей специфики детская литература позволяла параллельное существование противоположных дискурсов, правда, только до поры до времени, как это произошло, например, с экологической прозой и с игровой поэзией⁴. Наблюдая над процессом формирования «новой литературы», Мариэтта Чудакова пишет о возникновении в 1920-е гг. социального заказа, который, как утверждает исследовательница, совсем не был синонимом административного нажима. Чудакова пишет: «Речь идет скорее о том ощущении “нужности” или “ненужности” направления собственной работы, которое вызвано было событием революции» [Чудакова, 2010, с. 301]. Принцип «полезности» был в обиходе детской литературы и ее критиков уже в народнической традиции XIX в., о категориях «полезности» и «нужности» рассуждают такие теоретики революционеры-демократы, как Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, принципом «полезного и последовательного чтения» пользуется К. Д. Ушинский при составлении хрестоматий «Детского мира» (1861) [Русская детская литература, 1972, с. 6–8]. Чудакова, анализируя творческую биографию довольно популярного в 1920-е гг. автора детских исторических повестей и рассказов Сергея Ауслендера⁵, приводит цитаты из предисловия к его собранию сочинений, вышедшему в Москве в 1927 г., в котором, по утверждению исследовательницы, и намечаются основные ступени «нужной» *взрослой* (курсив автора. — М. Б.) литературы будущего соцреализма: «занимательность сюжета, заставляющая неотрывно читать книгу до конца, героическая настроенность главных действующих лиц, вызывающая сочувствие читателя, <...> наконец, легкость, простота, стройность языка и построения» [Чудакова, 2010, с. 301]⁶.

Особо выделена в характеристике детских повестей Ауслендера их «воспитательная функция», о которой Чудакова пишет: «“Воспитательная функция”, зарождающаяся сначала в опыте писавших для детей или для красноармейцев, еще не совершила качественного

и количественного скачка, не стала необходимой чертой произведения новой литературы. Это могло сделаться только усилиями литераторов иного разряда, чем Ауслендер, но и его разряд проделывал черновую работу переоборудования корпуса литературы» [Там же, с. 315].

В детской литературе на самой начальной фазе ее формирования уже существуют все те требования, которые очень скоро начнут предъявлять и к литературе взрослой: так, например, важным достоинством детского писателя является тот факт, что он «... заставляет читателя» поставить себя на место действующего лица и вместе с ним пережить ощущение героического подъема, самопожертвования в борьбе, горячей близости к своим, действительной ненависти к врагам» [Там же, с. 316]. К важным достоинствам относится «бодрость настроения», о которой автор предисловия пишет как об особой ценности:

Для наших ребят, так нуждающихся не только в открытии перед ними определенных перспектив, но и в создании настроения, содействующего пониманию и восприятию этих перспектив. Так, еще до возникновения соцреалистического канона в детской литературе формируются его будущие основы: поляризация (четкое противопоставление — *они и мы*), требование доступности, т. е. новая литература обращается не к читателю, воспитанному предыдущим веком, а «к тем, кто до той поры вообще не являлся читателем» (курсив автора. — М. Б.) [Чудакова, 2010, с. 317].

Собственно в этом требовании и проявляется подмена требований детской литературы, происходит наложение требований литературы детской на взрослый дискурс, который неизбежно инфантилизируется [Добренко, 2000; Ронен, 2000].

Таким образом, правомерно предположение о том, что именно детская литература становится «лабораторией слова, структуры и жанровой мутации» для своего «старшего товарища» — литературы для взрослых. Однако к тому времени, когда эти постулаты доступности, бодрости, бинарности становятся неотъемлемой частью соцреалистического дискурса, в детской литературе уже наработаны определенные практики в использовании этих требований и детский дискурс, в том числе и исторический, оперирует этими готовыми формулами со значительно большей свободой и изобретательностью, чем это происходит в литературе для взрослых. В данной статье предпринимается попытка проанализировать разные практики конструирования литературного текста на историческую тему для детей, в которых особенно выразилась эклектичность жанра,

где наряду с чисто пропагандистскими произведениями авторам исторических повестей удавалось создать произведения, далеко выходящие за пределы политического диктата.

ДЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА

Историческая повесть как самостоятельный жанр формировалась в детской литературе на протяжении XVIII–XX вв. Советская исследовательница этого жанра Н. Н. Житомирова пишет о трех видах исторической литературы: историко-биографической, историко-бытовой и историко-революционной книге для детей [Житомирова, 1975, с. 16–17]. Если историко-революционная историческая повесть складывалась в основном в советский период, то и историко-бытовая и особенно историко-биографическая повесть появляются в России уже во 2-й пол. XVIII в. Заметным явлением в формировании жанра стала книга для детей Августа Людвиг Шлецера (1735–1809), преподавателя пансиона при Академии наук. Его сочинение “Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder” (1779), получившее в русских переводах разные названия⁷, не являясь исторической повестью в строгом смысле этого слова, выделялась среди литературы для детей того времени простотой языка и занимательностью в отборе событий истории [Там же, с. 16]. Исторические очерки появляются уже в «Детском чтении для сердца и разума» (1785–1789) Н. И. Новикова. Особое место в детской исторической прозе занимают переводные тексты, такие, например, как «Плутарх для юношества» (1816) и «Плутарх для молодых девиц» (1822) Катрин Жозеф Попиак и Пьера Бланшара (1772–1856). Многие сделали для развития «рассказа об истории» Сергей Николаевич Глинка (1776–1847). Им была создана для детей «Русская история» в десяти томах, а также «Русские исторические и нравоучительные повести». Глинка издавал в 1819–1824 г. журнал «Новое детское чтение», в котором печатал многие из своих собственных сочинений, посвященных именно русской истории. В первую очередь Глинка — участник Отечественной войны 1812 г. — заботился о воспитании ребенка-патриота [Детская литература, 2015, с. 167].

Среди отечественных авторов, способствовавших формированию исторической прозы, следует в первую очередь назвать А. Ф. Вельтмана, А. О. Ишимову, А. П. Зонтаг, А. Н. Анненскую, В. П. Авенариуса и В. И. Немировича-Данченко. Но особую роль в формировании стиля исторической прозы XIX в. сыграла

А. О. Ишимова, поставившая своей целью пересказать для детей «историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Ее «История России в рассказах для детей» (1866) открывалась обращением к ее маленьким читателям:

Милые дети! Вы любите слушать чудные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебниках. Но, верно, для вас еще приятнее будет слушать не сказку, а быль, то есть сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков [Ишимова, 2013, с. 7].

Важным достоинством ее «Истории» стала не столько приверженность факту, сколько способность донести исторический материал до ребенка — читателя. Ишимова часто прерывает свой рассказ именно обращением к своим читателям: она сохраняет атмосферу постоянного диалога, спрашивает о читательском мнении, апеллирует к уже приобретенному знанию: «Вы помните, что новгородцы почти в самом начале Русского государства были непослушны князьям своим...» [Там же, с. 61]. Эмоциональность ее рассказа и постоянное «включение» читателя в исторический процесс («Вы не можете себе представить, как обрадовались жители Смоленска тому, что присоединились опять к старинному своему отечеству!») [Там же, с. 199] придает особый тон достоверности историческому прошлому и одновременно вызывает доверие к рассказчику. История у Ишимовой не только оживает в картинках прошлого, она становится неотъемлемой частью настоящего, помогает маленькому читателю ориентироваться в истории, которая состоит теперь не из мертвых цифр и дат, а из живых образов людей и событий. Интересно заметить, что в изложении Ишимовой присутствует и исторический быт, и историческая биография, но и та и другая форма исторического нарратива выстраиваются на основе факта. Повествование Ишимовой — это в первую очередь *исторический факт* (курсив автора. — М. Б.), окрашенный подробностями быта и жизни конкретных людей истории.

Среди детских исторических романистов XIX в. выделяется П. Р. Фурман (1809–1856), создавший историко-биографические повести о Меньшикове («А. Д. Меньшиков», 1847) и о Петре Первом («Саардамский плотник», 1849). Его героями были генералиссимус Александр Суворов (1848), Григорий Потемкин (1845). Строго разграничивая читателей по гендерному признаку, Фурман создает и историческую «повесть для девиц» в 3-х частях о Наталье

Борисовне Долгоруковой (1841). В его интерпретации истории побеждает не факт, а личность, тем самым возрождается идея «плутархов» — воспитания на героических примерах истории. Любопытно, что с самого начала своего существования детская историческая повесть XIX в. складывается как вполне свободный и даже эклектичный жанр, образующий комбинации между историческим и биографическим нарративом, исторической и бытовой повестью, историей и приключенческим нарративом. Такие же жанровые «мутации» можно наблюдать и у поздних авторов, таких как дожившая до 1959 г. Маргарита Ямщикова (1889–1959), известная под псевдонимом Ал. Алтаев, — например, ее «Впереди веков: Историческая повесть из жизни Леонардо да Винчи» (1910) или «Король и инфант: Историческая повесть из времен Филиппа II» (1915). Эта эклектика, которая парадоксальным образом выживет и сохранится уже в советский период, позволяет объединить два наиболее важных аспекта исторического нарратива, которые современная немецкая исследовательница детской литературы Габриела фон Глазенапп определяет как *Historie* (то, о чем рассказывается в фиктивной форме) и *Geschichte* (конкретное историческое событие, чаще всего воспринимаемое в историческом нарративе как декоративный фон). Сохраняя конкретность исторического события (*Geschichte*), авторы исторических повестей могут, как утверждает исследовательница, позволить себе большую свободу в выборе вымышленных героев — персонажей *Historie*, которые становятся настоящими распространителями исторического знания, в то время как истинно исторические персонажи оказываются замкнутыми в границах конкретной истории.

Умелое сочетание исторического знания и дидактики (учиться на великих примерах!) с занимательным авантюрным началом сделало историческую прозу одним из излюбленных жанров детской литературы. В разные периоды развития России интерес к собственной истории конкурировал с интересом к произведениям истории всемирной, но и те, и другие были достаточно широко представлены в детском чтении. Примат произведений об отечественной истории всегда был значительной частью исторического детского опыта. Русская история, по утверждению Ломоносова, была верным средством воспитания у подрастающего поколения гордости за «древнее российского народа славное имя».

Несколько сложнее обстояло дело с древней историей как частью всемирной истории. Начиная с XVIII в., с деятельности первых рос-

сийских гимназий (например, гимназия Э. Глюка, открывшаяся в 1703 г. в Москве), знание древних языков являлось обязательным условием продолжения образования и карьеры. Изучение древней истории проходило на гимназических уроках латыни и греческого языка и осуществлялось оно через чтение оригиналов. Усиленно пропагандируемое в царствование Александра I, знание греческого существенно сокращается в николаевскую эпоху. Николай I, переживший декабрь 1825 г. и революцию 1848 г., по воспоминаниям современников «испытывал антипатию к греческому» как языку, через который шло распространение республиканских идей. Так, например, древнюю историю как предмет изъяли из учебных гимназических планов 1848 г. — «дабы не рассуждать о преимуществе республики перед монархией» [Российская педагогическая энциклопедия, 1993, с. 212]. Интересно, что такие известные в советской интерпретации российской истории «консерваторы», как министры просвещения С. С. Уваров (1786–1856) и Д. А. Толстой (1823–1889), были последовательными пропагандистами классического образования. Изучение языка давало глубокое знание истории и быта, и исторические повести «из древней» жизни были, как правило, историко-биографическими, сконцентрированными на «благородных примерах поведения древних».

Отказ от модели классического образования происходит сразу после революции. Один из первых декретов 1918 г. — это Декрет о единой трудовой школе. В основе преподавания лежат сведения о труде, и историческое знание базируется в первую очередь на истории труда, через которую воспринимается и история общества. Классические языки отменяются как ненужное «мертвое» знание: об «очищении» образования от «ненужной мертвечины» говорит Ленин на III съезде Комсомола в 1920 г. [Там же, с. 392]. Послереволюционное развитие детской исторической прозы диктовало новые правила и расставляло новые акценты. Зависимость от политической ситуации в стране вместе с быстро формирующейся новой политкорректностью привела к созданию особого *метатекста* детской исторической повести, обязательными составляющими которого стали: изображение классовой борьбы как двигателя исторического прогресса, акцент на главенствующей роли народных масс, повышенная революционная патетика как важный эмоциональный заряд исторической дидактики, бинарность в описании исторического пространства в тексте. Главенствуют в исторической повести для детей тексты,

связанные напрямую с отечественной революционной историей. И на историко-бытовую, и на историко-биографическую повесть теперь накладывается историко-революционный текст, который становится определяющей составляющей детской исторической прозы. Русская история теперь читается по М. Н. Покровскому (1868–1932), о котором другой историк того же времени, вынужденный эмигрировать А. А. Кизеветтер, впоследствии напишет: «его стремление уложить русскую историю в прокрустово ложе классовой борьбы, вело к отходу от строго научного метода» [Историки России, 2016, с. 266].

В детской литературе речь идет уже не о научном методе, а об откровенной фальсификации исторического знания. Лидия Гинзбург в статье о детской исторической прозе в сборнике 1931 г. пишет: «...берется добрая старая историческая концепция и в ней производится соответствующее “перемещение симпатий”»; иногда даже нет нужды его производить, потому что у нас почти с незапамятных времен принято было сочувствовать вообще бедным и вообще угнетенным и осуждать жестоких помещиков» [Гинзбург, 1931, с. 169]. Само перечисление названий исторических повестей 1920–1930-х гг. дает довольно четкую картину идеологических пристрастий: А. Слонимский «Черниговцы» из истории восставшего полка, Л. Савельев «Штурм Зимнего», С. Григорьев «Берко-кантонист» — о сложной дореволюционной жизни еврейского мальчика, Т. Богданович «Ученик наборного художества», и особенно вторая часть — «Горный завод Петра III» — о пугачевском восстании, С. Злобин «Салават Юлаев», Ал. Алтаев «Декабрята», «Когда разрушаются дворцы», «Под знаком “Башмака”» — о восстании Томаса Мюнцера. Как бы в подтверждение позиции Лидии Гинзбург, хочется уточнить, что этот роман о крестьянском лидере реформации был впервые опубликован в детской печати в 1906 г. Так что недостатка в революционной тематике дореволюционная детская историческая проза явно не испытывала. В цитируемой выше статье Гинзбург предлагает видеть в исторической повести для детей «...не только средство утверждения идеологии, но и школу исторического мышления» [Там же, с. 180], то есть иными словами, восприятия исторического процесса как единого поля, на котором критик предлагает юному читателю научиться видеть «знаки эпохи» — как языковые (отсюда закономерность в использовании архаической лексики), так и бытовые.

Интерес к исторической прозе в 1930-е гг. обусловлен также правительственными постановлениями: в 1931 г. выходит поста-

новление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе», согласно которому истории возвращен статус учебной дисциплины. Начинается предметное изучение истории, в котором истории древнего мира отводится соответствующее место в учебной программе (5–6 класс). В 1934 г. выходит новое постановление Совета народных комиссаров и ЦК «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [Российская педагогическая энциклопедия, 1993, с. 314.] Чуткий к политическим коллизиям времени Самуил Маршак, понимая, что сейчас это можно и нужно сделать, выступает с довольно резкой критикой детской исторической повести на Первом съезде советских писателей в 1934 г.: «... мировая история, — утверждает Маршак, — расположится в сознании ребенка приблизительно таким образом: Спартак — Иван Грозный — Петр Первый — Пугачевское восстание — николаевская эпоха (декабристы) — Николай II 1905 год и 1917» [Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934, с. 35]. От детских писателей срочно требуют заполнять лакуны и провалы в историческом знании, но в первую очередь от них требуют, чтобы «наша детская литература прежде всего сосредоточила свое внимание на таких узловых моментах истории, которые подчеркивают возмущение угнетенных классов» [Лысяков, 1935, с. 10].

Интересно, что потребуются еще два послесъездовских года) для того, чтобы начал действительно формироваться канон детской исторической повести. Так, на страницах ведущего критического журнала «Детская литература» в 1936 г. начинается дискуссия об исторической книге для детей. Она открывается программной статьей критика Г. Эйхлера под многообещающим названием «Детиздат работает над исторической книгой». «Школе, — пишет Эйхлер, — нужен не только хороший учебник истории. Ей нужна большая библиотека исторических книг для внеклассного чтения» [Эйхлер, 1936, с. 38]. Среди несомненных удач детской литературы на «историческом фронте» критик называет «Петра Первого» Алексея Толстого (переделанный автором детский вариант), «Салавата Юлаева» С. Злобина (также адаптированный для детской аудитории взрослый текст) и две непосредственно детские книги: «Китайский секрет» Е. Данько и «Ученик наборного художества» Т. Богданович. Сетую на отсутствие детских книг по истории, Эйхлер предлагает «работу начинать сначала» [Эйхлер, 1936, с. 10], при этом выдвигается вполне конкретный план действий по созданию в последующие два-три года детской исторической библиотеки. В план Детиздата 1936 г. должны войти книги по древней истории,

по истории средних веков, книги по истории французской буржуазной революции, а также книги о российских революциях 1905 г., февральской и октябрьской революции. Интересно, что в планах Детиздата об отечественной истории превалирует именно *Geschichte*, то есть конкретика, а вот за развлечением и увлекательным нарративом авантюрного свойства (*Historie*) издательство намерено обратиться к хорошо известным еще с дореволюционных времен иностранным авторам. Так, в план печати 1936 г. включены романы Вальтер Скотта («Квентин Дорвард» и «Айвенго»), Виктора Гюго («Собор Парижской богоматери») и Шарля де Костера («Тиль Уленшпигель»). На первый взгляд, такое расширение рамок исторического пространства за пределы исключительно отечественной истории выглядит оптимистично, но критики тут же ставят новое условие для включения иностранных авторов в реестр детских текстов: их произведения должны пройти «обработку» [Эйхлер, 1936, с. 38], когда главным критерием становится присутствие в тексте «марксистского взгляда». Так, критики А. Горнфельд и А. Эпштейн пишут, что ради интересов детского воспитания мы вправе перерабатывать, «приспосабливать и пересказывать художественное произведение. Это необходимо и оправдано» [Горнфельд, Эпштейн, 1937, с. 7]⁸. Важной вехой в создании советской исторической повести для детей становится еще одно совещание, прошедшее 22 февраля 1936 г. в Ленинграде «...в кругу писателей, историков, издательских работников на узком, строго деловом совещании обсуждались мероприятия по скорейшему выпуску исторической книги» [Бахтерев, 1936, с. 39–40]. Ровно год остается до разгрома маршарковской редакции Детиздата в Ленинграде, до того времени, когда в тюрьме окажутся его главные помощницы — редакторы Т. Г. Габбе (1903–1960), А. И. Любарская (1908–2002), будет уволена З. М. Задунайская (1903–1983) и чудом избежит ареста Л. К. Чуковская (1907–1996). Но даже в таких условиях, постоянно чувствуя изменяющуюся обстановку вокруг, эти фанатично преданные детской книге люди пытаются отстаивать свои взгляды на развитие детской литературы. Так, на этом совещании возрождается идея создания советского «Плутарха» для детей, правда, с оговоркой, что в такие издания будут включены биографии людей «больших страстей, огромной воли и напряженного упорства, которые отдавали свои жизни на борьбу с неустроенным миром, с правителями, угнетателями, с невежеством и суеверием» [Эйхлер, 1936, с. 38]. Отвергая дореволюционных авторов исторической прозы для детей —

В. П. Авенариуса и графа Е. А. Салиаса, ленинградские издатели все-таки не забывают о наследии прошлого и предлагают включение в список книг таких классических авторов, как И. И. Лажечников, М. Н. Загоскин, А. К. Толстой, В. Гюго, Рони-старший. На соещании много говорится о совместной работе детских писателей и историков, о важности формирования исторического знания, но заканчивается эта встреча утверждением о «ретроспективности исторической книжки» и о том, что ее главная задача заключается «в воспитании правильного понимания исторической борьбы» [Бахтерев, 1936, с. 39]. Деликатный баланс между *Historie* и *Geschichte* нарушается, т. к. подменяется конкретная история, оставляя тем самым относительно свободным пространство вымысла. Именно туда и направляют свои силы детские писатели в надежде воспитать юных читателей на примерах благородных поступков вымышленных героев, оставив исторические личности пресловутому классовому отбору. Историческая фикция становится в контексте 1930-х гг. правдивее конкретики постоянно меняющейся революционной истории, когда вчерашние герои революции превращались во «врагов народа». А. В. Блюм, один из ведущих исследователей советской цензуры, писал: «Круг детского чтения подвергся, пожалуй, самой радикальной деформации» [Блюм, 2000, с. 211].

В детском историческом нарративе в его советском контексте присутствовало помимо давления идеологической цензуры еще и самоцензурирование автора. Постоянное государственное переписывание истории приводило, в конечном счете, к потере политических координат. Таким образом, сочетание вымысла, сознательный отбор и систематизация исторических фактов чаще всего диктовались именно политикой момента, а не только авторским желанием отобрать события и ранжировать их в избранном автором порядке. «Дискриминация» отдельных моментов истории отнюдь не всегда была вызвана авторским решением, это скорее диктовалось тем набором событий и тем реестром героев, которые были уже отобраны Большой историей / *History*. При этом, чем короче была дистанция между историей и современностью, тем сложнее становилась задача освещения этой истории¹⁰.

Одним из примеров такого отбора могут служить исторические повести и рассказы периода Великой Отечественной войны (1941–1945), где постоянными темами, закрепленными за историей для детей, становятся два момента российского прошлого: Отечественная война 1812 г. и оборона Севастополя во время Крымской кампании

1854–1855 гг.¹¹ Житомирлова пишет, что годы войны характеризуются «заметным расширением военно-патриотической темы исторических книг для детей» [Житомирлова, 1975, с. 90]. Этот Эзопов язык советского критика расшифровывается достаточно легко: в момент национальной трагедии снимается запрет с ранее табуированных тем и имен в истории, т. к. важным становится воспитание патриотизма и в ход идут любые герои, независимо от их социального происхождения. Так, например, Маршак характеризует в 1943 г. детскую книгу, необходимую для военного времени, как книгу, «...воспитывающую чувство гражданской и личной чести», как книгу, «проникнутую любовью к родине и осознанием ответственности перед ней» [Маршак, 1943].

Доминанта этих двух, непопулярных ранее в детской литературе советского времени, моментов истории вызвана возможностью прямого их сопоставления с военным настоящим и с показом через эту историю примеров для подражания. Здесь опять-таки проявляется эклектичный характер детской исторической повести, когда историко-бытовая тема переплетается с историко-биографической, соединяя тем самым дидактику исторической биографии с декорацией и бытовыми подробностями эпохи.

В этих дозволенных временных рамках работает такой известный детский писатель как Сергей Григорьев (1875–1953). Описания *Geschichte* и *Historie* в его повести интересны уже тем, что и отбор исторических событий, и выдуманный сюжет оказываются литературными заимствованиями, своеобразным recycling существующей уже исторической прозы. Таким образом, и события *Geschichte*, и главный персонаж *Historie* оказываются за рамками возможного идеологического давления.

Повесть Григорьева «Малахов курган» (1941) представляла любопытный интертекстуальный синтез из «Севастопольских рассказов» Л. Н. Толстого (1885) и небольшой дореволюционной повести К. М. Станюковича «Севастопольский мальчик» (1899) — произведений, вошедших в дозволенный цензурой круг чтения взрослых и детей. Взяв за хронологическую канву повести события, описанные в трех севастопольских рассказах («Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 года»), Григорьев превращает осиротевшего матросского сына Маркушку из повести Станюковича в Веню Могученко, младшего в большой матросской семье, где все посильно принимают участие в обороне Севастополя. Герой Станюковича — сирота, в то время, как Веню

окружают заботой старшие сестры. Маркушка полон слепой ненависти к французам и англичанам, убившим отца и заменившего его дяденьку Бугая, в то время как Веня разумен и уравновешен, а взрослые вокруг него оберегают его военное, но все же детство. К чести писателя надо добавить, что он не стремится превратить Веню в прообраз будущего смертника — пионера-героя, готового умереть за правое дело. Младший Могученко — сознательный помощник взрослых, которые, несмотря на все военные тяжести, оберегают и защищают его. Вместе с ними он восстанавливает разрушенные военные укрепления, но тем не менее все его военные подвиги происходят *вместе*, но никак не вместо матросов и героев севастопольской обороны. Через выдуманного героя подростка и его семью, то есть через Historie, Григорьев конструирует в своей исторической прозе такой образец для подражания. Его герой остается подростком, помогающим, но не заменяющим взрослых на войне.

Постоянное переплетение Geschichte и Historie приводит к любопытной композиционной полифоничности повести, в которой вымышленные герои оказываются в непосредственном контакте с историческими личностями, но опять-таки только с теми, чьи образы вошли в реестр апробированных персонажей советской истории: это адмиралы Павел Нахимов и Владимир Корнилов, строитель севастопольских укреплений инженер Эдуард Тотлебен и «чудесный доктор» Николай Пирогов. Уровень Geschichte строго цензурирован: все реальные лица истории выписаны политически корректно; они все как один противники самодержавия и обличители режима, чему их дворянское происхождение никак не мешает. Они понимают и любят простых людей Historie — придуманных героев повести, которые отвечают им преданностью и служением общему делу. Именно такое тесное переплетение истории и фикции помогает автору превратить «Малахов курган» при всей его идеологической «заряженности» в важный для военного времени образ патриотического единения героев, вымышленных и настоящих, аристократов и простолюдинов, перед лицом истории. Один из старейших детских литераторов, Григорьев, апеллировал к этому чувству единения, так необходимому в момент общечеловеческой трагедии. Опора на толстовские тексты и на повесть Станюковича помогает в таком эмоциональном контексте избежать политических клише и призывов в духе сталинских лозунгов. Интертекстуальность повести и ее связь с литературными приме-

рами XIX в. превращается в свидетельство непрерывной политическими катаклизмами эпохи патриотической любви к Отечеству и готовности защищать его, собственно к тем вечным постулатам исторического нарратива, ради которых и возник сам жанр.

В исторических повестях для детей о войне 1812 г. превалирует историко-биографический жанр. Повесть В. Юрьева «Гренадер Леонтий Коренной» (1942) посвящена довольно необычному для сталинской пропаганды герою — военнопленному. Юрьев использовал архивные документы для своего рассказа о том, как пленный гренадер поразил своим мужеством и своей преданностью России самого Наполеона. Была ли в этой небольшой повести сделана попытка обратить внимание на судьбы военнопленных новой войны, сегодня сказать трудно, но напечатанная в серии «Маленькая историческая библиотечка» повесть осталась единственным примером обращения к такого рода герою в детской литературе. Чаще всего «воспитание на благородных примерах» сводилось к описанию жизненного пути победителей, но важным в детской военной литературе этого времени был внеклассовый подход к выбору «жизни, достойной подражания». Среди героев историко-биографических повестей о войне 1812 г. есть не только крестьянин — партизан Герасим Курин, но и князь Петр Багратион, генералы Ермолов, Раевский, Платов. Исторический романист С. Н. Голубов (1894–1962) выпускает в это время серию рассказов об Отечественной войне 1812 г. для детей, а для старших школьников перерабатывает в детскую историческую повесть свою книгу «Генерал Багратион» (1943).

Воссоздание аристократического детства героя — задача для соцреалистического текста довольно сложная, т. к. дворянское детство на всех этапах существования советской литературы было темой спорной и, как правило, изображалось негативно¹². Как справедливо замечает М. О. Чудакова, последнее дворянское детство, «Детство Никиты» (1922), в советское время было написано Алексеем Толстым [Чудакова, 2001, с. 322]. Чтобы избежать этой противоречивой темы, Голубов концентрирует свое повествование именно на событиях войны и выводит своего героя уже в качестве взрослого полководца суворовского типа: энергичного, темпераментного, не признающего авторитеты (кроме Кутузова, но никак не царя!)¹³. Учеником Суворова представлен в повести и сам Кутузов. Решительные военные, они противопоставлены командующему армией Барклаю-де-Толли, медлительному иностранцу,

который не может понять патриотические порывы русской души. Важным моментом в повести стало описание гибели Багратиона, тем самым хронологическое описание «жизни, достойной подражания» нарушалось полным смещением координат с изображения детства на изображение «смерти во имя отечества». Таким образом, необходимая для историко-биографического описания *Geschichte* оказывается по определению усеченной: отсутствует детство, дворянская жизнь, опыт предыдущих войн. *Historie* так же не получает полного развития. Багратион любим солдатами и все вымышленные персонажи выполняют заранее заданную функцию подтверждения превосходства своего героя. Ни один из этих героев (простых солдат, партизан, офицеров) не несет на себе важной смысловой или функциональной нагрузки¹⁴. Фокус нарратива сосредоточен на героической смерти, смерти во благо Родины. Тем не менее, в жанровом плане эта повесть показывает движение внутри уже закрепившегося канона, когда незаполненные лакуны в истории жизни парализуют историческое воображение.

ВОСПИТАНИЕ ДРЕВНОСТЬЮ: ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

И. Н. Арзамасцева пишет:

Русской античности повезло чуть больше. Конечно, целые пласты ее, если несли на себе печать реакционных имен, были отсечены и преданы забвению. В детских изданиях советского времени не встретить Гиппиус и Мережковского <...>. Благодаря интеллигентам старой закалки, участвовавшим в создании «социалистической» культуры, осуществлялась, хотя и с потерями, передача идей «русской античности» дальше, поколениям, рожденным после Октября. В детских изданиях 20-х – 30-х годов быстро нарастает «римский» пласт литературы — художественной, познавательной, учебной. Советским детям передают всевозможные знания о Риме. При этом свободная Эллада остается в тени имперского Рима [Арзамасцева, 2003, с. 299].

Справедливость этого утверждения бесспорна. Здесь можно было бы порассуждать о начальном этапе построения советского имперского сознания, но мне кажется, что дело было значительно проще: «востребованность» Рима и римской истории объяснялась наличием повсеместно принятого метатекста — истории восстания Спартака, но совсем не в ее итальянском исполнении. Роман Джованьоли в советской и особенно в советской детской критике воспринимался отрицательно: в нем «этот единственный в римской

истории герой, который может быть нам по-настоящему близок», был превращен «в страстного любовника» [Желобовский, 1935, с. 14]. «Спартак» — историческая повесть для детей среднего и старшего возраста — был переделан в 1933 г. известным писателем Василием Яном. Это новое сочинение начиналось цитатой из Ленина о значении восстания Спартака для гибели рабовладельческого строя, таким образом этот переписанный заново сюжет вполне укладывался в «формационный» подход советской исторической науки. Все возможные отступления от метатекста, сосредоточенного на римской истории восстания, такие, как, например, повести и романы Милия Езерского «Марий и Сулла» (1937) или «Аристоник» (1938), подвергались жестокой критике, которая часто переходила на уровень политического обвинения: «Роман Езерского — печальное отсутствие большевистской бдительности у наших издателей и критиков <...> Из романа «выпала» революционная подоплека событий, <...> в нем лишь несколько слов о сицилийском восстании» [Князев, 1938, с.43]. С грифом «книга не рекомендована для школьного чтения» эти повести до своего читателя, как правило, не доходили. Не способствовали распространению знания по истории античности и политические репрессии 1937 г., а затем послевоенная кампания против «космополитов»¹⁵.

Парадоксом в возрождении классической филологии и науки о древности можно считать конец 1940-х — начало 1950-х гг., когда вместе со школьной формой и раздельным обучением в советскую школу на очень короткий отрезок времени вернулась латынь. Учебник латыни был посвящен, как водится, Сталину, с его портретом, открывавшим школьный курс. Тем не менее, разрешение на историческую беллетристику на темы древней истории было получено. Конец 1950-х и 1960-е гг. становятся настоящим открытием древней истории: в детской литературе начинают появляться повести, которые быстро включаются в категорию «внеклассного чтения» по истории древнего мира: это роман «Дочь Эхнатона» К. М. Моисеевой (1953), за которым последовала повесть «В древнем царстве Урарту»; «Глиняный конверт» Р. И. Рубинштейн, ее же «За что Ксеркс высек море» — пересказ для детей «Истории» Геродота. Исторические повести для детей пишут историки разного толка: вполне «партийный» историк — египтолог М. Э. Матье выпускает сначала «День египетского мальчика» (1956), а затем «Кари, ученик художника» (1962). И хотя постулаты марксистского подхода к истории сохраняются в этих нарративах: все та же

классовая борьба остается движущим началом исторического развития, — но «приправленное» детскими приключениями противостояние угнетателей и угнетенных как-то отступает на второй план, а на первый выдвигается герой истории, как правило, сверстник. В центре повествования — его быт, события истории, влияющие на его характер, и, что самое главное, историческое знание, которое и формирует историческое мышление, постепенно освобождаемое от идеологии. Явление это в детской литературе не совсем вписывается в привычные для пятидесятых рамки послевоенной «оттепели». Здесь скорее происходит возврат к принципам Детгиза времен С. Я. Маршака конца 1920-х гг., когда он, как опытный редактор, привлекал в свой коллектив «бывалых людей» — путешественников, ученых, инженеров, знатоков природы и искусства¹⁶. В 1950-е гг. в детскую литературу приходят ученые — историки, которые, как и в двадцатые годы, приносят в детскую литературу многомерность мира, разрушая тем самым заданную бинарность идеологизированного пространства детской литературы военного и первых лет послевоенного времени. На смену пионеру-герою приходит герой истории — сверстник, который может рассказать не только и не столько о классовой борьбе, сколько об увлекательном мире прошлого, путь к которому доступен через знание¹⁷.

Одним из интересных примеров влияния метатекста, которым стала история Спартака, на исторический нарратив, никак не связанный с римской историей ни временем, ни географией, является «Кари, ученик художника» М. Э. Матье. «Кари» — не первая книга, написанная Милицей Эдвиновной Матье (1899–1966), историком и искусствоведом, специалистом по религии и искусству Древнего Египта. «День египетского мальчика» стал первой попыткой историка написать книгу для детей. С самых первых страниц книги, начиная с предисловия, написанного самой Матье, автор апеллирует к читательскому воображению: читатель узнает из откровений писательницы, что она, отдавшая всю жизнь изучению Древнего Египта, там никогда не была. Ученый вместе с читателями отправляется в воображаемое путешествие в историю и воссоздает повседневный мир, удаленный от ее современников на три тысячелетия.

В этой первой повести Матье соединились две важные функции историко-повествовательной прозы: познавательная и воспитательная¹⁸. Матье сконструировала для своих читателей подробности

одного дня жизни маленького египтянина Сету, дом его родителей, школу с хорошим и добрым учителем Аменхотепом и злым, строго наказывающим своих учеников Шедсу. Познавательность созданного Матье плотного слоя *Geschichte* — исторического знания — постоянно размывается подробностями *Historie* — мира *fiction*, в котором живет сам Сету и его друг Ини. Важным становится именно рассказ о повседневности, о предметах, окружающих мальчика, в то время как воспитательная функция этой прозы оказывается идеологически запрограммированной, классовой. Баланс познавательной истории и приключенческого духа нарушается бинарностью идеологии. В своих скитаниях по городу благополучный Сету знакомится с жизнью бедняков и именно эти встречи заставляют его увидеть мир древнего города по-новому и задуматься о необходимости изменить действительность.

Из проводника по лабиринту истории Сету превращается в потенциального революционера. Давление соцреалистического канона слегка отступает в конце повести, где Матье отводит особый раздел сказкам и рассказам из Древнего Египта, которые Сету и его друзья усердно переписывают на глиняные таблички иероглифами на уроках в школе, возвращая тем самым историческому нарративу именно познавательный характер. Но если в 1954 г. в своей первой повести Матье сумела хотя и не полностью, но все же редуцировать давление метаканона, сфокусировав свое повествование на *Historie*, то в самой интересной своей повести, «Кари, ученик художника», писательница настолько увлечена познавательной стороной *Geschichte*, что идеологически корректная модель истории — восстание против несправедливости и эксплуататоров — хотя и присутствует в повести, но влияет только на развитие *Historie*.

В отличие от Сету, Кари — простой мальчик из поселка «слушающих зов» — так в Древнем Египте называли слуг, в том числе и рабочих, занятых на строительстве царских гробниц. В семье Кари все занято работой на строительстве, и вся жизнь мальчика оказывается подчиненной истории классовой борьбы между бедными, но честными людьми поселка и коррумпированной городской элитой. Приключенческий сюжет о жизни трех разных мальчиков из Фив под давлением политически корректной модели повествования превращается в историю разоблачения богатых, нечестных и двуликих аристократов, против которых поднимает восстание среди жителей поселка «слушающих зов» художник

Хеви — учитель и покровитель способного мальчика Кари, работающего у него в подмастерьях. Как и Спартак (в его советском исполнении), Хеви не ищет выгоды для себя. Его цель — помочь обездоленным. Он бескорыстен, благороден и честен, его качества вождя и идеолога не подвергаются сомнению и в нем нет страха перед властью имущими, которым он все-таки должен служить своим искусством. Так, храбрый Хеви отказывается расписывать гробницу фараона до тех пор, пока не отпустят невинно осужденных. Тем не менее, именно этот «вождь» обездоленных несколько выпадает из привычного революционного реестра политических лидеров. Он по меркам современных Матье стандартов интеллектуал, человек творческий, который и борется за права угнетенных не с оружием в руках, а именно своим творчеством, отказываясь подчиняться диктату власти.

В реестре героев детской исторической литературы Хеви, вне всякого сомнения, эквивалент древнеегипетского Спартак, но это скорее пример лидера, скорректированный культурой 1960-х гг. Книга вышла в 1962 г., известном во всем мире не только Кубинским кризисом, но и выходом в ноябре 1962 г. в «Новом мире» повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».¹⁹ Это и страшный год в жизни советских художников, когда в декабре 1962 г. была разгромлена Манежная выставка, не оставлявшая «оттепельной» интеллигенции и иллюзий по поводу альянса с властью²⁰. Выбор героя-интеллекта, облеченного привилегиями, но не утратившего при этом чувства справедливости, довольно необычен, тем более, что в повести Хеви не одинок. Рядом с ним врач Бекенмут, готовый бесплатно лечить парализованную сестру Кари и заменить отца одинокому, хотя и богатому внуку важного жреца храма Амона-Ра. Бекенмут прячет Кари, когда избитый мальчик спасается от своих преследователей. Интересно, что именно fiction (Historie) контролирует события большой истории и выдуманные герои меняют ход истории по законам справедливости. В этом контексте важным становится эпизод «справедливого» суда бога Амона-Ра во время главного праздника года — Праздника долины.

Матье подробно описывает все этапы подготовки к празднику, для ее читателей важны самые мелкие детали, такие, как выбор цветов и плетение гирлянд в доме чиновников, подробное описание масок богов, принимающих участие в шествии и их места в сложной системе древнеегипетской религии. Писательница направляет внимание своих читателей и проводит их через

плотный слой исторического знания, которым она блестяще владеет. Она воссоздает самые мельчайшие подробности шествия и делает это настолько увлеченно, что для революционного подтекста казалось бы, просто не остается места. Но в какой-то момент Матье спохватывается и довольно резко переводит свой рассказ в идеологическое русло антирелигиозной пропаганды. Вместо бога Ра, главного среди египетских богов, «справедливый суд» творят сами жрецы, заранее намечая виноватых. Одним из таких несправедливо обвиненных оказывается отец Кари, столяр Онахту, которого начальник строительства пирамид Панеб старается склонить к краже золота, опущенного на саркофаг. Спасает Онахту друг Кари Рамес, которого его дед — жрец храма, уже давно использует в качестве «исполнителя воли» бога Ра. Рамес во время процессии сидит внутри полой статуи бога, натягивает ремень и направляет «руку бога» по секретному знаку жреца в сторону черепка с обвинением или оправданием подсудимого. Рискаю жизнью, Рамес отказывается обвинить отца друга и вместо обвинения дотрагивается до черепка с оправданием. Справедливость торжествует, но исходит она не от божества, а от верного друга.

И, тем не менее, при всех идеологических поворотах истории, познавательный ее аспект оказывается намного прочнее, чем заранее заданный идеологический. «Слушающие зов» восстают против несправедливости коллективно и этим побеждают: заправляющие всей жизнью древних Фив жрецы быстро сдают свои позиции, убирают плохого начальника и вора Панеба, заменяют его новым. Но для юных читателей важным становится не революционная ситуация, заложенная в сюжет извне, самим соцреалистическим каноном, а история дружбы трех мальчиков, будущего художника Кари, сына городского садовника Тути и мечтающего стать врачом и лечить бедных Рамеса. *Historie* и *Geschichte* как бы уравнивают друг друга, отодвигая революционную пропаганду на задний план.

Другим способом распространения знания, выводящего исторический текст из идеологического «плена», становится исторический комментарий, который в силу самой структуры детской книги, ее образовательной функции, являлся обязательной частью нарратива. Особую образовательную функцию в детской исторической повести начинает нести информативная сноска. Именно она берет на себя роль «просветителя» юного читателя.

«Приключения мальчика с собакой» авторства Н. Ф. Остроменцкой и Н. Н. Бромлей (1962) — из разряда таких книг. Обе писа-

тельницы — в прошлом школьные учителя истории. Не полагаясь только на собственные знания, к работе над книгой они привлекли эрмитажного историка Рима М. Сергеенко. В центре повествования — история сицилийского мальчика Клеона, который был захвачен в плен пиратами-работорговцами вместе со своей собакой Львом и продан в рабство. Обязательное идеологически корректное описание страданий маленького раба, ставшего игрушкой богатого сына патрициев, превращается тем не менее в краткий курс римского быта времен античности. Нарушая идеологические параметры метатекста, авторы сосредотачиваются на историческом знании, которое они помещают в сноски, образующие паратекст. (Gerald Genette): римские реалии — атриум, ларариум, тога, булла, сенат, пантеон, ассамблеи, сложные отношения между клиентами и патрициями — вся эта повседневность жизни Древнего Рима выстраивается в четкой связи с событиями в жизни главного героя, так что паратекст становится фоном приключения-путешествия, никак тем самым не препятствуя развитию нарратива.

Нарратив выстроен как травелог: Клеон все время перемещается по территории Древнего Рима. Читатели следуют за ним на рынок рабов, в латифундии и городские виллы римских патрициев, они посещают Цирк Максимус, Форум Романум и римский Колизей. Вместе с Клеоном читатели даже отправляются в лагерь... Спартака, так что придраться к истории мальчика с собакой в идеологическом отношении было просто невозможно! Но удивительное дело: Спартак не оставляет юного героя в своем лагере, а отправляет его домой, к семье, таким образом Клеон совсем не превращается в юного мстителя — такого римского аналога пионера-героя. Более того, Спартак-ясновидец говорит своему юному последователю, что дело его обречено, а Клеон должен жить, т. к. он слишком еще молод. Так, семена, посеянные в альтернативном тексте Григорьева военного времени («Малахов курган»), вновь прорастают уже на базе античной истории, ведь и тот и другой исторические тексты предлагают ребенку оставаться в детстве, а не превращаться в орудие мести взрослых. И совсем уж авторы нарушают советский героический метатекст, когда поясняют, что многие рабы были недовольны суровой дисциплиной в войсках Спартака. Одни из них искали кровавой мести, что совсем не вызывало энтузиазма у их вожака; другие примкнули к его армии в поисках легкой наживы и поэтому грабили не только знатные поместья, но и бедных крестьян!

Историческое знание создает настоящую объемность текста — через реалии воссоздается мир, в котором живет и перемещается сверстник читателя, вместе с которым читатель учится истории и самой жизни. Эклектичность, первоначально заложенная в самом жанре исторической повести, здесь себя полностью оправдывает: в тексте «Приключения» травелог смыкается как с бытовой повестью, так и с романом воспитания. Трудная судьба Клеона, его забота о единственном верном друге — собаке, с которой он делится последним куском хлеба, его умение постоять за себя и выжить — все эти моменты воспитания сочувствия к главному герою-сверстнику, тяжело переживающему потерю дома, помогают и эмоциональному взрослению самого читателя. В то же время, за счет авторского сознательного перемещения акцента с метатекста (восстание Спартака) на паратекст (исторические реалии быта, помещенные в сноски) формируется историческое знание, столь необходимое новому поколению читателей. На смену бинарности характеров и положений приходит тернарная модель древней истории, где на пересечении мира зла (мира эксплуататоров) и мира добра (мира рабов и униженных) из сносок, сопровождающих исторический нарратив, выстраивается мир исторической повседневности, который призван восстановить прерванную связь времен и формировать умение мыслить в категориях истории, а не идеологии²¹.

Детская историческая повесть вряд ли поднялась до уровня текстов, созданных Н. Эйдельманом («Лунин», 1970) или А. Лебедевым («Чаадаев», 1965), и говорить об *оппозиционном* просвещении в том смысле, которое вкладывает в это определение Гордин, в случае детской истории автор данной статьи и не пытается. Но стремление к просветительству как необходимому условию воспитания и понимание роли просвещения как передачи знания объединило работавших в этом жанре детских литераторов самого разного толка — от «недобитков» (по характеристике Шимона Маркиша)²² — сохранивших во все годы испытаний античное наследие ученых-классицистов до вполне лояльных по отношению к власти писателей-историков. В какой-то степени этот приход древней истории в детскую литературу можно было сравнить с наблюдением Ш. Маркиша, в прошлом филолога-античника, о той «неповторимой атмосфере старых классиков», которая создавалась в самые застойные периоды советской истории, когда «...впитывались не только слова, обороты, идеи, образы античности, — впиты-

валось противоядие советскому одичанию и хамству, впитывалась цивилизация как альтернатива варварству» [Маркиш, 2001].

Источники

Бахтерев И. Совещание по вопросу об исторической книге в Ленинграде // Детская литература № 8. 1936. С. 39–40.

Горнфельд А., Эпштейн А. Уленшпигель // Детская литература, 1937. № 15. С. 2–7.

Дерман А. Генерал Багратион // Новый мир. 1943. № 9. С. 117–118.

Желобовский И. Рассказывание на историческую тему // Детская литература. № 4. 1935. С. 14–15.

Ишимова А. О. История России в рассказах для детей. От древних славян до Петра Первого. СПб. : Лениздат, 2013.

Князев А. Рецензия на роман Милия Езерского «Марий и Сулла» // Детская литература. № 1. 1938. С. 38–43.

Мандельштам О. Конец романа. Соч. в 2-х т. Т. 2. М. : Худ. лит-ра, 1990.

Маришак С. «Мир в картинках» // Литература и искусство. 1943. 2 окт.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934 г.: Стенографический отчет. М. : Гос. изд-во «Худ. лит-ра», 1934.

Русская детская литература / под ред. Ф. И. Сетина. М. : Просвещение, 1972.

Лысков П. За историческую повесть для детей // Детская литература. № 4. 1935. С. 10–13.

Твардовский А. Новомирский дневник. Т. 1. 1961–1966. М. : ПРОЗАиК, 2009.

Эйхлер Г. Детиздат работает над исторической книгой // Детская литература. № 3–4. 1936. С. 38.

Исследования

Арзамасцева И. Н. «Век ребенка» в русской литературе 1900–1930 годов. М. : Прометей, 2003.

Балина М. Советская детская литература как культурная институция // Русская литература XX века (1930-е гг. – середина 1950-х гг.). Под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской. Т. 1. М. : Академия, 2014. С. 331–350.

Балина М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // «И спросила кроха»: Образ ребенка и семьи в педагогике постсоветской России / под ред. Н. Б. Баранниковой и В. Г. Безрогова. М.-Тверь : РАО «Научная книга», 2010. С. 20–38.

Балина М. Воспоминания о детстве в советской детской литературе: к вопросу о специфике жанра // Семантическая поэтика русской литературы / ред. Н. Барковская, М. Литовская. Екатеринбург : УрГУ, 2008. С. 322–333.

Блюм А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929–1953. СПб. : Академический проект, 2000.

Гинзбург Л. Пути детской исторической повести // Детская литература. Критический сборник под редакцией А. В. Луначарского. М.-Л. : ГИЗ, 1931. С. 159–181.

Гордин Я. Занятия историей как оппозиционный акт // Знамя. 2001. № 4. С. 180–184.

Гордин Я. Связь времен // Детская литература. 1979. № 11. С. 42–45.

Детская литература. 3-е изд. / под ред. И. Н. Арзамасцевой и С. А. Николаевой. М. : Академия, 2005.

Добренко Е. Занимательная история: соцреализм в поисках «исторического прошлого» // Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М. : НЛЮ, 2008. С. 37–73.

Добренко Е. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект, 2000. С. 31–41.

Добренко Е. Формовка советского читателя; социальные и эстетические рецепции советской литературы, СПб. : Академический проект, 1997.

Дубин Б. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. М. : ГУ ВШЭ, 2003.

Дубин Б. Риторика преданности и жертвы: вождь и слуга, предатель и враг в современной историко-патриотической прозе // Знамя. 2002. № 4. С. 202–212.

Историки России. Биографии. М. : РОССПЭН, 2001.

Житомирова Н. Н. Советская историко-художественная книга для детей и ее воспитательное значение. Л. : ЛГИК им. Крупской, 1975.

Маркин Ш. Советская античность. Из опыта участника // Знамя. 2001. № 4 (URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/4/itogi.html>).

Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект. 2000. С. 31–41, 969–980.

Российская педагогическая энциклопедия. М. : БРЭ, 1993. Т. 1.

Чудакова М. О. Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературном процессе 1920–30-х гг. // Избранные работы: в 2-х т. М. : Время, 2001. Т. 1.: Литература советского прошлого. С. 309–339.

Юдин В. А. Человек. История. Память. М. : Современник, 1990.

Balina M. Die sowjetische Kinderliteratur zwischen ästhetischem Experiment und ideologischer Normierung // Schrift und Macht, / Yuri Murashev and Tomas Liptac, eds. Wien-Koeln-Weimar : Boehlau Verlag, 2013. P. 119–135.

Balina M. Creativity through Restraint: The Beginning of Soviet Children's Literature // Russian Children's Literature and Culture / Marina Balina, Larissa Rudova, eds. Routledge: New York/London, 2008. P. 1–19.

Balina M. Crafting the Self: Narratives of Prerevolutionary Childhood in Soviet Literature // Russian Children's Literature and Culture / Marina Balina, Larissa Rudova, eds. Routledge : New York/London, 2008. P. 91–113.

Balina M. Ancient Rome for little comrades: the legacy of classical antiquity in Soviet children's literature // The Sites of Rome: Time, Space, Memory / David H. J. Larmour and Diana Spencer, eds. Oxford : Oxford UP, 2007. P. 323–352.

Günther H. Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1984.

Sokol E. Russian Poetry for Children. Knoxville : The University of Tennessee Press, 1984.

Rudova L. Invitation to a Subversion: The Playful Literature of Grigorii Oster // Russian Children's Literature and Culture / Marina Balina and Larissa Rudova, eds. New York : Routledge, 2008. P. 325–343.

Примечания

¹ См. *Фатеев А. В.* Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930–1950-е гг.). М. : Макс-Пресс, 2007. Из западных источников см. *Julie K. de Graffenried* Sacrificing Childhood: Children and the Soviet State in the Great Patriotic War, University of Kansas Press, 2014; *Ben Hellman* Fairy Tales and True

Stories: the History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010), Leiden-Boston : Brill, 2013; *Jacqueline Olich* Competing Ideologies and Children's Literature in Russia, 1918–1935, Saarbruecken, VDM Verlag Dr. Mueller, 2009; *Felicity Ann O'Del* Socialization through children's literature: The Soviet examples, Cambridge : Cambridge UP, 1978; *Catriona Kelly*. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991, New Haven : Yale UP, 2007; *Sara Pankenier Weld* Voiceless Vanguard : The Infantillist Aesthetic of the Russian Avant-Garde, Evanston, Northwestern UP, 2014; *Julia L. Mickenberg* Learning from the Left: Children's Literature, the Cold War, and Radical Politics in the United States, Oxford : Oxford UP, 2006.

² См. *Балина М.* Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России [Балина, 2010]; *Балина М.* Советская детская литература как культурная институция [Там же].

³ См. *Добренко Е.* Соцреализм и мир детства [Добренко, 2000]; *Добренко Е.* Формовка советского читателя; социальные и эстетические рецепции советской литературы [Добренко, 1997].

⁴ Об игровой поэзии см. *Sokol E.* Russian Poetry for Children [Sokol, 1984]; *Rudova L.* Invitation to a Subversion: The Playful Literature of Grigorii Oster [Rudova, 2008].

⁵ С. А. Ауслендер был арестован в 1937 г. и погиб в лагерях в 1943 г. Его детские исторические повести посвящены как российской истории («Пугаченок», 1925; «Пугачевщина», 1928, так и истории зарубежной («Ли Сяо», 1927; «Маленький Хо», 1929).

⁶ Цитируемое М. Чудаковой предисловие написано Б. Пересом.

⁷ См. Предуповление к истории для детей (М., 1788); Детской повествователь (М., 1789), Корень Всемирной истории для детей (СПб., 1789).

⁸ Такая обработка классических текстов существовала и до революции, но авторы, как правило, руководствовались необходимостью адаптации текстов для детского чтения. На данном этапе коррекция происходила именно на основе идеологии, то есть марксистских принципов революционного развития истории и классовой борьбы.

⁹ Так, например, в период Большого Террора из библиотек изымались биографические книги о героях Гражданской войны Василии Блюхере, Семене Котовском и Николае Щорсе. Критике подверглись рассказы С. Т. Григорьева об Александре Суворове, где автору ставилось в вину то, что он не сумел увидеть в Суворове «крепостника-помещика».

¹⁰ О противоречивости советского исторического нарратива см. *Добренко. Е.* Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М. : НЛЮ, 2008. Особого внимания в контексте данной статьи заслуживает глава 1: «Занимательная история: соцреализм в поисках “исторического прошлого”» [Добренко, 2008].

¹¹ Среди авторов, работавших во время войны над этими темами, следует назвать таких детских писателей, как В. Юрьев, М. Брагин, Н. Кальма, А. Бармин. В 1941 г. выходит историческая повесть М. Езерского «Дмитрий Донской»; в 1942 г. Е. Андреева печатает рассказ «Иван Рябов» о подвиге кормчего помора в Белом море в самом начале Северной войны, которую Петр Первый вел против шведов.

¹² См. *Balina M.* Crafting the Self: Narratives of Prerevolutionary Childhood in Soviet Literature [Balina, 2008]; *Балина М.* Воспоминания о детстве в советской детской литературе: к вопросу о специфике жанра [Балина, 2008].

¹³ Суворовская тема была очень популярной во время Великой Отечественной войны. 29 июля 1942 г. утверждается орден Суворова трех степеней; в 1943 г. по стране начинают организовываться суворовские училища, а в 1944 г. опубликована повесть В. Катаева «Сын полка», где главного героя, Ваню Солнцева, на военный путь напутствует во сне сам Суворов.

¹⁴ Голубова много критиковали за редукцию роли масс в этой войне и обвиняли в немарксистском подходе к истории. В 1943 г. это было довольно опасное обвинение! См. *Дерман А.* Генерал Баграцион [Дерман, 1943].

¹⁵ Тема приоритета в науке была хорошо разработана в детской литературе периода борьбы с космополитами (к. 1940-х и нач. 1950-х гг.). Среди исторических повестей для детей этого времени следует назвать «Рассказы о мастерах старинных» В. Шкловского (1951), а также «Крепостные мастера» А. Кузнецова (А. И. Кузьмина). Идея исторических нарративов этого времени в первую очередь была посвящена русскому приоритету. Герои рассказов и повестей — крепостные мастера России — оказывались за границей, где им нечему было учиться, т. к. они делали все не только не хуже, но и намного лучше заграничных мастеров.

¹⁶ См. *Balina M.* Creativity through Restraint: The Beginning of Soviet Children's Literature [Balina, 2008]; *Balina M.* Die sowjetische Kinderliteratur zwischen ästhetischem Experiment und ideologischer Normierung [Balina, 2013].

¹⁷ В 1936 г. историк-античник С. Я. Лурье написал научно-популярную повесть для детей «День греческого мальчика». История и современность переплетались в этом тексте, и читатель шел вслед за ученым, расшифровывая древнюю рукопись. Новая историческая детская проза выстроена по другому принципу: это сочетание истории как знания и приключения как модели передачи этого знания.

¹⁸ Подробно об этих функциях см. *Юдин. В. А.* Человек. История. Память. М.: Современник, 1990. С. 3.

¹⁹ См. *Твардовский А.* Новомирский дневник [Твардовский, 2009].

²⁰ Автор статьи не пытается увидеть признаки диссидентства в исторической повести Матье, однако считает нужным отметить, что любопытно наблюдать, как в текстах, предназначенных для детей, отражаются меняющиеся политические акценты современности, диктующей своих героев.

²¹ В своей статье “Ancient Rome for little comrades: the legacy of classical antiquity in Soviet children's literature”, опубликованной в 2007 г. автор статьи уже писал об особой роли визуальности в текстах о Древнем Риме. Обязательная поездка в каникулы в Ленинград знакомила с классической архитектурой: триумфальными арками, конными статуями, колоннадами и всей атрибутикой древней истории, которая без исторического знания оставалась мертвой и непонятной. Повести, подобные Остроменцкой и Бромлей, действительно заставляли «заговорить камни» и делали понятным и узнаваемым чужое пространство культурной истории. См. [Balina, 2007].

²² См. *Маркиш Ш.* Советская античность. Из опыта участника [Маркиш, 2001].

Л. Рудова

«НОВЫЕ СЮЖЕТЫ» ДЛЯ НОВОГО НЕМЕЦКОГО РЕБЕНКА, ИЛИ «ПОЭЗИЯ НАУКИ» М. ИЛЬИНА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГДР

Великий план создали люди, великую задумали работу. Переделать природу и переделать самих себя. Разве мы, такие, как есть, годимся для нового строя? <...> Нам нужны заводы для переделки людей: школы, вузы, библиотеки, избы-читальни <...> Ведь эта лучшая жизнь — она не придет <...> ее мы должны создать.

М. Ильин. Рассказ о великом плане

Книги М. Ильина удачно вписывались в культурную перестройку Германской Демократической республики и идеологически связывали государство, читателя и писателя. Автор статьи рассматривает факторы, которые способствовали «взлету» и «падению» произведений М. Ильина в восточногерманской детской литературе.

Ключевые слова: М. Ильин (И. Я. Маршак), марксистско-ленинская идеология, научно-популярный жанр, производственная книга для детей, политехническое и научное образование, советская детская книга в ГДР.

С момента своего создания «советская детская литература пошла ледоколом напролом через льды старой детской литературы» и начала растить новое поколение читателей, которое было «детьми великой мечты, соучастниками будущего» [Шкловский, 1966, с. 15–17], как писал Виктор Шкловский. Новый голос советской детской литературы был прежде всего голосом современности. Он нашел «новое выражение, новый склад слов», а также новые героические сюжеты [Там же, с. 15]. По мнению критика первопроходцем в расширении тематики детской литературы стал Илья Яковлевич Маршак (1895–1953), писавший под псевдонимом *М. Ильин* (Илл. 1), который, однако, не получил заслуженно высокой критической оценки, несмотря

Илл. 1. М. Ильин (Илья Яковлевич Маршак)

на огромное количество изданий и популярность у читателей. Ведь именно Ильин ввел столь необходимый детской книге новый сюжет. В старом литературном сюжете герой увязал в быту и личных переживаниях, проходя мимо стремительно меняющегося мира: он боролся «с прозой жизни во имя своей поэзии», во имя романтической любви [Шкловский, 1966, с. 36]. Ильин раньше других, раньше своих коллег Корнея Чуковского и Самуила Маршака, почувствовал и отразил ритм времени и грандиозную трансформацию советской жизни. В восторженной оценке Шкловского Ильин был новатором, радикально изменившим конвенции традиционного фабульного сюжета: у него «человек не борется с жизнью во имя поэзии, он вместе со своими товарищами превращает ее в поэзию. Это новая тема, которая включает в себя любовную тему, но шире ее, — это тема эпохи» [Там же]. Новый человек строит новую жизнь, и поэтому герои Ильина — это первопроходцы, исследователи, первооткрыватели новых земель, бойцы, строители, завоеватели природы. На первом плане у писателя — человек, «борющийся со своей физиологической ограниченностью; человек, который разрезает трудом те цепи, которые привязали его, как животное, к определенной обстановке; человек, вырывающий себя из ландшафта, подчиняющий себе ландшафт, — тема новой советской книги Ильина» [Там же, с. 37].

В контексте формалистских идей о литературной эволюции, «принцип которой — борьба и смена» [Тынянов, 1929, с. 11], не трудно заметить, как новый сюжет, новые темы и особенно новый жанр научно-познавательной литературы для детей, вдохновленные реалиями советской жизни, становятся одной из доминант в советской детской литературе раннего советского периода.

Две основные книги Ильина: «Рассказ о великом плане» (1930) и написанная в соавторстве с его женой Еленой Сегал (1905–1980) «Как человек стал великаном» (1940–1946), создали новое видение советской жизни и нового советского человека. Не удивительно, что Шкловский отмечал в этих книгах способность учить читателя «отбирать, сопоставлять, сталкивать материал» и «мыслить исторически» [Шкловский, 1966, с. 38]. Непокколебимая вера и энтузиазм Ильина по поводу социального и технического прогресса и роли нового человека были неотделимы от его задачи формировать советское сознание. Его книги неуклонно пропагандировали советскую идеологию и технологическую утопию бесклассового общества.

Книги Ильина были широко известны за пределами СССР, и особенно популярен был «Рассказ о великом плане», переведенный одновременно на многие языки мира и, в частности, с энтузиазмом встреченный в США. Американская пресса отзывалась о книге как «мистической», «романтической», «захватывающей» и «занимательной», а журнал, выпускаемый Национальной ассоциацией по образованию США, назвал ее «сверхзначительной» и «эпохальной» [Mickenberg, 2010, p. 103]. В 1920–1930-е гг. утопическая идея, что модернизация и индустриализация приведут к социальному прогрессу, захватывала и американских, и советских мыслителей. Именно поэтому «Рассказ о великом плане» произвел такое огромное впечатление на прогрессивно мыслящих американских педагогов. Помимо пропаганды научно-технической революции, их также восхищали идеи о «радикальных возможностях «нового» образования, которое было целенаправленно посвящено новому типу общества и, что особенно важно — созданию нового человека» и активного участия молодого поколения в строительстве новой жизни [Ibid., p. 118]. Стоит заметить, что западная детская литература подверглась влиянию новых радикальных социальных и научных идей (напр., Чарльз Дарвин, Карл Маркс и Зигмунд Фрейд) уже в конце XIX в. [Zipes, 2008, p. viii], и книги Ильина попали на благоприятную почву. Как утверждает исследовательница Джулия Микенберг, советское влияние на детскую литературу США в 1930–1940-е гг. было «безошибочным» с «эстетической, идеологической и практической точки зрения» [Mickenberg, 2010, p. 113].

В послевоенной Восточной Германии произведения Ильина быстро привлекли внимание педагогов и издателей, ориентированных на формирование «нового социалистического человека»

[Thomson-Wohlgemuth, 2003, p. 241]. Его «новосюжетная» литература удачно вписывалась в культурную перестройку общества и идеологически связывала государство, читателя и писателя. Руководство ГДР воспринимало детскую литературу как важный инструмент идеологической перековки сознания, и ей было отведено важное место в формирующейся национальной культуре. К началу запуска первого плана двухлетней экономической реконструкции детские писатели получили социальный заказ разработать литературные сюжеты и героев в соответствии с системой социалистических ценностей [Thomson-Wohlgemuth, 2009, p. 13] и в духе принципов соцреализма, который включал такие идеологические конструкты, как положительный герой, коллективность, оптимизм, альтруизм, преданность государству, революционный дух и построение будущего социалистического общества. Отныне вся литература и выбор книг для школ и массового чтения попали под пристальный контроль Социалистической Единой Партии Германии (СЕПГ). Список одобренных книг включал в себя немецкую и зарубежную классику (например, братья Гримм, Вильгельм Гауф, Людвиг Бехштейн, Марк Твен, Чарльз Диккенс, Даниэль Дефо), «буржуазных гуманистов» (Эрих Кестнер), «пролетарскую детскую литературу Веймарской республики» (например, Алекс Веддинг, Макс Циммеринг, Лиза Тетцнер), литературу изгнания во времена Третьего рейха (Курт Хельд, Вилли Бредель) [di Napoli, 1984, p. 240–241] и, конечно, советскую детскую литературу, которая несомненно повлияла на будущее детской литературы ГДР [Thomson-Wohlgemuth, 2009, p. 20–21; Steinlein and Kramer, 1999, p. 153–151; Richter, 1995, p. 291].

Только через три месяца после войны при поддержке советской администрации в Восточной Германии начало функционировать издательство SWA-Verlag, которое издавало новые учебники для немецких школ (около 5 миллионов в 1945), а также детские книги, большую часть которых представляли переводы советской детской литературы. Вскоре после открытия SWA-Verlag стали появляться и другие частные и государственные издательства. В число государственных издательств входили Volk und Wissen, 1946; Neues Leben, 1946–2004; Der Kinderbuchverlag, 1949; Junge Welt, 1951, а как частные издательства были представлены Altberliner Verlag L. Grosszer и A. Holz-Verlag (основано в 1945). В обязательном порядке в издательские планы включались произведения советских детских писателей. В 1946–1949 гг. на ожившем издательском рынке Восточной Германии были широко представ-

лены переводы Самуила Маршака, Корнея Чуковского, Аркадия Гайдара, Николая Островского, Валентина Катаева, Льва Кассиля, Вениамина Каверина, Михаила Пришвина, Лазаря Лагина и Александра Фадеева. Среди них Ильин был единственным писателем, работающим в востребованном научно-популярном жанре. Исторические обстоятельства способствовали его особому положению в детской литературе ГДР.

В сфере экономики, как и в сфере культуры и образования, правительство СЕПГ выбрало советский путь централизованного планирования, и первый план экономического развития был запущен уже в 1949 г. За ним последовала первая пятилетка (1951–1955), ориентированная на развитие тяжелой промышленности, и «модернизация» стала плакатным словом ГДР [Macrakis and Hoffmann, 1999, p. 3]. Однако восточногерманский рывок в сторону экономической модернизации осложнился массовым оттоком старой технической и научной элиты в Западную Германию, и образовавшийся после этого вакуум необходимо было заполнить новыми специалистами, преданными строительству социализма. В ГДР зазвучал лозунг: «наука — это продуктивная сила», и перед образованием была поставлена задача наладить подготовку новых научно-технических кадров. Реформа школьной программы наглядно отражала установку партии на экономическую и научную модернизацию: число научных и политехнических предметов возросло, в то время как число гуманитарных предметов уменьшилось. К 1953 г. количество школьников, изучающих научно-технические предметы, увеличилось на 463 % [Ibid., 1999, p. 7]. Интересно заметить, что по мере того, как статус науки повышался, она все больше идеологизировалась. Отныне учебники, методы преподавания в учебных заведениях и подготовка педагогов были централизованы и поставлены на марксистско-ленинскую основу. Подобно своим советским единомышленникам, восточногерманские марксисты утверждали, что наука и искусство отражают классовое сознание, а, следовательно, только «социалистическая наука» может служить интересам государства. Диалектический материализм был объявлен единственным правильным методом научного познания, и на его принципах было построено преподавание в школах и вузах [Rodden, 2005, p. 148].

В процессе подготовки молодого поколения к роли «хозяев повседневной жизни» детская литература играла роль «функциональной литературы» (*Gebrauchsliteratur*), как ее назвал один

восточногерманский профессор [Thomson-Wohlgemuth, 2009, p. 22], и поэтому она полностью подчинялась просветительской программе СЕПГ. С точки зрения «функциональности» книги Ильина, пожалуй, не имели конкурентов и были чрезвычайно полезны не только для развития читательских интересов в области «социалистической» науки и техники, но и для пропаганды науки как средства прогрессивных социальных изменений в обществе.

Чем же конкретно Ильин был интересен идеологам и просветителям ГДР? Практически забытый в наше время, Ильин был младшим братом Самуила Яковлевича Маршака, талантливого писателя, переводчика и ключевой фигуры в создании советской детской литературы. Талант Ильина в популяризации научных знаний для детей и юношества стал очевиден еще в его ранних работах. Он закончил технологический институт в Ленинграде с дипломом инженера-химика в 1925 г. и, недолго проработав исследователем, полностью сменил карьеру ученого на карьеру детского писателя. В то время молодая советская культура, в создании которой Ильин принимал участие, была «заражена магией машин, геометрией и функционализмом» [Stites, 1989, p. 159]. Это была эпоха моделирования нового общества, нового человека и нового ребенка. Развитие науки и техники были важными приоритетами государства, и в ответ на призыв партии к модернизации и индустриализации СССР родилась производственная книга. Ильин стал одним из ее знаменитых классиков.

Ильин был всецело восхищен и поглощен идеей создания технологической утопии и искренне и с энтузиазмом поддерживал сталинскую индустриализацию. Многие из его книг имеют пропагандистский характер. Прежде всего, он верил, что научное образование является необходимым условием для формирования классового сознания [Арзамасцева, Николаева, 2000, с. 309] и преобразования общества, а также превращения труда людей «в искусство управления силами природы» [Шкловский, 1966, с. 61]. Взгляды Ильина на преобразование природы ради построения будущей счастливой жизни ярко выражены в названиях его книг: «Рассказ о великом плане» (1930) (Илл. 2, 3), «Как человек стал великаном» (1946), «Покорение природы» (1950), над которой он работал почти двадцать лет, и «Горы и люди» (1932). А в его рассказах под такими многозначительными названиями, как «Враг, который станет другом», «Война в пустыне», «Приход хозяина», «Декрет против стихии», «Мобилизация растений», чувствуется неуклонная

энергия и пафос борьбы с дикой природой. Рассказы писателя учат ребенка, что для того, чтобы извлечь из природы пользу и заставить ее служить человеку, нужны научные знания и технические знания. Интересно, что еще в 1866 г. на конгрессе I Интернационала была принята резолюция по вопросам воспитания, составленная Марксом, и одним из ее положений было политехническое образование, «знакомящее с общими научными принципами всех производственных процессов» (цит. по [Шкловский, 1966, с. 62–63]). Таким образом, взгляды Ильина на образование резонировали с марксистскими, а его произведения стали классическим примером советской детской литературы, прославляющей сталинскую индустриализацию и технологический прогресс. Но главное достижение Ильина было в том, что писал он увлекательно, с чувством восхищения перед будущим и с любовью к науке и технике. Почти все его книги представляли собой интересные беседы о секретах науки, истории идей или о великих изобретателях и философах.

Свои первые «производственные книги» для детей Ильин посвятил материальной культуре, и они были переведены на иностранные языки почти сразу же, начиная с 1920-х гг., включая немецкий. В довоенной Германии вышли, например, такие книги, как «Солнце на столе» (*Die Sonne auf dem Tisch*, 1927), «Который час?» (*Wie spät ist es?*

Илл. 2. 1-е издание книги «Рассказ о великом плане» (М.-Л. : ГИЗ, 1930)

Илл. 3. 3-е издание книги «Рассказ о великом плане». Обложка, рисунки и оформление М. Разулевича. (М.-Л. : ОГИЗ Молодая гвардия, 1931)

1927), «Черным по белому» (Schwarz auf weiß: die Entstehung der Schrift, 1928) и «Сто тысяч почему» (100 000x [Hunderttausendmal] warum, 1929), которые он позже собрал в один сборник «Рассказы о вещах» (1936). «Производственные книги» входили в научно-популярный жанр, но для детей они были написаны простым языком, сопровождались иллюстрациями и рассказывали о машинах, поездах, промышленности, технике, или о том, как сделаны вещи и как они действуют [Штейнер, 2002, с. 145–146]. Главной задачей «производственных книг» в детской литературе было заменить народные сказки [Там же, с. 72] с их наивным и упрощенным пониманием окружающего мира и объяснить его с научной и прагматической точки зрения в развлекательной и доступной форме. Ильин справлялся с этой задачей очень искусно.

В рамках культурной и воспитательной политики СЕПГ книги Ильина стали кладезем для восточногерманских издателей по нескольким причинам. Прежде всего, в своих произведениях Ильин наглядно демонстрировал, что только социалистическое государство может быть мудрым хозяином природы и науки. Согласно его интерпретации, разрушение природы корнями уходило в капиталистическую систему экономики, руководствующуюся принципом эксплуатации и личной наживы, в то время как новый советский человек имел возможность переделать и защитить природу для будущего всего социалистического общества. Преобразование природы для Ильина было ключевым процессом, направленным прежде всего на улучшение жизни людей. Его взгляды так захватили немецких социалистов, что «Рассказ о великом плане» (1930) был переведен на немецкий еще в Веймарской республике и опубликован «Издательством рабочей культуры» в 1932 г. Эта книга — яркий пример советского утопизма и безграничного энтузиазма по поводу достижений первой сталинской пятилетки. «Рассказ о великом плане» — это гимн социализму, советской индустриализации и коллективному труду. Ильин сумел изобразить, как люди, объединившись в одном гигантском проекте, строят фабрики, железные дороги, шахты, нефтяные вышки, самолеты и средства массового транспорта, чтобы навсегда покончить с бедностью, социальным неравенством, болезнями, безработицей и другими пороками капитализма. Книга вселяет уверенность, что человек может усмирить природу и сделать ее более дружелюбной по отношению к себе. В пустыне люди создадут оазисы, а в самые отдаленные уголки страны проведут электричество. Общая уста-

новка книги — на счастье и изобилие, а также веру, что социализм принесет огромное будущее человеку. Интересно, что Ильин в особенности подчеркивает, что в будущем у всех советских людей наконец будут «здоровые лица» [Ильин, 1930, с. 157]. Под впечатлением от чтения «Рассказа о великом плане» французский писатель Ромен Роллан назвал его «маленьким шедевром»: «Ни одна книга не передает так ясно и общедоступно великое значение героической работы Советского Союза» (цит. по [Маршак, 1962, с. 37]).

«Рассказ о великом плане» включает огромный объем информации для молодых читателей. Например, мы узнаем, как превратить нефть в горючее, как плавится сталь, какая разница между камнем и каменной породой, и почему электричество важно для будущего. Размышления Ильина о науке и технике в «Рассказе о великом плане» написаны в удивительно поэтическом стиле, и, пожалуй, поэтому они покорили читателей во всем мире. Детская книга должна быть поэтической, или, как говорил Шкловский, она должна быть «книгой идеалов» [Шкловский, 1966, с. 93]. Такой были книги Ильина. Именно поэтому Маршак озаглавил свою статью, посвященную памяти уже ушедшего брата, «Поэзией науки» (1962). Благодаря своему поэтическому стилю и невероятной эрудиции, Ильин смог вдохнуть жизнь в самые серьезные и кажущиеся неинтересными предметы. Его рассказы отличаются выразительными образами, ссылками на фольклор и сказки, а также на научные, философские и литературные произведения.

Однако, в ГДР самой популярной из всех книг Ильина все же стал не «Рассказ о великом плане», а «Как человек стал великаном» (Илл. 4, 5). Эта книга была переведена на немецкий язык под двумя разными названиями: *Wie der Mensch zum Riesen wurde* (переведена дважды в 1950 и в 1956) и *Der Mensch — ein Riese* (1951). В увлекательном стиле авторы представляют историю социальной и политической мысли с точки зрения марксизма-ленинизма. Они пишут, что на заре истории человек был не великаном, а карликом, не хозяином природы, а ее рабом, у которого было не больше свободы, чем у птицы или лесного зверя. Только опыт, знания и борьба помогли человеку стать великаном.

Для Ильина и Сегал история человечества представляется борьбой между идеализмом и материализмом и закономерной и окончательной победой последнего. Основоположники философии в античном мире Сократ и его ученик Платон были идеалистами. Сократ, представленный в книге в несколько ироническом стиле,

догму, и Маркс и Энгельс превратили философию в мощное оружие освобождения угнетенных классов. Это увлекательное путешествие по истории идей заканчивается триумфальным торжеством марксистско-ленинской философии.

Советская детская литература представлялась создателям новой детской литературы ГДР идеальной моделью, которая позволяла воспитывать «детей хороших, добрых и смелых <...> чтобы войти по праву в новый мир, самому строить дальше для того, чтобы раздвигать границы Вселенной, поднимать потолок мира, осваивать космос, посещать соседние планеты» [Шкловский, 1966, с. 17]. Молодому поколению Восточной Германии советская детская литература несла марксистское понимание «социалистической науки» и корректное политическое мировоззрение, и без сомнения книги Ильина внесли свою лепту в этот процесс. Но история предопределяет динамику литературных сюжетов, жанров и форм. Одни из них остаются, другие — предаются забвению или отступают на задний план. Когда к началу 1960-х гг. ГДР стала полноправным социалистическим государством «рабочих и крестьян», и ее собственная детская литература встала на ноги, книги Ильина быстро устарели и канули в прошлое. Такая же судьба их постигла в России после распада СССР.

Источники

Ильин М. Рассказ о великом плане. Илл. М. Разулевич. М., 1930.

Ильин М., Сегал Е. Как человек стал великаном. Книга первая. М.-Л., 1940.

Ильин М., Сегал Е. Как человек стал великаном. Книга вторая. М.-Л., 1946.

Маришак С. Поэзия науки. Жизнь и творчество М. Ильина / ред. Б. В. Ляпунов. М., 1962.

Исследования

Арзамасцева И. Н., Николаева. С. А. Детская литература. М., 2000.

Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929.

Шкловский В. Старое и новое. Книга статей о детской литературе. М., 1966.

Штейнер Е. Авангард и построение нового человека. Искусство советской детской книги 1920-х годов. М., 2002.

di Napoli T. Thirty Years of Children's Literature in the German Democratic Republic // *German Studies Review*, 1984, № 2. P. 281–300.

Macrakis K., Hoffmann D., eds. Science under Socialism: East Germany in Comparative Perspective. Cambridge : Harvard UP, 1999.

Mickenberg J. The New Generation and the New Russia: Modern Childhood as Collective Fantasy // *American Quarterly*. 2010, № 1. P. 103–134.

Richter K. Entwicklungslinien in der Kinder- und Jugendliteratur der DDR. Vorüberlegungen für eine neue literaturhistorische Betrachtung des kinderliterarischen

Schaffens von 1945–1989. Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge, 1995, № 2. P. 290–300.

Rodden J. Textbook Reds: Schoolbooks, Ideology, and Eastern German Identity. University Park, PA: The Pennsylvania State UP, 2005.

Steinlein R., Kramer T. Überlegungen zu einem Projekt 'Handbuch zur Kinder- und Jugendliteratur der SBZ/DDR 1945–1990 // Zeitschrift für Germanistik, Neue Folge, 1999, № 1. P. 153–161.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y. : Oxford UP, 1989.

Thomson-Wohlgemuth G. Children's Literature and Translation Under the East German Regime//Meta: Journal des traducteurs//Meta: Translators' Journal, 2003, № 1–2. P. 241–249.

Thomson-Wohlgemuth G. Translation Under State Control: Books for Young People in the German Democratic Republic. N. Y. : Routledge, 2009.

Zipes J. The Twists and Turns of Radical Children's Literature. Tales for Little Rebels, ed. Mickenberg, J., Nel, P. N. Y. : New York UP, 2008.

Е. Душечкина

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК РЕЗУЛЬТАТ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Цель предлагаемой работы — указать на некоторые специфические черты литературного творчества детей шести-семи лет. Ребенок не ставит перед собой цель быть оригинальным в своем творчестве. В его сознании существует норма в том виде, в какой он усвоил ее из услышанных или прочитанных книг, и он стремится приблизиться к этой норме. Он опирается на имеющийся в его сознания опыт литературного чтения. Установка на подражательность дает возможность рассмотреть детское творчество в качестве материала для изучения восприятия детьми художественных текстов.

Ключевые слова: К. И. Чуковский, литературное творчество детей, опыт литературного чтения, подражательность.

К. И. Чуковский в своей ставшей классической книге «От двух до пяти»¹ определил природу словесного творчества детей как короткие стихи-экспромты хореического размера, которые многократно выкрикиваются детьми во время прыжков и подскакиваний и являются одним из элементов игры. Следующий период словесного творчества, переживаемый, по мнению Чуковского, ребенком от пяти до десяти лет, характеризуется новым отношением к сложению стихов: «Они уже не возникают экспромтом, а напротив, сочиняются, выдумываются...» [Чуковский, 2000, с. 350]. Спонтанному стихотворству детей наступает конец, как только они выходят из дошкольного возраста. «Если иные из них и сочиняют стихи, — пишет Чуковский, — источником этих стихов уже не служит ни песня, ни пляска. Их природа совсем другая, и определить ее не так-то легко. О стихотворстве детей школьного возраста (от 8 до 17 лет) у нас не существует никаких научных, серьезных исследований» [Чуковский, 1964, с. 9].

Это было написано в 1964 г., то есть почти пятьдесят лет назад. Однако с тех пор дело, как кажется, не продвинулось далеко вперед. Автора статьи в первую очередь интересует творчество

детей шести-семилетнего возраста. Цель же предлагаемой работы видится в том, чтобы указать на некоторые специфические черты литературного творчества этого возраста. Если стихи детей первого периода представляют собой *элемент* игры, то во второй период сочинение не только стихов, но и других литературных жанров само по себе является *игрой*, аналогичной любой другой сюжетной игре, свойственной в значительной мере именно данному возрасту (в войну, в куклы, в школу и т. п.). Это игра *в сочинительство*. «Игра ребенка, — как пишет Л. С. Выготский, — не есть простое воспоминание о пережитом, но творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой действительности, отвечающей запросам и влечениям самого ребенка. Так же точно стремление детей к сочинительству является такой же деятельностью воображения, как и игра» [Выготский, 1997, с. 4].

Максимальным приближением к действительности во время игры в «войнушку» является яростная драка между играющими «противниками». Максимальное приближение к действительности при сочинении стихов — присвоение себе чужих текстов, что проявляется и в категорических декларациях, и — чаще — в переписывании полюбившихся стихотворений. Ребенок не ставит перед собой цель быть оригинальным в своем творчестве. Поэтому в данном случае подражательность его текстов оказывается *установкой* (пусть и не всегда осознанной): тем, к чему ребенок стремится, а вовсе не тем, чего он хочет избежать, стараясь быть оригинальным. При этом в его сознании существует норма в том виде, в какой он ее усвоил из услышанных или прочитанных книг, и он стремится приблизиться к этой норме, опираясь на развивающееся воображение. Стихотворения и любые тексты этого периода уже, как правило, не являются экспромтом. Они сочиняются специально как художественные произведения. Именно установка на подражательность дает возможность рассмотреть детское творчество данного периода в качестве *материала* для изучения восприятия детьми художественных текстов. Только так можно получить представление ребенка о словесном творчестве, о том, что такое литература. Как дети относятся к тому, что они пишут? Кому они подражают? Чему они подражают, прежде всего? Как они это делают? — вот далеко не полный круг вопросов, который встает в данной связи.

Ответить на эти вопросы можно лишь на основе анализа обширного материала. А между тем материал для подобного рода ис-

следования собирать достаточно сложно. В этот возрастной период ребенок пишет, как правило, для себя. Ему важен не столько результат, сколь сам *акт творчества*: он может потом никогда не возвращаться к сочиненному им тексту, он может не закончить его или забыть им придуманное, не перечитывать, не вспоминать и никому его не показывать. По справедливому замечанию Чуковского, «это глубокий тайник, куда зачастую нет доступа не только посторонним, но даже матерям и отцам» [Чуковский, 1964, с. 9]. Это творчество ради самого процесса творчества. И потому взрослым, заинтересованным в том, что создает их ребенок, приходится сразу записывать заинтересовавшие их высказывания ребенка. Если же ребенок в той или иной мере уже владеет письменностью, родители тщательно сохраняют беспечно разбросанные листочки с текстами.

Творчество ребенка привлекает старших членов семьи, заинтересованных в результатах этого творчества. Они внимательно следят за делом, которым занят их ребенок, чтобы сохранить записанный им материал. Любое промедление грозит утратой написанного (и особенно услышанного) текста. Отсюда следует, что владельцами литературного материала детей, как правило, являются люди, с ними живущие — родители, бабушки, дедушки. Такого материала собрано и издано не слишком много. Во-первых, это книга В. И. Глоцера «Дети пишут стихи», вышедшая в 1964 г. [Глоцер, 1964]. Для данного исследования она не очень подходит, т. к. включает в себя тексты, в той или иной мере написанные под руководством взрослого, обучающего их писать, невольно навязывая им «взрослые» нормы письма. Во-вторых, это замечательная книга Н. Н. Носова «Повесть о моем друге Игоре», представляющая собой дневниковые записи автора, фиксирующие развитие речи его внука [Носов, 1972]. Но в ней в основном представлены отдельные слова и фразы ребенка, на основании которых можно следить за развитием его речи и мыслительных процессов. В-третьих, это сетевой журнал «Барсук», основанный Юлией Фридман в начале 2000-х гг. Вышло одиннадцать номеров этого журнала. Журнал «Барсук» адресован детям, в нем опубликовано множество интересных детских текстов. Но, как справедливо указывает автор работы об этом журнале И. Полуяхтова, в нем издатели стремятся навязать детям «некоторые приемы вовлечения детей-читателей в литературное творчество» [Полуяхтова, 2015], то есть опять в той или иной мере речь идет об обучении,

а не о самостоятельном развивающемся воображении ребенка. В нем печатаются произведения детей как раннего возраста (3-х – 5-ти лет), так и более позднего.

В моей работе дана попытка анализа материала, собранного мною и написанного без какого-либо вмешательства взрослых в творческий процесс ребенка. Я использую тексты, сочиненные моей дочерью Катей (1969 г. рождения) в возрасте от 3 до 7 лет.

Творчество детей любого возраста тесно связано с багажом прочитанных и усвоенных ими текстов и определяется им. И чем больше ребенку читают или чем больше он сам читает, тем богаче его собственное творчество. Ребенок, прежде всего, пересоздает прочитанное, услышанное, увиденное. Творческий акт может совершаться им в ходе обыденной жизни, реализуясь внезапно, спонтанно, при виде какого-либо события или картины. Так, например, трехлетняя Катя, увидев бегущую собаку, говорит: «Вот он почуял нору и тайно побежал, помахивая хвостом». Фраза построена по законам художественной речи: не просто «вон бежит собачка» (констатация факта), но передается точка зрения собаки, которая «почуяла нору»; объясняется целенаправленность ее движения, указывается на обстоятельство способа ее действия (как бежит? — «тайно»), введен деепричастный оборот, характеризующий сопутствующее ее бегу действие («помахивая хвостом»). Это сугубо литературная, а вовсе не разговорная фраза. Образ бегущей собаки дан с использованием языковых приемов, свойственных художественной речи.

Акт творчества ребенка может протекать в устной форме без какой-либо попытки или желания зафиксировать его письменно. Текст с одним и тем же персонажем, с одной и той же сюжетной линией может создаваться в течение достаточно длительного промежутка времени. Так, трехлетняя Катя каждый вечер перед сном, уже лежа в постели, рассказывала шепотом, для себя, бесконечную историю про «офчавку Джона». Родители не могли слышать содержания этого «произведения», не знали, как развивается сюжет и кто еще, кроме «офчавки Джона», в нем участвует. Единственное, что им было известно — это то, что речь идет о каких-то приключениях собаки. Это продолжалось в течение нескольких месяцев и, видимо, представляло собой нечто вроде сериала — каждый вечер перед сном новая серия. Придуманный сюжет так и не перешел в письменную форму. Он существовал лишь в сознании ребенка. Дети могут разыгрывать сюжеты в своем воображении и в более

позднем возрасте. Так, я помню несколько своих сюжетов (и героических, и лирических), с того времени, когда мне было девять-десять лет.

Чем больше ребенком усвоено разнообразных текстов, тем шире в его речи и в его творчестве оказывается диапазон жанров, стилей и тематика текстов. Это могут быть и прозаические жанры, и драматургические, и стихотворные. Творчество детей свидетельствует о том, что они остро чувствуют жанровую дифференциацию литературных текстов, которая проявляется, прежде всего, в соблюдении формальных признаков литературного рода и жанра. Приведу примеры, относящиеся ко всем трем литературным родам: драма, эпос, лирика.

1. ПЬЕСА

Пьеса шестилетней Кати «Любовь». Цитирую первую часть текста.

Список действующих лиц:

С а ш а — юноша, принц

М а ш а — девушка (простая)

К о р о л ь — царь

Ц а р и ц а — королева

С л у г а — стражник

Картина № 1

Сад. На скамейке в тени деревьев сидит С а ш а. Открывается дверь. Из нее, оглядываясь, выбегает М а ш а. Стоит ночь.

С а ш а: Марьюшка!

М а ш а: Сашенька!

С а ш а: Я встретил вас,
в последний раз,
давайте потанцуем вальс!

(Танцуют)

М а ш а: Сашенька, надолго ли?

С а ш а: Нет. Всего на 1 месяц.

М а ш а: Но это так много!

С а ш а: Как быстро время пролетело!

М а ш а: (глядя на часы) [сноска: подарок Саши в день рождения] да, уже 3 часа!

С а ш а: Скоро стражники придут!

(смотрит вдаль) Вот они! Беги!

М а ш а: Прощай, Саша! (убегает) [Белоусова Катя, 1975а]².

Здесь все свидетельствует о владении автором драматургической формой. Вначале — список действующих лиц. В нем уже заложен конфликт пьесы: социальное неравенство героев: Саша — юноша, принц; Маша — девушка (с уточнением в скобках — простая). Затем следует указание на членение текста: картина первая (у ребенка в сознании уже существует представление о том, что в драматургическом произведении есть действия или картины). Далее — краткое описание места действия, обстановки: сад, ночь и т. д. и, наконец, само действие.

Автор уже понимает, что в драматургии способ развития сюжета совершается не посредством повествования, а через диалоги персонажей. И действительно, в тексте одна за другой следуют взволнованные реплики героев. Здесь показательно включение в разговор стихотворной фразы Саши («Я встретил вас / в последний раз, / давайте потанцуем вальс»). Характерно, что рифмованные строки появляются в речи героя в процессе любовного свидания. Итак, в тексте соблюдены все формальные признаки драматургического произведения: авторский текст, в котором дается место и обстановка действия; список персонажей с объяснением (и неважно, что ни король, ни царица так и не появляются на сцене, как неважно и то, что король характеризуется как царь, а царица как королева), ремарки (*глядя на часы, смотрит вдаль, убегает*). Единственное формальное нарушение драматургической формы — это пояснительная сноска о часах Маши в конце страницы: «*подарок Саши в день рождения*». Поэтому она и производит комическое впечатление. Возможно, ее появление было вызвано тем, что автор создавал свой текст как «пьесу для чтения», не думая о ее сценическом воплощении.

Со сноской мы встречаемся и в другой пьесе того же автора, где в речь главного героя — котенка Мура, идущего в школу вместе с человеческими детенышами, включено слово *уругальд*. В сноске дается значение этого слова — *урок <звер. яз.>*, то есть — звериный язык. Ребенок имеет представление о сносках как пояснительной части текста, хотя и не подходящей для драматургического произведения.

2. ПРОЗА

Одной из ведущих черт детского восприятия художественного текста является его *зрительность*, которая дает о себе знать в длительном неумении (или нежелании) детей слушать и читать книги

без картинок, с одной стороны, а с другой — в почти в обязательном иллюстрировании своих собственных произведений. Однако в детских книгах рисунок иначе соотносится с текстом, чем книжная иллюстрация с произведением взрослого автора. «Взрослая» иллюстрация *интерпретирует* произведение, в то время как детский рисунок является его частью, дополняя его и нередко играя сюжетную роль *фрагмента текста*. Так, например, «военная» приключенческая повесть шестилетней Кати начинается рисунками с подписями, которые по содержанию составляют завязку, после чего идет словесный текст. Другой особенностью детского восприятия является способность детей *жить* в тексте и с текстом, в отличие от взрослых, которые преимущественно *сопереживают* текст. Наиболее ярко эта черта проявляется и в эстетической реакции на воспринимаемый текст, и в создании собственных произведений, действующими лицами которых оказываются сам автор, его друзья и родственники. Созданный таким образом героический сюжет с главным героем-автором оказывается результатом захватившей ребенка мечты о героическом, о подвиге и дружбе, что и воплощается в тексте. Рисунки включаются в словесный текст, дополняя его. Вопрос о соотношении рисунка и словесного текста в детском творчестве интересен и заслуживает специального внимания; в этом плане детское творчество представляется аналогичным искусству комиксов и лубка [Лотман, 1976, с. 247–267].

В качестве примера приведу роман шестилетней Кати «Любов сильнее смерти». Роман начинается с иллюстрации.

Рисунок 1. Катя в советской солдатской форме, охваченная огненным смерчем, который уносит ее, как позже выясняется, в логово фашистов. Она держит в руке письмо, обращенное к двоюродному брату Сашке, на котором написано: «Я в огне иди спасать меня. Катя».

Рисунок 2. То же письмо, видимо, с обратной стороны; на нем написано: «И еще меня посодили туда фашисты».

Рисунок 3. Сашку в солдатской форме тоже уносит смерч. Далее текст: «Нет, Катя не погибла, она далеко отсюда, она в плену у фашистов и не сдастся».

Рисунок 4. Катя и Сашка привязаны к двум столам в комнате фашистов. Фашисты, похожие на врачей-хирургов, готовятся к жертвоприношению, один из них держит над Сашкой нож. Под потолком окно, в нем видна голова Андрея. У него изо рта слова: «Не позволю!» Далее действие развивается стремительно.

Следует большой фрагмент текста без иллюстраций (орфография и пунктуация авторские):

И вдруг над столом пронесся звонкий малчишеский голос — Не позволю. И тут же Катя закричала — Андрей и вскочила со стола и бросилась к окну. Голос доносился из окна, он был в голове у Кати, он звучал попрежнему, Катя сразу его узнала. Лицо Андрея ей было знакомо, но одежда была сплошные лохмотья. — Где это ты так разодрался, спросила Катя. Его первые слова были — Катя, я искал тебя, я умираю. Катя упала головой к нему на грудь и зарыдала — Не умирай. Андрей тоже чувствовал себя не важно, он некогда не видел Катю плачущей. Андрей потерял свою силу и упал сподоконника. Тут же Катя пранзительно закричала и прыгнула с подоконника третьего етожа, но как толко Катина кров каснулася сердца Андрея, он вскачил и схватив нож порезал себе палец и набрал крови в бутылочку, которая лежала у него в кормане, вылил кров прямо в открытое сердце Кати. Тотчас рана зажила и Катя вскочила и они побежали выручать Сашку. Жрец уже занасил нож, но сверху его порозил тяжелый камень и нож упал на пол. Его потхватила Катя и унесла, а Андрей сдернул со стола скатерт вместе с Сашей и унес. Потом Андрей бросил скатерт на пол и они побежали. Тогда когда они вышли на улицу, то все почувствовали и Катя и Саша и Андрей что любовь сильнее смерти [Белоусова Катя, 1976]³.

О прототипах текста. Главная героиня — Катя (Илл. 1), сам автор, хотя текст написан от третьего лица. Автор объективизирует себя. Сашка — близкий друг и двоюродный брат Кати. Андрей — детсадовский друг Кати.

Илл. 1. Белоусова Катя. Автопортрет

Читателей поразило название, данное этому тексту семилетней девочкой. В национальном корпусе русского языка выражение «любовь сильнее смерти» встречается сотни раз в самых разнообразных текстах, но на наш вопрос Катя твердо ответила, что название взято из одноименной сказки Б. Шергина.

Характерно деление действующих лиц на друзей и врагов. Враги — то ли фашисты, то ли жрецы (для автора это неважно, важно то, что они враги, цель которых умертвить героев). В тексте встречаются и фольклорные мотивы, как например, излечение кровью [Белова, 1999, с. 677–681]. Трагические фрагменты перемежаются с чисто бытовыми ситуациями, с которыми герои встречаются в реальной жизни («Где это ты так изодрался») и немотивированными образами: так, Андрей, порезав себе палец «набрал крови в бутылочку, которая» как бы заблаговременно «лежала у него в кормане». Финал счастливый — все герои спасены. Причиной и результатом их спасения является любовь, которая сильнее смерти.

3. ЛИРИКА

Лирические тексты детей рассматриваемого возраста обладают своими особенностями. Детские стихи (типа стихов Агнии Барто) встречаются, по моим наблюдениям, гораздо реже. Более часты стихотворения романтические, написанные высоким стилем. Их как раз много в журнале «Барсук». Рифма для них необязательна, чаще это стихи, написанные вольным ямбом и с использованием высокой поэтической лексики. В прочитанных или слышанных детьми произведениях нередко встречаются непонятные им слова и выражения. Оставаясь непонятыми, они, тем не менее, создают определенный эмоциональный фон текста и могут включаться детьми (иногда в исковерканном виде) в собственное сочинение, написанное в том же стиле. Приведу стихотворение шестилетней Кати:

* * *

Прекрасен день
И бьет волна
О брег пустой
И сух он и красив
И хорошо на нем
Красиво в нем обладеянье
Мне хорошо и я пою

И я любимую свою
Сажаю на коня быстрого [Белоусова Катя, 1975б].

Стихотворение, написанное вольными ямбами, явно ориентировано на *высокий романтический стиль* (см. славянизм *брег*, инверсии *брег пустой, сух он и красив, конь быстрой*); тема его — прихода, Я и моя любимая. В этом плане высокого, торжественного, воспринимается и слово *обладеянье*. Любопытным представляется объяснение, которое шестилетний автор дает по поводу этого слова. Когда девочку спросили, что такое *обладеянье*, она ответила, что не знает. «Зачем же ты тогда пишешь, если не знаешь?» — «А все поэты так пишут» — «Ну, кто, например?» — «Пушкин. У него все *обладеянье, обладеянье...*» Неважно, что своеобразный неологизм *обладеянье* является, скорее всего, контаминацией слов поэтического стиля, близких ему фонетически (*одеянье, обладеянье, обожанье* и т. п.) — важно то, что это выдуманное слово было воспринято автором (и действительно звучит!) как высокое, поэтическое, и появилось оно в контексте, в котором оказалось как бы на месте, несмотря на отсутствие такого слова в русском языке и непонятность его для самого автора.

В заключение отмечу, что, в отличие от творчества взрослых, творчество детей рассматриваемого возраста в силу преобладания в нем ориентации на знакомые литературные образцы следует изучать в русле эстетики тождества, в чем оно близко творчеству фольклорного типа [Лотман, 1970, с. 89]. В целом же стихотворство этого периода рассматривается как однотипное взрослому творчеству, «как эпоха дифференциации искусств, соответствующая более высокой культуре» [Чуковский, 2000, с. 354]. Следующий этап словесного творчества (если он наступает) становится этапом постепенного освобождения от усвоенных штампов, этапом поиска своих путей в искусстве.

Источники

Белоусова Катя. Любовь. <Драма>. Картина первая. 1975а. Хранится в личном архиве Е. В. Душечкиной.

Белоусова Катя. Любюв силнее смерти. <Роман>. 1976. Хранится в личном архиве Е. В. Душечкиной.

Белоусова Катя. «Прекрасен день...». <Стихотворение>. 1975б. URL: http://barsuk.lenin.ru/01/deti-stikhi.html#note_again (дата обращения: 04.02.2018).

Исследования

Белова О. В. Кровь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М. : Международные отношения, 1999. С. 677–681.

Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб. : Союз, 1997.

Глоцер В. Г. Дети пишут стихи. Книга о детском литературном творчестве. М. : Просвещение, 1964.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М. : Искусство, 1970.

Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М. : Сов. художник, 1976. С. 247–267.

Носов Н. Н. Повесть о моем друге Игоре. М. : Советская Россия, 1972.

Полухтова И. «Редакционный сюжет» детского сетевого журнала “Барсук” URL: <http://book.lib-i.ru/25pedagogika/195040-1-narvskiy-kolledzh-tartuskogo-universiteta-lektorat-psihologii-pedagogiki-irina-poluyahтова-redakcionniy-syuzhet-detskogo.php> (дата обращения: 04.02.2017).

Чуковский К. И. Дверь в эту книгу // Глоцер Вл. Дети пишут стихи. Книга о детском литературном творчестве. М. : Просвещение, 1964.

Чуковский К. И. От двух до пяти. М. : Лимбус Пресс, 2000.

Примечания

¹ Впервые под заглавием «Маленькие дети» в 1928 г.

² Хранится в личном архиве Е. В. Душечкиной.

³ Оригинал утрачен. Текст воспроизводится по машинописной копии. Хранится в личном архиве Е. В. Душечкиной. Текст цитируется в авторской орфографии и расстановке пунктуационных знаков.

М. Иванкина

(АНТИ)ЮБИЛЕЙ ПИТЕРА ПЭНА

В 1928 г. была впервые опубликована пьеса шотландского драматурга Джеймса М. Барри «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел взрослеть» (“Peter Pan, or the Boy Who Wouldn’t Grow Up”). В статье описывается история ее создания: от первых записей 1897 г. до публикации в 1928 г., рассматривается ее место в корпусе текстов о Питере Пэне в контексте эстетических представлений Д. Барри.

Ключевые слова: английская детская литература, Д. М. Барри, Питер Пэн, драматургия для детей, юбилей литературного героя.

90 лет назад в 1928 г. Джеймс М. Барри (1860–1937) после долгих уговоров своего издателя “Hodder and Stoughton” согласился опубликовать пьесу «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел взрослеть», премьера которой состоялась 27 декабря 1904 г. на сцене лондонского Театра герцога Йоркского, поэтому 2018 г. можно считать юбилейным для пьесы.

За более чем 100 лет с момента ее постановки в зарубежном литературоведении было написано немало исследований о Барри, Питере Пэне и истории пьесы. Существуют десятки работ, посвященных личной и творческой биографии писателя, в том числе и междисциплинарного характера. Так, в 2016 г. вышла крупная работа профессора Кембриджского университета Розалинд Ридли, в которой автор анализирует образ Питера Пэна в контексте современной когнитивной психологии [Ridley, 2016]. Исследователь из Оксфорда Сара Грин, специализирующаяся на литературе XIX в., пишет о Барри в контексте викторианских идей о сексуальном здоровье и их влиянии на литературу и искусство [Green, 2016]. Ближе всех к истории формирования корпуса текстов о Питере Пэне и его культурном влиянии подходит Кристин Стерлинг, которая, используя понятия «сиквел», «приквел», «экранизация», описывает произведения о Питере Пэне авторов конца XX в. Говоря о незаконченности текстов Барри о Питере Пэне, она делает акцент на том, что писателю было сложно сделать выбор между счастливым и грустным финалом [Stirling, 2012]. Однако эти разнообразные исследования не дают ответа на то, как принципиаль-

ная незавершенность корпуса текстов о Питере Пэне соотносилась с представлениями самого Барри. Даже современные ученые, которые вписывают Барри в контекст литературы модернизма, не пишут развернуто об этой теме [Bold, Nash, 2014]. Думается, в юбилейный год важно ответить на вопрос, что заставило писателя почти четверть века отказываться от издания пьесы. Для этого обратимся к истории создания текстов о Питере Пэне и особому статусу этого персонажа в биографии писателя, а также к эстетическим представлениям Барри об открытости текста и взаимоотношениям художественного вымысла и реальности.

Питер Пэн — мальчик без возраста, одновременно герой и антитерой, персонаж классической английской детской литературы, alter ego художника в метапрозе Джеймса Барри. Заметим в этой связи, что Барри не просто волновала проблема границы реальности и вымысла, он был одержим вопросом о том, что происходит в сознании художника в момент создания художественного произведения [Nash, 2000]. Не случайно история о Питере Пэне впервые появляется в контексте метароманов Барри «Сентиментальный Томми», «Томми и Гризель» и «Белая птичка» (речь о нем пойдет ниже). В поэтической системе писателя искусство неразрывно связано с темой детства, а образ ребенка — с образом художника: Питер Пэн предстает ребенком и художником одновременно. Конфликт возникает в момент взросления, когда не скованное ничем воображение, создающее вымышленные миры, вступает в противоречие с окружающим реальным миром. Взросление, вступление в круг социальных связей означает потерю воображения, что делает личность, по мнению Барри, ущербной. Ребенок, равный в своей творческой свободе художнику, с возрастом становится взрослым обывателем, противоположностью поэта. А художник, тот взрослый, который сохраняет способность к воображению, оказывается в пограничном положении между реальностью и вымыслом, что неизбежно приводит его к отчуждению и одиночеству.

Питер Пэн занимает центральное место в творческой биографии писателя, и Барри нередко называют автором одной книги. Однако когда встает вопрос о том, какая именно книга имеется в виду, возникает затруднение, т. к. в период 1897–1928 гг. он многократно возвращается к образу Питера: устный рассказ, фотография, проза, драма, мюзикл, книжная графика, скульптура, кино. Результатом подобного сознательного многократного обращения к персонажу стало появление выражения “Peter Pan works”

(произведения о Питере Пэне) для определения всех текстов Барри о Питере Пэне. Беря за основу это выражение, подразумевающее лишь литературные произведения, можно ввести более широкий термин — «текст о Питере Пэне» (Peter Pan text), который включал бы в себя любое упоминание этого вымышленного персонажа (от экранизаций, театральных постановок и всевозможных продолжений до «синдрома Питера Пэна» в психологии и использования этого образа в рекламе).

«Текст о Питере Пэне» начал складываться еще при жизни автора и продолжает расти в настоящее время. В рамках этого текста Питер Пэн рассматривается как единый герой, а история его создается на основании всего корпуса текстов.

«Биография» Питера Пэна начинается в декабре 1897 г., когда на рождественском ужине у знакомых писатель знакомится с Сильвией Дэвис¹. Барри выясняет, что знает одного из ее сыновей — Джорджа, мальчика в ярко-красном берете, которого несколько раз встречал в Кенсингтонском саду и который стал прототипом одного из героев пьесы «Маленький министр» (сентябрь 1897). Позднее Барри познакомится с семьей Сильвии: мужем Артуром и сыновьями Джеком и Питером (Майкл и Николас родились несколькими годами позже). Последствия и результат этого знакомства трудно переоценить. Так, в письме к Питеру Дэвису иллюстратор Генри Форд, друг Барри, писал: «Он увидел ее, пал жертвой ее красоты. Отсюда Питер Пэн и все, что с ним связано» [Dunbar, 1970, p. 37]. Британский исследователь Эндрю Нэш пишет, что «эта встреча изменила жизни всех ее участников, а результатом ее стало создание вымышленного героя, достигшего мифического статуса — Питера Пэна» [Nash, 2000, p. vii].

В 1897 г. Барри начинает сочинять первые полуфантастические истории, которые рассказывает на прогулках в Кенсингтонском саду Джорджу Дэвису, старшему сыну Сильвии, о его новорожденном брате Питере. Например, фантазировал Барри, до рождения все дети были птицами, поэтому, чтобы они не улетели, их после рождения возят в колясках. Питер (фамилии Пэн еще не появилась) был здесь далеко не главным героем, а поводом для начала рассказа и необходимым элементом, чтобы удержать внимание Джорджа.

Одновременно с развитием истории о Питере Пэне Барри работает над романом «Томми и Гризель», который является продолжением «Сентиментального Томми» (1896), романе о детстве и юности писателя Томми Сэндиса. «Томми и Гризель» — это метароман

о состоявшемся писателе. В обоих произведениях значимой категорией выступает сознание художника, которое становится объектом наблюдений Барри. В детстве Томми — маленький фантазер, чье существование состоит из постоянной смены ролей. Любая придуманная им ситуация настолько поглощает его, что для него размывается грань между реальностью и созданной им ролью. Но если в первом романе фантазии вызывают умиление взрослых, то во втором романе ситуация меняется, когда в жизни Томми появляется возлюбленная. Тотальная игра Томми становится источником страдания для Гризель. Видя это, герой пыгается измениться и вырваться из мира фантазий, для чего ему, прежде всего, необходимо обозначить грань между воображаемым и реальным. Трагизм выбора состоит в том, что выбор всегда предполагает потерю и лишение. Мы видим, как мучительно дается герою попытка разграничить два мира, провести четкую границу между вымыслом и реальностью оказывается невозможно, Томми погибнет.

К моменту завершения романа «Томми и Гризель» — 26 апреля 1899 г. — знакомство Барри с Дэвисами длится уже почти два года. Истории о Питере — мальчике, который до рождения был птицей, а теперь не хочет лежать в коляске, стремится убежать (улететь) в Кенсингтонский сад, не только продолжала развиваться, но начала оказывать влияние на осмысление писателем конфликта художника с реальностью. В одной из последних глав «Томми и Гризель» герой показывает девушке свою книгу «Блуждающий ребенок» (“The Wandering child”). Прием включения текста в другой текст, являясь структурным элементом композиции, меняет смысл основного текста, т. к. впервые дает нам точку зрения самого Томми на свою жизнь. Рассказывая Гризель содержание романа, Томми говорит: «Это фантазия о ребенке, который потерялся. Его родители находят его в лесу, где он радостно поет песни, т. к. думает, что теперь будет маленьким мальчиком вечно; он боится, что если они поймают его, то заставят вырасти, поэтому он бежит от них вглубь леса и продолжает бежать, распевая песни, ведь теперь он навсегда останется ребенком» [Barrie, 1900, p. 378]. Томми пишет о себе, и Гризель, слушая его рассказ, понимает, что в завуалированной форме эта книга — его автобиография. На этом примере мы видим, как родившаяся в виде шутки история о Питере стремительно завладела писателем и вошла в резонанс с поставленным им проблемным вопросом о вымысле и реальности. Текст о Питере Пэне начинает расти.

Лето 1901 г. Барри проводит с семьей Дэвис в загородном коттедже «Черное Озеро». Вместе с детьми (Джорджем, Джеком и Питером) писатель придумывает игру, в основу которой был положен сюжет любимой им с детства книги Роберта М. Баллантайна «Коралловый остров» (1857): потерпевшие крушение дети оказываются на необитаемом острове среди краснокожих, пиратов и диких зверей, выживают и спасаются. Специально для этого развлечения были подобраны костюмы, продумано оружие, изучена территория усадьбы, которая превратилась в место действия приключенческой игры. На основе летних фотоматериалов (Барри был прекрасным фотографом и снимал сцены игры) в декабре 1901 г. писатель делает Дэвисам рождественский подарок: фотоальбом «Мальчики, потерпевшие кораблекрушение у берегов острова Черное Озеро» из тридцати пяти фотографий с подписями к каждой («Мы пустились в путь, чтобы потерпеть кораблекрушение», «Мы были единственными выжившими со злополучного брига “Анна Пинк”, «Мы вздернули его»). Его уместнее было бы назвать фотокнигой, т. к. это лучше отразило бы экспериментальный характер «Мальчиков». То, что делает Барри с фотографиями, как организует свои снимки, во многом опережает свое время, открывая дорогу модернистским и постмодернистским играм в области литературных текстов. Заказывая два экземпляра «Мальчиков» в издательстве “Constable’s”, Барри настаивает на оформлении в стиле первого издания «Кораллового острова»: темно-красная обложка с черным шрифтом. К фотокниге было добавлено оглавление: шестнадцать длинных названий, которые прочерчивали основную сюжетную линию приключений. В названиях глав угадывается игра с классическими приключенческими историями о кораблекрушениях. Предисловие было написано четырехлетним Питером Дэвисом. Книга была посвящена матери мальчиков. Другого текста кроме вступления, посвящения, оглавления и заголовков фотографий в этом альбоме нет, в связи с чем функцию повествования выполняет изображение. То, что мы видим на фотографиях, представляется нам историческим, документальным материалом. Вместе с тем в контексте фотокниги фотографии теряют свое хроникальное значение, превращаясь в художественный вымысел. Барри сознательно размывает границу документального и художественного отчасти ради игры, отчасти с целью совершить эксперимент с формой литературного произведения и показать, насколько тонка грань между реальным и вымышленным.

Барри называл «Мальчиков» важным этапом в создании пьесы «Питер Пэн». Действительно, некоторые элементы придуманного тем летом действия будут заимствованы Барри для пьесы. Игра как способ постижения мира станет основным элементом в «Питере Пэне» (детские игры в семью, словесные игры, языковые игры взрослых). Начатую игру автора с читателем, перемещение границы реального-вымышленного в фотокниге Барри продолжит и здесь. В авторской ремарке к первому акту в описании детской спальни и штор на окнах читаем: «Шторы Питер назвал бы театральным занавесом, если бы он когда-нибудь его видел» [Barrie, 1933, p. 17]. Когда в конце первого акта они распахнутся, чтобы открыть зрителю волшебный остров, куда Питер Пэн уведет Венди, Майкла и Джона, граница условного и реального изменится. Мера условности персонажей, живущих в Лондоне, понизится, они станут равны зрителям и увидят новую сцену и новый, созданный Питером условный мир — Neverland, в результате чего возникнет эффект театра в театре. Финальная ремарка и вовсе обернет все в сон: «Он продолжает играть на своей дудочке, пока мы не просыпаемся» [Ibid., p. 90]. Барри ставит спектакль таким образом, что у зрителя создается иллюзия забытья, сна, в котором он увидел Neverland. Вместе с тем прием театра в театре создает иллюзию двойного авторства: пьеса создана Барри, а остров — Питером Пэном. Наконец, именно в фотоальбомах намечаются и впервые появляются некоторые образы, получившие развитие в пьесе «Питер Пэн»: «В “Мальчиках” под именем Капитана Сворти появляется Капитан Крюк <...> Собака еще не называлась Нэнной, но очевидно готовилась к этой роли. <...> Даже Тинкер Белл успела появиться на острове до того, как мы покинули его» [Ibid., p. 11].

В 1902 г. Барри заканчивает «Белую птичку», роман о писателе средних лет, который на наших глазах пишет свое первое произведение, беря за основу события собственной жизни. Герой-рассказчик оказывается как бы на границе реального и вымышленного, ибо, творя фикцию из факта, он обрекает себя на постоянное пограничное состояние между реальностью и вымыслом. Композиция романа представляет текст в тексте, и именно в рамках вставной истории, рассказанной героем-писателем маленькому мальчику, впервые упоминается Питер Пэн. Перед нами история его рождения и приключений в Кенсингтонском саду, куда он улетает из детской в возрасте двух недель в надежде сбежать от необходимости взрослеть. Как отмечает Жаклин Роуз, когда “Hodder and Stoughton”

четыре года спустя издадут эту вставную новеллу отдельно под названием «Питер Пэн в Кенсингтонском саду», образ Питера Пэна, вырванный из оригинального контекста метаромана, потеряет свою сложность и смысловую насыщенность [Rose, 1984].

23 ноября 1903 г. Барри приступает к работе над новой пьесой, которую называет “Anon. A Play”. Через год в 1904 г. «Питер Пэн, или Мальчик, который не хотел взрослеть» станет событием театральной жизни Эдвардианской Англии, ознаменует рождение английского детского театра и на долгие годы превратится в традиционный зачин рождественских праздников.

По мнению Эша, в этой пьесе Барри развивает начатую в «Белой птичке» метафизикальность и использует все возможные приемы, чтобы обнажить сделанность пьесы [Nash, 2000, p.xii]. Сюжет «Питера Пэна» достаточно прост: в дом мистера и миссис Дарлинг, живущих в Лондоне, попадает некий Питер Пэн, который забирает с собой в волшебную страну четырех детей Дарлингов. Там с ними происходит ряд приключений с пиратами и индейцами, русалками и дикими животными, после чего дети возвращаются обратно домой. Простота истории, волшебство и приключения как главные составляющие, зрелищность (в спектакле впервые были использованы специальные крепления, которые обеспечили полет актеров над сценой) сделали пьесу любимым детским спектаклем. Однако в форме сказки для детей Барри продолжает размышление о природе творчества, воображения и границах между художественным миром и реальным, поэтому одной из основных идей при создании и постановке пьесы было обнажить приемы и подчеркнуть ее условность. Характерными приемами обнажения искусственности происходящего на сцене являются парность персонажей, вовлечение зрителя в театральное действие и сознательная игра с границей театральной рампы, театр в театре как принцип композиции.

Весь этот метафизикальный пласт уходит из многочисленных прозаических переложений, появившихся после 1904 г. Череда этих текстов возникла не случайно. Сразу после премьеры «Питера Пэна» лондонские издатели просят Барри издать пьесу, но получают отказ. Причин тому несколько. Во-первых, «Барри никогда не воспринимал текст пьесы как законченный, т. к. точкой истинного рождения художественного значения был для него момент непосредственного зрительского восприятия» [Dunbar, 1970, p. 224]. «Он воспринимал историю о Питере Пэне как изменяющийся, подвижный, развивающийся миф, автором которого был

не только он, но и мальчики Дэвис, а фактически каждый ребенок или взрослый, вступающий в контакт с текстом» [Birkin, 2003, p. 108]. Во-вторых, Питер Пэн был для Барри личной, интимной историей, связанной с Дэвисами, которых он безгранично любил. Наконец, «как и все пьесы Барри, Питер Пэн претерпевал множество переработок, дополнений и изменений, некоторые из которых делались во время репетиций как ответ на предложения, мысли и идеи актеров» [Dunbar, 1970, p. 224]. О публикации не могло быть и речи, поэтому издательства взялись за дело самостоятельно.

В 1906 г. вставная новелла из романа «Белая птичка» была опубликована отдельно под названием «Питер Пэн в Кенсингтонском саду». Иллюстратором книги стал Артур Рэхем (1967–1939). Он создал серию из пятидесяти акварелей, которые стали первым визуальным изображением Питера Пэна и единственными авторизованными иллюстрациями к «Питеру Пэну в Кенсингтонском саду». Книга о Питере Пэне иллюстрациями Рэхема вошла в поле детской литературы уже вне контекста метаромана о нем. Статус детского персонажа закрепился за Питером Пэном в 1907 г., когда издательство “George Bell & Sons” приняло решение создать детскую книжку-картинку «Питер Пэн». Автором текста стал Дэниэл О’Коннор, иллюстратором — Эллис Вудворд (1862–1951), которая сделала серию из двадцати восьми акварелей.

Между тем на волне успеха пьесы продюсер Чарльз Фроман (1856–1915) везет «Питера Пэна» в Соединенные Штаты, где нью-йоркская премьера 6 ноября 1905 г. открывает триумфальное турне спектакля по городам Америки. А Барри впервые задумывается о статусе Питеру Пэну. Продолжая развивать образ вечно юного героя, он просит своего близкого друга Уильяма Николсона, художника по костюмам и декоратора в спектакле «Питер Пэн», сшить костюм Питера Пэна для Майкла Дэвиса. В августе 1906 г. Барри делает серию фотографий мальчика в образе «ребенка, который не хотел взрослеть» с целью показать скульптору идеальное видение героя.

В 1908 г. к пятому сезону «Питера Пэна» Барри пишет своеобразный эпилог к пьесе под названием “Peter Pan: An Afterthought”, который представлял встречу Питера с повзрослевшей Венди, и был сыгран всего один раз за всю историю театральной жизни Пэна. Однако три года спустя сцена была включена в прозаическое переложение пьесы, «Питер и Венди», чья публикация в 1911 г. стала своеобразным компромиссом между издателями, которые мечтали издать пьесу, и писателем, который этого по-прежнему

не хотел. Иллюстратором данного издания стал Френсис Д. Бедфорд (1864–1954), который выбрал для работы средневековую технику гравюры.

В 1912 г. статуя Питеру Пэну, которую Барри заказал Сэру Джорджу Фрэгтону (1860–1928) в 1909 г., завершена и тайно установлена в Кенсингтонском саду в ночь на 30-е апреля. Обращение к скульптуре крайне важно для Барри, т. к. это пластическое изобразительное искусство обладало одной характеристикой, которая не могла его не привлечь: скульптура существует в пространстве, не изменяясь и не развиваясь во времени. Для писателя скульптура стала способом визуализировать образ мальчика, который не только не хотел взрослеть, но перестал расти, навсегда оставшись молодым. Именно скульптура могла зафиксировать вечную юность героя, став завершающим этапом в становлении образа Питера Пэна. Иконография Питера Пэна отныне была закреплена в металле: подросток в коротком платье из листьев, с взъерошенными волосами или с небольшой шапочкой, со свирелью в руках. Существовая в пространстве города, статуя как бы превращает Питера Пэна из литературного персонажа в историческое лицо. Барри удалось максимально приблизиться к своей цели — сделать так, чтобы все поверили в воображение, как верил в него он сам. Для этого он использовал прием театра в театре, заменял текст фотографией, создавал мифы о своем авторстве. Самым простым по форме способом оказался именно этот, ведь на наших глазах статуя (скульптурное изображение любого существа) превращается в памятник (скульптурное изображение в память кого-нибудь), подтверждая тем самым существование Питера Пэна.

Следующее значительное обращение к Питеру Пэну происходит в 1924 г., когда американская кинокомпания “Paramount Pictures” обращается к писателю с просьбой адаптировать сценарий для художественного фильма «Питер Пэн». Нужно отметить, что пьесы Барри пользовались популярностью у кинематографистов: при жизни автора были экранизированы 14 произведений. Внимание и интерес со стороны кинопродюсеров не были чем-то новым для Барри. Однако его трепетное отношение к Питеру Пэну делали конкретную экранизацию особенной. Барри увидел в кинематографе шанс продлить рассказ о Питере Пэне в новом жанре, расширив вселенную Питера Пэна и текст о нем. Кино давало удивительную возможность размыть в зрительском восприятии границу реального и вымышленного, ведь кино как никакое другое

искусство обращается к ощущению реальности у зрителя. Барри приступил к работе над сценарием в надежде, что силами кинематографа можно будет показать то, чего невозможно было достичь в театре. Только в этом он видел оправдание экранизации пьесы. В конце 1920 г. в письме актрисе Мод Адамс (1872–1953) Барри он делится идеями о том, как можно снять Питера Пэна в кино: «Это стоит делать только в том случае, если режиссеру удастся показать то, чего невозможно сделать на сцене, т. к. я убежден, что то, что может быть сделано на сцене, будет там сделано гораздо лучше, чем в кино» [Chaney, 2005, p. 331].

Созданный Барри адаптированный сценарий в 15 000 слов «был аутентичен и написан с учетом особенностей медиа, для которого он работал» [Green, 1954, p. 170]. Однако в силу неизвестных причин, скорее всего финансовых, Голливуд отверг авторский сценарий и снял фильм, основываясь на тексте пьесы: большинство сценических реплик стали титрами в этом немом фильме, ничего технически нового сделано не было. Премьера фильма состоялась 29 декабря 1924 г., что поддержало традицию рождественского характера пьесы.

Наконец, в 1928 г. происходит то, чего так долго ждали “Hodder and Stoughton”: Барри дает согласие на публикацию пьесы. Специально для этого он пишет знаменитое посвящение-предисловие “To the Five. A Dedication”, которое, как видно из названия, адресовано пятерым мальчикам Дэвис и может быть рассмотрено как сознательная мифологизация отношений Барри с семьей Дэвис (прежде всего, с детьми). Следует иметь в виду, что к моменту написания посвящения двоих из них — Джорджа и Майкла — уже не было в живых, поэтому уместно предположить, что автор обращается к прошлому, то есть к тому моменту, когда они были еще детьми. Возникает определенная временная инверсия: обращаясь к детству, Барри помещает золотой век, время возникновения истории о Питере Пэне, в прошлое, и заново воссоздает эту историю.

“To the Five. A Dedication”, выполняя функцию посвящения, одновременно является способом в очередной раз поиграть с границами вымысла и реальности. Делая, по его словам, «несколько разоблачающих признаний» [Barric, 1933, p. 3], Барри пишет о том, что не помнит, что писал эту пьесу: «Это еще раз приводит нас к нелицеприятному признанию, что я совершенно не помню, как писал пьесу о Питере Пэне, впервые публикуемую спустя столько лет после первой постановки» [Ibid., p. 4]. «Я помню, что много

лет спустя после постановки пьесы писал рассказ о Питере Пэне и Венди, но я ведь мог тайком списать его с напечатанной копии. Я могу припомнить, как писал все свои эссе, забытые после публикации; но эту пьесу — нет» [Barrie, 1933, p. 4]; «Я говорю о том, что посвящаю пьесу вам, но как я могу доказать, что она действительно моя?» [Ibid., p. 5]. Силясь вспомнить и установить истинного автора, писатель уходит в воспоминания и выстраивает некую последовательность событий (похожую на ту, что была изложена в этой статье). История действительно началась как интимная игра между детьми и писателем. «Что заставило нас отдать публике в виде тоненькой пьесы то, что было соткано нами только для нас одних?» [Ibid., p. 7]. Отвечая на вопрос о причинах, которые заставили раскрыть личную сторону отношений публике в виде пьесы, Барри говорит о своего рода предательстве со стороны детей. «Вы играли в эту игру, пока она не наскучила вам, тогда вы подбросили ее в воздух, пнули ногой и оставили лежать в грязи, а сами продолжили свой путь, напевая песни; тогда я подобрал и сшил некоторые ее фрагменты с помощью пера» [Ibid.]. Горькое разочарование и потеря друзей, по словам писателя, толкнули его начать писать пьесу. «Питер все еще там, но для меня он лежит на дне веселого Черного Озера» [Ibid., p. 9].

В случае с данным посвящением перед нами не только мистификация авторства и мифологизация прошлого, но интерпретация собственной жизни и переписывание собственной истории. Из писем, дневников и записных книжек к пьесе «Питер Пэн» можно заключить, что замысел пьесы появился у писателя задолго до момента, когда дети «покинули» его. Важно, что Барри создает это посвящение именно в момент первой публикации пьесы. Если прочитать его как единый с пьесой текст, оно открывает ряд новых смыслов в пьесе. Прежде всего, посвящение уничтожает иллюзию вымысла и возвращает пьесе ее игровое начало. Если рассматривать посвящение в контексте пьесы, создается параллель между Питером Пэном и самим автором. Мир совместных игр, фантазий и придуманных историй, который покидают Дэвисы, став взрослыми — это двойник Neverland, который покидают дети Дарлингов. Питер Пэн — это сам автор: вечный ребенок, неизменный на протяжении всей жизни. Барри пишет: «Полагаю, человек остается одним и тем же, он только совершает переход из одной комнаты в другую, не выходя при этом из дома» [Ibid., p. 11]. Обращаясь к своему прошлому, проникая в незапертую комнату дома (используя метафору Барри), он находит

в прошлом доказательства своей причастности к авторству пьесы «Питер Пэн». Этими доказательствами служат написанные им ранее произведения. «Это путешествие по дому может никого не убедить в том, что именно я написал Питера, но хотя бы делает возможным подобное предположение» [Ibid., p. 1]. Таким образом, сам писатель, обращаясь к своему творчеству с позиций 1928 г., прочерчивает определенную хронологию событий, последовательность текстов, объединяет все в единое целое и создает тем самым основу для концепции текста о Питере Пэне. У него нет автора: им становится каждый, кто соприкоснется с текстом (в апреле 1929 г. Барри передаст права на все тексты о Питере Пэне больнице Грейт Ормонд Стрит самой большой детской больнице Лондона, окончательно уничтожив себя как автора). У него нет начала, т. к. все начинается с устной традиции, которую невозможно зафиксировать. У него нет конца, т. к. текст, как мы видим, постоянно растет. Именно поэтому попытка отметить годовщину Питера Пэна обречена на неудачу, ведь посчитать возраст мальчика, который не хотел взростеть, невозможно.

Источники

Barrie J. M. The Plays of J. M. Barrie. London : Hodder and Stoughten, 1933.

Barrie J. M. Tommy and Grizel. New York : Charles Scribner's Sons, 1900.

Исследования

Birkin A. J. M. Barrie and The Lost boys. London : Yale University Press, 2003.

Bold V., Nash A. Gateway to the Modern: Resituating J. M. Barrie. Association for Scottish Literary Studies, 2014.

Chaney L. Hide and seek with angels. A life of J. M. Barrie. London : Hutchinson, 2005.

Dunbar J. J. M. Barrie. The man behind the image. London : Collins, 1970.

Green R. L. Fifty years of Peter Pan. London : Peter Davies Publishing, 1954.

Green S. The problem of sex in J. M. Barrie's fiction // English Literature in Transition 1880–1920. 2017. № 2. P. 185–209.

Nash A. Introduction // Barrie J. M. Farewell miss Julie Logan. Edinburgh : Canongate Classic, 2000.

Ridley R. Peter Pan and the Mind of J. M. Barrie: An Exploration of Cognition and Consciousness. Newcastle : Cambridge Scholars, 2016.

Rose J. The case of Peter Pan or the impossibility of Children's Fiction. London and Basingstoke : MacMillan, 1984.

Stirling K. Peter Pan's Shadows in the Literary Imagination. New York : Rutledge, 2012.

Примечания

¹ Сильвия Джоселин Ллуэлин Дэвис (1866–1910) — урожденная Дю Морье, сестра актера Джеральда Дю Морье, дочь известного английского писателя и карикатуриста журнала “Punch” Джорджа Дю Морье, теть будущей писательницы Дафны Дю Морье.

ИЗ ИСТОРИИ УЧЕБНОЙ КНИГИ

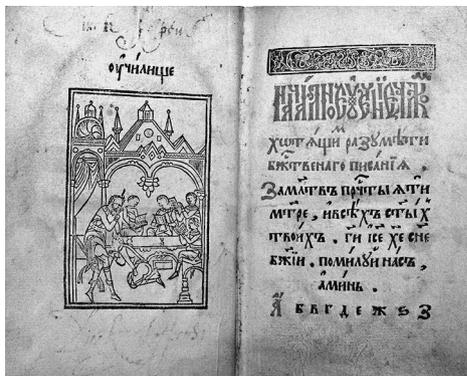
Ю. Шустова

НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО БУКВАРЯ 1679 г. ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Статья вводит в научный оборот неизвестное ранее издание Букваря, вышедшего на Московском печатном дворе в 1679 г. Дефектный экземпляр известного ранее только по архивным документам издания был выявлен в составе конволюта с другим московским изданием Букваря в собрании Отдела редких книг Российской государственной библиотеки. В статье обосновывается атрибуция новообнаруженного Букваря, анализируются другие издания для обучения грамоте, печатавшиеся в Москве во второй половине XVII в. В приложении полностью публикуется текст выявленного Букваря 1679 г.

Ключевые слова: Букварь, Азбука, Московский печатный двор, обучение грамоте, русская старопечатная книга XVII в., русская учебная книга XVII в.

Издание кириллических букварей в восточнославянской традиции связано с именем первопечатника Ивана Федорова (1520–1583), который в 1570-х гг. выпускает во Львове (1574) [Гусева, 2003; Немировский, Шустова, 2015] и Остроге (1578) [Немировский, Шустова, 2015] первые печатные учебники для обучения грамоте. Первые издания букварей в Московском государстве появились в 1630-х гг. Ими были несохранившиеся до наших дней Азбуки, напечатанные в 1633/34 г. форматом «в полудесть» и «в четверть», то есть в 4° и 8° долю листа, которые продавали «всяким людям... в научение детям» соответственно по 2 деньги и 1 деньги [Немировский, Шустова, 2015; Поздеева, 1986]. Их можно отнести к так называемым «азбукам на листе», которые содержали самые минимальные необходимые тексты для обучения [Вознесенский, 2010, с. 72]. На Московском печатном дворе впоследствии такие азбуки издавались огромными тиражами (14 400, 12 000 экземпляров), часто переиздавались, продавались довольно дешево и пользовались большим спросом.

Илл. 1. Азбука. М., 1637 г.
Гравюра «Училище»

В 1634 г. Василий Бурцов издал первый московский Букварь — пособие для обучения чтению, включающее помимо азбуки и упражнений для чтения (слогов) основы грамматики, тексты для чтения, в т. ч. катехитического содержания. В послесловии Бурцов называет эту книгу Азбукой. В 1637 г. он переиздал Азбуку, несколько расширив ее и поместив гравюру с изображением «училища» (Илл. 1).

В последнее время в литературе утвердилась практика называть краткие пособия для обучению грамоте (Азбуки-восьмилистки) — Азбуками, а содержащие грамматическую, катехитическую, хрестоматийную части — Букварями.

После обучения основным навыкам чтения приступали к изучению Часослова и Псалтири. По подсчетам И. В. Поздеевой на основании архивных материалов, в 1620–1652 гг. на Московском печатном дворе книги для обучения (Азбуки, Буквари, Часовники (учебные Часословы), учебные Псалтири) издавались не менее 75 раз (из 283 известных изданий — 26,5%) и вышли общим тиражом не менее 105 тыс. экземпляров, что составляло более трети суммарного тиража всех известных нам изданий 1-й пол. XVII в. [Поздеева, 1989, с. 173; Поздеева, 1994; Поздеева, 2007, с. 62] или 37% [Pozdeeva, 1992, p. 53].

Обучение грамоте начиналось с Азбуки, которую называли «учебной», «малой» или «на листу». Эти издания в силу активного их использования практически не сохранились, они «зачитывались» поколениями людей, учившихся по ним грамоте. Ни одного издания Азбуки-восьмилистки первой половины XVII в. не сохранилось до наших дней.

Во 2-й пол. XVII в. издание учебной книги (Азбуки, Буквари, Часовники (учебные Часословы), учебные Псалтири) на Московском печатном дворе также занимает значительную долю. И. В. Поздеева по документам архива Приказа книг печатного дела (РГАДА. Ф. 1182) подсчитала, что из 410 «книжных» изданий, зафиксированных за 49 лет (сентябрь 1652 – 1 января 1701), не менее 143 раз выходили книги, используемые для обучения. Почти каждое учебное издание имело значительно бóльшие тиражи, чем иные типы печатной книги. За этот период было выпущено 60 изданий Азбук и Букварей суммарным тиражом 270 820 экземпляров [Поздеева, 2007, с. 63]. Однако следует иметь в виду, что в архиве Приказа сохранились далеко не все документы, за некоторое годы они вообще отсутствуют, поэтому эти подсчеты показывают лишь общую картину издания учебных книг. Американский исследователь Г. Маркер на основании «Ведомости какого звания книги в Московской типографии с начала учреждения ее до ныне печатаемы были и по сколько экземпляров о том показано ниже сего», составленной в 1777 г. и хранящейся сегодня в Российском государственном историческом архиве (Ф. 796 «Канцелярия Синода»), подсчитал, что в 1647–1700 гг. в Москве вышло из печати 53 издания Азбук и Букварей общим тиражом 325 100 экземпляров [Marker, 1989, р. 16–17]. Безусловно, что дальнейшие исследования архивных документов позволят получить более точные данные об изданиях Азбук и Букварей и их тиражах.

В силу плохой сохранности изданий пособий для обучения грамоте, которые в буквальном смысле «зачитывались» до полного исчезновения, все дошедшие до наших дней экземпляры Букварей и Азбук представляют большое значение, а обнаружение и введение в научный оборот тех экземпляров и изданий, которые прежде были не известны или известны только по архивным документам, — существенно расширяет возможности изучения этих книг, их функционирования в культуре, значения в процессе обучения и т. д.

Сохранность «Азбук на листу», которые в литературе часто называют «Азбуками-восьмилистками» (по количеству листов, отпечатанных на одном типографском листе и сложенных в тетрадь форматом *in octavo*), чрезвычайно невелика. Они были доступны разным слоям населения. Экземпляр стоил в лавке Печатного двора 1 коп. (при себестоимости 1 деньга). Издавались Азбуки тиражами, в разы превышающими тиражи всех остальных изданий Московского печатного двора в XVII в. Для 45 известных изданий тиражи составляли: 2 издания по 12 заводов (завод — 1 200 экз.),

6 изданий — по 10 заводов, 2 издания — по 8, по одному изданию — 6 и 5 заводов, 13 изданий — по 4 завода, 3 издания — по 3, 14 изданий — по 2 завода и 3 издания — по 1. Еще для 6 изданий, вышедших во 2-й пол. XVII в., тиражи не известны. По подсчетам И. В. Поздеевой, с 1652 г. по 1700 г. в Москве вышло из печати 51 издание Азбук-восьмилисток суммарным тиражом 258 000 экземпляров [Поздеева, 2007, с. 63–64]. До наших дней сохранилось всего четыре издания таких азбук — вышедшие из печати 20 января 1669 г., 1686 г., в сентябре 1687 г. и 1698 г. [Немировский, Шустова, 2015; Мошкова, 2012, с. 62].

Судя по сохранившимся экземплярам можно сказать, что чаще всего эти издания назывались традиционно для книг по начальному обучению грамоте, вышедших в Москве: «Начальное учение хотящим учиться книг божественнаго писания» (1669), «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественнаго писания» (1698). В Азбуке 1687 г. это название помещено на обороте титульного листа, а на его лицевой стороне указано — «Азбука учебная». Состав «Азбуки на листу» имели относительно устойчивый. Они включали краткие молитвы, азбучный ряд, двух- и трехбуквенные слоги, названия букв алфавита, сокращенные написания слов под титлами («Слози имен по азбуце под титлами», обозначение цифр («Число церковное») и названия диакритических знаков («Имена просодиям») [Мошкова, 2012, с. 64]. Издание Азбуки 1698 г. в конце дополнено краткой хрестоматийной частью, которая включает три молитвы и «Стихи учительные», которые атрибутируются Кариону Истомину [Савельев, Савельева, 2012; Савельев, 2003].

Более полными по содержанию, в сравнении с Азбуками-восьмилистками, были Буквари, которые в архивных документах назывались «Азбука с добавкой», «Азбука большая», «Азбука с орацеями» и др.). Они включали значительно более обширный учебный материал. По типу такие Буквари второй половины XVII в. восходят к первопечатным Букварям Ивана Федорова и Василия Бурцова. В них более пространна грамматическая часть и имеется значительная хрестоматийная часть. В качестве хрестоматии для первоначального чтения включались краткий катехизис («Азбука с вопросы и ответы»), важнейшие молитвы. В 1650–1660-х гг. ряд изданий включал раздел «Главизны ѿвѣщателны ѿ посланїа Паїсія архїеп(и)ск(о)па константїнополя и вселенскаго патрїарха, къ с(вя)тѣйшему россїйскому патрїарху Нїкону, кїими персты подобаетъ

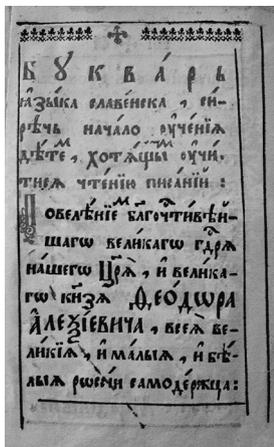
всякому хр(и)стіанину на лицѣ своемъ изобразати образъ кр(е)ста, и како достоинъ архіерею или с(вя)щеннику бл(а)гословлати хр(и)стіанъ» (1657, 1664), важный в процессе проведения церковной реформы. В 1660-х гг. в Букварях появляются образцы поздравлений родителям по случаю праздников («Азбука с орацеями»).

«Азбуками с орациями» могли называть Буквари, включающие хрестоматийную часть любого содержания. Так, в «Росписи новоправленным книгам, с которого году начались править з гречаских и сколко с которых книг в котором году из дела вышли» в 1669/1670 гг. говорится о 12 000 экземплярах «Азбук с арацыми» [Поздеева, Дадыкин, Пушкин, 2011, с. 272]. Печатали эту книгу «подрядным делом» наборщики Федор Яковлев, Данил Артемьев, Ефрем Фролов «с товарищи 6 человек» набором в три тетради (ок. 48 листов. — Ю. Ш.) тиражом десять кладей¹, «а от клади взять им за работу по рублю пор осмии алтын по две денги, итого тритцать семь рублей с полтиною». Документ о выдаче на работу «впредь 7 рублей с полтиною» датирован 16 сентября 1669 г. [Там же, с. 409–410]. Это издание не сохранилось [Немировский, Шустова, 2015, с. 242–243].

До настоящего времени было известно восемь изданий Букварей 2-й пол. XVII в., изданных в Москве. Это напечатанные на Московском печатном дворе Буквари 1657 г., известный в четырех экземплярах, 1664 г. (7 экземпляров), 28 сентября 1667 г. (2 экземпляра), 20 января 1669 г. (1 экземпляр), 28 сентября 1669 г. (3 экземпляра),

Кариона Истомина 1694 г. (цельногравированный, сохранившийся в нескольких десятках экземпляров), Кариона Истомина июня 1696 г. (2 экземпляра), а также Букварь Симеона Полоцкого, вышедший в Верхней типографии в декабре 1679 г., известный в более чем десяти экземплярах [Немировский, Шустова, 2015]. Букварь Симеона Полоцкого — самое объемное издание Букваря XVII в., предназначавшееся в первую очередь для обучения царских детей, а именно царевича Петра Алексеевича (Илл. 2).

Карион Истомин незначительно переработал и дополнил Букварь Симеона Полоцкого своими стихами, он был издан

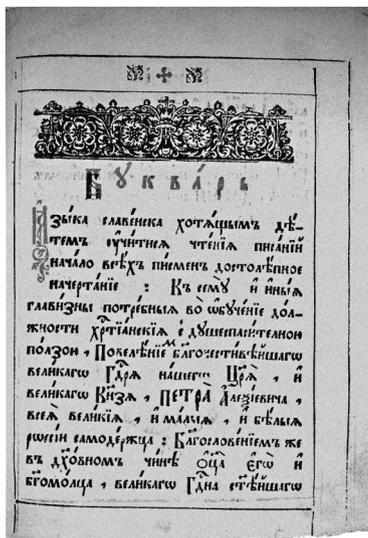

Илл. 2. Симеон Полоцкий. Букварь, 1679 г.

минимальным тиражом 20 экземпляров и предназначался для обучения царевича Алексея Петровича (Илл. 3). Особое место занимает лицевой цельногравированный Букварь Карiona Истомина 1694 г., который из-за своей необычной методики наглядного изображения материала («да что видить, сие и назоветь») и дороговизны не использовался широко в обучении грамоте, поэтому лучшее всего сохранился из всех изданий XVII в. (Илл. 4). Таким образом, из семи известных московских Букварей второй половины XVII в. лишь четыре издания можно отнести к типичным и самым востребованным книгам для обучения грамоте.

В ходе изучения экземпляров Букварей, хранящихся в Научно-исследовательском отделе редких книг (Музее книги) Российской государственной библиотеки, в связи с подготовкой описаний изданий и экземпляров кириллических Букварей этого собрания [Рамазанова, Шустова, 2018] был выявлен фрагмент разыскиваемого издания, известного ранее только по архивным документам.

Экземпляр Букваря был обнаружен как приплетенный к изданию, которое атрибутировалось как московское издание 1664 г. (Инв. № 5419). Книга сохранилась в переплете — доски в коже с блинтовым тиснением,

Илл. 3. Карион Истомина. Букварь. М., 1696 г.

Илл. 4. Карион Истомина. Букварь. М., 1696 г.

Илл. 5. Эскилибрис конволюта Букварей 1664 г. и 1679 г.

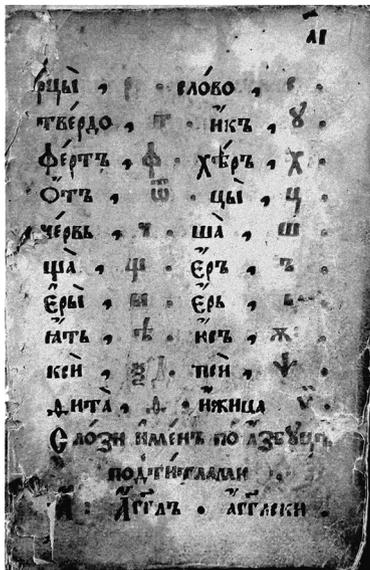
2 застежки утрачены. Происходит она из Румянцевского музея, о чем свидетельствует сохранившийся на внутренней стороне верхней крышки переплета эскилибрис: «Московского Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ № 352» (Илл. 5). По всей вероятности, в настоящем виде книга была переплетена в XVIII в. На форзацных листах имеются датированные записи: «...просять вашего п. приписнаго к дому...оторжскаго н. п. м. настоятель [иер]омонах Викентіи со кр(е)стьяны іюня -2(о) дня [17]58-2(о) года к подаію надлежить в Санктпи[т]ербурской егo архіереиства келеиной канторы» и «1764-2(о) м(е)с(я)ца енваря 6 дня. Помилуй мя б(о)же по велице м(и)л(о)сти твоей і по множестве щедротъ твоих». Составлена она из фрагментов двух изданий. Первыми в этот конволют включены листы 11–27, содержащие названия букв, слова под титлами, число церковное, названия знаков диакритики и пунктуации и Приветствия на праздники. Дальше в книгу вплетен лист с рукописным текстом, написанным полууставом, реконструирующий утрату текста Псалма 50, продолжение которого следует на последующем печатном листе конволюта. Далее следуют листы 16–23, 25–30, 32–34, 36–83. При сопоставлении текста этого экземпляра с экземпляром Букваря 1664 г. из собрания Российской национальной библиотеки (шифр IV.5.8б, Инв. № IV 1352) оказалось, что соответствует данному изданию вторая часть конволюта.

Издание 1664 г. состоит из начальной и обязательной части каждого пособия для обучения грамоте — азбучных рядов, слов двух- и трехписьменных, названия букв алфавита, примеров написания слов под титлами (л. 3–12 об.). Вторая, хрестоматийная часть, включает тексты кратких молитв и 50-го псалма (л. 13–21 об.), катехитическую часть (л. 21 об. – 68), молитвы, после чего следует продолжение азбучной части: название и обозначение знаков диакритики и пунктуации («Просодия») и обозначение чисел (л. 77 об. – 78 об.). Завершают Букварь выдержки из послания

2 застежки утрачены. Происходит она из Румянцевского музея, о чем свидетельствует сохранившийся на внутренней стороне верхней крышки переплета эскилибрис: «Московского Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ № 352» (Илл. 5). По всей вероятности, в настоящем виде книга была переплетена в XVIII в. На форзацных листах имеются датированные записи: «...просять вашего п. приписнаго к дому...оторжскаго н. п. м. настоятель [иер]омонах Викентіи со кр(е)стьяны іюня -2(о) дня [17]58-2(о) года к подаію надле-

константинопольского патриарха Паисия московскому патриарху Никону о трехперстном крещении «Главизны Ѡвъщателны Ѡ посланїа Паїсіа архїеп(и)ск(о)па константинопола и вселенскаго патрїарха, къ с(вя)тѣйшему россійскому патрїарху Нїкону, кїими персты подобаетъ всакому хр(и)стїанину на лицѣ своемъ изображати образъ кр(е)ста, и како достоитъ архїерею или с(вя)щеннику бл(а)гословлати хр(и)стїанъ» (л. 79–83).

Азбучная часть первого фрагмента конволюта не соответствует не только расположению по листам, но и названию разделов в издании Букваря 1664 г. (Илл. 6). Ниже приводится сопоставление аналогичных частей Букварей 1664 г. и новообнаруженного издания в составе конволюта (Таблица 1).

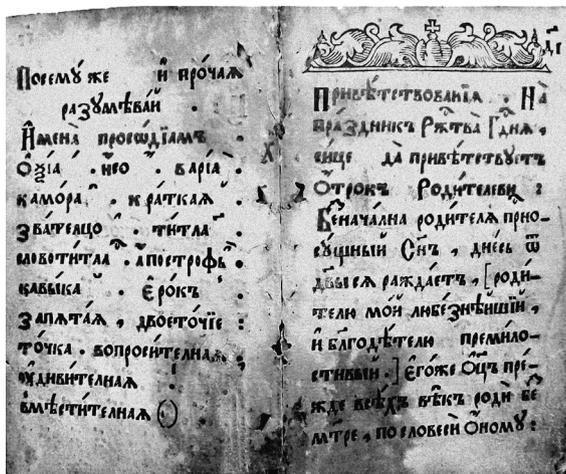

Илл. 6. Букварь. М., Печатный двор, 1679 г.

Таблица 1

Букварь. М., 1664	Букварь, М., [1679]
Л. 10–12 об. — Во исправленїе ѡзыка отrotchate, слози словесъ подѣ титлами.	Л. 11–13 — Слози именъ по азбуцѣ под титлами.
Л. 77 об. — Просодїа верхнаа, или ударенїа гласа аже употреблюють славане.	Л. 13–13 об. — Число ц(е)рковное.
Л. 78 — Строчнаа препинанїа.	Л. 13 об. — Имена просодїамъ.
Л. 78–78 об. — Числа.	

Сравнение данного фрагмента с известными изданиями Букварей 1657 г., 1667 г. и 1669 г. показали, что они также не соответствуют выявленному фрагменту. Установление времени выхода из печати определялось по имеющейся на листе 14 заставке (Илл. 7). Она соответствует учтенной А. С. Зерновой заставке № 66 [Зернова, 1964]. По состоянию доски и содержанию 17-листный фрагмент был атрибутирован упоминающейся в документах

Илл. 7. Букварь.
М., Печатный
двор, 1679 г.

Приказа книгопечатного дела «Азбуке с орацией», вышедшей в свет в 1679 г. Это издание было напечатано тиражом 4 800 экземпляров. Себестоимость книги составила 3 деньги, а указная цена — 4 деньги (2 копейки).

Впервые об этом издании сообщает в 1989 г. Гари Маркер [Marker, 1989, p. 17]. Он указывает, что в 7187 (1678/79) г. на Московском печатном дворе было выпущено три издания: Азбука тиражом 4 800 экземпляров; Азбука тиражом 1 200 экземпляров; Азбука с орациями тиражом 4800 экземпляров. Об этом издании писала И. В. Поздеева [Поздеева, 2007, с. 203–205], оно учтено в библиографическом своде изданий кириллических Азбук и Букварей XVI–XVIII вв. [Немировский, Шустова, 2015].

Введенные в научный оборот сведения архивных документов о себестоимости и указной цене позволяют также реконструировать объем и состав новообнаруженного издания. Так, себестоимость Букваря 1657 г. составила 10 денег, а указная цена — 3 алтына 4 деньги. Это довольно объемное издание, состоящее из 86 листов. Себестоимость Букваря 28 сентября 1669 г. составила 3 деньги, а указная цена — 4 деньги или 2 копейки. Объем этого издания — 24 листа. Поскольку атрибутируемое нами издание 1679 г. имело такую же себестоимость и указную цену, можно предположить, что его объем был почти таким же. Т. к. в сохранившемся фрагменте недостает листа с окончанием текста «Приветствования» на Новое лето благодетелю, а последний лист имеет фолиа-

цию 27, можно утверждать, что утрачен последний лист издания, а все издание состояло из 28 листов. Разница в объеме объясняется тем, что в издании 28 сентября 1669 г. наборная полоса состоит из 14 строк, а в издании 1679 г. — из 13.

В 1669 г. на Московском печатном дворе было издано три Букваря — несохранившееся издание Азбуки-восьмилистки, вышедшей из печати 8 января 1669 г. и Буквари, напечатанные 20 января (76 листов) и 28 сентября (24 листа). Как было указано выше, в 1679 г. также было напечатано три издания. Возможно, соотношение этих книг для обучения грамоте такое же — краткая Азбука-восьмилистка, более пространный выпуск, дополненный текстами приветствий по случаю праздников, и еще более объемное, включавшее в хрестоматию катехитическую часть.

Можно предположить, что и по составу издания 28 сентября 1669 г. и 1679 г. весьма сходны. Их можно отнести к самому краткому типу Букваря, издававшемуся на Московском печатном дворе, включающему обязательную азбучную часть и хрестоматийную часть, состоящую только из «Приветствований». При сравнении содержания этих двух изданий видно, что разделы называются одинаково, их последовательность совпадает, и по объему они сопоставимы с учетом разницы набора в одну строку (Таблица 2).

Состав и содержание этих двух изданий практически идентичны. Так, разделы «Имена просодиям» одинаковы, тогда как в изданиях 1657 г., 1664 г. и в Букваре Симеона Полоцкого 1679 г. они отличаются и по составу знаков диакритики и пунктуации, и их названиями. Тексты «Приветствований» различаются очень незначительно лишь набором.

На этом основании можно предположить, что и заглавие этих изданий должно быть одинаковое. На титульном листе Букваря 28 сентября 1669 г. оно указано: «Букварь азыка славенска, писаній чтеніа оучитиса хоташымъ». Такое же название в издании 28 сентября 1667 г. Более пространные Буквари 1657 г., 1664 г. и Симеона Полоцкого 1679 г. имеют заголовок «Букварь аззыка славенска, сирѣчь начало оученіа дѣтемъ, хоташымъ оучитиса чтенію писанію». На основании этого можно утверждать, что состав Букварей можно было различать по их названию. Первый заголовок указывал на краткий тип Букваря, а второй — на более пространный, включающий катехитическую часть.

Выявленное новое издание Букваря, атрибутируемое как «Букварь азыка славенска, писаній чтеніа оучитиса хоташымъ», состоявшего

Таблица 2

Букварь. М., 28 сентября 1664	Букварь. М., [1679]
<p>Л. 1 — Букварь азыка славенска, писаній чтеніа оучитиса хоташымъ. Л. 1 об. — 5 об. — Предословіе. Л. 6–10 — Началное ученіе чловѣкомъ хоташимъ оучитиса кн(и)гъ б(о)ж(е)стvenaго писаніа.</p>	
<p>Л. 10–11 об. — Слози именъ по азбуцѣ под титлами. Л. 11 об. — 12 — Число ц(е)рковное. Л. 12 — Имена просодіамъ. Л. 12 об. — Привѣтствованіа. Л. 12 об. — 13 об. — На праздникъ Р(о)ж(де)ства Г(о)с(по)дна, сице да привѣтствуетъ отрокъ родителеви. Л. 13 об. — 14 об. — Бл(а)годѣтелеви. Л. 15–16 — На Б(о)гоавленіе. Родителеви. Л. 16–17 — Бл(а)годѣтелеви. Л. 17–18 — На воскр(е)сеніе Хр(и)стово. Родителеви. Л. 18 об. — 19 об. — Бл(а)годѣтелеви. Л. 19 об. — 20 об. — На сошествіе с(вя)таго д(у)ха. Родителеви. Л. 20 об. — 22 — Бл(а)годѣтелеви. Л. 22–23 — На новое лѣто. Родителеви. Л. 23–24 об. — Бл(а)годѣтелеви.</p>	<p>Л. 11–13 — Слози именъ по азбуцѣ под титлами. Л. 13–13 об. — Число ц(е)рковное. Л. 13 об. — Имена просодіамъ. Л. 14 — Привѣтствованіа. Л. 14–15 — На праздникъ Р(о)ж(де)ства Г(о)с(по)дна, сице да привѣтствуетъ отрокъ родителеви. Л. 15 об. — 16 об. — Бл(а)годѣтелеви. Л. 17–18 об. — На Б(о)гоавленіе. Родителеви. Л. 18 об. — 19 об. — Бл(а)годѣтелеви. Л. 19 об. — 21 — На воскр(е)сеніе Хр(и)стово. Родителеви. Л. 21–22 об. — Бл(а)годѣтелеви. Л. 22 об. — 23 об. — На сошествіе с(вя)таго Д(у)ха. Родителеви. Л. 24–25 — Бл(а)годѣтелеви. Л. 25 об. — 26 об. — На новое лѣто. Родителеви. Л. 26 об. — 28 (?) — Бл(а)годѣтелеви.</p>

из 28 листов, напечатанное на Московском печатном дворе в 1679 г. и известное ранее лишь по архивным документам как «Азбука с орацией» представляет большой интерес для изучения истории книгопечатания, истории образования в России и истории культуры.

Приложение

Публикация текста выявленного дефектного экземпляра издания московского Букваря 1679 г. осуществляется с сохранением всех букв, вышедших из употребления. Титла раскрываются, реконструированные буквы пишутся в круглых скобках, надстрочные буквы

обозначены курсивом. Не раскрываются титла только для раздела «Слози именъ по азбуцѣ под титлами». Конец страницы выделяется двойным слешем, после чего указывается ее нумерация.

[*Букварь языка славенска, писаний чтения учитися хотящым («Азбука с орацией»*)]. — М. : Печатный двор, [1679]. — [1–28] л.; 8°. — Строк: 13. — Шрифт: 85 мм. — Тираж: 4 800 экз.

рцы, р. слово, с. твердо, т. икъ, у. фертъ, ф. хѣръ, х. оть, **Ѡ**. цы, ц. червь, ч. ша, ш. ща, щ. ерь, ъ. еры, ы. ерь, ь. **ѡ**тъ, **Ѣ**. юсь, ж. кси, **Ѥ**. пси, **Ѧ**. ѡита, ѡ. ижица, в.

Слози именъ по азбуцѣ под титлами.

А: Агѣль. агѣлски. // Л. 11.

архагѣль. архагѣлски. апсѣль. апсѣлски.

Б: Бѣтъ. бжѣтво. бѣца. бѣженъ. блгѣвень. блгѣть. бѣоблгѣтныи.

В: Вѣка. вѣчца. вѣчство. воскрѣніе.

Г: Гѣдь. гѣдьство. гѣдрь. гѣднь. гѣжа.

Д: дѣхъ. дѣховный. дѣдъ. дѣца. дѣство. дѣша. дѣнь.

Е: Естеѣтво. еѣлїе. еѣлїсть. еѣкпѣ. // Л. 11 об.

еѣкпѣство.

І: Иїль. иїки. Иїсь. Иерѣлумъ.

К: Крѣтъ. крѣщенїе. крѣтъль.

М: Мѣръ. мѣреть. мѣтъ. мѣрдїе. мѣтына. мѣтва. мѣти. Мѣіа.

мѣчнкъ. мѣць. мѣднць.

Н: Нѣбо. нѣбный. нѣшь. нѣнъ.

О: Оѣць. оѣхъ. оѣство. оѣскъ. // Л. 12.

П: Премѣреть. прѣтъ. прѣтоль. прѣбенъ. прѣнъ. прѣрокъ.

прѣтеча. прѣно.

Р: Ржѣтво. рѣдѣвень.

С: Сѣтъ. сѣщенникъ. сѣнце. срѣце. стрѣтъ. смѣръ. слѣва. сѣтъль.

Т: Трѣца. трѣченъ. трѣтъ. трѣтое.

Оу: Оучѣль. оучнкъ. оучнцы. оучнчскъ.

Х: Хрѣтось. Хѣвъ. // Л. 12 об.

хрѣтіанинъ.

Ц: Цѣръ. цѣрца. цѣрковъ. цѣрѣтво. цѣрѣкїй.

Ч: Чѣлкъ. чѣль. чѣлчѣкїй. чѣтъ. чѣтенъ. чѣтныи.

Число ц(е)рковное.

а. в. г. д. е. з. и. ѣ. і. аї. вї. гї. дї. еї. сї. зї. иї. ѡї. к. л. м. н. ѣ. ѡ. п.
 ч. р. с. т. у. ф. х. ѡ. Ѡ. ц. а. в. г. д. е. з. и. ѣ. ѡ. // Л. 13.

По сему же и прочаа разумѣвай.

ИМЕНА ПРОСОУДІАМЪ.

Озѣа ´. iso ´´. varia ` . камора ^ . краткаа ˇ . звателцо ^ . титла ´ . слово-титла ˆ . апостроф ^ . кавыка ˇ . ерокъ ´ . запятаа , . двоеточіе : . точка .
вопросительная ; оудивительнаа ! вместилиснаа () . // Л. 13 об.

ПРИВѢТСТВОВАНІА.

На праздник Р(о)ж(де)ства Г(о)с(по)дня, сице да привѣтству-
еть отрокъ Родителиви:

Безначална родителя пр(и)сносущій С(ы)нъ, днесъ С̄Д д(е)вы
са раждаетъ, [родителю мой любезнѣйшій, и бл(а)годѣтелю преми-
лостивый.] его же о(те)цъ прежде всѣхъ вѣкъ роди без м(а)т(е)ре,
по словеси оному: // Л. 14.

из чрева прежде денницы родихъ та. Н(ы)нѣ пренепорочнаа д(е)ва
без о(т)ца раждаетъ, да всѣхъ С̄Д о(т)ца и м(а)т(е)ре раждаемыхъ,
купно съ нерожденными Адамомъ и Евою приведетъ ко о(т)цу
н(е)б(е)сному во ус(ы)новленіе, и в наслѣдіе ц(а)рствіа н(е)б(е)с-
наго. радуются ѿ семь н(е)б(е)сныа силы велегласно восклица-
юще: Слава во вышнихъ // Л. 14 об.

Б(о)гу, и на земли миръ, во человекѣхъ бл(а)говоленіе. Радуйса
с ними и ты мой бл(а)годѣтелю, пѣснми и хвалами превѣчнаго
мл(а)д(е)нца величаа непрестанно. А онъ та небеснымъ своимъ
пѣвцомъ во странѣ причетъ выну веселашихса: его же ти азъ с(ы)
новнимъ оусердіемъ, вседушно желаю. // Л. 15.

Бл(а)годѣтелеви:

Вторый ч(е)л(ове)къ Г(о)с(по)дь с н(е)б(е)се н(ы)нѣ на земли
родиса, [бл(а)годѣтелю мой премилостивый.] Вина есть толикаго
смиреніа его, во еже бы перваго ч(е)л(ове)ка иже С̄Д земли пер-
стенъ, возвеличити во превыспреннѣмъ н(е)бѣ: и дабы насъ всѣхъ во
образъ перстнаго облеченныхъ, облещи во образъ н(е)б(е)снаго, //
Л. 15 об.

и тако оудостоити во дворѣхъ ц(а)рѣ всѣхъ вѣковъ вѣчнорадост-
наго гражданства. Торжествуетъ ѿ семь нынѣ Ц(е)рковь
м(а)ти наша, б(о)голюбныа пѣсни в бл(а)годарствіе Хр(и)сту
Б(о)гу, с н(е)б(е)сными силами поющи. Торжествуй и ты с нею
мой бл(а)годѣтелю, ѿ сицевѣй Хр(и)стовой бл(а)годати, бл(а)го-
дарнаа ему // Л. 16.

восписуа, А онъ та ветхаго извлекъ въ новаго облечетъ Адама,
и по многихъ здраво, честно, и бл(а)гополучно здѣ прежитыхъ

лѣтъхъ, вселить та в рай небесный, некончаемыхъ ради причастїа сладостей. их же ти азъ рабъ твой вѣрно оусердствую. // Л. 16 об.

На Б(о)гоавленїе.

Родителиви:

Б(о)гъ Г(о)с(по)дь и ависа намъ, [родителю мой прелюбезный, и бл(а)годѣтелю прем(и)л(о)стивый.] О(те)ць во гласѣ, С(ы)нь во плоти, Д(у)хъ с(вя)тый в видѣ голубинѣ: да вси вѣруемъ ѿко слово гласомъ изреченно бываетъ. Б(о)гъ же С(ы)нь, Слово Б(о)-жїе, ѿ о(т)ца прежде вѣкъ родиса, // Л. 17.

и ѿко голубемъ в корабль Ноевъ знама м(и)л(о)с(е)рдїа, лѣторасль масличнаа принесеса: Тако сего голуба Д(у)ха с(вя)таго дѣйствомъ, в корабль мысленный, во чрево пр(е)с(вя)тыа Д(е)вы М(а)ріи Хр(и)стосъ Б(о)гъ кр(е)щаемый вселиса. О(те)ць гласомъ своимъ в наслѣдіе насъ глашаетъ н(е)б(е)сное: и С(ы)на, ѿко путь правый авлаеть плотнымъ // Л. 17 об.

во плоти. Д(у)хъ же с(вя)тый приносить намъ крилѣ голубинѣ, да лѣтимъ на Н(е)бо и почїемъ. К тому о(т)цу иже есть на н(е)б(е)си, путемъ Хр(и)ста Б(о)га, многолѣтно в мирѣ, здравїи, и бл(а)годенствїи шествовати азъ с(ы)нь твой тебѣ о(т)цу моему вѣрно желаю. и бл(а)г(о)д(а)гїю Д(у)ха пр(е)с(вя)таго, аки крилми голубиными возлѣтѣти // Л. 18.

на гору наслѣдїа н(е)б(е)снаго, любезно оусердствую.

Бл(а)годѣтеливи.

Агнецъ землай грѣхи міра, въ водахъ нынѣ кр(е)щается Иорданскихъ, [бл(а)годѣтелю мой премилостивый.] Не самъ очищенїа требуа, ибо скверны грѣховныа не причастенъ: но на очищенїе земнородныхъ водное естество устроаа, // Л. 18 об.

и тажкое бремя грѣховъ нашихъ, начинаа в водахъ кр(е)щенїа потоплати. Потопливый древле во глубинѣ морстѣй фараона, царствовавший грѣхъ міра потоплаеть, насъ же нова И(зра)ила въ землю ведеть обѣтованную. еа же вѣчно наслѣдіе тебѣ, бл(а)годѣтелю моему, по многолѣтномъ чрезъ пустыню міра сего // Л. 19.

во здравїи, и всакихъ бл(а)гъ полученїи шествованїи, слажати истинно желаю.

На воскре(е)сенїе Хр(и)стово.

Родителиви:

Велїю радость А(н)гг(е)ль ѿ гроба вѣщаетъ, [родителю мой прелюбезный:] рыданїю рече время преста, не плачите, Воскре(е)сенїе

Хр(и)стово Ап(о)с(то)ломъ рецыте. Радость нам неизреченнаа, // Л. 19 об.

ѿко Хр(и)стосъ воскр(е)се, ибо и насъ со собою ѿ вѣчныа смерти гроба совоздвиже: и вмѣсто тли нетлѣннѣе, за смерть животь вѣчннй: и вмѣсто темнаго ада, пресвѣтлое Н(е)бо даруетъ. Чертогом н(е)б(е)снымъ гробъ Г(о)с(по)д(е)нь нареши н(ы)нѣ подобает, ѿко не мертвеца в себѣ сокрываетъ, но жениха н(е)б(е)снаго, ѿко побѣдителя // Л. 20.

смерти с торжествомъ испущаетъ. Ему же пособствуй и ты родителю мой любезнѣйшій весело торжествовати. Восписуй ему победителнаа бл(а)годарственнѣю, а онъ ти дасть в мѣрѣ семь мирнѣю, здравѣю, и ч(е)стнѣю, многаа лѣта жити, и по измѣненіи мертвості на животь, сотворитъ та съ собою во странѣ // Л. 20 об.

живыхъ, и присно веселася, безконечнѣю жити, и ликовати.

Бл(а)годѣтелеви:

Живый Б(о)гъ, вса ны оживотворил есть н(ы)нѣ [бл(а)годѣтелю мой премилостивый.] Чюдно дѣло чюдный Б(о)гъ содѣвает, ѿко не животомъ] своим, но смертїю сїе творит]. Безсмертннй бо б(о)ж(е)ством оумерщвлен бысть плотїю, // Л. 21.

и во гробѣ положиса, и тогда смерть оумертвиса, а мы ожихом, и с воскр(е)сшимъ Хр(и)стомъ совоскресохомъ. Смерть оубѣю Хр(и)стова намъ животь есть, самой же смерти смерть есть, и Аду разореніе. Тѣм же смерть да рыдаеть н(ы)не, и адъ горцѣ да стелеть. намъ же оживленнымъ радоватиса подобаетъ. // Л. 21 об.

Радуйса оубѣю ты бл(а)годѣтелю мой прем(и)л(о)стивый, ѿ сей бл(а)г(о)д(а)ти Хр(и)стовой, и даждь славу Б(о)гу сотворшему сїа, бл(а)годарнѣю воспѣваа: Хр(и)стосъ воскр(е)се из мертвыхъ, смертїю смерть попра, и сущимъ во гробѣхъ животь дарова. Онъ же возбл(а)говолить дати тебѣ здѣ многолѣтнѣю во здравїи, и спасенїи // Л. 22. временннй вѣкъ жителствовати, а по разрѣшенїи союза плоти, н(е)б(е)сное вѣчное наслѣдити ц(а)рствїе: его же ти азъ вѣрнѣю ѿ Хр(и)ста молебствую.

На сошествїе с(вя)таго Д(у)ха.

Родителеви:

Д(у)ху с(вя)тому на Ап(о)с(то)лы с(вя)тыа низшедшу, духомъ намъ радоватиса подобаетъ, родителю мой прелюбезннй. Онъ бо // Л. 22 об.

есть оутѣшитель, его же ѿбѣща Хр(и)стосъ Г(о)с(по)дъ ѿ о(т)ца низпослати. Оутѣшителю же пришедшу, не тѣшитиса есть не лѣпо.

Оутѣха есть н(ы)нѣ Ц(е)ркви, **ѿ**кѡ аще и **ѿ**иде Хр(и)стось на н(е)бо, ѡбаче не ѡставиль еѧ сиры: посла бо Параклита инаго, **ѿ**кѡ себе самаго, иже наставитъ ю на всако дѣло бл(а)го. Сей // Л. 23.

оутѣшитель Д(у)хъ пребл(а)гій да наставитъ тѧ на землю праву, родителя моего прелюбимаго, и оутѣшитъ тѧ въ семь юдолѣъ плачевномъ многолѣтнымъ, во здравіи, и радости пребываніемъ: и по разрѣшеніи д(у)ха твоего **ѿ** плоти, да вселитъ съ праведными д(у)хи въ н(е)б(е)сномъ жилищѣ, вседушно желаю. // Л. 23 об.

Бл(а)годѣтели:

Д(у)хъ пр(е)м(у)др(о)сти и разума во огненныхъ азыцѣхъ на с(вя)тыѧ Ап(о)с(то)лы н(ы)нѣ с н(е)б(е)се сниде, [бл(а)годѣтелю мой прем(и)л(о)стивый]: во еже бы міру такѡ ѡбюродѣвшу и ѡбезумившусѧ, **ѿ**кѡ же ідоулы за боги почитати, Д(у)хомъ с(вя)мымъ вразумитисѧ, и въ разумъ прійти истинный. и дабы с(е)рдцамъ мразомъ // Л. 24.

грѣха ѡладѣвшымъ, теплотою согрѣтисѧ огненныхъ азыкѡв. Сегѡ силою огна н(е)б(е)снаго, словеса Г(о)с(по)дна, оусты Ап(о)с(то)льскими проповѣданнаѧ, быша словеса ч(и)ста, сребро раждеженно, искушенно земли, очищено седмерицею. Сей огонь есть грѣхи попалаѧй, д(у)шы же просвѣщаѧй, да попалит оубѡ и твоѧ грѣхи, // Л. 24 об.

а д(у)шу сѧніемъ бл(а)годати да просвѣтитъ своеѧ: во еже бы тебѣ бл(а)годѣтели моему, во свѣтѣ егѡ путемъ заповѣдей шествовати Г(о)с(по)днихъ, и достигнути безнощныѧ страны, всесвѣтлое гражданство. Во свѣтѣ лица егѡ да пойдеши, и ѡ имени Г(о)с(по)днемъ да возрадуешисѧ во вѣки. // Л. 25.

Н(А)² НОВОЕ ЛѢТО.

Родители:

Новаго лѣта празднству бл(а)гоговѣйно **ѿ** ц(е)ркве совершаему, достойно ти есть веселитисѧ родителю мой прелюбезный. Ибо новаѧ бл(а)годати виновникъ Хр(и)стось г(о)с(по)дъ, ветхихъ ѡбновленіе проповѣдаетъ, сокрушеннымъ с(е)рдцемъ **ѿ**раду вѣщаетъ, и лѣто Г(о)с(по)дне пріятно // Л. 25 об.

бл(а)говѣствуетъ. Еже занеже **ѿ** н(ы)нѣ начало си пріемлетъ, моллю началоположника всѣхъ временъ Хр(и)ста Б(о)га, да во ѡбновленіи лѣта, ѡбновитъ **ѿ**кѡ орлю юность твою: во еже бы ти силу, и крѣпку быти купно тѣломъ и д(у)хомъ, ходити путемъ заповѣдей егѡ, чрезъ все лѣто жизни твоеѧ. а при концы еѧ // Л. 26.

да бы ти достигнути некончаемыа лѣто вѣчности, истинно приветствую.

Бл(а)годѣтелеви:

Всакаа новостъ бл(а)гихъ, пріатна и полезна челоуѣкомъ, бл(а)годѣтелю мой премилостивый. И того ради Б(о)гъ Г(о)с(по)дъ вса видимаа сотворивый на службу челоуѣкомъ, оустроилъ есть вселеннѣй // Л. 26 об.

лѣтное обновленіе, вса бо плоды земныа, и всако животно нѣкимъ обновластса обычаемъ, и самаа времена и лѣта, Г(о)с(по)днимъ пріемлетъ обнову повелѣніемъ. Техъ образомъ и Ч(е)л(ове)къ свободною б(о)гомъ оукрашенный волею, долженъ есть д(у)ховное в себѣ сотворити обновленіе, да Б(о)гу оугодень будет и пріатен. // Л. 27.

Азь оубо всѣхъ тебѣ бл(а)гъ желалаи питомецъ, молю вса обновляющаго Б(о)га, да ти бл(а)годать свою даруетъ, еже СѢ сего новаго лѣта въ новости жизни ходити, и работати ему въ новости Д(у)ха. Да преобразишса обновленіемъ оума твоего, во еже искушати, что есть вола Б(о)жіа благаа, и оугоднаа, // Л. 27 об.

Исследования

Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтирь. М.; СПб., 2010.

Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог. М., 2003. Кн. 1. № 58.

Зернова А. С. Орнаментака книг московской печати кирилловского шрифта [XVII–XVIII веков]. 1677–1750: К 400-летию русского книгопечатания. М., 1963. Альбом, № 66.

Мошкова Л. В. Азбука-восьмилистка XVII в.: история и проблемы изучения // Вестник славянских культур. 2012. № XXIII. Т. 1. С. 62–67.

Немировский Е. Л., Шустова Ю. Э. Кириллические Азбуки и Буквари XVI–XVIII вв.: библиографический свод изданий // «В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму: становление учебной книги в XVI–XIX вв. М., 2015. № 5. С. 190–196.

Поздеева И. В. Исторические судьбы дониконовской московской печати // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 67. С. 94–119

Поздеева И. В. Между Средневековьем и Новым временем: новое в деятельности Московского печатного двора второй половины XVII в. // Поздеева И. В., Дадькин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. М., 2007. Кн. 1.

Поздеева И. В. Издание и распространение учебной литературы в XVII в.: Московский печатный двор // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 171–177.

Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора: Первая половина XVII в.: методические рекомендации. М., 1986. Примеч. 1. № 67–68.

Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. М., 2011. Кн. 2.

Рамазанова Д. Н., Шустова Ю. Э. Кириллические буквари из собрания Научно-исследовательского отдела редких книг Российской государственной библиотеки: Описание изданий и экземпляров. М., 2018 (в печати).

Савельев А. А., Савельева Н. В. «Азбука учебная» Кариона Истомина // *Litterarum fructus* : Сб. статей к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 53–74.

Савельев А. А. «Стихи учительные»: к вопросу о составе старопечатных кириллических изданий «Азбуки учебной» в конце XVII–XVIII веке // *Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства*. М., 2003. С. 139–146;

Marker G. J. Primers and Literacy in Muscovy: a Taxonomic Investigation // *The Russian Review*. 1989. № 48. P. 1–19.

Pozdeeva I. The Activity of the Moscow Printing House in the First Half of the XVII Century // *Solanus. New Series*. 1992. Vol. 6.

Примечания

¹ Кладь — количество бумаги определенного формата на производство одного стандартного тиража («завода») в 1 200 экземпляров.

² Буква «а» не пропечатана.

Т. Костина, О. Кирикова

УЧЕБНЫЕ КНИГИ В ГИМНАЗИИ АКАДЕМИИ НАУК 1730-х гг.*¹

В статье реконструируется история выбора и использования учебных книг в Академической гимназии 1730-х гг. К исследованию привлечены немецкоязычная рукописная записка Т. З. Байера «Настоящее устройство Гимназии» (1731); опубликованный на немецком языке, но редко привлекаемый исследователями «Проект устройства гимназии и школ в Санкт-Петербурге...» И. Э. Фишера (1733); «Формула гимназии» (1735) и гимназический регламент Г. В. Крафта (1739). Впервые публикуется приложение к нему — «Список книг, обязательных для использования в Гимназии после объявления ее Регламента», сохранившаяся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН рукописная записка на немецком языке. В совокупности анализ упоминаемых в этих документах учебных пособий позволяет понять логику и динамику происходивших изменений в период выработки отечественного литературно-дидактического канона, а также увидеть процесс замещения западноевропейских учебных пособий опубликованными в России. Вводимые в научный оборот данные об учебной литературе Академической гимназии представляют интерес для историков педагогики, лингвистики, преподавания иностранных языков, логики, географии и т. п.

Ключевые слова: Академическая гимназия, Академия наук, Т. З. Байер, И. М. Геснер, грамматики, Г. В. Крафт, лексиконы, И. Э. Фишер, Г. Штолле, учебная литература.

История учебной книги долгое время находилась в тени истории образования, но в последние десятилетия обратила на себя внимание исследователей и сейчас переживает всплеск, связанный с выделением в отдельную исследовательскую область [Безрогов, Макаревич, 2005; Учебный текст в советской школе..., 2008; Ромашина, 2011; Макаревич, 2012; «Картинки в моем букваре...», 2013; «В России надо жить по книге...», 2015; Школьные пособия..., 2017 и др.]. При этом в изучении таких важных для истории образования вопросов как распространение и использование учебной литературы на территории России; формирование правительственной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «От институциональной истории учебных заведений Академии наук к истории педагогики в России 1724–1756 гг.» № 18-013-00595/18.

политики по отношению к содержанию обучения; возникновение отечественного литературно-дидактического канона, еще имеются серьезные лакуны. Одной из них является использование учебных пособий в Академической гимназии в 1730-е гг.

Академия наук в XVIII в. являлась не только крупным центром образования (через ее гимназию прошло около 2,5 тыс. учеников), но и центром выработки образовательных программ, подготовки и издания учебной литературы [Костина, 2017, с. 270; Смагина, 2010]. Академики имели возможность повлиять на программы Сухопутного шляхетного корпуса и горнозаводских школ Урала, хотя вопрос о взаимодействии Академии наук и других ведомств еще нуждается в специальном изучении². Как бы то ни было, проблема реконструкции списков учебных пособий, использовавшихся в обучении учащихся Гимназии при Академии наук, имеет значение для изучения генезиса отечественного дидактического канона и истории оказавших на него влияние школьных традиций.

Ряд аспектов этой темы уже привлекал внимание исследователей: ссылки на авторов, по книгам которых в Академии наук читали лекции студентам, извлеченные из объявления о лекциях Академии наук 14 января 1726 г., проанализировала Ю. Х. Копелевич [Копелевич, 1977, с. 97–98]; деятельность Академии наук по созданию учебной литературы исследовалась Г. И. Смагиной³. Важный вклад внес Г. Кайперт, рассмотревший религиозный аспект традиции преподавания иностранных языков в ранний период существования Академической гимназии, а также указавший на тесную связь преподавания языков с формированием отечественной лингвистики [Keipert, 1987]. Однако даже в его богатых материалом и ценными наблюдениями работах сказывается дефицит данных об учебных пособиях, использовавшихся при Академии наук. Источники по истории учебной деятельности Академии наук обширны и полилингвальны. И хотя они публикуются и вводятся в научный оборот на протяжении уже почти полутора столетий, некоторые ключевые документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН до сих пор не опубликованы и почти не используются.

В целом, проблема выбора учебных пособий для Академической гимназии в 1730-е гг. почти не исследовалась, несмотря на то, что итоги такого изучения могут быть востребованы широким кругом специалистов: историками педагогики, лингвистики, преподавания иностранных языков, логики, географии и т. п. [Артемьева,

1999; Mézin, Rjéoutski, 2011; Ржеуцкий, 2012; Воробьев, 2015; Кислова, 2015]. Полномасштабное исследование данной проблемы, действительно, очень трудоемко, потому что должно включать в себя все опубликованные и сохранившиеся в архиве списки заказов книг для Гимназии. В данной статье мы ограничимся текстами документов, регламентирующих деятельность Гимназии и приложений к ним, поскольку именно в них, по нашему мнению, отобразилось формирование программы, тогда как в списках заказов книг для Гимназии могли встречаться пособия менее желанные руководством Гимназии и преподавателями, но более доступные.

В первые годы существования Академической гимназии выбор учебных пособий, по-видимому, был предоставлен преподавателям. Во всяком случае, мы не имеем сведений об используемых в этот период учебных пособиях. 27 августа 1727 г. профессора Академии наук отчитались в своей научной работе, а также в обучении студентов и гимназистов. При этом о состоянии Гимназии были сказаны самые общие слова: «Гимназиум и школы, в которых обучаются арифметики, геометрии, триго(но)метрии, фортификации, архитектуры гражданской и рисованию, так содержатся, как в проекте и регламенте писано» [МАН, т. 1 1885, с. 286]. Но ни петровский Проект, ни регламент, разработанный и частично введенный в действие, но так и не подтвержденный при Екатерине I, не дают представления об учебной литературе для гимназистов [Проект положения..., 1974].

Впервые упоминание об учебной литературе мы находим в «Положении о гимназии», составленном инспектором Т. З. Байером⁴ 9 сентября и введенном в действие 9 ноября 1731 г. [Bayer, 1731; Толстой, 1885. с. 6]⁵, а также в составленном Байером расписании занятий от 18 октября 1731 г. [Bayer, 1731a, л. 4–4 об.]. Можно предположить, что эти документы отражают и более ранние практики использования пособий.

Учебные книги Байер рекомендует далеко не для всех предметов. Например, преподавание немецкого языка было полностью делегировано М. Шванвицу. Видимо поэтому инспектор не вторгается в эту область. Однако преподавание латинского языка и гимназических предметов, призванных готовить будущих студентов, Байер описывает подробнее. Для младших латинских классов он указывает Г. Ю. Миллеру использовать: 1) *Donatium Rhenii*, 2) *Langens Grammatique*, 3) *Cellarii librum memorialem*, 4) *Corderi*

Colloquia. Все эти пособия использовались и в немецких гимназиях того времени; они многократно переиздавались. Однако речь идет об основном предмете гимназического преподавания, по которому выходили десятки различных пособий, и выбор Академии наук в пользу именно этих совсем не случаен.

Из многочисленных Донатов в Академической гимназии используется Донат Иоганна Рениуса (1574–1639). Представляется менее вероятным, что в Академической гимназии использовалось прижизненное издание “Donatus Latino-Germanicus seu Ratio declinandi et conjugandi” (Данциг, 1637). Напротив, выбор пособия этого автора мог быть обусловлен тем, что с 1646 г. эта грамматика несколько раз издавалась с польским переводом (см., например, Rhenius, 1674). Трехязычный Донат по изданию Рениуса печатался К. Либрудером, издававшим также в 1647 г. в Кенигсберге Я. А. Коменского [Archaimbault, 1998, p. 21].

Грамматика Иоахима Ланге⁶, была относительно новой для этого периода. Первое ее издание вышло в 1705 г. в Берлине [Lange, 1705, 56. 383 S.]. Далее последовали издания 1707, 1713, 1717, 1722, 1723 гг., причем совокупный тираж всех изданий этого пособия в XVIII в. превысил 300 000 экземпляров.

Далее Байер рекомендует многократно переизданный (впервые — Merseburg, 1689) элементарный латинский словопроизводный словарь Х. Целлария⁷ “Latinitatis probatae & exercitae Liber memorialis”, где латинские слова сопровождалось кратким немецким толкованием. Таким образом, мы можем говорить о более раннем употреблении словаря Целлария при Академической гимназии, чем ранее фигурировало в специальной литературе [Keipert 1987, p. 300].

Наконец, для младших латинских классов Байер рекомендует «Кордериевы разговоры» — Colloquia scholastica (Школьные разговоры) Матурина Кордые (Cordier, Corderius; 1479–1564), вышедшие впервые в Женеве в 1564 г. и выдержавших к 1731 г. десятки изданий. Занятия по этому пособию, служившему первой хрестоматией, должны были закрепить базовые грамматические навыки и предшествовали первым занятиям с текстами классиков [Hammer, 1954, p. 106; Middlekauf, 1961, p. 60].

Латинский язык в высшем классе продолжался, но преподавать его Байер предлагал, используя «собственную методику, сообразуясь с обстоятельствами, но при этом следует всякий раз исходить из практических соображений» [Bayer, 1731в, л. 1]. Впрочем,

в расписании занятий упоминалось, что И. Э. Фишер толковал римских авторов — Цезаря и Светония [Bayer, 1731a, л. 4].

Определенный интерес представляет информация о том, что в начале 1730-х гг. закон Божий в Академической гимназии преподавали только для учеников евангелического вероисповедания. Примечательно, что при этом использовался т. н. «Рижский катехизис» (название, по-видимому, принято по аналогии с получившим широкое распространение «Рижским песенником» (*Rigisches Gesangbuch*)). Из двух лютеранских катехизисов, составленных в Риге в 1680–1681 гг. и многократно переиздававшихся до конца XVIII в., в Академической гимназии использовался, скорее всего, катехизис, подготовленный при участии генерала-суперинтендента Лифляндии И. Фишера (1636–1705) [*Schriftmäßige Erklärung des kleinen Catechismi...*, 1680, s. 25–336; Berkholz, 1869, s. 51]. Одна из его редакций была переведена на латышский язык при участии «мариенбургского пастора» Иоганна Эрнста Глюка (1652–1705); позже он попытался перевести катехизис и на русский язык. В последние годы жизни, в 1703–1705 гг., Глюк руководил московской гимназией, первой русской светской школой, где учился и президент Академии наук Л. Л. Блюментрост.

В верхнем латинском классе Академической гимназии преподавались также арифметика, логика Аристотеля, и — в одном курсе — география и новейшая история Европы. Историю и географию адъюнкт Х. Н. Винсгейм преподавал по учебникам И. Гюбнера⁸.

Верифицировать и дополнить этот круг пособий, в частности, уточнить какие книги Гюбнера использовались, позволяет опубликованный в «Материалах для истории Императорской Академии наук» на немецком языке «Каталог тех книг, что испрашиваются для Гимназии в книжной лавке» от 7 сентября 1732 г. [МАН, т. 21886, с. 177–178].

1. Немецкая грамматика, быстро раскупленная, так что ее сложно достать.

2. Памятная книжка Целлария (*Cellarii liber memorialis*).

3. Кордериевы разговоры (*Corderi colloquia*).

4. Корнелий Непот (*Cornelius Nepos*).

5. Вергилий (*Virgilius*).

6. Гораций (*Horatius*).

7. Тит Ливий (*Liuius*).

8. Бранденбургская грамматика (*Die Märckische grammatique*)⁹.

9. Извлечения из Бранденбургской грамматики латинского языка (*Auszug der Märckischen lateinischen grammatique*).
10. «Лестница на Парнас» (*Gradus ad Parnassum*).
11. «Географические вопросы» Гюбнера (*Hübners geographische fragen*).
12. Первая часть «Исторических вопросов» Гюбнера (*Hübners erster theil der historischen fragen*).
13. Атласы с общими картами (*Atlantes von den haupt charten*).
14. Малая Канштейнова Библия (*Die kleine Cansteinische Bibel*).
15. Рижский катехизис (*Der rigische catechismus*).
16. Новый завет на греческом языке (*Grichische Neue Testamente*).
17. Греческая грамматика Якова Веллера (*Welleri grammatica graeca*).

Список показывает ситуацию с использованием пособий в динамике. Хотя под № 2, 3, 11 и 15 упоминаются пособия, описанные выше, уже в следующем году Гимназия закупила большое количество литературы, в «Положении о гимназии» не упомянутой. Прежде всего, это опубликованная с указанием 1730 г. на титульном листе двуязычная грамматика М. Шванвица (на немецком и русском языках) [Шванвиц, 1730].

“*Die Märckische grammatique*” под № 8 или “*Vollständigere Lateinische Grammatica Marchica*” была разработана коллективно ректорами гимназий для обязательного употребления в государственных гимназиях на территории маркграфства Бранденбурга. Ее краткий вариант был впервые издан в 1716 г. [*Compendium Grammaticae Latinae...*, 1716], а полный опубликован в 1718 г. [*Vollständigere Lateinische Grammatica Marchica...*, 1718]. Бранденбургская грамматика была составлена под большим влиянием грамматики И. Ланге и стала конкурентом последней [Neugebauer, 2012, s. 461–463]. Ей удалось вытеснить грамматику Ланге и из гимназических преподаваний.

Под № 9 в списке, по-видимому, кроется “*Kurtzer Auszug aus der Märckischen Lateinischen Grammatica*” — один из вариантов Бранденбургской грамматики, изданный в 1729 г. [*Bio-bibliographisches Handbuch...*, 1996, s. 252]. О схожем с этим издании 1731 г. Байер еще вряд ли мог знать [Kurtzer Auszug...]. К. Кайперт показывает, что в Академии наук очень быстро внедрили как в преподавание, так и в научную работу Бранденбургскую грамматику [Keipert, 1987,

р. 76]. По-видимому, именно ее новизна обусловила отсутствие ее в записке Байера, составленной в 1731 г.

“Gradus ad Parnassum” (под № 10) представлял собой многократно переиздававшееся учебное пособие. Этот словарь-справочник был чрезвычайно удобным пособием для упражнений в поэтике и риторике. В нем для каждого слова указывались характеристики долготы и краткости слогов, эпитеты, синонимы и парафразы, которые могли служить к украшению этого слова, образцы его употребления у классиков. По словам А. А. Костина, «логичность в построении статей; обширность привлеченного материала (к началу XVIII в. словарь составлял более тысячи страниц in 4o); удачные шрифтовые решения в выделении заголовка статьи и различных ее частей, а также в отделении статей между собой, — все это обеспечило “Gradus ad Parnassum” заслуженную востребованность в латинских учебных заведениях в Европе и за океаном» [Костин, 2014, р. 20]¹⁰.

Из списка видно, что круг изучаемых авторов был значительно шире, чем указывал Байер. В него входили Корнелий Непот, Вергилий, Гораций, Тит Ливий.

Далее список позволяет уточнить, по каким книгам происходило преподавание истории и географии. Пособие Гюбнера по географии было издано в 1693 г. и считалось одним из лучших и авторитетных. В 1719 г. был издан перевод на русский язык, выполненный по указанию Петра I, который и использовался в Академической гимназии [Гюбнер, 1719]. Первую часть пособия Гюбнера по истории на русский язык не переводили и использовали на немецком языке (“Kurze Fragen aus der politischen Historie”). Пособие издавалось с 1698 г., и в рассматриваемый период раз в несколько лет издавались прибавления к нему. Мы пока затрудняемся установить, что конкретно имелось в виду под названием «Атласы с общими картами (Atlantes von den haupt charten), потому что это могли быть карты, издаваемые не книгой, а в виде листов. Такие издания еще плохо описаны и представлены в обобщающих каталогах.

В списке также упоминается “Die kleine Cansteinische Bibel” — недорогое издание Библии, предпринятое по инициативе и на средства барона Карла Гильдебранда фон Канштейна (Karl Hildebrand von Canstein, 1667–1719). В 1710 г. в Галле, специально для печатания и распространения библейских текстов и теологической литературы среди широких народных масс, им было основано «Канштейнское библейское учреждение» [Fries, 1910].

Упомянутые под № 16 и 17 “Grichische Neue Testamente” и “Welleri grammatica graeca” интересны уже как факт, имеющий отношение к преподаванию в Академической гимназии греческого языка, о чем сохранилось не так много данных. Грамматика магистра, а затем доктора Якоба Веллера “Grammatica Graeca Nova” издавалась, по-видимому, с 1635 г. и претерпела в XVII — нач. XVIII вв. множество изданий.

Уже из обзора рекомендуемых Байером пособий видно, что Академическая гимназия, с одной стороны, находилась под большим влиянием протестантского педагогического канона. С другой стороны, как только открывалась новая возможность (например, появлялась грамматика, лучше приспособленная для нужд преподавания немецкого как иностранного, или издавалось пособие на русском языке), список редактировался. В то же время от личности инспектора выбор пособий зависел очень мало. Это видно из следующего списка, которым мы располагаем.

В 1733 г. по поручению нового президента барона Г. К. фон Кейзерлинга программа развития Гимназии была разработана ректором Гимназии, адъюнктом И. Э. Фишером¹¹. В поданной им 7 августа 1733 г. записке он представил не только расположение Гимназии по классам, но и обзор необходимых для преподавания пособий. Описывая немецкую школу Академической гимназии, он писал: «Для немецкого класса нужны следующие учебники: букварь, катехизис, грамматика, русско-немецкий словарь, смешанные речи, теперь печатаемые в Академии, и Новый Завет. Что до словаря, то, к сожалению, хороших в наличии нет; и было бы весьма полезно, если бы кто-нибудь, свободный, сведущий в русском языке, имеющий рекомендации, составил бы словарь наподобие Целлариева, чтобы вначале был русский перечень с производными и сложными словами одного корня, а потом бы — полный немецкий перечень. Несомненно, труд сей стал бы полезным началом для составления многословного лексикона» [МАН, т. 2 1886, с. 350–351].

По сравнению с предыдущими списками сразу бросается в глаза «русско-немецкий словарь», под которым имеется в виду изданный в 1731 г. Вейсманов лексикон с русскими толкованиями [Weissmann, 1731]. Рядом с ним упоминаются «Смешанные речи, на немецком и русском языках сочиненные», написанные, по предположению Г. Кайперта, И. В. Паусом (Паузе) [Redensarten vermischte..., S.a.; Keipert, 1999]. Судя по упоминаниям в книжных каталогах в числе изданий, находящихся в печати, книга вышла

в конце 1730-х гг. и представляла собой, фактически, разговорник, включая в себя более 600 фраз на немецком и русском языках [Verzeichniss derjenigen Bücher, 1739]. П. П. Пекарский указывал, что текст книги помещался в качестве приложения к «Расположению учения его императорского величества Петра Второго...» [Бильфингер, 1731, с. 82; Пекарский, 1855, с. 62; Пекарский, 1870, с. 561].

Меньше изменений претерпели списки учебной литературы латинской школы. Фишер указывал, что «Ученики младшего латинского класса должны иметь такие книги: Целлариев лексикон (*Cellarii liber memorialis*), Краткую бранденбургскую грамматику (*das compendium der Märckischen grammatik*), Кордериевы разговоры (*Corderi colloquia*), хороший учебник арифметики (*ein gutes rechenbuch*), да Малый катехизис Лютера (*der kleine catechismus Lutheri*)» [МАН, т. 2 1886, с. 352]. Он также описывает и способ употребления некоторых книг. Так, учеников следовало «понуждать к заучиванию малого катехизиса Лютера». С ними нужно было «несколько раз в неделю... заниматься частично анализом, частично объяснением и переводом самых легких образцов из Кордье (*Cordero*)» [Там же].

В старших латинских классах Фишер рекомендует использовать:

1. Целлариев лексикон (*Cellarii liber memorialis*)
2. Бранденбургскую грамматику (*die Märckische grammatic*)
3. Киршенов словарь (*Kirschens lexicon*)
4. Кастильоновы разговоры (*Castellionis dialogi*)
5. Корнелия Непота книжку (*Cornelius Nepos*)
6. Басни Федровы (*Phaedri fabulae*)
7. Учебник арифметики
8. Катехизис Рижский либо Спенеров (*Rigische oder Speneri catechismus*) [Spener, 1689].

По аналогии с младшими классами он описывает способ употребления этих книг. Наставник в регламенте Фишера «понуждает своих учеников к заучиванию всех слов, как простых, так и производных из Целлариева лексикона», «понуждает учеников к рассказу “Священных диалогов” Кастильона (*colloquia biblica Castellionis*)»; «с теми, кто уже делает успехи, разучивает из Корнелия Непота или из Федр, да следит, чтобы каждый ученик свое задание (*pensum*) на листе записывал и на немецкий переводил»; «диктует им экзерциции на синтаксические правила или же в подражание Корнелию Непоте»; «испытывает их на знание катехизиса (*examina catechetica*)» [МАН, т. 2 1886, с. 352].

Таким образом, Фишер описывает в проекте «собственную методику», оставленную ему на откуп в 1731 г. Байером. Из него также видно, что Бранденбургская грамматика, действительно, вытеснила из учебного процесса грамматику Ланге. Также впервые мы можем видеть в качестве пособий «Киршенов словарь» [Kirsch, 1718], многократно переиздававшееся в XVI–XVIII вв. пособие “*Sacrorum dialogorum libri quatuor...*” Себастьяна Каstellлио и столь же многократно переиздававшиеся басни Федра.

В списках первой половины 1730-х гг., в том числе в проекте Фишера, не содержится точных указаний на конкретные учебники арифметики, которые использовались в Академической гимназии. Это могло быть «Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России» — учебное пособие, написанное академиками Я. Германом и Ж.-Н. Делилем, переведенное И. С. Горлицким и опубликованное в типографии Академии наук в 1728 г. [Сокращение математическое, 1728]. Однако это лишь предположение и вопрос нуждается в дополнительных изысканиях.

Фишер также дает описание тому, как обучали наиболее подготовленных учеников латинской школы субреktor и конреktor. Субреktor, по плану Фишера, должен был проходить с учениками «основы латинской поэзии, классических авторов, как-то: Цицероновы письма (*Ciceronis epistolae*), Юстина (*Justinus*), Цезаря (*Caesar*), Теренция (*Terentius*) и Тристии (Скорбные элегии) Овидия (*Ovidii Tristi*), упражнять в стиле (*exercitia styli*), преподавать «Географические вопросы» г-на Гюбнера вкупе с его же историей» [МАН, т. 21886, с. 353]. Наконец, в высшем классе гимназии конреktor «уроки <...> дает такие: экзерциции в стиле (*exercitia styli*), начала греческого языка (*die rudimenta der griechischen sprach*), поэзию, ораторское искусство (*ars oratoria*) и авторов (*die auctores*), как-то: Цицероновы речи (*Ciceronis orationes*), Саллюстия (*Sallustius*), Курция (*Curtius*), Виргилиеву Энеиду (*Virgilii Aeneis*), Овидиевы метаморфозы (*Ovidii metamorphoses*) и Клавдиана (*Claudianus*); следует заметить, что в обоих классах этих авторов не всех сразу изучают, а одного за другим последовательно или же подвое, но разного жанра, а именно: поэта и оратора или историка» [МАН, т. 21886, с. 354].

14 сентября 1734 г. президентом Академии наук был назначен барон Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), который продолжал руководить ею до 1740 г. Он деятельно занимался учебными заведениями Академии, в том числе продвигал идею создания

при Академии школы для родовитых дворян. 13 мая 1735 г. в Сенат был представлен проект дворянской семинарии при Академии наук и приложенная к нему «Формула Гимназии Академии петербургской» (*Formula Gymnasii*) [МАН, т. 2 1886, с. 647–654, 666–670, 700–704, 724–725]. Несмотря на то, что проект не получил утверждения, отдельные положения «Формулы» уже 24 марта 1735 г. были введены в действие. В частности, немецкие классы гимназии в управлении были отделены от латинских, каждую из школ с этого времени возглавлял отдельный ректор. Тогда же было объявлено, что «от Святейшего Синода Академия иеромонаха упросила, который школьников русских благочестию христианского научением... обучал» [МАН, т. 2 1886, с. 671]. Немецкие ученики продолжали получать наставления в евангелической вере.

Согласно «Формуле гимназии», в нижнем пятом классе ученики должны были изучить этимологию, арифметику и научиться чисто писать; в четвертом учиться синтаксису и этимологии, «присовокупив Кастеллиона разговоры», арифметике и чистописанию; в третьем просодии и синтаксису, «употребляя авторов латинского языка: Корнелия Непота и Кастеллиона», повторять этимологию, учиться истории, географии, арифметике и чистописанию; во втором учиться «первым фундаментам риторическим, просодии и синтаксии, присовокупив, для стилия, Иулия Кесаря, Эпистолы Цицеронови и лучших пиитов; к тому ж еще историю, географию, грамматику греческую, арифметику»; наконец, в первом классе обучали «реторике, логике, пиитике и авторов присовокупят: Цицерона, Ливия, Вергилия и иных, также греческого языка, и истории, и географии учиться» [МАН, т. 2 1886, с. 674–675]. В целом, это те же пособия и авторы, которые были введены ранее, включая упомянутую уже при описании метода преподавания греческую «Ивана Вуллера грамматику» под которой кроется “*Welleri grammatica graeca*”.

Однако в описании конкретных методов и содержания преподавания появляются и самые новые для своего времени пособия. Так, проректору поручается 1 час в неделю толковать историков, которых поместил в свою хрестоматию И. М. Геснер¹². В 1730–1734 гг. Геснер был ректором Томасшуле (*Thomasschule*) в Лейпциге, где совместно с Иоганном Августом Эрнести (*Johann August Ernesti*) кардинально реформировал систему образования. Тогда же им был составлен важнейший педагогический труд — «Греческая хрестоматия». Пособие Геснера — первый подобного рода учебник.

Считается, что Геснер, в сущности, «изобрел» этот вид текстов для детского чтения и заложил основу обновленного изучения греческого языка в немецких школах. Геснера называют «отцом и неутомимым первооткрывателем» неогуманистического направления. По мысли современных исследователей, именно идеи Геснера развивали в своих работах такие ученые-гуманисты, как Христиан Готтлоб Гейне, Фридрих Август Вольф и Вильгельм Гумбольдт [Orrells, 2011, p. 54]. Стоит особо отметить, как быстро руководство Академической гимназии среагировало на появление грамматики Геснера, отпечатанной в 1734 г. — менее чем за год до составления «Формулы гимназии» [Chrestomathia Graeca..., 1734].

В классе проректора изучалась логика, которую временно, до сочинения новой книги, предписывалось преподавать по вышедшей в 1728 г. логике Х. Вольфа [Wolff, 1728]. Даже в свободные часы педагоги должны были понуждать гимназистов тренироваться в переложении стихов, а для того, чтобы они «роды стихов по естеству и разумению своему разделять могли», использовать «Избранных поэтов» Иеронима Фрейера [МАН, т. 21886, с. 682].

Уже из описания этих пособий видно, что «Формула гимназии» является незаурядным памятником педагогической мысли 1730-х гг., в котором отразились новейшие достижения европейской педагогики. Однако преподавание по предложенным в ней планам продлилось совсем недолго. Следующий этап их реформирования был связан с публикацией именного указа Анны Иоанновны от 24 апреля 1737 г. «Об испытании находящихся в инженерных и артиллерийских школах шляхетских и офицерских детей в науках в сроки, определенные указом 11 февраля сего года, и об определении тех из них, кои по прошествии 16-ти-летнего возраста никаких успехов не оказали, в матросы без выслуги» [Об испытании..., 1737]. Указом было введено требование обязательного преподавания для православных учеников канонов и законов православной церкви. Несмотря на декларацию «Формулы гимназии», найти православного священника для гимназических преподаваний оказалось непросто [МАН, т. 31886, с. 386, 582]¹³. Изменения в структуру занятий должны были быть внесены и в связи с требованием указа о необходимости преподавания недорослям геометрии. Геометрия среди гимназических предметов была, но учились ей на латинском языке, и относилась она к кругу предметов старших латинских классов (прима и секунда). Выполнение же указа требовало включения ее в круг начальных наук, преподававшихся

в немецких классах. В 1737–1738 гг. в Академии шло обсуждение различных проектов: как гимназического регламента, так и проекта и инструкции Кадетскому корпусу [МАН, т. 31886, с. 431–432].

Новый план преподавания отобразил регламент Г. В. Крафта, введенный в действие в 1739 г. [Костин, Костина, 2015]. Он подтвердил разделение в управлении двух школ, однако процесс обучения был составлен так, чтобы уже на уровне среднего немецкого класса начать разделение детей на тех, кто хотел бы впоследствии изучать науку на латинском языке, и тех, кто в этом языке не нуждался. В этом классе Крафт рекомендовал использовать «русскую и немецкую грамматику, также и переведенные на русской язык и печатные здесь переведенные разговоры». Имелись в виду переведенные на русский язык “*Colloquia latina, tenerae aetatis prae aliis convenientiora*” И. Ланге, опубликованные в Галле в 1724 г. Идея использовать это пособие в Академии наук появилась, вероятно, в 1735 г., после чего ректору латинского класса Фишеру 31 января 1736 г. было дано распоряжение перевести латинские разговоры на немецкий язык [МАН, т. 31886, с. 320]. Издание, подготовленное М. Шванвицем, — с параллельными латинским, русским, немецким и французским текстами (*Colloquia scholastica. Школьные разговоры. Schul-Gespräch. Dialogues*) — было выпущено Академией наук в 1738 г. [Ланге, 1738]¹⁴. До конца XVIII в. (в том числе с дополнением греческого перевода) в Петербурге и Москве это пособие выдержало еще 6 изданий.

В этом же, третьем, классе Крафт указывал употреблять «Целлариевы вокабулы», причем в одном из рукописных списков проекта в таблице занятий немецкого среднего класса фигурируют «Целлариевы русские вокабулы». Известно, что с добавлением русских толкований словарь впервые был опубликован в 1746 г. [Целларий, 1746]. А. А. Костин заключает из этого, что имелся рукописный перевод словаря на русский язык и предполагает, что это были подготовленные А. И. Богдановым русские толкования, помещенные впоследствии в издание 1746 г. [Костин, Костина, 2015, с. 260]. Следует учитывать, что уже в 1704 г. Паузе предлагал А. Г. Франке издать в Галле для распространения в России словарь Целлария с добавлением уже переведенных им на русский язык вокабул. Издание в 1738 г. не состоялось, и в 1739 г. Гимназия продолжила закупать зарубежные издания «Целлариева лексикона» [МАН, т. 41887, с. 56].

Описывая латинские классы, Крафт не упоминает конкретных учебных пособий, за исключением традиционно используемых

в младших классах «Кордериевых разговоров». Все эти три пособия, — *Разговоры* Ланге, М. Кордые и «Целлариевы вокабулы», — использовались в 1730-х гг. в протестантских школах Европы [Hammer, 1954, p. 106].

Возможно, Крафт не упоминал в своем проекте учебных пособий по той причине, что к его рукописному варианту был приложен отдельный их список, до сих пор не привлекавший внимания исследователей [Крафт, 1739]. Хотя написан он писцовым почерком, его наиболее вероятным составителем является Крафт, как составитель основной части проекта. Приводим список книг здесь полностью, с переводом на русский язык.

СПИСОК КНИГ, ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГИМНАЗИИ
ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЕЕ РЕГЛАМЕНТА (CATALOGUS DER BÜCHER,
DIE NACH ANZEIGE DES REGLAMENT IN DEM GYMANSIO SOLLEN
GEBRAUCHT WERDEN)

1. Ruisches A. B. C Buch, ist bereits vorhanden. Русский букварь уже имеется в наличии.
2. Ruische Vorschriften in Kupfer gestochen, sollen gestochen werden. Русские прописи нужно выгравировать на меди.
3. Teutsches A. B. C Buch, ist bereits vorhanden. Немецкий букварь уже имеется в наличии.
4. Teutsche Vorschriften in Kupfer gestochen, sollen gestochen werden. Немецкие прописи нужно выгравировать на меди.
5. Ruische Grammatic; ist bereits vorhanden. Русская грамматика уже имеется в наличии.
6. Teutsche Grammatic; ist bereits vorhanden. Немецкая грамматика уже имеется в наличии.
7. Lateinisches A. B. C Buch, ist bereits vorhanden. Латинский букварь уже имеется в наличии.
8. Lateinische Vorschriften in Kupfer gestochen, sollen gestochen werden. Латинские прописи нужно выгравировать на меди.
9. Cellarii Russisch übersetztes Vocabularium; ist bereits vorhanden. Целлариев словарь с русским переводом; уже имеется.
10. Ruische Gespräche sind fertig. Русские разговоры подготовлены.
11. Ruischer Author; Uebersetzung der Historie von Azow. Русский автор; перевод Истории Азова.
12. Teutscher Author; Samlungen der Russische Historie. Немецкий автор; Сборник сочинений по русской истории.

13. Ruisische Briefe; davon soll eine Samlung übersetzt werden. Русские письма; о том должен быть составлен переводной сборник.
14. Teutsche Briefe von Neukirche. Teutsche Briefe von Neukirch. Немецкие письма Нейкирха.
15. Universal Historie, nebst der Genealogie; soll bey der Academie verfertigt werden; nebst einem Anfang von der Mythologie. Всемирная история вместе с генеалогией; должна быть подготовлена Академией вместе с Начальным курсом мифологии.
16. Geographia Politica, ist von H. Prof. Winsheim verfertigt. Политическая география составлена проф. Винсгеймом.
17. Arithmetica, wird von H. Prof. Euler geschrieben. Арифметика пишется г.<осподином> проф. Эйлером.
18. Geometria wird von H. Prof. Krafft geschrieben. Геометрия пишется г. проф. Крафтом.
19. Frantzösisch Grammatic von Peplier. Французская грамматика Пеплие.
20. Zeichen-Buch von Preisler; ist bereits hier verfertigt. Альбом для рисования Прейслера; сейчас уже готов.
21. Lateinische Grammatic; die Märkische, mit dem Compendio davon. Грамматика латинского языка Бранденбургская с Компендиумом.
22. Cellarii Vocabularium. Целлариев лексикон.
23. Cornelius Nepos. Корнелий Непот.
24. Justinus. Юстин.
25. Ovidii Tristia. Тристии Овидия.
26. Geographia Mathematica; ist von H. Prof. Krafft geschrieben worden. Математическая география; уже написана г. проф. Крафтом.
27. Rhetorica; soll hier geschrieben werden, von H. Prof. Staehlin. Риторика; должна быть уже написана г. проф. Штелиным.
28. Griechische Grammatic; Stollii Grammatica Graeca in Weysen-Hause zu Halle. Грамматика греческого языка Штолле Сиротского дома в Галле.
29. Ciceronis Orationes Selecte. Избранные Цицероновы речи.
30. Virgilius. Виргилий.
31. Logica, soll von H. Prof. Strube geschrieben werden. Логика должна быть написана проф. Штрубе.
32. Metaphysica soll von H. M. Gellert geschrieben werden. Метафизика должна быть написана г. м.<агистром> Геллертом.
33. Chrestomathia Gesneri. Хрестоматия Геснера.
34. Novum Testamentum Graecum. Новый Завет на греческом языке.

35. Frantzösische Author; Les Regles de la Civilité, par Bellegarde. Французский автор; «Правила о благопристойном поведении» Бельгарда.

36. Frantzösicher Cellarius. Французский Целлариев словарь.

Ряд пособий, под № 3, 6, 7, пока не поддается определению. Без привлечения дополнительных источников не ясно, какие именно из имеющихся в то время на книжном рынке книг использовались в Гимназии. Однако про остальные мы можем судить с некоторой уверенностью.

«Список книг, обязательных для использования в Гимназии после объявления ее Регламента», конечно, был составлен на основе уже имеющейся традиции преподавания, поэтому в нем оказались пособия, использовавшиеся в Гимназии и ранее. Например, «русская грамматика» под № 5 — это “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache”, составленная В. Е. Адодуровым и напечатанная как приложение к уже упомянутому трехязычному лексикону Вейсмана (1731 г.). Под № 10 имеется в виду уже описанное четырехязычное издание, подготовленное Шванвицем (1738 г.). «Целлариев лексикон» под № 22 — это, вероятно, уже упоминаемый “Latinitatis probatae & exercitae liber memorialis”, а под № 21 — уже описанная “Compendium Grammaticae Latinae”. Сохранили свои позиции в учебном процессе «Хрестоматия Геснера» и «Новый Завет на греческом языке». Также, естественно, не предполагалось вводить каких-либо новых авторов для чтения в латинских классах.

Но появились в списке и новые для Гимназии пособия, изданные за пределами России: под № 19 упоминается «Французская грамматика» Жана-Роберта де Пеплие, хорошо известная учителям и многократно переиздаваемая со времени первого издания в 1689 г. [Pêpliers, 1689]. По одной из книг Пеплие под руководством немецкого барона Генриха вон Гюйссена изучал французский язык сын Петра I Алексей [Карева, 2015, с. 297]. Под № 36 помещен «Французский Целлариев словарь», вышедший с 1719 г. [Plats, 1719]. В качестве французского автора рекомендована книга аббата Жана Батиста Морвана де Бельгарда (1648–1734) «Правила о благопристойном поведении» [Bellegarde, 1707]. Сочинения этого французского моралиста были важны для усвоения нетрадиционных для российского общества поведенческих моделей. Позднее книги Бельгарда были переведены С. С. Волчковым и во второй половине XVIII в. приобрели популярность в России [Кошелева, 2013, с. 235–241]. В качестве немецкоязычного письменника был

взят сборник Бенджамина Нейкирха (1665–1729) — поэта и переводчика, представителя «галантной поэзии», члена Прусской академии и профессора Рыцарской академии Берлина¹⁵.

Отдельного внимания заслуживает упоминание под № 28 «Грамматики греческого языка» Готлиба Штолле, изданной при «Сиротском доме» в Галле [*Griechische Grammatica...*, 1705]. В рассматриваемый период там выходила одна греческая грамматика — “*Griechische Grammatica: Nebst einem Anhang Vom Syntaxi In Teutscher Sprache...*”, однако она не связывается с именем Готлиба Штолле. Описывая галльскую «Греческую грамматику», Г. М. Литцель называет автором ее первого издания (1705) Иоганна Юнкера; второго (1711) — учителя Вессельмана; третьего (1716) — Иоганна Генриха Шульце; четвертого и последующих (1720, 1724, 1727) — Иеронима Фрейера [Litzel, 1730, p. 317–318]. Авторы последующих нескольких изданий неизвестны. Немецкий поэт, историк и философ-энциклопедист Готлиб Штолле (1673–1744) среди них не называется. Указание Крафта на связь Штолле с изданием «Греческой грамматики» весьма интересно. Издание 1738 г. в библиотеках Галле и Ганновера приписывается И. Ланге¹⁶, однако нам не удалось найти основания такой атрибуции; в составленном Ланге в 1744 г. подробном описании его книг этот труд не упоминается [Lange, 1744, s. 124–176]. В то же время у Т. З. Байера и И. Э. Фишера были тесные связи с преподавателями как университета, так и «Сиротского дома» в Галле [Winter, 1953, s. 182–198]. В частности, с 1729 г. в Галле жил Симон (Тодорский), отправившийся туда после изучения немецкого языка в Академической гимназии. В 1735 г. в Галле были напечатаны его перевод И. Арндта «Книга об истинном христианстве» и «Учение о начале христианского жития» Анастасия Проповедника. Вполне вероятно, что в Петербургской академии наук, действительно, были хорошо информированы о процессе подготовки очередного издания «Греческой грамматики».

Список отразил важные изменения, происходившие в связи с развернувшейся в России и особенно в Академии наук деятельности по публикации собственных учебных пособий, — как переводных, так и оригинальных, — которые в ряде случаев специально создавались «для употребления российского юношества» или даже «для употребления Гимназии». Под № 1 подразумевалось, по-видимому «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича, изданное впервые в 1720 г. и выдержавшее затем 12

изданий. Также важнейшими для своего времени были пособия по рисованию, составленные И. Д. Прейслером (1666–1737), помещенные в списке под № 20 [Preißler..., т. 1–3, 1721–1725]. В 1734 г. они были опубликованы в типографии Академии наук в переводе на русский язык [Прейслер, 1734].

Важнейшим пособием стала упомянутая под № 17 «Арифметика» Л. Эйлера, опубликованная в 1738 г. на немецком языке. Уже через два года первая его часть появилась на русском языке [Euler, 1738; Эйлер, 1740]. Далее в списке упоминаются два пособия Крафта. Это «Математическая география» или “Kurtze Einleitung zur Mathematischen und Naturlichen Geographie...” [Krafft, 1738], и “Kurtze Einleitung zur Theoretischen Geometrie...”, опубликованные в 1738 и 1740 гг. [Krafft, 1740]. Также в 1738 г. было опубликовано и его “Kurtze Einleitung zur Erkänntnüß der Einfachen Maschinen...” на немецком языке и переведенное на русский язык Адодуровым [Krafft, 1738; Крафт, 1738]. Однако в списке оно не упоминается и, видимо, не использовалось в учебном процессе в Гимназии.

Означенный под № 11 «Русский автор; перевод Истории Азова» — это блестящий перевод книги Байера, выполненный И. К. Таубертом [Байер, 1738]; под № 12 «Немецкий автор; Сборник сочинений по русской истории» кроется, очевидно, “Sammlung Russischer Geschichte” — сборник статей по русской истории, издаваемый с 1732 г. Ф. Миллером.

Интересно, что в списке отражены не только вышедшие или готовящиеся к выходу издания, но и намечена дальнейшая широкая издательская программа Академии наук. В нее вошли прописи, которые намеревались выгравировать на меди для русских, немецких и латинских букв, чтобы печатать по мере необходимости; переводной сборник русских писем; «Всемирная история вместе с генеалогией», которая должна была быть подготовлена Академией наук вместе с Начальным курсом мифологии и др.

Часть упомянутых в списке книг так и не была написана. По-видимому, осталась исключительно в планах «Метафизика» конректора Гимназии, магистра Христлиба Эреготта Геллерта (1713–1795). Известно также, что Геллерт читал в 1742 г. в Академическом университете «логику и метафизику Вольфову порядком Тиммиговым публично» [Объявление о чтении лекций, 1742], из чего следует, что если бы он писал метафизику, то делал бы это, перелагая Вольфа. Также не написали риторику и логику про-

фессора Я. Я. Штелин и Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, вероятно потому, что все трое тяготели к другим, более специальным занятиям, чем составление общих философских курсов для юношества.

Стоит дополнительно исследовать, на какой стадии находились упомянутые незавершенные работы. Отметим, что «Целляриев словарь с русским переводом» под № 9 охарактеризован как уже существующий, что в других случаях в этом списке означает уже опубликованные издания. В то же время, как уже упоминалось, принято считать, что он оставался неопубликованным до 1746 г.

К этому времени вышла и «Краткая политическая география» Х. Н. Винсгейма, оформленная в качестве приложения к изданию 1745 г. «Атласа, сочиненного к пользе и употреблению юношества...», который печатался с досок 1737 г. несколько десятилетий [Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества..., 1737].

Итак, обзор пособий, рекомендованных на протяжении 1730-х гг. к использованию в Академической гимназии, показал, что именно этот период стал ключевым в адаптации литературно-дидактического канона протестантских школ Европы к местным реалиям: преподаванию в русской светской школе со смешанным национальным составом и требованиям правительства Анны Иоанновны. Этот важный этап завершился реализацией масштабной программы по написанию собственных учебных пособий преподавателями Академической гимназии и профессорами Академии наук, а также по переводу их на русский язык. Также были переведены некоторые важные для своего времени пособия, созданные в Европе, и изданы в Петербурге для гимназического употребления. За пределами статьи остался вопрос о содержании этих пособий, которое также могло адаптироваться в процессе перевода.

Исследование показало, что преподаватели Академической гимназии пользовались не только учебными пособиями, которые знали в период своей жизни в Германии, но иногда удивительно быстро переходили на новые учебные пособия, представляющие собой заметные достижения педагогической мысли и многократно затем переиздаваемые. Также они имели очень тесные связи с Галле и, по-видимому, были хорошо информированы относительно готовящихся пиетистами учебных изданий.

Примечания

¹ Авторы выражают признательность коллективу сотрудников Санкт-Петербургского филиала Архива РАН за содействие в работе и благодарят за многочисленные консультации и помощь в работе А. А. Костина.

² Хотя изначально Кадетский корпус занимался по своему списку книг, существенно отличавшемуся от академического, с 1737 г. академики принимали участие в экзаменах кадетов и разработке учебных программ Кадетского корпуса. Как установила А. М. Сафронова, Академия наук также занималась формированием списков книг, высылаемых для открывающихся иноязычных школ Урала, внося существенные изменения в списки заказанной учителями литературы [Материалы для истории Императорской академии наук, Т. 31886, с. 456–457, 462–463, 465–466, 479, 485 (Далее МАН. — Т. К., О. К.); Сафронова, 2002, с. 343–345].

³ Г. И. Смагина показывает в своих исследованиях, что подготовка учебников хотя и вменялась академиком петровским «Проектом об учреждении Академии наук и художеств», однако реализация этого пункта в первые десятилетия существования Академии зависела от разных обстоятельств: включения формулировки обязательности в текст контракта с академиками, привлечение к преподаванию императору Петра II, личных качеств и устремлений академиков [Смагина, 2010, с. 11–15; Смагина, Лавринович, 2015, с. 129–130].

⁴ Байер Теофил Зигфрид (Готлиб-Зигфрид) (1694–1738) — историк-востоковед и филолог-классик, с 1727 г. до смерти был инспектором Академической гимназии.

⁵ Более ранний «протокол Байера 1 января 1729 г. о гимназии, в котором 6 пунктов предлагает» пока не обнаружен [МАН, т. 11885, с. 438].

⁶ Ланге Иоахим (1670–1744) был пастором и ректором Гимназии Фридриха в Берлине, созданной в 1689 г. курфюрстом Фридрихом III Бранденбургским для беженцев-гугенотов из Франции.

⁷ Целларий (Целлярий) Христофор (Кристоф Мартин) (1638–1707) — историк, филолог и методист, профессор гимназий в Вейбенфельсе, Веймаре, Цайце, Мерзебурге, затем ординарный профессор древней истории и элоквенции Фридрих-университета в Галле.

⁸ Гюбнер Иоганн (Хюбнер; Hübner Johann; 1668–1731) — немецкий ученый, автор учебников и научных исследований по географии, истории, философии и литературе. Учебник Гюбнера по географии, изданный впервые в 1693 г., имел большой читательский успех — он переиздавался 36 раз под названием “Kurtze Fragen aus der Neuen und Alten Geographie: bis auf gegenwärtige Zeit sorgfältig fortgesetzt, auch mit neuen Zusätzen vermehret, und durchgehends nach dem neuesten Zustand der politischen Welt verbessert. Nebst einer nützlichen Einleitung vor die Anfänger, und Vorrede von den besten Land-Charten”. В 1700 — нач. 1730-х гг., несмотря на изменения в практике других курсов, «исторические» и «географические» вопросы Гюбнера (а также составленный им атлас) оставались основным пособием для преподавания истории и географии в латинской школе Галле [Schmid, 1896, Bd. 4, Abt. 1, s. 266–269].

⁹ Слово Mark (Marck) было топонимом, обозначающим в XVII в. маркгерцогство Бранденбургское, преобразованное 18 января 1701 г. в Пруссии.

¹⁰ Подробнее о пособии и его распространении в ранее Новое время см. [Ennen, 1987].

¹¹ Фишер Иоганн Эбергард (1697–1771) — адъюнкт Академии, с 1747 г. профессор. С 1730 г. он все больше занимался Академической гимназией, сначала в должности проректора, а с 6 сентября 1732 г. уже как ректор. Он подчинялся Байеру как инспектору, но возглавлял при этом латинскую школу. В записке он предлагал сделать высший класс гимназии студентами, а себе просил место профессора гуманиоры, логики и морали (professore humaniorum, logicae et moralium) (подробнее о Фишере см. [Июдо, 2008]).

¹² Гесснер Иоганн Матиас (Gesner Johann Matthias, 1691–1761) — филолог-классик, библиотекарь. В XVIII в. был одним из самых знаменитых педагогов Германии, состоял в переписке со многими видными учеными Европы.

¹³ О том, насколько серьезным для Академии оказалось это требование, можно судить по переписке Академии наук с Синодом и Сухопутным шляхетным корпусом о назначении священника в гимназию, завершившейся приходом иеромонаха Арсения Мацевича лишь 8 декабря 1739 г., после многочисленных просьб Г. В. Крафта на протяжении почти года [МАН, т. 4 1887, с. 16–17, 54, 86, 105, 144, 161, 168, 198, 274].

¹⁴ 5 февраля 1739 г. Шванвиц просил у Г. В. Крафта закупить для нужд гимназии несколько экземпляров петербургского издания, повторив эту просьбу 26 июля, а затем 21 декабря [МАН, т. 4 1887, с. 18, 161, 274].

¹⁵ Точное название сборника без специальных изысканий указать затруднительно, однако Б. Нейкирх имел значительное число работ, посвященных теории и практике написания писем. См., например, *Neukirch*, 1735. [8] Bl., 678 S., [12] Bl.

¹⁶ <https://gso.gbv.de/DB=2.1/SET=6/TTL=1/SHW?FRST=8/PRS=HOL> (дата обращения: 12.04.2018).

Источники

Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей Ведомостей и исторических книг. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1737.

Байер Г. З. Краткое описание всех случаев касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. Переведено с немецкого языка чрез И. К. Тауберта, Академии наук адъюнкта. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1738.

[*Бильфингер, Г. Б.*] Расположение учения его императорского величества Петра Второго императора и самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая / по учреждению его превосходительства господина государственного вице-канцлера действительного тайного советника барона фон Остермана, его императорского величества обер-гофмейстера; [переведено с немецкого языка чрез Василья Адодурова адъюнкта при Академии наук]. СПб. : Тип. АН, 1731.

Губнер И. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии по вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано, а ныне повелением Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Первого Всероссийского Императора, при наследственном благороднейшем Государе Царевиче Петре Петровиче. М., 1719.

Крафт Г. В. Краткое руководство к познанию простых и сложных машин сочиненное для употребления российского юношества. Переведено с немецкого языка чрез Василья Адодурова адъюнкта при Академии наук. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1738.

[*Крафт Г. В.*] Список книг, обязательных для использования в Гимназии после объявления ее Регламента. [1739 г.] // СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 81 об. — 82 об.

[*Ланге И.*] *Colloquia Scholastica*, Школьные разговоры, *Schul-Gespräche*, *Dialogues*. СПб. : Тип. АН, 1738.

Материалы для истории Императорской академии наук. т. 1 (1716–1730). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1885.

Материалы для истории Императорской академии наук. т. 2 (1731–1735). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1886.

Материалы для истории Императорской академии наук. т. 3 (1736–1738). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1886.

Материалы для истории Императорской академии наук. т. 4 (1739–1741). СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1887.

Об испытании находящихся в Инженерных и Артиллерийских школах Шляхетских и Офицерских детей в науках в сроки, определенные указом 11 Февраля сего года, и об определении тех из них, кои по прошествии 16-ти-летнего возраста ника-

ких успехов не оказали, в матросы без выслуги // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. т. 10 (1737–1739). СПб. : В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 7235. С. 130–131.

[Объявление о чтении лекций. СПб., 1742].

Прейслер И. Д. Основательные правила или краткое руководство к рисовальному художеству. Ч. 1–3, изданная от Иоанна Даниила Прейслера, управителя Нирнбергской академии живописного художества. Пер. с нем. яз. при Акад. наук.. St. Petersburg : gedruckt bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1734.

[Проект положения об учреждении Академии наук и художеств] // Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 31–39.

Сокращение математическое ко употреблению его величества императора всея России / [Перевел с французского И. С. Горлицкий]. Ч.1: Содержащая арифметику, геометрию и тригонометрию. СПб. : Тип. Акад. наук, 1728.

[*Целларий К.*] Христофора Целлария Краткой латинской лексикон с российским и немецким переводом, для употребления Санктпетербургской гимназии. СПб., 1746.

Шванвиц М. Немецкая грамматика из разных авторов собрана и россинскою юности в пользу издана от учителя немецкаго языка при Санкт Петербургской гимназии. [СПб.]: Тип. Акад. наук, 1730.

Эйлер Л. Универсальная арифметика, г. Леонгарда Ейлера. Переведенная с немецкаго подлинника студентами Петром Иноходцовым и Иваном Юдиным. [Ч. 1]. СПб. : [Тип. Акад. наук], 1740.

Bayer T. S. Catalogus Lectionum von der Lateinischen Schulen. 18 Oct. 1731a // СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 4–4 об.

Bayer T. S. Gegenwärtige Einrichtung der Gymnasii. 9 Sept. 1731в // СПбФ АРАН. Р. I. Оп. 70. Д. 5. Л. 1–3.

Bellegarde J. B. Les règles de la vie civile, avec des traits d'histoire, pour former l'esprit d'un jeune prince. Par Mr l'Abbé de Bellegarde. Amsterdam : Schelte, 1707.

Chrestomathia graeca, sive loci illustres ex optimis scriptoribus dilecti quam potuit emendate 4-t um ed. notulis brevibus et indice copioso. Lipsiae : Jacobus Schusterus, 1734.

Compendium grammaticae latinae, oder Kurtzer Auszug aus der grösseren lateinischen Grammatica Marchica, zur Erlernung der lateinischen Sprache. Nebst einem Appendice etlicher aus den Classicis Auctoribus genommenen kurtzen Historien. Berlin : Pape, 1716.

Euler L. Einleitung zur Rechen-Kunst zum Gebrauch des Gymnasii bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften in St. Petersburg. Th. 1. Von den speciebus mit ganzen und gebrochenen Zahlen. [СПб.]: gedruckt in der Academischen Buchdruckerey, 1738.

Griechische Grammatica, nebst einem Anhang vom Syntaxi: in teutschen Sprache denenjenigen fürnemlich zum besten aufgesetzt, welche ohne mühsame Erlernung des Lateinischen das N. Testament in seiner Grund-Sprache wollen verstehen lernen. Halle : Waisenhaus, 1705.

Kirsch A. F. Abundantissimum cornucopiae linguae Latinae et Germanicae selectum, in quo continentur vocabula Latina omnis aevi, antiqui, medii, ac novi, pariter ac Graeca, Latinitati donata, nec non phraseologiae elegantiores & constructiones verborum; similiter deorum, dearum, gentium, regnorum, regionum urbium, marium, fluviorum, insularum, montium, animalium, arborum, herbarum, florum, & mineralium nomina, uti etiam theologorum, jure consultorum, medicorum, philosophorum, philologorum, poetarum, ac mythicorum, artium liberalium, aliarumque scientiarum theoreticarum & practicarum, rei quoque militaris ac monetariae termini technici, significationes & explicationes ... Noribergae : Buggel, 1718.

Krafft G. W. Kurtze Einleitung zur Erkänntnüß der Einfachen Maschinen, und derselben Zusammensetzung; zum Gebrauche der Rußischen studirenden Jugend. St. Petersburg : Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1738.

Krafft G. W. Kurtze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie, nebst dem Gebrauch der Erd-Kugeln und Land-Charthen, zum Nutzen der Rußischen studirenden Jugend. St. Petersburg : gedruckt bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1738.

Krafft G. W. Kurtze Einleitung zur theoretischen Geometrie, zum Gebrauche der studirenden Jugend in dem Gymnasio bey der Academie der Wissenschaften in St. Petersburg : gedruckt bey der Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1740.

Kurtzer Auszug aus der sogenannten Märckischen lateinischen Grammatica, samt angenehcktem doppelten Tirocinio Paradigmatico und Dialogico, und der daraus gezogenen Copia Vocabulorum und Phrasium wie auch einem orthographischen Register von einigen teutschen Wörtern an deren Rechtschreibung man entweder zweifeln möchte, oder über welche sonst von einigen gestritten wird, Den ersten Anfängern in der lateinischen Sprache zum besten aufgesetzt. Eisenach : Krugen, 1731.

Lange J. Joachim Langens ... Lebenslauf, Zur Erweckung seiner in der Evangelischen Kirche stehenden, und ehemal gehabten vielen und wehrtesten Zuhörer. Halle und Leipzig, 1744.

Lange J. Verbesserte und erleichterte lateinische Grammatica, in welcher durch hinlängliche Paradigmata, richtige syntactische Grund-Regeln und nöthigen Vorrath an Vocabulis, Eine deutliche, kurtze und doch völlige Anweisung zur lateinischen Sprache gegeben wird. Mit einer Vorrede von der Verbesserung des Schul-Wesens. Berlin ; Halle : Wäysen-Haus, 1705. 56, 383 S.

[*Litzel G. M.*] Georgii Lizelii Historia Poetarum Graecorum Germaniae ... Francofurti et Lipsiae, 1730.

[*Neukirch B.*] Benjamin Neukirchs ... Anweisung zu Teutschen Briefen. Leipzig; Ulm : Roth, 1735.

[*Pêpliers J.-R.*] Grammaire Royale Française & Allemande, contenant une Methode nouvelle & facile pour apprendre en peu de temps la langue française, Avec une Nomenclature, des Dialogues nouveaux, Bouquet des Sentences, des Lettres & billets galants de ce temps = Königliche Frantzösch- und Teutsche Grammatic ... / écrite par Mr. Jean Robert des Pêpliers, Informateur de Monseig. le Duc de Bourgogne. Berlin : Völcker, 1689.

Plats G. Ph. Le Cellarius François ou Methode tres facile pour apprendre sans peine & en peu de tems les mots les plus necessaires de la langue Française = Der Frantzösische Cellarius, oder vortheilhaftes Wörter-Buch, Woraus Die nöthigsten Wörter der Frantzösischen Sprach ohne grosse Mühe, und in kurtzer Zeit zu erlernen sind. Nürnberg : Monath, 1719.

Preißler J. D. Die durch Theorie erfundene Practic, Oder Gründlich-verfasste Reguln deren man sich als einer Anleitung zu berühmter Künstlere Zeichen-Wercken bestens bedienen kan / Mit Ihro Röm. Kayserl. Maj. allergnädigstem Privilegio ... t. 1–3. Nürnberg : Preißler, 1721–1725.

Redensarten vermischte in Rußischer und Deutscher Sprache verfasst. S.l., s.a.

[*Rhenius J.*] M. Johannis Rhenii Donatus Latino-Germano & Polonicus, cum adjecto declinandi & conjugandi modo Polonico C. Liebruderi, operâ W. G. Brosii. [With] Sententiae Biblicae. Lat.-Germ.-Polon. Elbingae, 1674.

Schriftmäßige Erklärung des kleinen Catechismi D. Mart. Lutheri Durch gewisse Fragen und Antworten zu erst gestellt Von denen gesampnten Lutherischen Predigern zu Franckfurt an der Oder Jetzo aufs neue übersehen ... und ... Mit approbation der Hochlöbl. Theolog. Facultät in Wittenberg Zum Druck befördert. Riga : Wilcken, 1680.

[*Spener Ph. J.*] D. Philipp Jacob Speners Kurtze Catechismus-Predigten, Darinnen die fünf Haupt-Stück aus dem Catechismo und die Hauß-Tafel samt den Fest-Materien einfältig erkläret werden. Franckfurt am Mayn : Zunner, 1689. [4] Bl., 942 S.

Verzeichniss derjenigen Bücher, die bis hieher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch einigen Verlag gedruckt worden und im Buchladen zu finden sind 1739. SPb. : Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, [1739].

Vollständigere Lateinische Grammatica Marchica, in welcher zu den nöthigen Regeln nützliche Anmerkungen und gute Exempel gesetzt sind. Berljn : Pape, 1718.

Weissmann E. Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexikon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. St. Petersburg : Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731 = Немецко-латинский и русский Лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сагаров и И. С. Горлицкий]. При Имп. Академии наук печатнио издан, 1731.

[*Wolff Ch.*] Philosophia Rationalis sive Logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitæ aptata. Præmittitur discursus præliminaris de philosophia in genere. Autore Christiano Wolfio, consiliario aulico hassiaco, mathematicum ac philosophiæ in Academia Marburgensi professore primario ... Francofurti ; Lipsiæ : Renger, 1728.

Исследования

Артемьева Т. В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999.

Безрогов В. Г., Макаревич Г. В. Конструирование образовательного идеала в учебнике // Развитие личности. 2005. № 4. С. 79–99.

Воробьев Ю. К. Латинский язык в России XVI — первой трети XIX века (Культурологический аспект). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2015.

«В России надо жить по книге». Начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.). Сб. науч. ст. и матер. / под ред. М. В. Тендряковой и В. Г. Безрогова. М., 2015.

Иодко О. В. Иоганн-Эбергард Фишер. Историк и путешественник // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). Биографический аспект. Вып. 4. СПб., 2008. С. 45–61.

Карева Н. В. Первые издания в России грамматики французского языка и их источники (трактовка категории глагольного времени в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова и “Explication de la grammaire françoise” П. де Лавалья) // *Petra philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / отв. ред. Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. СПб. : Нестор-История, 2015 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). С. 297–316.

«Картинки в моем букваре»: педагогическая семантика иллюстраций в учебнике для начальной школы. М., 2013.

Кислова Е. И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ. Сер. 3. Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 53–70.

Копелевич Ю. X. Основание Петербургской академии наук. Л. : Наука, 1977.

Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М. : Новое издательство, 2015. С. 219–263.

Костин А. А. «Слово похвальное...» и “Panegyricus Elisabetæ”. К вопросу об ораторском стиле Ломоносова // *Toronto slavic quarterly*. 2014. № 47. С. 9–22.

Костина Т. В. Ученики Академической гимназии 1751–1765 гг. // XVIII век. 2017. № 29. С. 270–326.

Кошелева О. Е. Мирское счастье или христианское благочестие? (Наставления юношеству западных моралистов в переводах Сергея Волчкова сер. XVIII столетия) // Ретроспективная информация источников: образы и реальность / под ред. О. Д. Тогоевой, И. Н. Данилевского. М. : ИВИ РАН, 2013. С. 227–243.

Макаревич Г. В. Изучение учебника для начальной школы как направление историко-педагогической науки // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 9–29.

Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб. : Отд. русского языка и словесности Императорской акад. наук, 1870.

Пекарский П. П. Русские мемуары XVIII века // Современник. 1855. Т. 50, ч. 4. Паг. 2. С. 53–90.

Ржеуцкий В. С. Между Россией и Западной Европой: Античное наследие в России в век Просвещения и творчество барона де Чуди // Век Просвещения. Vol. IV: Античное наследие в европейской культуре XVIII века. Ред. С. Volpihas-Auger. Москва : Наука, 2012. С. 258–279.

Ромашина Е. Ю. Школьный учебник в России XVIII — начала XX века: теоретический и историко-педагогический анализ. Тула, 2011.

Сафронова А. М. Поступления книг на иностранных языках в Екатеринбургскую библиотеку горного ведомства в 1735–1739 гг.: публикация документов // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. Вып. 2. С. 342–364.

Смагина Г. И. Академия наук и создание учебной литературы в XVIII в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков / отв. ред. Ж. И. Алферов. СПб. : Наука, 2010. С. 11–38.

Смагина Г. И., Лавринович М. Б. Учился ли император Петр II и чему?: «Расположение учений императора Петра II» в политическом и академическом контекстах эпохи // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / сост. М. Лавринович, И. Федюкин. М. : Новое издательство, 2015. С. 127–152.

Толстой Д. А. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885.

Учебный текст в советской школе. Сб. статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб. ; М., 2008.

Школьные пособия раннего Нового времени: от Часослова к Orbis sensualium pictus / под ред. К. А. Левинсона, Ю. Г. Куровской, В. Г. Безрогова. М., 2017.

Archambault S. Традиция Доната и грамматики славянских языков // Revue des études slaves. 1998. Т. 70, f. 1: Communications de la délégation française au XIIe Congrès international des slavistes (Cracovie, 27 août — 2 septembre 1998). P. 17–25.

Berkholz G. A. Dr. Johannes Breverus, Superintendent von Riga, Pastor, Professor und Inspector. Eine Erinnerung aus dem 17. Riga, 1869.

Bio-bibliographisches Handbuch zur Sprachwissenschaft des 18. Jahrhunderts. Die Grammatiker, Lexikographen und Sprachtheoretiker des deutschsprachigen Raums mit Beschreibungen ihrer Werke / Hrsg. H. E. Brekle, E. Dobnig-Jülch, H. J. Höller, H. Weiß. Bd. 4: H-I. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1996.

Ennen R. C. The Early History of the «Gradus ad Parnassum» // Archivum Historicum Societatis Iesu. 1987. Vol. 56. P. 233–266.

Fries W. Die Cansteinsche Bibelanstalt und ihr Stifter Carl Hildebrand Freiherr von Canstein. Halle, 1910.

Hammer W. Latin instruction in the schools of Transylvania from the sixteenth to the eighteenth century // Phoenix. 1954. Vol. 8. № 3. P. 92–108.

Keipert H. Cellarius in Russland // Russian Linguistics. Dordrecht, Boston, 1987. Vol. 11, № 2/3. P. 297–317.

Keipert H. Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademie-Gymnasiums // Polata Knigopisnaia: an Information Bulletin Devoted to the Study of Early Slavic Books, Texts and Literatures. 1987. V. 16 (August). P. 68–82.

Keipert H. Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie// Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 58, 2. Heidelberg 1999. S. 255–291.

Litzel G. M. Georgii Lizelii historia poetarum graecorum Germaniae. Francofurti et Lipsiae, 1730.

Mézin A., Rjéoutski V. Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier, vol. 1: Histoire de la communauté francophone en Russie au XVIIIe siècle. Ferney-Voltaire, Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011.

Middlekauf R. A persistent tradition: the classical curriculum in Eighteenth-century New England // The William and Mary Quarterly. 3rd series. 1961. Vol. 18, № 1. P. 54–67.

Neugebauer W. Absolutistischer Staat und Schulwirklichkeit in Brandenburg-Preussen. Berlin, 2012.

Orrells D. Classical Culture and Modern Masculinity. Oxford, 2011.

Schmid K. A. Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit. Stuttgart, 1896.

Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

Безрогов В.

DIE UN/SICHTBARE WELT: РЕЦЕПЦИЯ ORBIS SENSUALIUM PICTUS Я. А. КОМЕНСКОГО В РОССИИ 1-й пол. XVIII в.: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И РАННИЕ ПЕРЕВОДЫ¹

К 250-летию первого русского издания

В статье рассматривается, как образовательная деятельность Немецкой слободы в Москве привела к тому, что в России стало возможно знакомство российского общества с учебными пособиями Я.-А. Коменского — “Janua linguarum reserata” (1631) “Vestibulum linguae latinae” (1632) и “Orbis sensualium pictus” (1657/1658), приведшее в итоге к первому выходу русскоязычного издания книги «Орбис пиктус» в 1768 г. Подробно освещается история этого перевода, которому исполняется 250 лет, раскрывается роль немецкой педагогической культуры в становлении новой педагогики в России на заре блистательного XVIII столетия с его многочисленными взаимными пересечениями двух дидактических традиций.

Ключевые слова: Коменский, учебная литература, педагогическая культура, рецепция, школьные практики, «Орбис пиктус», “Orbis sensualium pictus”.

Данное исследование посвящено истории издания учебных пособий Яна Амоса Коменского в России в период с 1701 г. по 1768 г., от первого их применения для обучения российского юношества иностранным языкам до выхода в свет первого печатного издания многоязычной книги “Orbis sensualium pictus” (далее — ОР), где наряду с латынью, немецким, итальянским, французским языками была дана и русская версия текста. Переводы других пособий Коменского, предпринимавшиеся в разное время того же периода, так и не были напечатаны. Первое русское издание «Открытой двери языков» (“Janua linguarum reserata”) осуществлено лишь в 1892 г. Г. А. Янчевецким (1846–1903) в Ревеле [Коменский, 1892]. Vestibulum, скорее всего, так и не был издан на русском, хотя мысли о таком издании возникали в российском обществе в 1-й пол. XVIII в., что показывают его рукописные переводы.

В пределах России экземпляры ОР — учебника Коменского для начального изучения латыни и немецкого языка, а также в некоторых случаях еще итальянского и французского, напечатанные в 1660–1760-х гг. (преимущественно в типографии Эндтеров в Нюрнберге, также в Гамбурге, Лейпциге, Бреслау и Магдебурге), сохранились в НИИ редкой книги (Музее книги) Российской государственной библиотеки (МК РГБ), Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Научно-исследовательском отделе редкой книги Научной библиотеки Московского государственного университета (НИИОРК НБ МГУ), Российской национальной библиотеке (РНБ), Библиотеке Академии наук (БАН РАН), Российской государственной библиотеке иностранной литературы (РГБИЛ) и, по-видимому, в других собраниях (процесс выявления продолжается).

Часть из этих экземпляров носит следы учебного применения — в школах (в том числе московских «немецких школах» нач. XVIII в., организованных Эрнстом Глюком и его последователями), а также в домашнем обучении 1730–1750-х гг. Весьма разнообразные пометы: записи на немецком, латыни, русском; рисунки, цифры, диаграммы, примеры и т. п., — отличный, хотя и очень непростой для атрибутирования источник, позволяющий реконструировать учебные практики, связанные с данными книгами. На фоне чистых экземпляров каждая помета выступает важным и говорящим свидетелем об образовательной ситуации в России раннего Нового времени, о роли в ней латино-немецких учебных изданий Коменского.

Если различные маргиналии в немецкоязычных изданиях учебных книг Коменского, применявшихся в России, пока еще не стали к данному моменту предметом научного исследования, то на содержащиеся в некоторых из них фрагментарные переводы немецкого и латинского текста ОР на русский, равно как и отдельные рукописи с переводами учебников Коменского, уже обращали специальное внимание А. И. Яцимирский в 1920-е гг., А. А. Чума в 1960–1970-е гг. [Яцимирский, 1921; Чума, 1961; Чума, 1970]. Ими был выявлен и описан ряд рукописных вариантов — полных и фрагментарных — переводов пособий Коменского на русский язык (ОР и Vestibulum). Однако полной публикации этих переводов, их сопоставления с оригинальными изданиями и друг с другом проведено не было. Наше исследование выявило также несколько ранее неизвестных рукописных переводов и ряд особенностей уже известных.

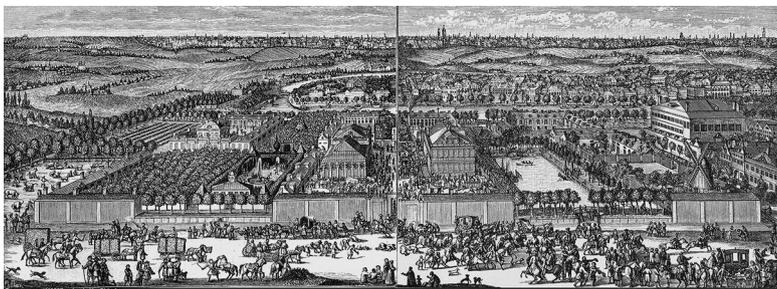
В связи с этим хронологическая, генетическая и авторская атрибуция продолжают быть актуальными.

В данной статье нас интересует предыстория первого русского издания ОР, или «Видимого света Иоанна Амоса Комения», которому в 2018 г. исполняется 250 лет. Она включает в себя два аспекта: первые фрагментарные попытки переводов ОР и учебные практики применения немецко-латинских изданий ОР в 1-й пол. XVIII в.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ПРЕДДВЕРИЕ РЕЦЕПЦИИ: ORBIS SENSUALIUM PICTUS В РАБОТЕ ГЛЮКА, ПАУЗЕ, ВУРМА И НОРДГРЕНА

Четыре знаменитых пособия Коменского (“Orbis” — “Vestibulum” — “Janua” — “Atrium”)² должны были вести к овладению латынью как всеобщим языком, а в дальнейшем к изучению наук и других языков. С момента своего возникновения (конец 1620-х — конец 1650-х гг.) эти учебники сразу стали применяться не только ради поставленных их создателем целей энциклопедического образования, но и для практического би- и полилингвального обучения, поэтому выпускались в двух-, трех- и многоязычных (до пяти, даже шести разных языков) изданиях [Безрогов, 2017]. С их помощью достигалось хорошее знание иностранных языков с опорой на один из них и на восприятие предметов, действий, состояний и качеств, обозначаемых словами.

Издания этих учебных пособий становятся известны в Москве de visu уже к концу XVII в. в лютеранской и реформатской среде, а с самого начала следующего, XVIII в., входят и в практику обучения русскоязычных людей. Прежде всего, ими пользуются при постижении немецкого языка и латыни будущие переводчики — сотрудники Посольского приказа (существовал по 1720 г.). Проводником, посредником, «воротами» для Коменского послужила (Ново)Немецкая слобода в Москве, в которой с большими трудностями внешнего порядка и переменным внутренним успехом возникают школы для немецкого населения, в том числе две лютеранские, одна реформатская (голландская) и одна католическая [Келлер, 1997; Ковригина, 1998]³. В лютеранские и реформатскую школы вместе с приезжающими иностранцами попадают отдельные издания учебных пособий Коменского. Германские и российские книжные собрания сохранили экземпляры 1660–1680-х гг., в которых есть учебные пометы, сделанными немецкоязычными учениками. Они принципиально отличны от помет,

Илл. 1. Гравюра Адриана Шхонебека. 1704 г. На дальнем плане, за рекой — Немецкая слобода

которые потом делали ученики, для которых ни один из языков ОР не был родным (Илл. 1).

В России систематическое применение пособий Коменского в среде учеников, чьим родным языком был только славянский, начинается, по-видимому, на рубеже 1701–1702 гг., когда учитель одной из слободских школ Николай Швиммер был перемещен в Посольский приказ для обучения «русских всяких чинов людей и детей» латинскому, немецкому и шведскому языкам [Белокуров, 1907, с. III]. В его отчете конца 1702 г., написанном на латыни и переведенным на русский, указано пособие «Вход латинского языка», то есть, по-видимому, “*Latinae linguae janua reserata*”, учебник Коменского, выдержавший с 1631 г. более чем сотню переизданий в различных моно-, би- и полилингвальных версиях, рассчитанных на изучение латыни, а с ее помощью и других языков. Это был учебник, согласно замыслу Коменского, для второго-третьего года обучения латинскому языку. Вслед за ним должен был изучаться «Дворик» (*Atrium*). Перед «Входом» или «Дверью» (*Janua*) следовало применять “*Orbis sensualium pictus*” («Являемый в картинах мир», далее ОР) и «Преддверие» (*Vestibulum*).

В 1703 г. пленный пастор, богослов и педагог, организатор обучения иностранным языкам детей московской служилой бюрократии Эрнст Глюк (1652–1705) в объявлении о программе занятий в своей школе предполагает изучение латино-немецкого «Преддверия» (по-видимому, оно было в наличии либо Глюк его видел или о нем знал еще до того, как попал в Россию) и, возможно, расширенного варианта «Преддверия» (русско-немецко-латино-французского; такого на тот момент в реальности не существовало) и «Отверзтой двери к латинскому» [Рыжов, 2007, с. 379; Пекарский, 18626, т. 1,

с. 128]. Европейский немецкоязычный журнал “Die europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt” в 1705 г. в анонимном панегирике-некрологе сообщает об обширнейшей деятельности Глюка по просвещению «варваров-московитов», включавшей подготовку переводов in Russischer Shprache «Преддверия», ОР и «Двери к языкам» [Sinold von Schütz, 1714, s. 789–790]. Однако мы не можем точно сказать, были ли эти переводы сделаны на тот момент вообще, а если да, то Глюком ли: ни напечатанных экземпляров, ни отчетливых следов руки Глюка в рукописных источниках мы не наблюдаем. Осенью 1703 г., после нескольких месяцев школьных трудов (примерно с февраля-марта по октябрь), Глюк параллельно с испытанием учеников (открытым экзаменом перед боярином Ф. А. Головиным) просит издать подготовленные переводы учебных книг, прежде всего, «Преддверие к познанию русского, немецкого, латинского и французского языков», нужное как славяноязычным ученикам, так и не славяноязычным учителям [Белокуров, 1907, с. 47]. Другие книги не названы, поэтому сказать точно, что в их числе был объявленный в Die europäische Fama перевод ОР, мы никак не можем⁴. Сложно даже сказать, что Глюк применяет ОР в преподавании, поскольку в его собственных текстах и письмах по поводу школы ОР даже не упоминается (в отличие от Vestibulum и Janua) [Glück, 2005, s. 116–120]. Можно предполагать, что Глюк еще в Лифляндии, где он жил с 1673 г. до своего пленения русскими в 1702 г., познакомился с изданиями ОР. Однако не он, а его коллеги Вурм и Паузе предложили применять на Москве в обучении помимо Vestibulum и Janua еще и ОР [Аарма, 2010]. Мы не можем сказать, санкционировал ли сам Глюк такое расширение списка пособий, либо это произошло уже после его кончины в начале мая 1705 г.

В период обучения русских учеников до школы Глюка, у Швиммера, распределение учебного времени было более сбалансировано, и два языка изучались более или менее одновременно: из Janua его ученики черпали и латинские, и немецкие фразы (Швиммер их перечисляет в таком порядке вследствие того, что в применявшихся им изданиях Коменского латынь шла первым и как бы заглавным языком, а немецкий — вторым; при перечислении достижений учеников он попеременно напоминает-вспоминает их работу с двумя языками) [Белокуров, 1907, с. 36–37]. У Глюка, вероятно, в силу более углубленного изучения каждого языка, к обучению латыни переходили далеко не все ученики и это давалось им с большим

трудом. Косвенно это видно по значительному числу учителей нач. XVIII в., которые, будучи связаны со школой Глюка и его продолжателей, предполагали преподавать латынь, но за неимением учащихся так и не приступили к ее преподаванию. Часть учеников, однако, преодолела барьер. Это видно и по имевшимся все же наставникам в латыни, и по следам, оставшимся от пользования учебными книгами, к чему мы еще вернемся.

В любом случае именно к 1705 г. относится первое упоминание «Орбиса Пиктия» как учебника для утренних занятий младших учеников в гимназии Глюка времен его первого преемника Иоганна Вернера Паузе (Пауса, 1670–1735) [Белокуров, 1907, с. XII–XIII]. Во время своей недолгой педагогической работы (конец мая 1705 г. — начало июля 1706 г.) Паузе набрасывает расписание занятий, в котором на ОР отведен в начальных классах один из утренних часов (с 9 до 10 утра, сразу после чтений из Нового Завета и параллельно с чтением изречений и фрагментов из других частей Священного Писания и Отцов Церкви) [Там же, с. XII]⁵. Вне зависимости от степени реальности «планов Паузе», ОР продолжал служить пособием в «немецких школах» на Москве и после увольнения Паузе в 1706 г., поскольку основная учебная работа в них была связана с изучением различных языков⁶.

Число имевшихся в школе Глюка двуязычных латино-немецких ОР оказалось, вероятно, весьма велико и, по-видимому, превышало число обучавшихся по ним. Не все школяры штудировали ОР, а закупаемое число могло быть определено по их общей численности (которая также была различной в разные годы). Возможно, о некотором переизбытке ОР свидетельствует факт недостачи 11 экземпляров ОР и 10 «Преддверий», обнаружившийся, когда Паузе в 1706 г. передавал гимназию Битнеру. За недостатком внутреннего спроса для уроков и заданий он продал книги как на сторону, так и в частное владение ученикам школы [Там же, с. 12]⁷. Правда, непонятно, кто, когда и за какие деньги данные книги для школы приобрел.

Вероятно и другое объяснение этой истории. Иоганн Паузе, наблюдая участвовавшие конфликты, должно быть чувствовал, что студенты, другие учителя и кураторы «немецких школ» отвергают его как наставника, коллегу и директора гимназии, и поэтому решил распродать значительную часть своей библиотеки, готовясь к близящемуся увольнению. В связи с тем, что библиотека считалась не его личной собственностью, дело получило огласку

и — что для нас очень ценно — документальную фиксацию в виде перечня книг, которые Паузе успел продать (на общую сумму 18 рублей) «ученикам и посторонним из своих запасов 3 Библии немецкой, 18 Азбук, 3 Категисмии [то есть катехизисы], 2 Доната [вероятно, “Ars minor”, но, возможно, и “Ars maior”], 1 «Грамматику» Зиболда [то есть Grammatica Seyboldi], 7 Ацерей [скорее всего, “Acerra biblica” (или “Neue Acerra biblica”) Иоганна Мюллера, собрание библейских историй], 10 Преддверий [Vestibulum’ов Коменского], 11 Орбиспиктии, 1 Библию с образом, 1 Грамматику французскую, 3 Писем Демокрита» [Белокуров, 1907, с.12]. В связи с неясностью мотивов Паузе, число проданных книг может свидетельствовать как об их практическом неприменении, так и, наоборот, о большом удельном весе в преподавании. Если Паузе данной продажей фактически прощался со своей педагогической работой, переходя в переводчики и литераторы, тогда мы имеем число, выработанное не на основе ненужности, а на основе важности книг для их применения учениками магистра.

Значимость ОР и их наличия в следующие годы показывает просьба учителя Инженерной школы в Москве П. Лемкена (Лямкина) о передаче ему из «немецких школ» для обучающихся «письменной и словесной науке» (на тот момент, по разным данным, от 24 до 5 человек) 15 экземпляров ОР (декабрь 1711 г.). В ответ учитель Вурм смог ему выделить всего три книги. О применении и судьбе этих книг в Инженерной школе, об обучении по ним в 1712 г. и последующие годы мы, к сожалению, ничего не знаем. В июньском письме 1717 г. от куратора закрывшихся «немецких школ» Ф. Поликарпова к И. А. Мусину-Пушкину сообщается об оставшейся после отъезда последних учителей в 1715 г. общей школьной «библиотеке по описи с тысячу книг немецких, еврейских, французских и проч.». Эти книги либо были в Петербурге не нужны, либо их не позволили вывезти, либо просто не дали под книги подвод, оставив вопрос «на потом» [Ковригина, 1998, с. 340; Бенда, 2008; Черты, 1868, стлб. 1056].

Возможно, проданные Паузе в 1706 г. книги прозорливо приобрели те, кто предполагал и далее учиться или обучать в «немецких школах». «Фестибулум» (как поначалу нередко называли эту книгу, онемечивая латынь) и «Орбис Пиктус» продолжал применять на своих уроках немецкого Иоганн Густав Вурм (1684–1729/31). Он работал в «школах» Глюка с их начала в марте 1703 г. (по другим сведениям, в 1703–1704 гг. учил в Немецкой слободе, у Глюка —

с июля 1705 г.) до завершения деятельности «школ» в сентябре-октябре 1715 г. Затем Вурм служил переводчиком в Коллегии юстиции и, возможно, в Морской академии (Академии морской гвардии) в Санкт-Петербурге. По выходе из Коллегии до 1728 г. руководил лютеранской женской школой в Выборге, где было много шведско-и немецкоязычного населения.

По какому предмету и на каком уровне его освоения применялся “*Orbis sensualium pictus*”? Источники отразили его использование чаще всего отнюдь не в качестве начального учебного пособия. Вурм, учитель «цесарского», то есть немецкого, в 1715 г. составил отзыв о своих тогдашних учениках. Их достижения он мыслил как перечень того, что каждый из них одолел на момент составления документа. Из этого перечня мы видим, что после постижения алфавита ученики приступали к одновременному освоению чтения по «Преддверию» и письма. Научившиеся читать и писать продолжали “*Vestibulum*” и подключали к нему «разговоры» и изучение грамматики. Параллельно с грамматикой и диалогами вступал в дело и «Видимый мир»: «твердит грамматику и зачал учиться Орбис Пиктус и разные разговоры... учится грамматике и Орбис Пиктус да разговоры немецкие» [Белокуров, 1907, с. XVIII].

Вурм использовал ОР при переходе от немецкого языка к латыни. Его ученики сначала осваивали алфавит, затем слова, их словосочетания, фразы по «Преддверию» того же Коменского. Фразы складывались в «разговоры», которые изучались вместе с латинским лексиконом Х. Целлария (который начинали учить чуть раньше, чем ОР) и грамматикой (вероятно, по Донату, по “*Compendium grammaticae*” И. Г. Зибольда [Seybold], другим аналогичным пособиям)⁸. Параллельно с грамматикой и «разными немецкими разговорами» подключалось изучение ОР. Освоивший чтение, письмо, разговор и, вероятно, приобретший элементарную эрудицию с помощью энциклопедического словаря ОР, мог приступить к следующим этапам обучения, ведущим к чтению литературы, написанию собственных учебных сочинений (поначалу только на немецком) и к переводам на русский (прежде всего, с немецкого, переводы с латыни не оговорены специально; возможно, латынь открывала дорогу к врачебной и другим специализациям)⁹.

Аналогичным образом использовал ОР и Яган (Иоганн) Нордгрэн, другой учитель в тех же школах, наставник в шведском языке и истории. ОР стоял у него между элементарным обучением (навыкам читать, писать, говорить, знать диалоги и ОР) и переводами

Библейских историй, Теренция и Квинта Курция Руфа. Его ученики, освоив алфавит, чтение и письмо, начинали «учить разговоры и Орбис Пиктус». Через полтора года, освоив письмо, диалоги и, несомненно, не упомянутую Нордгреном грамматику, они переходили к переводам с латыни [Белокуров, 1907, с. XVIII]¹⁰. Таким образом, ОР служил у него, скорее всего, учебником по переходу от немецкого/шведского к латинскому.

Каждый учитель — Паузе, Вурм, Нордгрэн — относился к ОР немного по-своему, в силу своего понимания преподавания и особенностей состава своих личных библиотечек¹¹, равно как и общешкольного книжного собрания, но все трое применяли работу с ОР во время перехода от изучения немецкого/шведского к изучению латыни.

Не все ученики, однако, добирались до уровня ОР. Например, научившиеся к 1712 г. немецкому языку до уровня «читать, писать... склонять, спрягать и отчасти говорить» Андрей Горлов (начал обучение в 1709 г.) и Галактион Чижов (обучался с 1711 г.) не стали продолжать обучение, а перешли от Вурма к учителю французского языка; учитель французского ОР тогда не применял [Там же, с. XXV, XXXVIII–XXXIX]. На основании такого рода случаев, равно как раннего оставления учебы, пропусков и т. д., а также значительной вариативности образовательных биографий, мы не можем говорить, что все ученики, даже прошедшие в «школах» три года и более, прошли через работу с ОР. Вероятно, это была лишь некоторая группа среди учеников, учивших именно «цесарский», то есть немецкий, и шведский языки. Многоязычных ОР, по-видимому, в школьном обращении не было (что отчасти объясняет попытку перевода латино-немецкого ОР на французский в 1730-х гг.). Даже в случае способных и мотивированных учеников, как, например, Василий Курдевский, который сначала изучал греческий и латынь, потом у Швиммера латынь и немецкий, или Борис Олтуфьев и Иван Хорошилов, добравшиеся в школах последователей Глюка после шведского и латыни до переводов из латинской Библии, Теренция, Курция Руфа и переводов Нового Завета с русского на французский, мы не можем определенно сказать, знакомились ли все они непременно с ОР в процессе учебы.

Попытки рукописных переводов и учебные записи на печатных латино-немецких экземплярах показывают, однако, что на протяжении первых 68-ми лет XVIII в. в московских школах и у домашних

учителей присутствовал явный интерес к ОР как пособию продвинутого начального, предгимназического либо гимназического уровня.

РУКОПИСНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ORBIS SENSUALIUM PICTUS, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ПОЯВЛЕНИЮ ПЕРВОГО РУССКОГО ИЗДАНИЯ В 1768 г.

Выявление, изучение, сопоставление с оригиналом переводов ОР, прослеживание их внутренней истории, хронологической последовательности, обстоятельств возникновения и выполняемых ими целей и задач, равно как и эволюции этих целей и задач, показывает три периода попыток перевести это сочинение на русский и создать мульти- или билингвальную версию, включающую текст на русском языке. Первый период — начало и середина 1710-х гг.; второй — 1730-е гг.; третий — 1750–1760-е гг., в течение которых переводы делались исходя из различных потребностей и функционала.

Первые зафиксированные источниками попытки перевода ОР на русский относятся к 1710-м гг., когда в Москве распадаются и постепенно (к 1715 г.) прекращают работать протестантские «немецкие школы» (открытые Глюком в 1703 г.). «Дидактический вакуум» в преподавании иностранных языков с помощью пособий Коменского в этот период заполнялся реально начатыми их переводами для самообучения и попытками создать латино-русский и русско-латинский лексиконы на основе латино-французского и латино-голландского¹².

Первый этап поэтому был определен попытками пролонгации применения базовых учебников Коменского в условиях ослабления их институционального использования вследствие заката «немецких» протестантских школ. В «латинских» католических школах иезуитов и капуцинов в России пособия протестанта Коменского не использовались¹³.

Яркий пример попытки перевода на первом этапе — издание ОР 1682 г. (РГАДА Библиотека Московской Синодальной типографии (далее БМСТ), шифр хранения 2009). Это первое по хронологии издание ОР, носящее на себе следы пребывания в русскоязычной среде. В российских собраниях есть дву-, три- и четырехязычные издания 1662–1679 гг., но они не имеют таких следов. В источниках упоминается, по-видимому, нюрнбергское издание 1679 г., попавшее в Россию и даже подвергшееся черновому переводу, но оно пока не обнаружено в российских книжных коллекциях,

а сведения о сопровождавшем его переводе (и его хронологии) более чем спорны (т. н. казус с двумя списками коллекции профессора Теодора Баузе (1752–1812) [Безрогов, 2017, с. 14–15]). Имеется несколько изданий ОР 1667 г. и 1679 г. с пометами их использования учителями и учениками, но эти пометы имеют качественно иной характер, свойственный пометам в учебной среде, в которой один из языков ОР (в нашем случае — немецкий) является родным для учеников, с его помощью изучавших латынь. Мы пока не можем достоверно сказать, сделаны ли они в Немецкой слободе или в ином месте до попадания в российские библиотеки. Изучение такого рода помет — особая тема, которой мы сейчас не касаемся. В нач. XVIII в. издания ОР стали использоваться интенсивнее, выйдя вместе с учителями за пределы Немецкой слободы в московское общество и образовательные практики, инициированные Посольским приказом. Они обрастали пометами русскоязычных учащихся. Ряд экземпляров использовался в обучении достаточно интенсивно, чтобы на них возникали такого рода записи — маргиналии, подписи под словами и рисунками, но недостаточно интенсивно для того, чтобы все применявшиеся в 1700–1710-х гг. экземпляры ОР конца XVII в. исчезли, рассыпавшись в прах, что часто случалось тогда с учебными пособиями начального уровня¹⁴. От 1-й пол. XVIII в. сохранилось и несколько рукописных переводов ОР, не связанных с конкретным его печатным изданием и не содержащих указаний на то, что тот или иной из них выполнен для типографского набора (два из них хранятся в БАН, Осн.1.2.1 и 26.3.50; один — в библиотеке Национального музея в Праге, IX.E.41; два — в Институте восточных рукописей РАН, Р. I. Оп.4. Ед.хр.11 и Р. I. Оп.4. Ед.хр.6). Их краткая характеристика дана в работе А. А. Чумы 1970 г.; более подробное исследование представляет собой отдельную задачу [Чума, 1970; Безрогов, 2017]. Мы в данной статье рассматриваем переводы ОР, определенно возникшие в связи с учебными практиками и попытками его печатного воспроизведения на русском языке.

Из экземпляров латино-немецких изданий ОР, включающих рукописный перевод на русский язык, наиболее ранний (сохранившийся в составе книг Библиотеки Московской синодальной типографии) относится к нюрнбергскому изданию 1682 г. (БМСТ 2009). Первый припереплетный лист содержит запись: «Книга *Orbis sensualium pictus* Германова». Можно предположить, что здесь упомянут работавший на Печатном дворе справщик Герман¹⁵.

Выполнен ли перевод следующим после Германа владельцем книги — остается только гадать.

На втором форзаце (нахзаце) нанесена (свинцовым?) карандашом надпись «Василей Кипреяновъ». Это может быть автограф одного из владельцев книги — Василия Васильевича, сына Василия Онуфриевича Кипреянова, который был библиотекарем Навигацкой школы, типографом и соратником Леонтия Магницкого в издании его «Арифметики». Судя по сохранившимся автографам отца, данную владельческую надпись сделал не он. Возможно, сын отметил двойную принадлежность книги еще при жизни отца, а возможно, и несколько позже. Василий Васильевич, человек, скорее, торговый, не был чужд вопросам учености и образования. Некоторое время после смерти отца в 1723 г. он продолжал его дело — работу частной гражданской типографии [Куприянова, 2001]. Запись может относиться ко времени до 1728 г., когда готовился (закончившийся в итоге неудачей) проект 1727 г. о взятии в аренду Московской (синодальной) типографии и налаживании выпуска переводных книг [Починская, 2011]. Впоследствии сын все меньше и меньше занимался книгами, перешел от издательских, книготорговых и библиотечных дел к производству кирпича [Зырянов, 2016, с. 279]¹⁶. Возможно, однако, что книга находилась у В. В. Кипреянова много дольше и наряду с другими стала переходным мостом или связкой между первым и третьим этапами истории издания ОР в России, т. к. еще в 1757 г. за Кипреяновым сохранялось обозначение его «московским купцом и библиотекарем» [Московские ведомости. 1757. Вып. 20 от 11.03; 21 от 14.03; 28 от 8.04; 36 от 6.05]. Однако, возможно, ко времени появления издания ОР 1768 г. она уже давно находилась в составе библиотеки при Синодальной типографии. К сожалению, документов, проливающих свет на историю ее появления в составе БМСТ, пока выявить не удалось.

Уже применявшееся издание было полностью расплетено, чтобы между печатными листами поместить чистые, а затем сшито заново в тетрадки и в переплет, который сохранился до сих пор. При расплетании в центральный разворот каждой тетради вшивался одинарный чистый лист, а между остальными разворотами вкладывались двойные. Потом были по новой образованы тетрадки, сшиты, пересчитаны и сплетены в книгу уже с белыми страницами в каждом развороте между отпечатанными страницами — с картинками налево и текстом направо от чистого листа. Таким образом была изготовлена копия встречавшихся с 1660-х гг.

вариантов учебников Коменского с вшитыми чистыми страницами для заметок.

Новые тетради новой версии ОР на основе печатного экземпляра 1682 г. сочтены. В нумерацию пустые страницы не включены, хотя подсчет тетрадей учитывает их тоже (подсчет славянскими буквенными вперемежку с арабскими числительными: арабским числом, например, подписана 9-я тетрадь на л. 80а; подсчет тетрадей проведен по всей книге). Зачем был нужен счет тетрадей, если имеется нумерация страниц на печатных листах? Вероятно, для правильного подбора в переплет. Есть ошибки раскладки расплетенных страничек внутри одной из тетрадок: лист со страницами 123–124 идет перед 121–122 и, соответственно, 119–120 перед 117–118. Рядом с римскими цифрами, обозначающими на печатных страницах номер главы, в ряде мест вписаны арабские — где карандашом, где чернилами; кириллические не использованы. Славянской буквенной нумерацией обозначен только порядковый номер большинства тетрадей. По-видимому, переплетчик и автор вписанной нумерации глав — разные лица. Первый имел традиционное образование, в которое проникало новое (арабская цифирь). Второй уже обучался в европейской системе римских и арабских числительных.

Вшитая в печатное издание бумага от двух разных фабрик немного отличается по качеству (белизне, тонкости, гладкости). Старшим научным сотрудником РГАДА Л. В. Мошковой было проведено изучение филиграней на пустых листах по всей книге. Выявлены в одних случаях герб города Амстердама, в других случаях лилия; состав и особенности начертания обоих знаков атрибутируют бумагу 1709 г. [Дианова, 1998, с. 97, № 308; Клепиков, 1959, с. 96, № 1427]. Таким образом, мы получаем явный *terminus post quem*¹⁷ для попытки рукописного перевода текста первых четырех тем учебника.

После учебного блока тематических текстов идут указатели и словари, по которым сквозная нумерация страниц не дана. В тетради справочного блока белая бумага не добавлялась. Вероятно, словарную часть не планировали снабжать письменным переводом на русский, как это полагали сделать с учебной частью книги. Аналогично выглядели в XVII в. и другие версии учебников Коменского с помещенными внутрь чистыми листами.

Первые четыре темы переведены — подробнее об этом чуть позже. Помимо записи перевода первых четырех тем пособия,

встречается немецкая фраза на белом листе после страницы 46 для расшифровки темы 21 *Aves Campestris et Sylvestris* («Птицы полевые и лесные»). Она дополняет описание сторожевого журавля, *der wachsame Kranich*¹⁸. Другая запись идет на чистом листе после страницы 224, тема 108 «Европа». К простому перечислению европейских стран добавлено на немецком языке двумя разными почерками благословение этой части света¹⁹. После страницы 226 вписано немецкое название темы: *Die Sittenlehre* («Этика»), графически повторяющее печатный готический образец. Таким образом, мы видим, что книга с вpletенными чистыми страницами побывала в руках не только взявшего ее переводить на русский, а затем бросившего, но и человека, посчитавшего необходимым в двух местах внести ясность в немецкий пласт двуязычного печатного текста, а в третьем потренировавшегося в каллиграфии. Почерки отличаются, но объем текста не позволяет делать выводы, три или два разных человека оставили немецкие записи и как эти люди связаны с обладателем русского почерка. В любом случае все записи оставлены в процессе учебного использования ОР.

На последнем листе книжного блока *in verso* среди каракулей (проб пера) читается «an<no> 1695 [1675?]]» («год 1695»). А. А. Чума и писавшие после него авторы полагали 1695 г. возможной датой перевода, но теперь мы на основе изучения бумаги видим, что это не так. Дата вписана на страницу типографского блока до расплетания книги и снабжения ее белыми листами, на которых исполнен перевод. Однако в книге есть другое место, также содержащее хронологические пометы. В *Index vocabulorum* на листе Y4 (r) поверх всего текста на полях записан числовой ряд от 1 до 16, а потом с переходом от чисел 17 и 18 идут годы вперемежку, вероятно, с месяцами: «1718 ПVI 1718 192030». По-видимому, ученик отвлекся от перечня числительных и задумался о ходе лет. Возможно, конечно, что пишущий просто дублировал римскими числительными арабские «1718». Однако последующее повторение 1718, как мне кажется, свидетельствует в пользу «хронологической гипотезы», объясняющей «сбой» в арифметическом перечислении. Дополнительные аргументы в пользу конца 1710-х гг. как времени возможного рукописного перевода привносит информация о владельце книги (Илл. 2).

Ее начальные страницы содержат побуквенную владельческую запись «Иван Хрущов» (по одной букве на странице). Данное имя еще дважды повторено внутри книги. Иван обучался в немецких школах в 1705 г., 1708–1711 гг., 1714 г. [Белокуров, 1907,

1716/17 VOCABULORUM. 1718/19 030

gramen, inis, n. 3.	23, 95	halax, ecis, f. 3.	78
Grammatica, æ, f. 1.	202	haliæctus, i, m. 2.	51
granarium, ii, n. 2.	255	halitus, us, m. 4.	65
grando, inis, f. 3.	18	hallus, i, m. 2.	79
granum, i, n. 2.	37, 43, 101	halo, avi, atum, are, i.	4
grator, atus sum, ari, i.	61	halter, eris, m. 3.	271
gratia, æ, f. 1.	291	namus, i, m. 2.	105
gravis, is, c. 3. e, is, n. 3.	25, 87	hara, æ, f. 1.	97
gravitas, atis, f. 3.	263	harpagium, ii, n. 2.	98
gregatium, adv.	71	hafa, æ, f. 1.	289, 298
grex, gregis, m. 3.	97	hastile, is, n. 3.	271, 289
grumus, i, m. 2.	61	hastiludium, ii, n. 2.	279
grus, uis, f. 3.	47	haurio, si, stum, ire, 4.	151, 158
gryllus, i, m. 2.	53	hautus, u, um, part.	189, 198
Gu. Gy.		He.	

Илл. 2. Арифметическая маргиналия, переходящая в хронологическую и обратно (ОР, Нюрнберг, 1682; РГАДА БМСТ 2009). Фото предоставлено Л. В. Мошковой

с. XXXVIII]. Есть гипотетическая вероятность, что Иван вспоминает с тоской времена латинских уроков и для проверки самого себя берется в 1718 г. за русский перевод ОР, а потом передает книгу В. В. Кипреянову. Можно предположить, что книга в 1718 г. была в руках некоего в прошлом школяра (преподавателя, обоих?), и он вместе с простым написанием чисел размышлял о текущем и будущем временах, облекая эти свои размышления в цифру: февраль и июнь 1718 г. (счет года шел тогда уже с января). 1718-й г. гораздо лучше подходит под вероятную дату «переводческой пробы», хотя переводчик и тот, кто вписал даты, конечно, не обязательно одно и то же лицо (даты записаны карандашом, перевод — чернилами). Маргиналия 1718 г. дает своего рода *terminus ante quem*: вероятно, перевод был выполнен между 1709 и 1718 гг. Годы учебы владельца книги позволяют предполагать 1714–1718 гг. как время его наиболее интенсивных размышлений о судьбе данного экземпляра ОР.

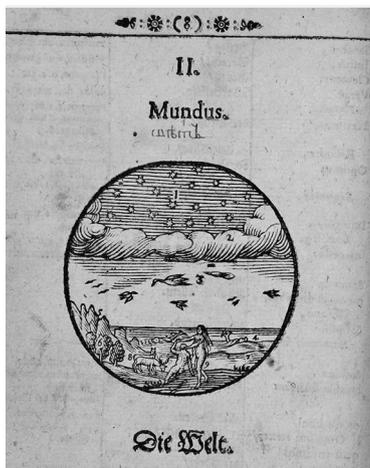
Как мы уже сказали, начало и первые четыре темы ОР (Введение, Бог, Мир, Небо, Огонь) снабжены черновым переводом на церковнославянский. Поскольку этот перевод до сих пор не опубликован, хотя о нем и упоминается во многих изданиях, мы взяли на себя труд в полном объеме привести рукописный текст. Он любопытен не только фактом своего существования, но и поиском эквивалентов (в данном случае, прежде всего, к латинским, а не к немецким речениям), а также лексикой, формами слов, построением фраз. Текст приводится в современной графике по возможности с сохранением пунктуации оригинала; финальный *ep* не воспроизводится; восстанавливается раздельное написание предлогов и союзов по современным орфографическим нормам; раскрытие

титловых сокращений не оговаривается.

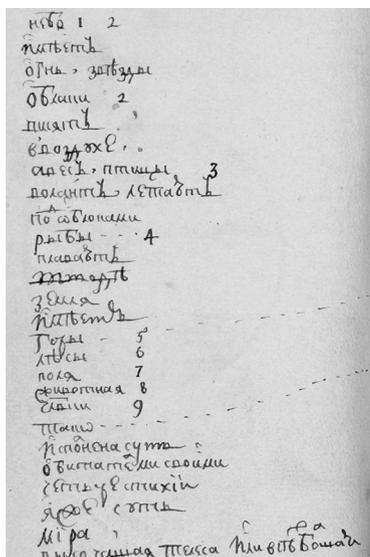
(Л. 2а) *Invitatio. Einleitung.* Призвание. У[читель]. Прииде, отрок, учиться мудрости. Отрок. Что аз есть мудрость? У. Все, что надобно, прямо разумети, прямо делати, прямо глаголати. О. Кто станет меня учить? У. Я з Богом. О. Како? (л. 2а об.) У. Аз тебя поведу чрез вся, объявля тебе о все, называя тебе вся. О. Се я здь. Поведи меня именем Божиим. У. Прежде всех будет тебе учиться простые гласья, из которых состоит слово человеческое, которые зверь знает. Учим отворяти(?). Ишшо язык знать последованием. И твоя рука умеет писати. Потом пойдём в мир и узрим вся. Здесь имещи живое и гласное азбуки.

(Л. 6а) *I Deus. Gott.* Бог есть от себя самого бывша прежде века. Самосовершенное и блаженное существо. Естеством духовный и един. Ипостасию троиценой. Волею (л.6а об.) святыи праведный милостивый²⁰. Правдивый силою, величайший благодтию, блажайший мудростию. Неизменный, свет непреступный, и токмо вся во всех. Везде и нигде. Всех вышшая благодсть. И един неизчерпаемый источник всей благодсти. Всех вещей, коих называем мир, како сотворитех, тако и властитех и сохранител. (Илл. 3; Илл. 4).

(Л. 8) *II Mundus. Свет*²¹. *Die Welt.* (Л. 8а об.) Небо 1²² имеет огонь, звезды. Облаки 2 висят в воздухе. Здесь авес, птицы волант летают 3 под облаками²³.

Илл. 3. Тема «Мир» в нюрнбергском издании ОР 1682 г. с русским переводом названия темы («свет» под *Mundus*). РГАДА БМСТ 2009. Л. 8. Фото предоставлено Л. В. Мошковой

Илл. 4. Фрагмент рукописного перевода темы «Мир/Свет» в издании 1682 г. (РГАДА БМСТ 2009. Л. 8а об.) Фото предоставлено Л. В. Мошковой

Рыбы 4 плавают в воде. Земля имеет горы 5, леса 6, поля 7, животная 8, человеки 9. Тако исполнена суть обитателми своими четыре стихии, яже суть мира высочайшая телеса или всех болша.

(Л. 10) III Coelum. Der Himmel. (Л.10а об.) Небо 1 вертица и обходит землю 2, в середине стоящую. Солнце 3, где ни есть, сияет непрестанно, хотя мрак или мрачное погоды 4 его от нас лишает²⁴, и творит своими лучами свет, свет день²⁵. В противлении суть тмы, отуды ночь. Сияет луна 7, и звезды 8 блистают или сияют. В вечере 9 есть зоря. Утро, или рано²⁶, денница, или зорница.

(Л. 12) IV. Ignis. Das Feuer. (Л. 12а) Огнь горит и запалает. Его искра у кладом из кремня елиса²⁷; в труд сносица [?] 3 и от труда²⁸ приемлетца серною спицею 4 и после свещу 5 или древо 6 сожжет (л. 12а об.) и пламень 7 воздвигнет или пожар 8, который дома пожирает, или достигнет²⁹. Дымы 9 восходит отуду и жжет. Прилепица к трубе или дымоволоку 10 черность или сажа. Из головни или древо горящее бывает погашенная или древо погашенное из угля огненного (горящая части главныя) бывает черное углие напоследок. Что останется есть пепел и белы пепел (или горящий пепел).

Перевод четвертой темы сделан по содержанию менее тщательно, он дальше отстоит от латинского оригинала, нежели переводы введения и первых трех тем. Трудно сказать, почему был приостановлен начатый в 1710-х гг. перевод ОР, для которого было использовано вновь переплетенное учебное издание. Первые три главы переведены близко к тексту; четвертая не буквально, но тоже без спешки; введение, наоборот, передано точно, но уже явно наспех и для себя: строки идут наискосок и графика показывает небрежное отношение к записи, явно не рассчитанной на демонстрацию кому бы то ни было. Налицо три разных этапа работы над переводом. Возможно, сложность перевода темы IV привела нашего переводчика или его наставников-редакторов (хотя пометок в переводе нет) к неконструктивным размышлениям о перспективах всей работы в целом. После этого в качестве «символического прощания» было наспех переведено введение в ОР, и на этом переводческая рукописная деятельность в специально подготовленном к учебному (?) переводу печатном издании ОР завершилась. Перевод на церковнославянский, а не на «простой русский язык» не является свидетельством именно чернового учебного перевода, а не перевода для печати, поскольку в это время активно издавались книги на кириллице, в том числе учебники [Немировский, 2015]. Возможно, так или иначе, создатели этого перевода преследовали обе цели.

Нюрнбергское издание ОР 1682 г. с вплетенными в него чистыми листами, переводом введения и четырех тем, сделанным в начале 1710-х гг., представляет собой, вероятно, первое по хронологии материальное свидетельство предпринятой попытки перевода ОР на русский язык. Можно предположить, что необходимость распространения перевода ОР была в гораздо большей степени осознана не в момент открытия и прогресса московских «немецких школ», а в момент прекращения их деятельности и исчезновения соответствующих учителей на повседневном горизонте московской жизни вокруг 1715 г. Сокращение возможности выучить языки с учителем могло стать стимулом попыток перевести пособие так, чтобы перевод заменил живых наставников. Не отдельный рукописный русский перевод, а русский текст вместе с текстами на других языках свидетельствует о начавшейся реализации идеи печатного русского ОР. Начальное обучение на церковнославянском и простом русском языке (плюс элементы литературного, языка делопроизводства и частной переписки), не дававшее знания греческого, латыни, других языков, требовало переходных учебных книг, в которых один из двух либо нескольких языков был бы русским (см., напр.: [Базарова, 2016; Базарова, 2008]).

Второй этап относится к 1730-м гг., когда формируется потребность в многоязычном пособии и из латино-немецкого учебника пробуют самостоятельно сделать латино-немецко-франко-русский.

Яркий пример попытки перевода на втором этапе — издание 1732 г. В собрании Музея книги Российской государственной библиотеки имеется ОР с аналогичным образом вплетенными чистыми листами и попыткой перевода — только теперь уже на французский и русский. Титул и часть предисловия утрачены, место и дата издания установлены сотрудником РГБ и проверены мной по электронной копии того же издания из другой библиотеки. После предисловия имеется запись «Из книг Василия Дешисова³⁰». Начиная со стр. 16 и по конец основного текста (стр. 315), до Index titulorum вплетены пустые листы между страницами текста аналогично изданию 1682 г. в РГАДА. В индексах в начале и в конце вплетено по чистой странице. Нумерации тетрадей вручную, как в экземпляре РГАДА, нет. Вплетенная бумага плотнее, чем та, на которой издан ОР в Нюрнберге в 1732 г. По филиграммам определяются 1734–1736 гг., российское производство³¹. Из этого следует, что нынешний переплет выполнен уже в России. Возможно, перед

нами следы учебно-переводческого проекта, теперь уже сразу на французский (новые веяния 1730-х гг.!) и русский языки одновременно³². Вновь сшитые тетради никак не пронумерованы — ни арабской, ни славянской буквенной нумерацией. В нескольких местах белый лист отсутствует. Книга отреставрирована, предположительно, в XIX–XX вв. Старый переплет не сохранен.

Вероятно, переводчик имел дело уже с дефектным экземпляром (потому и владельческая надпись не на стандартном месте, а на реальном титуле основного учебного блока, который из-за утраты основного титула и большей части предисловия стал вратами в книгу). Поэтому, вероятно, он выбрал для пробного перевода не первые темы, а отступил от поврежденного начала книги. Такой выбор может свидетельствовать и о чисто учебном, рукописном, а не подготовленном для печати, использовании данного экземпляра.

Перевод темы VI «Вода». Лист 16а об. между стр. 16 и 17. Чистый лист поделен вертикальной чертой пополам. Французский текст аккуратным ученическим почерком со следами русской и немецкой графики вписан в левом столбце. Правый остался чистым.

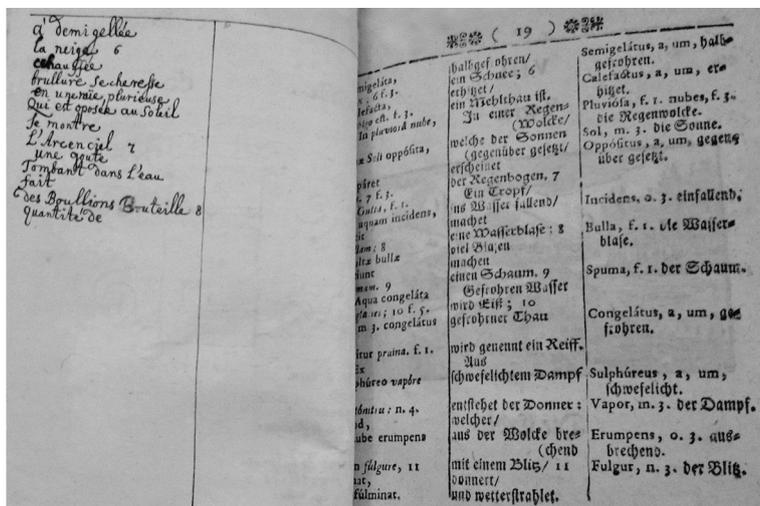
L'Eau

Sort de la Fontaine. 1³³. de coule dans le Torant. 2. coule au Ruisseau. 3. Noupit dans l'étang. 4. coure au fleuve. 5. elle se tourne en moulinet. 6. fait de marais. 7. Le fleuve à de Rivages. 8. le Mer fait des bords. 9. des Golfes. 10. des en couleurs. 11. des isles. 12. decletrois de terre. 14. de detrois de mer. 15. et à des Ecueils. 16.

Перевод темы VII «Облака». Лист 18а и 18а об. между стр. 18 и 19. Чистый лист поделен вертикальной чертой пополам. Французский текст вписан в левом столбце. Правый остался чистым. Перевод дан вровень с печатным текстом, начинающимся слева под картинкой (Илл. 5).

La Nüe [далее с отступом-интервалом на той же строке справа, над вторым столбцом славянское число «7» либо омега с диакритическими знаками (начало «О<блака>» или «Об облаках»); можно считать это свидетельством, что в правом столбце предполагался перевод на церковнославянский]. Не выделены прописные буквы и не отмечены окончания фраз — мы расставили знаки препинания в соответствии с латинским оригиналом в издании 1732 г.

De l'eau s'eslere la vapeur 1. D'ou se forme la nüe, 2 et après de la terre un brouillard 3. De la nüe de goutte la pluÿe 4 et la Große pluÿe³⁴. La quelle etant gelée en grele 5, (л.18а об.) a'demi gellée la neige 6, cehau ffee

Илл. 5. Тема «Облака» с рукописным французским переводом и разметкой под русский перевод. Нюрнберг, 1732. С. 186 и 19. МК РГБ. Фото автора

brullure secheresse. En une nûe³⁵, plurieuse, qui est oposée au Soleil se montre L'Arcen ciel 7. Une goutte Tombant dans l'eau fait des Boullions Bruteille 8 quantite de [на этом перевод обрывается, тема 7 переведена не полностью.]

Этот перевод явно опирался прежде всего на немецкий, а потом уже на латынь.

Переводом двух тем дело и завершилось. Вторая попытка учебного перевода ОР типологически очень похожа на первую: расплетается оригинальное издание, в основную часть с темами, картинками и текстами добавляются чистые листы. Затем делается новый переплет. В итоге создается книга для постоянных упражнений не только в чтении, выучивании слов и т. д., но и в письменном переводе на родной или другой новоевропейский язык, а не на латынь. К переводам с латыни и на латынь ученик приступал как раз вскоре после проработки ОР. Означает ли это, что переводы делались после освоения всего ОР? Трудно сказать.

Делался ли «учебник с чистыми листами» только для частных упражнений в рамках преподаваемого курса? Или с надеждой потом продать типографу для переиздания с включением русского и французского вариантов текста к тем же картинкам? Изготавливались ли подобные «учебники / записные книжки переводчика» для домашнего,

досугового или последующего профессионально-справочного употребления? Для чего-то иного? Прекращалась работа из-за сложности, охлаждения переводчика /переводчиков к самой затее, отказа от заказа, чего-то еще? Определенного ответа нет³⁶. Но явно виден интерес к переводу ОР на русский и французский, порождающий некую практику. В отсутствие доступного печатного латино-немецко-французского издания, чтобы вписать туда только русский вариант, обучающийся создает основу для материализации четырехязычного пособия в процессе учения.

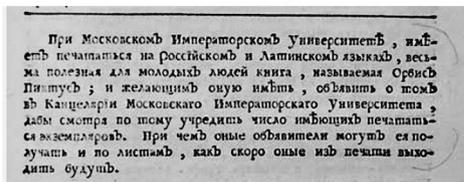
В переводе 1710-х гг. работа могла иметь три модальности: ученическая, самодидактическая или на предполагаемый заказ. В 1730-е гг. она явно ученическая, делаемая прежде всего для домашнего (само)обучения.

В любом случае такая схема работы вела к многоязычным переводам ОР, воплотившимся впервые в латино-русско-немецко-итальяно-французском московском издании 1768 г. «До-исторический» интерес к русскому ОР имел в России два пика: 2-ю пол. 1710-х гг. и сер. — 2-ю пол. 1730-х гг. В первом случае трехязычие (но уже не по модели Букваря и Лексикона Федора Поликарпова) полагалось достаточным, во втором добавился интерес к французскому: пришла новая эпоха. Затем наступил переход от рукописных версий к работе по созданию печатных.

Т р е т и й э т а п — подготовка первого русского издания (1756–1768). Она распадается на три сюжета: попытку создания латино-русской версии 1757 г.; неосуществленное поручение М. В. Ломоносова инспектору Академической гимназии С. К. Котельникову 1761 г.; выпуск пятиязычной версии ОР в 1768 г. Его немецкий прототип — четырехязычный ОР 1755 г. (Nürnberg).

23 ноября 1756 г. университетская конференция (прошло всего чуть более месяца с 16 октября, первого заседания Конференции — своего рода Ученого Совета Московского университета) принимает решение о публикации русско-латинского ОР пробным тиражом в 400 экземпляров: «Мир в картинках Коменского должно напечатать для употребления во всех классах, и, дабы типография не потерпела никакого убытку, решено, что только 400 экземпляров, каждая же тетрадь [plictera, от plicatus — «сложенный, в сложенном виде»] должна продаваться за 3 с четвертью копейки. Об этом следует дать объявление в «Ведомостях», чтоб можно было сделать предварительную запись, если потребуется большее число экземпляров»³⁷ [Документы, 1960, т. 1, с. 30–31, с изм.]. О «проекте»,

Илл. 6. Объявление о печати ОР в «Московских ведомостях» № 64 от 3 декабря 1756 г.

предназначенном как ученикам университетской гимназии, так и прочей стремящейся к образованию публике, трижды публикуется одинаковое объявление в газете «Московские Ведомости» 1756 г. (№ 64, 65, 66 от 3, 6, 10 декабря). В отличие от объявлений о книге Поупа «Опыт о человеке», ничего не сказано о переводчике ОР; возможно, фигура переведшего Поупа Н. Н. Поповского (1730–1760) оказалась особенно на слуху в связи с конфликтом Николая Никитича с духовной цензурой; в чуть более поздних объявлениях о подготовке иных переводных книг в 1760-е гг. имена переводчиков в «Московских ведомостях» могли быть и не указаны (Илл. 6).

10 марта 1757 г. отвечавший за типографию ассессор Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) в рапорте куратору университета Ивану Ивановичу Шувалову (1727–1797) «о текущих делах университетской типографии» докладывал (текст черновой копии, т. н. «отпуск»):

Печатание сочинений г. Ломоносова с надлежащей прилежностью происходит. Фигурной стан на сих днях сделать закажем; а пока его у нас нет, станем по прежнему отсылать для тиснения виньет в Московскую типографию. Опыт на человека г. Попе и с будущемо почтою первой лист к вашему превосходительству пошлем. При сем и на опробацию вашему приложен первой лист Орбис пиктуса. В протчем караул е.и.в. и протчее при университете состоит благополучно [Там же, с. 39–40]³⁸.

Дальнейшая документация содержит продолжение переписки относительно подготовки к изданию ломоносовских текстов и подправленного перевода сочинения английского поэта Александра Поупа (1688–1744) «Опыт о человеке»; в частности, пересылаются не только первые листы (тетради) Поупа и Ломоносова, но и последующие; указано, кто переводчик «Опыта о человеке»; в № 99, 100, 101 «Московских ведомостей» от 12, 16, 19 декабря 1757 г. объявлено о завершении печати Поупа и о продаже «в книжной Университетской лавке без переплету экземпляр по 60 копеек». О сочинении Коменского, его переводчике и следующих после первой тетрадах («листах») в дальнейшей переписке и периодике

нет ни слова. В ведомости расходов Шувалова на Московский университет отмечены расходы на печать книг Поупа и «Господина Ломоносова», в том числе и отдельно упомянуты «виньеты» ломоносовского издания, но нигде в учетных книгах 1756–1761 гг. нет записей о каких бы то ни было расходах на ОР Коменского [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 9, д. 65, лл. 3об, 4об, 6-6об, 11]³⁹. По-видимому, первую тетрадь отпечатали в Москве на основе собственных материальных ресурсов и ожидали дальнейшего спонсирования аналогично книгам Поупа и Ломоносова. Вероятно, неопубликованные документы московских и Санкт-Петербургских архивов хранят тайну причин незавершенности полного латинско-русского издания ОР, но с большой долей вероятности уже можно утверждать, что эта версия 1757 г. так и не увидела свет. «Московские ведомости» не дали объявления о завершеном издании, как обычно делалось. Судя по состоянию университетской типографии на конец 1756–1757 гг. (станы, литеры, уровень квалификации наборщиков и граверов), такое издание, как ОР, — со 152 иллюстрациями — не могло тогда появиться. Только сооружался «фигурный стан» для печатания виньеток и полномасштабных иллюстраций в картинках. Еще не было литер для курсива, не хватало литер латинского, немецкого, французского шрифтов для печати объемных изданий⁴⁰. Налицо отсутствие квалифицированных граверов и наборщиков, одновременно хорошо знавших «Российский и иностранные языки»⁴¹. Пробовали ли договориться с Московской синодальной типографией о печати не только виньеток или даже не пробовали — пока сказать трудно. Готовые гравировальные доски для светских «прежних переводов и сочинений», по определению Сената от 8 марта 1756 г. [История Московского, 2011, с. 52–55, № 47, 50], нужно было передать университету. Однако в конце 1756 и в течение следующего года никаких конкретных указаний по изготовлению в Московской типографии новых досок, «принадлежащих к гражданству», мы не наблюдаем. Возможно, именно поставленный в известность о проблеме рапортом Хераскова И. И. Шувалов поручил профессиональному военному графу Вилиму Вилимовичу Фермору (1702–1771) несвойственное для него дело: приискать в Европе нужных людей. По-видимому, Фермор действовал в данном направлении со второй половины 1757 г. Печатники и литеры нашлись, а с гравером и рисовальщиком проблема сохранялась и в апреле 1758 г.⁴² Проблемы были и с бумагой. О ней хлопотал И. И. Шувалов, плюс давались посто-

янно объявления в «Московских ведомостях» о свободных закупках качественной бумаги.

Вероятно, университетские типографы пытались все же выпустить ОР с гравюрами (раз упоминают в связи с ОР «фигурный стан»), но им это не удалось⁴³. Или не заладились отношения у профессоров с намного более крупной Московской синодальной типографией, и сотрудничество, начавшись с изготовления там виньеток для книг Университета и печатания в университетских «Московских ведомостях» рекламы по набору переплетчиков для этой типографии, не получило дальнейшего развития [Московские ведомости. 1757. Вып. 19 от 7.03]⁴⁴. Проект 1756–1757 гг. по изданию полного ОР погиб где-то между университетской и синодальной типографиями. Косвенным доказательством его неудачи служит отсутствие этого издания в каких бы то ни было последующих библиографических реестрах, росписях и списках XVIII в. — рукописных и печатных, равно как и в списках-заказах на поступление в обучение и в книжную лавку, в рекомендациях и учебных планах⁴⁵.

Трудно сказать, как отреагировал и отреагировал ли вообще граф Шувалов на присланный в 1757 г. первый «лист» ОР; можно предполагать, что Ломоносову это предприятие осталось неизвестным. Однако с проблемой трудного усвоения латыни даже с опорой на хорошо изученный немецкий язык Ломоносов был знаком [Шугуров, 1866]. И он постарался учесть данную проблему при выборе пособий для академической петербургской гимназии. В 1761 г. как ее руководитель Ломоносов составляет несколько черновых версий «списков книг, необходимых для обучения учеников Гимназии Академии Наук». В один из них — «для среднего латинского класса» — он помещает “*Orbis pictus, selectiora*” [Пекарский, 1862а, с. 746]. Текст не содержит пометки о необходимости полного или частичного перевода ОР. Хотя не указано, какой из трех существующих на тот момент вариантов — «стандартный» со 150 темами; сокращенный в Австро-Венгрии до 80–82 тем; расширенный до двух томов и 300 тем в 1719–1720 гг. — имеется в виду, но указание на *selectiora* позволяет предположить второй вариант из трех, который потом станет основой «Зрелища вселенной», пособия на основе ОР, подготовленного в 1788 г. для российских народных училищ Ф. И. Янковичем де Мириево (1741–1814). Возможность снова сократить стандартное издание Ломоносов в последующем не упоминает.

12 декабря того же 1761 г. в журнале Канцелярии Академии наук появляется запись: «Господин коллежский советник Ломоносов приказал книжку Орбис Пиктус отослать к господину Котельникову при ордере и велеть оную на российский язык перевести, кому он заблагорассудит» [Билиарский, 1865, с. 550]. В этом поручении нет никакого следа знакомства Ломоносова с предыдущей попыткой издания ОР. Он не пересылает Котельникову ни черновики, ни оттиски предыдущего варианта, присланные Херасковым Шувалову. Инспектор гимназии, академик Семен Кириллович Котельников (1723–1806) либо получил книгу и поручение не исполнил, либо не получил (потерялась при следовании к нему с ордером), либо поручил ее перевести, но из этого ничего не вышло. И сама книга в библиотеку Ломоносова не вернулась — каталоги его книжного собрания не содержат никакого упоминания об этом учебнике [Библиотека, 2011; Коровин, 1961]⁴⁶. Возможно, Ломоносов сам не видел ОР вовсе; в этом случае получает логическое объяснение то, что он рекомендовал его для среднего латинского класса, а не для завершения начального обучения латыни, как практиковали в свое время Паузе и Вурм. “*Selectiora*” может указывать на выбор наиболее трудных тем из ОР, но такому принципу не соответствует последующая адаптация ОР в «Зрелище вселенная» Янковича де Мириево. Однако такая рекомендация могла вытекать также из знакомства Ломоносова с исключительно низким уровнем знаний учащихся и экзаменуемых, которым до ОР требовалось пройти еще несколько ступеней более элементарного обучения. Возможно, Ломоносов относил ОР к категории эмблематических изданий, элементарному натурфилософскому рассматриванию и чтению, соотносившемуся с этико-философскими и религиозно-философскими идеями. Эмблематическая литература была ему знакома, ее фрагменты вошли в собственные труды Ломоносова [Костин, 2015]⁴⁷. Натурфилософское чтение составляло средний уровень образования. Здесь может скрываться одна из причин отнесения Ломоносовым ОР не к начальным пособиям и не к пособиям, позволяющим перейти к среднему уровню, но к пособиям именно для средних латинских классов, где знание языка дополняется углубляющимся знанием вещей и текстов о них.

Две первые попытки выпустить учебник Коменского в латинско-русском (1756–1757 гг.) и дву- либо многоязычном варианте (1761 г.) для нужд учащихся университетских гимназических учреждений оказались неосуществленными. Причиной их возникновения стали

потребности университетских и академических гимназий. В условиях преподавания многих предметов только на латыни явной была необходимость в обучении ей опереться на родной язык учащихся. Без такой опоры «студенты» могли просидеть в «латинском классе» порой даже четыре года, отбывая повинность и ничему реально не обучаясь. Сохранившиеся документы об увольнении таких учеников являются тому доказательством [История, 2006–2014].

Реальным годом выхода первого русского издания ОР можно считать 1768 г. — появление пятиязычного пособия, исполненного на основе четырехязычного нюрнбергского 1755 г. Русское издание пособия, как и полагал Глюк, предназначалось не для начального школьного обучения, как мыслилось Коменским, а для продвинутого уровня средней школы, обеспечиваемого в те годы университетской гимназией и первыми годами учения в университете.

«Видимый свет» без всякой видимости. Предыстория русского ОР завершается на переводе 1768 г., по тексту полном, по картинкам — нулевым. На пяти языках титул первого московского издания 1768 г. подтверждал, что за ним скрывается *наблюдаемый*⁴⁸ *die sichtbare Welt, orbis visibilis*. И на всех пяти языках титул не соответствовал содержанию, т. к. в книге не было ни одного рисунка.

Каждую тему открывали библейские цитаты (они появились в изданиях ОР с 1666 г.), в данном случае исполненные на пяти языках (русский текст дается по Елизаветинской Библии 1751 г.). В предисловии говорится о несравненности природы и о скудости гравюры, чтобы заменять второй прямое наблюдение первой. Также в предисловии сказано, что мелкие иллюстрации в книге не качественны по сравнению с отдельными настенными изображениями, а также в сопоставлении с «натуральными вещами, раскрашенными фигурами, моделями и проч.», кои каждое «изрядно распоряженное училище» обязано иметь [Иоанна, 1768, с. 10]⁴⁹. Эти слова корреспондировали с приобретением для Университета и гимназии при нем различных приборов и сырья для опытов [Документы, 1963]. Вероятно, под «училищем» автор предисловия, профессор и ректор университетской гимназии Иоганн Матиас Шаден (1731–1797) имел в виду прежде всего свое собственное учреждение как образец. Выполненный Шаденом перевод ОР был произведен с опорой на латынь. Родным языком переводчика был, вероятно, немецкий; родился Шаден в Прессбурге/Братиславе,

учился в Тюбингенском университете, но все свои курсы он читал на латыни и потому соотнес русскую версию ОР именно с этим языком (Илл. 7а; 7б; Илл. 8а; 8б).

Без картинок — эмблем и схематических образов окружающего мира — снижалась наглядность и усиливалась символическая роль библейских цитат к каждой изучаемой теме. Ученик применял пособие как тематический букварик-словарь с элементами энциклопедии, встраивал слова (предметы, глаголы) в общую мысленную «картину» и привязывал их к Священному Писанию. Библейскими цитатами поверялась каждая сфера земной жизни. Феноменология реального, устроенного и объясненного Богом мира, положенная в основу эмблематики Коменского и привлекавшая внимание университетских профессоров, находилась в сущностной полемике со средневековой феноменологией земной жизни как знака вечности, нашедшей примерно в то же время свое воплощение в «Сокровище духовном, от мира собираемом» свт. Тихона Задонского (1770, опубл. 1784). Внимание к ОР Коменского в 1760–1820-е гг. обозначило важный содержательный переход, состоявшийся в рамках гимназического образования.

В Москве ОР предназначался в основном для подготовки гимназистов к переходу в университет. В этой сфере его применения не совпадала с предусмотренной самим Коменским, но в историческом контексте, вероятно, была вполне оправданна. Известно, что в 1775 г. по ОР объяснял латинскую грамматику в старших классах дворянской гимназии И. Ф. Фрязин [История, 2014, с. 618]. Издание 1768 г. было приобретено православным коллегиумом Переяславля как пособие для переводов [Посохова, 2016, с. 78–79]. Феофилакт Лопатинский, обучавший философии и богословию в Киеве и Москве в нач. XVIII в., Рувим Петулинский, преподававший философию в Киево-Могилянской академии в 1764–1769 гг., владели экземплярами ОР соответственно 1684 и 1746 гг. [Гальцын, 2016, 564 л.; Charipova, 2006, p. 138]⁵⁰. В домашней, частной школе у И. М. Шадена, переводчика ОР на русский, три года, с 14 до 17 лет (1780–1783 гг.) обучался Николай Карамзин. Применялся ли ОР в начальных занятиях с ним — нам пока не удалось установить (см.: [Neuhäuser, 1974, p. 169]). Точно так же утверждать, что обучение в московских гимназии и университете в 1755 г. начиналось именно с ОР — на наш взгляд, слишком вольная гипотеза [Воевода, 2016, с. 87].

Является ли отсутствие иллюстраций в русском издании 1768 г. (и в переиздании 1788 г.) года единственным и/или случайным

казусом или оно отражает некоторый тип, определенного рода тенденцию в переизданиях ОР на других языках? В результате работы в этом направлении удалось выяснить, что подобное явление не было единичным. Не во всех странах одновременно педагоги учли важность контроля и воспитания не только риторических навыков «истинного слова», но и «верного взгляда» уже не на созерцателя, а наблюдателя. В регионах, познакомившихся с ОР, но методически и технически продолжавших опираться, скорее, на вербальное обучение и грамматическую память, — в частности, в Венгрии, Румынии, Польше, России, Австрии конца XVII — нач. XIX вв. — мы встречаем переиздания этого учебника, лишенные всех (или части) изображений, включая и составленный из образов «живых звуков» алфавит в начале книги⁵¹. В этих случаях, по понятным причинам, ОР применялся прежде всего как тематический учебник-разговорник для билингвального (или полилингвального) обучения языкам без обращения к языку визуальных образов как посреднику. Причем если в Венгрии, Румынии, Польше, Австрии до появления «бескартинных» изданий и параллельно с ними выходили в гораздо большем числе «полнокартинные» варианты (со всеми 150 темами), то в России с конца 1780-х по 1820-е гг. распространялась только усеченная со 150 до 80 тем версия «Зрелища вселенная», подготовленная Ф. И. Янковичем де Мириево и снабженная иллюстрациями, в отличие от изданий 1768 г. и 1788 г., представлявших собой полный перевод текста, но лишенных внутри всякой «видимости», хотя и называвшихся «Видимый свет» и «Видимый мир».

Таким образом, первый русский вариант полного перевода ОР в целом утверждал себя как пособие по расшифровке наблюдаемого вокруг, но не брал на себя задачу обучить наблюдать и видеть это самое «вокруг». Аналогичным было и второе полное издание ОР, названное не «Видимый свет», но «Видимый мир» (1788), выпущенное уже не по инициативе содержателя книжной лавки Университета Х. Л. Вевера, а издателем Н. И. Новиковым, взявшим в 1779 г. в аренду всю типографию.

С 1788 г. в Санкт-Петербурге начинаются издания сокращенного варианта ОР под названием «Зрелище вселенной»: латино-русско-немецкое (оно считалось основным, имело «гриф» «для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению») и франко-русско-немецкое, без латыни, как бы «вспомогательное». Пособия выходили с 1788 г. по 1822 г. (в 1788 г.

и 1793 г. оба варианта; 1808 г. — французское; 1822 г. — латинское). Эти пособия имели своей целевой аудиторией «малолетних» учащихся, как утверждалось во франко-российско-немецком издании 1793 г. и в аналогичных ему книгах. В «Зрелищах» вместо 150 глав было 80, но они снабжались гравюрами. Данные пособия, составленные Теодором Янковичем де Мириево, повторяли австрийские, венгерские и сербские сокращенные издания ОР (с небольшими изменениями).

Иллюстрации «Зрелища Вселенная» 1788 г. и последующих изданий (1793 г., 1808 г., 1822 г.), подобранные Янковичем, охватывали природу без Бога и без антропологии, но с показом человеческих занятий, без абстрактных, моральных, политических и религиозных понятий, но с темами о путешествиях, письме, распространении книг, школе и учебных пособиях. В сохранившихся экземплярах «Зрелища» нередко отсутствуют некоторые из восьмидесяти положенных в каждом издании иллюстраций, и остается подчас только гадать — были они удалены кем-то или не вклеены при изготовлении переплета. Главной заявленной целью русского издания сокращенного варианта ОР было преподавать основания латыни и одного или двух живых иностранных языков, которые в зависимости от расположения той или иной губернии окажутся полезнее для изучения.

Название и большое число иллюстраций в сокращенной версии ОР выражали появившиеся интерес и моду на иллюстрированные учебные издания. В Санкт-Петербурге с 1773 г. неоднократно печатают перевод работы Г. А. Вилля (Will) “Die Grösse und Mannigfaltigkeit in den Reichen der Natur und Sitten nach der Absicht des Schöpfers von je her verbunden” (Нюрнберг, 1766) под заголовком «Свет зримый в лицах, или Величие и многообразность зиждательных намерений открывающихся в природе и во нравах, объясненные физическими и нравственными изображениями, украшенными достойным сих предметов словом», а с 1784 г. по 1790 г. переводят серию “Schauplatz der Natur und der Künste in vier Sprachen, deutsch, lateinisch, französisch und italienisch” (Вена, 1774–1779) и потом ее неоднократно переиздают под названием «Зрелище природы и художеств»⁵². В Москве в 1797 г. появляется аналог — «Новое зрелище вселенная: представленное из царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоего пола к приятному и полезному их упражнению», которое также многократно переиздается. Таким образом, «видимый внешними

чувствами мир» приходит в российскую культуру и образование одновременно, вместе и параллельно сокращенному иллюстрированному изданию ОР. Новая визуальность классицизма обогащает и усиливает себя визуальностью предыдущего времени — благодаря ОР. После 1822 г. наступает новый перелом, связанный с уходом ОР из мира активных школьных и домашних образовательных практик в России (за исключением Царства Польского, где продолжилась традиция издания «комениушей», пособий, составленных по мотивам ОР).

УЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ И ШКОЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛА XVIII в., СВЯЗАННАЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ УЧЕБНИКОВ КОМЕНСКОГО

Другой стороной ранней рецепции книг Коменского были те ученические практики, которые вокруг них возникали.

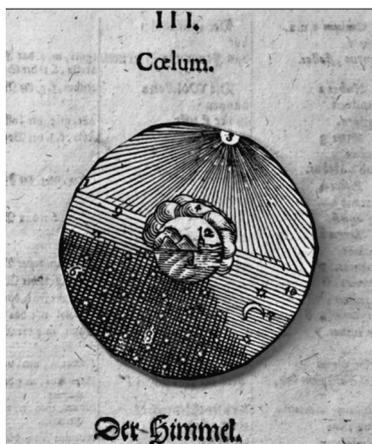
Среди следов применения / использования ОР важную роль играют подписи под иллюстрациями, записи между строк и на полях немецких изданий учебников Коменского 1698 г., сделанные в 1700–1710-е гг. русскоязычными учениками и кардинально отличные от записей, оставленных на изданиях XVII–XVIII вв. учениками, для которых один из языков печатного пособия был родным. В процессе работы удалось установить принадлежность некоторых экземпляров конкретным ученикам, известным по документам: Ивану Хрущеву, Борису Малееву, Петру Суворову (?). Их учебные практики явно привязаны к контексту московских «немецких школ» преемников Глюка. Другие русские имена владельцев различных экземпляров ОР пока не атрибутированы конкретным историческим лицам (Михаил Попов, Алексей Нарышкин, Ян Фалин (?), Акулов и др.). Изучение подписей русских учеников к большинству из 150 тематических картин, помещенных в учебнике Коменского “*Orbis sensualium pictus*”, к «звучащему алфавиту» показывает их поиск эквивалентов немецким и/или латинским терминам. Пометы на иностранных изданиях ОР периода существования русскоязычной печатной версии относятся к иной группе записей и в данной статье не рассматриваются.

И з д а н и я 1 6 9 8 г. В отличие от единственного экземпляра, вышедшего в Нюрнберге в 1682 г., в РГАДА и ОРК НБ МГУ имеется группа тождественных друг другу нюрнбергских же изданий 1698 г. Из одиннадцати книг 7 не имеют в себе никаких следов использования, в двух из них встречаются неразрезанные страницы.

Четыре весьма интересны следами использования — по-видимому, в учебном процессе. Два экземпляра имеют многочисленные следы работы с ними, разбросанные по всей книге. Другие два — несут такие следы только на форзацах.

В Фонде Библиотеки Московской синодальной типографии, хранящейся в РГАДА, имеется экземпляр (ед. хр. 2010) с русскими подписями под многими из картинок. Он же содержит раскрашенные картинки во вступлении и алфавите. Мы счастливым образом знаем одного из владельцев данной книги. Начиная от титула на каждом следующем листе или через лист вписана по букве владельческая скрепа «(И)вань Х(ру)щовъ». На с. 33 внизу другими чернилами «Хрущовъ». В конце книги снова повторено написание имени как в ее начале — по букве на странице. Таким образом, владелец трижды пометил принадлежавший ему ОР. Иван Хрущов известен по документам. Следуя реконструкции С. А. Белокурова, он родился примерно в 1691 г., обучался у Глюка в 1705 г., потом отстал от учебы и «вновь прислан» учиться в 1708 г., в 1711 г. снова «отстал» от школы до 1714 г. Внимание Ивана к своей книге не очень вяжется с его бегствами от книжного учения, но то и другое помогло нам найти и его, и его учебник. Иван осваивал и арифметику: нахзац сохранил записи арифметических действий. Однако установить, где Иван их делал (в училище или сам) и по какому учебнику, невозможно.

Другой экземпляр того же года издания под шифром БМСТ 2014 также принадлежал ученику «немецких» московских школ и также снабжен русскими подписями под картинками. Записи на переплете и форзаце повествуют о перерывах в школьном учении: «он поворотил ся в школу ити [аналогично немецкой фразе рядом; обе фразы написаны трижды]». Книга принадлежала Борису Малееву и позволяет предположить время начала его учения по ОР, в других документах не сохранившемся: на первом форзаце в немецком тексте есть дата — 9 ноября 1711 г. Нахзац (задний форзац) среди немецких и русских неразборчивых записей-проб пера содержит владельческую запись «Сей орбис пиктус есть Бориса Малеева (нрзб.1 слово). По сем орбисе учица Борис Малеев (нрзб 1 слово) 1715 год». Год повторен и в последующей фразе на немецком. Ниже на нахзаце еще раз по-немецки и по-русски «Сей орбис пиктус Бориса [Borys Maleevs] ...» Согласно другим документам, Борис дважды выезжал из Москвы: в 1714 г. и в 1716 г. (с февраля по июль), второй раз по причине отправки имевшихся

Илл. 9. Рисунок к теме «Небо» нюрнбергского издания 1698 г. Фото автора

учителей в Петербург, прекращения занятий и невозможности прокормиться. Возможно, он брал ОР с собой и работал с ним в семейном поместье в Рьльском уезде. В 1716 г., после своего второго возвращения в Москву, Бориса приписывают в приказ Книг печатного дела «к набору гражданских книг» [Белокуров, 1907, с. 217]. Какие следы оставлены, по-видимому, Борисом в его учебнике? Это, опять же, прежде всего русские подписи к темам и картинам ОР.

Помимо подписей к темам на задний форзац вклеена иллюстрация, представляющая, как нам кажется, своего рода повторение-пародию на «вертящуюся вокруг земли небесную сферу» (тема III Coelum Der Himmel). Во всех нюрнбергских изданиях 1698 г. (равно как и многих других) тема 3 «Небо» решена в виде двух вырезанных и закрепленных на странице кругов: неподвижный в центре, это земля с сушей и морем, городом и кораблем; и подвижный вокруг нее — собственно небо с солнцем, луной, звездами, облаками, дождем. Вырезанный внутренний («Земля») наклеивался неподвижным, а внешний — собственно, «Небо», — должен был вращаться вокруг него, держась за поля внутреннего. Данная конструкция, которую вырезал из специально помещаемого в книгу листа и самостоятельно вклеивал в тему 3 каждый собственник ОР, постоянно отклеивалась, рвалась и часто утрачивалась. Такая «судьба» единственной подвижной в ОР иллюстрации вызывала повторы (на ее месте) или пародии (в других местах книги) на этот рисунок (Илл. 9).

Повторение-пародия, выполненная, по-видимому, Борисом, представляет собой также закрепленный центральный круг и вращающийся вокруг него внешний. Однако на обоих кругах — бесвязные каракули из черновиков, напоминающие взбесившиеся прописи. Борис Малеев, младший современник Ивана Хрущова, отличался меньшим терпением к школьному учению. Сыну рьльских помещиков в отличие от сына подъячего можно было небреж-

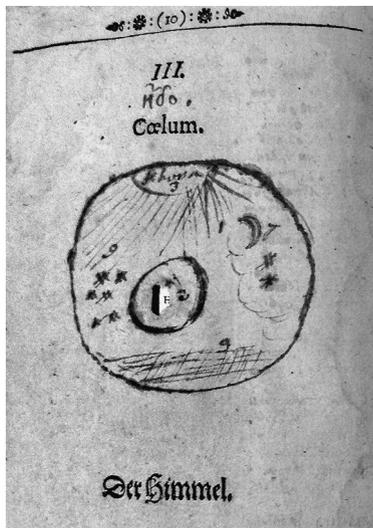

Илл.10. Пародия на тему «Небо», приклеенная на 3-ю с. обложки в экземпляре с владельческой надписью Бориса Малеева. Фото предоставлено О. Е. Кошелевой

нее относиться к учебе, поскольку семья имела и другие ресурсы (Илл. 10.; Илл. 11; Илл. 12).

Среди сохранившихся в других книжных собраниях экземпляров ОР издание гейдельбергской библиотеки 1698 г., имеющее пометки о его применении в 1711 г. и 1760-х гг., уже не содержит вклейки при теме III, на ее месте детский рисунок по мотивам самого изображения в печатной книге: в центре земля, а вокруг Иисус Христос (наверху) с ангелами и звездами — рисовавший ребенок видел другую книгу с вклейкой, либо отклеил еще имевшуюся вклейку в данном экземпляре и нарисовал свою «иллюстрацию» к теме, как он ее понял. Аналогичным образом, но иначе подошел к делу русский ученик, владевший ОР из собрания НБ МГУ (Илл. 11, подробнее об этом экземпляре ОР см. ниже). Он тоже видел печатный вариант: Солнце наверху и т. д. и просто попытался его воспроизвести.

В третьем экземпляре ОР из группы изданий 1698 г., имеющихся в РГАДА (БМСТ 2019), который носит некоторые следы учебного применения, имеются записи на припереплетных листах и форзацах на русском и немецком языках, пример на арифметические

Илл.11. Попытка восстановить рисунок темы III в экземпляре 1670–1690-х гг. издания, хранящегося в НИИОРК НБ МГУ (шифр 10Ch6). Фото автора

Илл.12. Представление темы «Небеса» немецким школьником первой половины XVIII в., нарисованное в восполнение утраченной подвижной гравюры к теме III в ОР. Нюрнберг, 1698. Библиотека Гейдельбергского университета. Фото автора

действия в столбик. Это черновые упражнения в письме разного рода: поминальная запись горемыки-школяра «орбис пиктус суворов дали (нрзб 2–3 слова). помяни смертный час беспрестанно... непрестанно не будь», теолого-философский афоризм из первой темы ОР «Бог есть сам о(т?) себя [сам особа?]

В аналогичной немецкой фразе тут же — *selbahr*, хотя в печатном варианте — *selber*. Среди упражнений и фраза из письмовника, учебный образец некоей составляемой бумаги «мой вельми почтенный Господин, понеже я днесь не могу оставить вашей милости». Внутри книги записей и подписей под картинками нет. Возможно, данный экземпляр принадлежал Петру Суворову, учившемуся в «немецких школах» с 1709 по 1712 гг.

Четвертый экземпляр из той же группы изданий сохранился в собрании НБ МГУ, хотя ранее принадлежал той же Библиотеке Московской Синодальной типографии. На переднем припереплетном листе по краю обклейки переплета сверху имеется запись «сия книга». На форзаце немецкие и русские строчки по очереди — вероятно, упражнения в письме или быстром переводе. Плохо читающаяся владельческая запись может быть расшифрована как «Янь Фалинь(?)», но такой ученик по спискам школ Глюка и его преемников пока не найден.

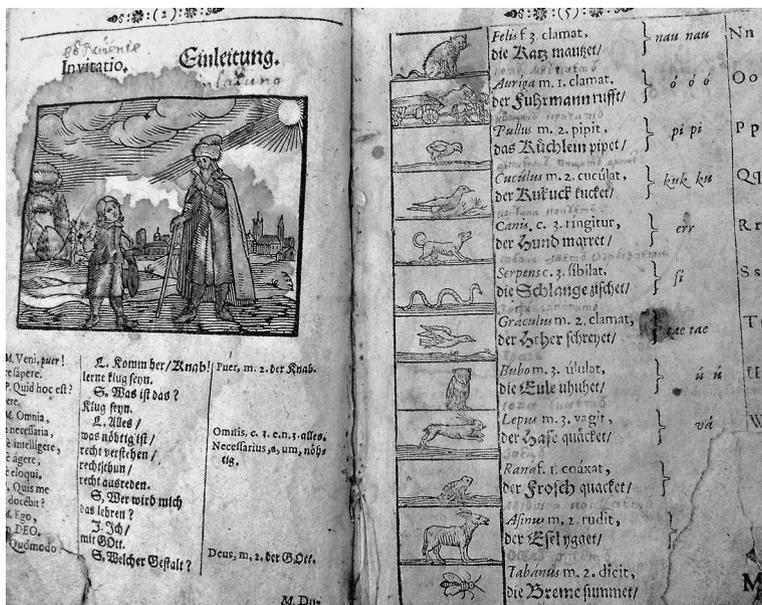
Собрание НБ МГУ включает также другое издание ОР, не имеющее титула, но изданное, по-видимому, между 1678 г. и 1698 г. (шифр 10СН6). Помимо иллюстрации к теме III в нем сделаны подписи под картинками ко многим из заголовков тем аналогично БМСТ 2010 и 2014, но переводчик в данном случае опирался из двух языков больше на латынь, а не на немецкий. Владычешская запись сделана по-немецки, но включена в латинскую фразу (“Ex numero librorum Mich. Poroff”). Так же, как и Яна Фалина, Михаила Попова пока не удалось обнаружить в перечнях учеников «немецких школ» Глюка и его последователей.

Сопоставление подписей под картинками трех изданий из РГАДА и НБ МГУ (см. табл.1) показывает и текущую лексику, и «зоны интереса» российских учащихся, и, наоборот, «зоны неразличения», полного или частичного отсутствия явных эквивалентов. Подписи к темам/рисункам распределяются по-разному — от наличия подписей во всех трех экземплярах до «нулевого варианта», когда ни один из трех российских учеников не считал нужным вписать русское слово над или под картинкой соответствующей темы ОР. В одном из случаев мы наблюдаем явное переписывание подписей под темами из одного экземпляра (ныне, вероятно, утраченного) в другой, сохранившийся (ученик ошибся, листая образец и вписав по ошибке русское название в соседнюю тему, к которой подписи в прототипе не было, стер написанное и вписал там, где требовалось). Исследовавший экземпляры РГАДА А. А. Чума полагал, что русские подписи могли ставиться к тем темам, которые обсуждались учителем или задавались ученикам [Чума, 1970, с. 41]. Если допустить, что так и было, тогда русские подписи к рисункам эквивалентны отчеркиваниям и комментариям, делавшимся в экземплярах, которые применялись в школах разных стран учениками, для которых один из языков ОР был родным. Однако русские подписи могут иметь самые разные иные причины своего появления либо отсутствия. Те или иные слова-эквиваленты могли быть неизвестны школьным учителям-иностранцам (птицы, рыбы, производство меда и т. п.), быть табуированными либо вовсе отсутствовать в языке⁵³.

Заголовков, для которых все три экземпляра предлагают русские рукописные глоссы (тождественные или различные), насчитывается 38, не глоссированными остаются 46 тем. Для оставшихся 66 заголовков глоссы встречаются в одном или двух экземплярах. Подписи к заглавиям распределены неравномерно. Наибольшая плотность заголовков, глоссированных во всех трех экземплярах,

приходится на тематические группы о занятиях людей, о доме и его устройстве, о письменной культуре, книге, школе и науках (хотя, например, понятие «кабинета, музеума» русскому человеку того времени совсем непонятно и не вызывает никакого движения в ассоциациях и мыслях). Во всех экземплярах отсутствуют русские соответствия для разделов, посвященных описанию религий, половина из абстрактных добродетелей (примечательно отсутствие подписей к «трудолюбию», «умеренности», «человечности», «щедрости» и, в целом, «этике» при единственном заголовке, глоссированном во всех трех экземплярах — «мудрость/ prudentia/die Klugheit», что отражает, по-видимому, ментальную значимость и популярность этой категории, стягивающей на себя различные концепты). Оставлена без подписей часть разделов, классифицирующих животных. В человеке оказались непонятны «сосуды и кости», «мясо и внутренности». Вообще, внутреннее устройство индивида отражено в сознании русских учеников нач. XVIII в. еще слабо, многие «детали» тела и чувственного мира непроговорены по-русски. Учащимся неясно также, что такое «машины» и «рудник» (не зря, вероятно, в то же самое время посылают уже слегка подучившихся отроков и юношей учиться горному делу и рудознанию в Европу). «Торговля», «меры и весы», «грузовой корабль» и «земной шар» также оказались вне внимания «разъяснителей-толмачей» школьной скамьи. Молодые ученики, вероятно, еще не помышляют о «брачном» и «семейном союзе», о «родословном древе». Некоторые слова они изобрели практически «на ходу», что видно по неуверенным подписям к темам «плавание» и «детский («робяческий») возраст». Расшифрованные и сведенные в единую таблицу подписи могут быть подвергнуты и более детальному анализу, который сможет дать и другие интересные и еще более тонкие наблюдения. На фоне печатного издания без иллюстраций 1768 г. такие подписи под картинками немецко-латинских изданий ОР 1690-х гг. приобретают особую значимость для дальнейших штудий.

В начале ОР, сразу вслед за введением, помещена т. н. «звучащая азбука» — таблица, в которой на каждую букву латинского алфавита приведен рисунок животного, человека или действия, которые издадут звук, фонетически связанный с той или иной буквой [Фиялковский, 2017]. Экземпляр ОР из НБ МГУ под шифром 10СН6 смог показать, какие именно звуки издавали герои картинок по-русски и какие опирающиеся на них слова счел нужным закрепить за ними

Илл.13. Страницы «звучащего алфавита» из латино-немецкого издания ОР 1670–1690-х гг., хранящегося в НИИОРК НБ МГУ, с вписанным русским переводом двусловных латинских и немецких фраз. Фото автора

переводящий латинские и немецкие фразы ученик. Сохранилась лишь вторая половина подписей к «звучащему алфавиту» — начиная с буквы N, “Felis clamat: nau, nau. N n. die Katz mautzet”, к которой сделана рукописная подпись на русском «котъ мяукаетъ». Мы узнаем, что «кокушка кокует. собака лает огрызается. змей свистит... сова укает» и т.д. По двум животным — грачу и зайцу — переводчик затруднился найти русский эквивалент слов, обозначающих издаваемые ими звуки на латыни и немецком (Илл. 13).

Данный фрагмент перевода «звучащего алфавита» можно сопоставить с полными рукописными переводами, хранящимися в Санкт-Петербурге и Праге (табл. 2). Рукописный перевод алфавитных фраз в печатном издании и нередкие раскраски миниатюр животных и людей, помещенных рядом с буквами, записью звуков и короткими фразами, выявляют интерес к этой части учебника Коменского. Внимание к переводу «звучащего алфавита» показывает, что эта часть пособия активно использовалась в учебном процессе и потому была актуальна для перевода на родную речь обучающихся, еще не вполне знакомых ни с латынью, ни с немецким.

Сценки с животными, людьми, природными явлениями, простые, состоящие из двух слов, фразы о них, были явно привлекательны на школьном уровне применения ОР.

Полные и сокращенные переводы 1768 г. и последующих годов, сначала подготовленные для более «продвинутых» университетских/академических гимназий, а затем предложенные широкому классу «народных училищ», в силу своего характера пособий «пост-элементарного» уровня не содержали ни рисунков, ни фраз «звучащего алфавита». Однако ничего не говорится о том, почему в издании образовались подобные лакуны, в отличие от причин отсутствия гравюр к темам, в полных изданиях ОР 1768 г. и 1788 г. Можно предполагать, что такое решение тех, кто готовил книгу к изданию, связано с тем, что данное пособие было ориентировано на уровень обучения, когда алфавит уже давно пройден, а ОР в качестве тематического словаря-энциклопедического разговорника применялся в рамках отдельного, уже «послеазбучного» курса. Вероятно, в российских условиях постижение латинского алфавита, лежащего в «основаниях» языков, изучаемых по ОР, требовало больше времени и сил, чем в немецкоязычном регионе. Нюрнбергское четырехязычное издание-прототип 1755 г. содержит «звучащий алфавит», т. к. планировалось применять книги в самом начале всего обучения. При картинках помещены фразы на немецком и латыни, а затем на отдельных страницах, уже без повторения картинок — соответствующие фразы на итальянском и французском языках. Пяти- и трехязычные русские издания такого раздела не содержат в принципе, поскольку переход от изучения букв к чтению иностранных слов на русской почве сильно отстоял от обучения чтению кириллицы. «Звучащий алфавит» на основе славянского/русского алфавитов еще не был к тому времени изобретен или опробован, поэтому, вероятно, его применение и в качестве ключа к латинским буквам было отвергнуто.

Итак, с 1768 г. начинается история существования в России полного печатного перевода ОР. Первый период бытования этой книги ознаменован двадцатилетием существования ОР без иллюстраций (1768–1788 гг.). Видимый мир «осветлялся» с помощью чтения тематических текстов — мини-путеводителей. С 1788 г. и до 1822 г. полный пятиязычный вариант без иллюстраций существует в учебной практике параллельно с сокращенной иллюстрированной версией: два варианта с картинками по 80 темам вместо 150, с включением либо даже исключением латыни как основы ОР (гравюры,

латынь, перечень тем и слов — это три основы ОР). Второй период завершается, по-видимому, моментом, связанным «с изменением значения латинского языка, приобретения им роли одного из многих предметов» [Посохова, 2016, с. 265], то есть уходом латыни из сферы живого полилингвального общения и культурной коммуникации. В связи с тем, что латынь утратила статус языка межкультурного общения, на который она претендовала в России, начиная примерно с 1710-х гг., уходит со сцены и сам ОР. До середины 1820-х гг. немецкий язык играет роль посредника между русским и латынью в получении ориентированного на Европу нового типа образования. Он доминирует в такой роли в 1710–1720-е гг. и «работает» наряду с французским в 1730–1750-е гг. ОР как детище немецкоязычных типографов помог соединить культуры и страны. Пяти- и трехязычные издания ОР завершаются 1822 г. Третьего периода в жизни российского ОР как практического учебника не наступает.

Последующее влияние ОР на учебную литературу в России проявлялось в других учебных изданиях, испытавших на себе воздействие дидактических принципов, подходов, приемов, инструментов, элементов из пособий Коменского. Различные «азбуки в картинках», «азбуки из разносчиков», «новые русские азбуки с картинками», «живописные азбуки» [Ромашина, 2017], книги для чтения, различные альбомы, «миры», би- и трилингвальные учебники, словари и т. д., не связанные с Коменским напрямую, тем не менее, продолжают по сей день его наследие.

Таблица 1

Подписи на русском к изображениям в изданиях ОР конца 1690-х гг.

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (ориент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (ориент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ10СН6 (ориент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е – 1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ	Современное русское издание 1957 г.
I	Invitatio	Einleitung			возрошение (?)	Введение
II	Deus	Gott			Богъ	Бог
III	Mundus	Die Welt			светъ	Мир
IV	Coelum	Der Himmel			небо	Небо
V	Ignis	Das Feuer			огнь	Огонь
VI	Aër	Die Luft			воздух	Воздух
VII	Aqua	Das Wasser			вода	Вода
VIII	Nubes	Die Wolcke			облакъ	Облака
IX	Terra-Foetis	Die Erde <i>Erdgewächse</i>			земля	Земля
X	<i>Metalla</i>	<i>Die Metalle</i>				<i>Произведения земли</i>
XI	Lapides	Die Steine			каменья	<i>Металлы</i>
XII	Arbor	Der Baum			древцо	Камни
XIII	Fructus arborum	Die Baumfruchte			овощъ з дровь	Дерево
XIV	Flores	Die Blumen	Цветы		цветы	Древесные плоды
XV	Olera	Garten=Fruchte				Цветы
XVI	Fruges	Geträid/oder Feld= Fruchte			огород хлебъ	Овощи
XVII	<i>Frutices</i>	<i>Die Sträucher/ oder Stauden</i>				Хлеба
XVIII	<i>Animalia et primum Aves</i>	<i>Die Thiere. Und ersittlich Die Vögel</i>				<i>Кусты</i>
						<i>Одушевленные и прежде всего птицы</i>

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НБМГУ/ОСНб «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
XIX	<i>Aves domesticae</i>	Haus=Geflügel		Домовья птицы		Домашние птицы
XX	<i>Oscines</i>	Gesang=Vögel	певчая птицы			Певчие птицы
XXI	<i>Aves campêtres sylvestres</i>	Feld=und Wald=Geflügel				Полевые лесные птицы
XXII	<i>Aves Rapaces</i>	Raub=Vögel				Хищные птицы
XXIII	<i>Aves aquaticae</i>	Wasser=Geflügel				Военные птицы
XXIV	<i>Insecta volantia</i>	Fliegend ungeziefer				Летающие насекомые
XXV	<i>Quadrupedia et primum domestica</i>	Vierrfüßige Thiere/und erslich Die Haus=Thiere				Четвероногие и прежде всего домашние животные
XXXVI	<i>Pecora</i>	Heerd=Bieh				Скот
XXXVII	<i>Jumenta</i>	Last=Bieh				Вьючные животные
XXXVIII	<i>Ferae pecudes</i>	Wild=Bieh				Дикий скот
XXXIX	<i>Ferae bestiae</i>	Wilde Thiere				Дикие звери
XXX	<i>Serpentes et reptilia</i>	Schlangen und Gewürme				Змеи и другие пресмыкающиеся
XXXI	<i>Insecta repentia</i>	Kriechend ungeziefer				Ползающие насекомые
XXXII	<i>Amphibia</i>	Beudg[e]bige Thiere				Амфибии (зменоводные)
XXXIII	<i>Pisces fluviatiles et lacustres</i>	Fluß=und Weiher=Fische				Речные и озерные рыбы

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ'ОСН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мiръ совестительныхъ в лицахъ	Современное русское издание 1957 г.
XXXIV	Marni oisecs et concbae	Meerfische und Muschel				Морские рыбы и раковины
XXXV	Homo	Der Mensch			члвкъ	Человек
XXXVI	Septem actates hominis	Die sieben Alter des Menschen			семь вековъ человека	Семь возрастов человека
XXXVII	Membra hominis externa	Die äusserliche Glieder des Menschen			члѣны внешняя человека	Внешние органы человеческого тела
XXXVIII	Caput et Manûs	Haupt und Hände			голова и руки	Голова и руки
XXXIX	Caro et viscera	Fleisch und Ingeveid				Мясо
XL	Canales et ossa	Das Geäder und Gebeine				и внутренности
XLII	Sensûs externi et interni	Äusserliche und innerliche Sinnen		Смысла наружная и внутренняя		Сосуды и кости
XLII	Anima hominis	Die Seele des Menschen		Душа человеческая	Душа человеческая	Внешние и внутренние чувства Душа человека
XLIII	Deformes et Monstrosi	Ungestalte und Mißgeburten		Непригодная и уродливая уроды	безобразные и уроды	Уроды и чудовища
XLIV	Hortorum cultura	Die Gärtnerey		Огородно дело	вертоград	Садоводство
XLV	Agricultura	Der Feldbau		Земленое дело		Земледелие
XLVI	Pecuaria	Die Viehzucht			скотопаст(ь)во	Скотоводство

Продолжение табл. 1

XLVII	Латинское название <i>Mellificium</i>	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г. <i>Der Hönig=Bau</i>	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ	Современное русское издание 1957 г. <i>Как произво- дится мед</i>
XLVIII	Molitura	Das Møhlwerk	мелное дело	мелное дело	молоде	Помол муки
XLIX	Ranificium	Die Brodback	хлебо печение	хлебное печение	припекничество (припекничество) (?)	Хлебпечение
L	Piscatio	Die Fischery	рыболовение	рыболовения	рыболовение	Рыбная ловля
LI	Auscipium	Der Vogelsang			ловление птицъ	Птицеловство
LII	Venatus	Die Jagt	Гонба	Ганба	ловление зверей	Охота
LIII	Lantonia	Die Fleischhack			почти целиком под нем с неб. сдвигом к лат вписано «скота [или «о»] бойство»	Мясное дело
LIV	Coquinaria	Das Kochwerk			поварничество	Поваренное дело
LV	Vindemia	Die Weinlese			виноимание	Сбор винограда
LVI	Zythoroecia	Die Bierbrau	пивоварение	Пивоварение	пивоварение	Пивоварение
LVII	Convivium	Die Mahlzeit	пир	пир	пиръ	Пир
LVIII	Tractatio lini	Flachs=Arbeite	ленное дело	ленное дело		Обработка льна
LIX	Textura	Das Gewebe	тканье	Тканье	Тканье	Тканье
LX	Lintea	Die Leinwat			Портмоя	Полотно
LXI	Sartor	Der Schneider	портной	Портной	швечество	Портной
LXII	Sutor	Der Schuster	сапожник	Сапожник		Сапожник
LXIII	Faber lignarius	Der Zimmermann			плотникъ	Плотник
LXIV	Faber murarius	Der Mäurer	каменщикъ	каменщик	печник	Каменщик

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НБМГУ10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мiръ совестительныхъ в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
LXV	<i>Machinae</i>	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г. <i>Gewerck=Zeng</i>				<i>Машины (снаряды)</i>
LXVI	<i>Domus</i>	<i>Das Haus</i>	Домъ	дом	домъ	Дом
LXVII	<i>Metallfodina</i>	<i>Die Erzgrube</i>				<i>Рудник</i>
LXVIII	<i>Faber Ferrarius</i>	<i>Der Schmied</i>	Кузнецъ	Кузнец	кузнецъ	Кузнец
LXIX	<i>Scrinarius et Tornator</i>	<i>Der Schreiner und Drechsler</i>	Сталар и та (?) каръ	Столяр и тукаръ	столяр и токар	Столяр и токаръ
LXX	<i>Figulus</i>	<i>Der Döpffer</i>	Горшешникъ	Горшочник	Горшешник	Гончар
LXXI	<i>Partes domûs</i>	<i>Die Haus=Gernâcher</i>	основание дома	основание дома	части дома	Части дома
LXXII	<i>Hurocaustum cum Dormitorio</i>	<i>Die Stube und Kammer</i>	Изба и коморка	Изба и каморка	храмина, слотниязя (?)	Теплая комната и спальня
LXXIII	<i>Putei</i>	<i>Die Schöpfbrunnen</i>			кладязи	Колодецы
LXXIV	<i>Balneum</i>	<i>Das Bad</i>	баня	Баня	мыгья	Баня
LXXV	<i>Tonstrina</i>	<i>Die Barbiertube</i>	стригальная изба	Стригальная изба	власобритге	Цирюльня
LXXVI	<i>Equile</i>	<i>Der Pferd stall</i>	Стоило	Стоило	конюшня	Конюшня
LXXVII	<i>Horologia</i>	<i>Uhrwercke</i>	часовое дело	Часовое дело	часы	Часы
LXXVIII	<i>Pictura</i>	<i>Die Mahlerey</i>	Малярство	малярство	изотграфство	Живопись
LXXIX	<i>Specularia</i>	<i>Besicht=Bläser</i>			окулярство	Зеркала и оптические стекла
LXXX	<i>Victor</i>	<i>Der Böttcher</i>	обручникъ	обручник	бочкаръ	Бочар

Продолжение табл. 1

Номер главы LXXXI	Латинское название Restio et Iorgarius	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г. Seifer und Reiner	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г. веревонник и канатчик [ошибка перевода, надо: «канатчик и шорник»]	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г. веревонник и канатчик [место «канатчик и шорник», на картинке именно шорник изображен; либо авторы подписей двух рассматриваемых изданий списывали с неизвестного третьего, либо друг у друга, с учетом, что в экземпляре 2014 это явно делал не один человек, а как минимум двое]	НБМГУ10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е – 1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ	Современное русское издание 1957 г. Веревонник и шорник
LXXXII	Viator	Der Wandersmann			путешественник	Путник
LXXXIII	Eques	Das Reuter	вершник [не «вестник», возможно — «верстник»]	вершник [в этот экземпляр русские надписи вносились из другого. Вряд ли из 2010, хотя исключать это нельзя. Переписывание шло, по крайней мере, с этого места по 228-ю страницу, потом большой пробел до темы «Сула» на с.256. Доказательство того, что подписывавший не придумывал — по крайней мере, большинство из надписей — как раз тут: он по ошибке написал сначала «вершник» к LXXXIV Vehicula. Die Wagen в следующей теме на с. 172, потом заметил ошибку — стер запись на с. 172 и внес ее на с. 170]	Копей ч (с?) игер (?)	Всадник

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е – 1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
LXXXIV	<i>Vehicula</i>	<i>Die Wagen</i>				<i>Повозки</i>
LXXXV	<i>Vectura</i>	<i>Das Fuhrwerk</i>			извозничество	Езда
LXXXVI	<i>Transitus aquarum</i>	<i>Die Uberfuhr</i>	Перевоз	Перевоз	водотопдание (?) [водой ездание?]	Переездание по водам
LXXXVII	<i>Natatus</i>	<i>Das Schwimmen</i>	Плавание [слово выписано тщательнее многих других — вероятно, новое/необычное для писца]	плавание	плавание	плавание
LXXXIIX	<i>Navis actualia</i>	<i>Das Ruderschiff</i>	катарга (от греч. <i>katergon</i> — галера)	Каторга		Быстроходный корабль
LXXXIIX	<i>Navis operaria</i>					<i>Грузовой тарбаль</i>
XC	<i>Naufragium</i>	<i>Der Schiffbruch</i>	Потружение корабля	Потружения корабля	кораблекрушение	Кораблекрушение
XCI	<i>Ars Scriptoria</i>	<i>Die Schreibkunst</i>	писательное художество	писательное художество	наука писания	Искусство письма
XCI	<i>Papyrus</i>	<i>Das Papur</i>	Бумага	Бумаги	бумага	Бумага
XCI	<i>Turographia</i>	<i>Die Buchdruckerey</i>	книго печатие	Книго печатие	дом печатный	Типография
XCI	<i>Viblorolum</i>	<i>Buchladen</i>	Книго Продажная	Книго продание	книгохранительница (книгохранительница?) [слетное непонимание, что такое книжная торговля?]	Книжная лавка

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мiръ совестительныхъ в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
XCv	Bibliopagus	Der Buchbinder	Перелетчикъ	Перелетчик	перетья... (с/ст/ст?) чество	Перелетчик
XCvI	Liber	Das Buch	Книга	Книга	книга	Книга
XCvII	Schola	Die Schul	Школа	Школа	школа	Школа
XCvIII	Muséum	Das Kunstinzimmer				<i>Кабинет</i>
XCIX	Artes sermonis	Red=Künste			наука части (?/зачеркнуто?) слова	Искусства речи
C	Instrumenta musica	Klangspiele			орудия мусикийская	Музыкальные инструменты
CI	Philosophia	Die Weltweisheit	Премудрость мира	мудрость мира	философия	Философия
CI	Geometria	Die Erdmesskunst	Геометрия	Геометрия	землемерие	Геометрия
CI	Sphaera coelestis	Die Himmels = =Kugel	Небесное надро	Небесное ядро	сфера небная	Небесная сфера
CIv	Planetarium adspectus	Planeten = =Stellungen	Уставление планеть	Уставлен [и] я планет	рядоположение планет	Положение планет
CV	Phases Lunae	Desmonds Gestalten	образ луны	образ луны	знаки луны	Фазы Луны
CVI	Eclipses	Sonn-und Mond= =Finstermissen	Солнце ии Луна Тма	Солнце ии луна тма	умаление луны	Затмения
CVII	<i>Sphaera terrestris/ Globi terrestris Hemisphaerium superius/inferius</i>	<i>Der Erdkugel Ober Fläche/ Unterfläche</i>				<i>Земной шар</i>
CVIII	Europa	Europa	Европа	Европа		Европа

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (ориг. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (ориг. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ10СН6 (ориг. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е – 1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
CIX	<i>Ethica</i>	<i>Die Sittenlehre</i>	Мудрость	мудрость	мудрость	<i>Этика</i>
CX	<i>Prudentia</i>	<i>Die Klugheit</i>	Мудрость	мудрость	мудрость	Мудрость
CXI	<i>Sedulitas</i>	<i>Die Aempffigkeit</i>				<i>Трудолюбие</i>
CXII	<i>Temperantia</i>	<i>Die Mässigkeit</i>				<i>Умеренность</i>
CXIII	<i>Fortitudo</i>	<i>Die Starckmüdigkeit oder Dapfferkeit</i>	богатство или смелость			Мужество
CXIV	<i>Patientia</i>	<i>Die Gedult</i>	терпение			Терпение
CXV	<i>Humanitas</i>	<i>Die Leuseeligkeit</i>				<i>Человечность</i>
CXVI	<i>Justitia</i>	<i>Die Gerechtigkeit</i>	Правда			Справедливость
CXVII	<i>Liberalitas</i>	<i>Die Mildigkeit (benicano)</i>				<i>Щедрость</i>
CXIX	<i>Societas conjugalis</i>	<i>Der Ehestand</i>				<i>Брачный союз</i>
CXIX	<i>Arbor consanguinitatis</i>	<i>Der Sippschaftbaum</i>				<i>Родословное дерево</i>
CXX	<i>Societas parental</i>	<i>Der Eltern Stand</i>				<i>Семейный союз</i>
CXXI	<i>Societas herilis</i>	<i>Die Herrschaft</i>	Гельд-ство («Господство, Государство», владение [хозяйством]?)			Хозяйственный союз

Продолжение табл. 1

Номер главы	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (ориент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (ориент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НБМГУ'10СН6 (ориент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е – 1690-е гг. Мирь совестительныхъ в лицахъ 1957 г.
CXXII	Urbs	Die Stadt	Градъ		Город
CXXIII	Interiora urbis	Das innwendige der Stadt	внутри града		Внутренность города
CXXIV	Judicium	Das Gericht	Суд	Суд	Суд
CXXV	Supplicia	Die Leibstraffen			Казни преступников
CXXVI	Maleficorium	Überthäter			Торговля
	Mercatura	Die			
CXXVII	Mensurae et pondera	Kaufmannschafft			Меры и весы
CXXVIII	Ars Medica	Maß und Gewichte			Медицина
		Die Arzney=Kunst	абтекарское [абтекарское] художество		
CXXIX	Sepultura	Die Begräbniß	Погребение	Погребение	Погребение
CXXX	Ludus scenicus	Das Schauspiele	Позор		Спектакль
CXXXI	Praestigiae	Die Gauckeley	камелеры/камелдира (?)		Фокусы
CXXXII	Palaestra	Die Fechtschul	школа шурмованная [шурмованние=фехтование пашкой]		Площадка для гимнастики
CXXXIII	Ludus pilae	Das Ballspiel	Мяче Играние		Игра в мяч
CXXXIV	Ludus a leae	Das Bretspiel	Тавлей		Игра случая
		(игра на доске)			

Продолжение табл. 1

СXXXV	Латинское название	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (оригент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (оригент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.	НВМГУ'10СН6 (оригент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мирь соответствующих в лицахъ 1957 г.	Современное русское издание 1957 г.
	Cursus certamina	Lausspiel	Бегание			Состязания в беге
СXXXVI	Ludi puerilis	Kinderspiele	робяческая игра» [писец конструировал первое слово прямо при написании]			Детские игры
СXXXVII	Regnum et regio	Das Reich und Die Landschaft	Царство и земля			Государство и страна
СXXXVIII	Regia majestas	Die Königliche Majestät	Царское величество			Королевское величие
СXXXIX	Miles					Воин
СXL	Castra	Das Feldlager	Полевое ополчение [опорчение?, от «опора»]			Лагерь
СXLI	Acies et praelium	Die Schlachordnung und Feldschlacht				Боевой строй и сражение
СXLII	Pugna navalis	Das See= Treffen				Морской бой
СXLIII	Obsidium urbis	Die Stadt=Belagerung				Осада города

Продолжение табл. 1

					НВМГУ'10СН6 (ориент. на лат.) «Мих. Попов» 1670-е –1690-е гг. Мирь соответствующих в лицах	Современное русское издание 1957 г.
CXLIV	Латинское на- звание	Немецкое название по нюрнбергскому изданию 1698 г.	БМСТ 2010 (ориент. на нем.) «Иван Хрущовъ» 1698 г.	БМСТ 2014 (ориент. на нем.) «Борис Малеевъ» 1698 г.		<i>Religia</i>
CXLV	<i>Religio</i>	<i>Der Gottesdienst</i>				<i>Язычество</i>
CXLVI	<i>Gentilismus</i>	<i>Das Heydenthum</i>				<i>Иудейство</i>
CXLVII	<i>Judaismus</i>	<i>Das Judenthum</i>				<i>Христианство</i>
CXLVIII	<i>Christianismus</i>	<i>Das Christenthum</i>				<i>Магометанство</i>
CXLIX	<i>Mahometismus</i>	<i>Der Mahometische Glaube</i>				<i>Провидение Божье</i>
CL	<i>Providentia Dei</i>	<i>Die Vorsehung Gottes</i>				<i>Последний Суд</i>
	<i>Judicium Extremum Clausula</i>	<i>Das Jüngste Gericht Beschluß</i>				<i>Заключение</i>

Таблица 2

“Voces variae animantium” OP в русских вариантах

Lucidarium, 1653	Comix cornicatur	а à А а	Orbis pictus 1658/1698	Orbis pictus 1678–1698 Нем. НБ МГУ	ОР 1678–1698 НБ МГУ перевод конца XVII – нач. XVIII в.	ОР БАН РАН Отдел рукописей, MS IX.E.41 1710–1720-е гг.	ОР Современ. рус. пер. 1957
Comix cornicatur	Comix cornicatur	а à А а	Die Krähe krechtzet	The <i>Crow</i> crieth	Ворона кракает	Ворона кракает	Ворона каркает
Agnus balat	Agnus/ Ovis balat	b è è В в	Das Schaf blöcket	The <i>Lamb</i> blaiteth	Овца блесть	Овца блесть	Овца блест
Cicada stridet	Cicada stridet	сi c С с	Der Heuschreck zitschert	The <i>Grasshopper</i> chirpeth	Кузнечик куеть	Кузнечик куеть	Кузнечик стрекочет
Uupupa dicit	Uupupa dicit	du du D d	Der Widhopf rufft	The <i>Widhopf</i> sath	Удоль дуеть	Удоль дуеть	Удоль дудит
Infans ejulat	Infans ejulat	è è è Е е	Das Kind wennert	The <i>Infant</i> crieth	Младенец планеть	Младенец планеть	Ребенок планет
Ventus flat	Ventus flat	fi fi F f	Das Wind wehet	The <i>Wind</i> bloweth	Ветерь весьть	Ветерь весьть	Ветер дует
Anser gingrit	Anser gingrit	ga ga G g	Die Gans gackert	The <i>Goose</i> gagleth	Гусь гогочеть	Гусь гогочеть	Гусь гогочет
Vapor halat	Os halat	hà'h há'h H h	Der Mund hauchet	The <i>Mouth</i> breatheth	Ротъ дыхаеть	Ротъ дыхаеть	Рот дышит

Продолжение табл. 2

Lucidarium, 1653	Mus minrit	Буква i i i I i	Orbis pictus 1658/1698	Orbis pictus 1678–1698 Нем. НБ МГУ	Orbis pictus Tr. С. Hoole 1659	ОР 1678–1698 НБ МГУ перевод конца XVII – нач. XVIII в.	ОР БАН РАН Отдел рукописей, основное собрание 1.2.1, нач. XVIII в.	ОР Prague Nat. mus. bibl. MS IX.E.41 1710–1720-е гг.	ОР Современ. рус. пер. 1957
Mus minrit	Mus minrit	i i i I i	Die Maus pfpfert	The <i>Mouse</i> chirpeth	Мышь пищит	Мышь пищит	Мышь пищит	Мышь пищит	Мышь пищит
Anas tetrinnit	Anas tetrinnit	kha, kha K k	Die Ente schmacket	The <i>Duck</i> quaketh	Утка крикает (квякает?)	Утка крикает (квякает?)	Утка квакает	Утка квакает	Утка крикает
Lupus ululat	Lupus ululat	lu ulu L l	Der Wolff heulet	The <i>Wolf</i> howleth	Волкъ воеть	Волкъ воеть	Волкъ воеть	Волкъ воеть	Волкъ воет
Ursus murmurat	Ursus murmurat	mum mum M m	Der Bär brummet	The <i>Bear</i> grumbleth	Медведь реветь	Медведь реветь	Медведь реветь	Медведь реветь	Медведь ворчит
Felis clamat	Felis clamat	nau nau N n	die Katz mauzet	The <i>Cat</i> crieth	Кошка мяучеть	Кошка мяучеть	Кошка мяучеть	Кошка мяучеть	Кошка мяукает
Auriga sistens equos clamat	Auriga clamat	ò ò ò O o	der Fuhrmann rufft	The <i>Carter</i> ereth	Извозчик кричит, свистит	Извозчик кричит, свистит	Извозчик кричит, швышит	Извозчик кричит, швышит	Возник потоняет
Pullus pipit	Pullus pipit	pi pi P p	das Kitchlein pipet	The <i>Chicken</i> reepeth	Цыпленок пищит, дрищит (?)	Цыпленок пищит	Цыпленок пищит	Цыпленок пищит	Цыпленок пищит

Продолжение табл. 2

Lucidarium, 1653	Orbis pictus 1658/1698	Буква	Orbis pictus 1678–1698 Нем. НБ МГУ	Orbis pictus Tr. С. Hoole 1659	ОР 1678–1698 НБ МГУ перевод конца XVII – нач. XVIII в.	ОР БАН РАН Отдел рукописей, MS IX.E.41 1710–1720-е гг.	ОР Современ. рус. пер. 1957
Cuculus cuculat	Cuculus cuculat	кук ku Q q	der Kuckuck kuckuet	The <i>cuckow</i> singeth	кокушка кокуеть	Кокушка кокует	Кукушка кукует
Canis ringitur	Canis ringitur	err R r	der Hund marret	The <i>dog</i> grinneth	собака лаеть отрыгается	Собака ворчить	Собака рычит
Serpens sibilat	Serpens sibilat	si S s	die Schlange zischet	The <i>Serpent</i> hisseth	змей свистит	Змея шипить	Змея шипит
Graculus volans clamat	Graculus clamat	tac tac T t	der Heher schreyet	The <i>Jay</i> crieth	грачь	Сова кричить	Галка кричит
Bubo ululat	Bubo ululat	ù ù U u	die Eule uhuhet	The <i>Ow</i> /hootheth	сова укаеть	Сова торрарычать	Сова угукает
Lepus vagit	Lepus vagit	va W w	der Hase quäcket	The <i>Hare</i> squeaketh	заепть	Заепть кувакаеть	Заяц плячет
Rana coaxat	Rana coaxat	coax X x	der Frosch quacked	The <i>Frog</i> croaketh	лягушка квакаеть	Лягушка спрячать	Лягушка квкает
Asinus rudit	Asinus rudit	y y Y y	der Esel ygaet	The <i>Asse</i> brayeth	осель реветь	Осель ичеть	Осел кричит
Tabanus volitans dicit	Tabanus dicit	ds ds Z z	die Breme summet	The <i>Breeze</i> or Horse-flie saith	оса бронниц (?)	Ободь пищить	Овод жужит

Источники

Comenius Joh.-Amos. Joh.-Amos Comenii orbis sensualium pictus... Die sichtbare Welt. Noribergae, sumt.Mich.et Joh.Friderici Enderi, 1698.

Joh.-Amos Comenii Eruditionis scholasticae janua, Rerum & Linguarum structuram externam exhibens; ab Autore novissime adornata, atqve hac edition figures aeneis illustrate, quarum usus etiam in Atrio esse posit. Schaffhusii, impensis Johann. Caspari Suteri, 1656

Joh.-Am. Comenii Orbis sensualium pictus... Noribergae, sumt.Mich.et Joh.Friderici Enderi, 1682.

Joh.-Amos Comenii Orbis Sensualium Picti Pars Prima. Hoc est: Omnium fundamentalium in mundo rerum, & in vita actionum, Pictura & Nomenclatura. Editio auctior & emendatior, cum Titulorum juxta atque Vocabulorum Indice. = Die sichtbaren Welt Erster Theil. Das ist: Aller vornehmsten Welt-Dinge, und Lebens-Verrichtungen, Vorbildung und Benahung. Aufs neue aufgelegt, an vielen Orten, neben einem Titel- und Wörter-Register verbessert; auch mit ganz neuen, schönern und deutlicern Figuren, versehen. — Editio auctior & emendatior, cum Titulorum juxta atque Vocabulorum Indice. Noribergae, 1732.

Sinold von Schütz, Philipp Balthasar (Hrsg.). Die europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. Der 35. Theil. Leipzig, 1714 (repr. 1705, 1708).

Wolke С. Н. Сто эстампов господином Даниилом Ходовицким начертанных к облегчению и приятному упражнению в языках в науках, с описанием французским, немецким и латинским. Ч. 1–2. St. Petersburg, 1789.

Белокуров С. А. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в. (1701–1715 гг.): Документы моск. арх., собр. С. А. Белокуровым и А. Н. Зерцаловым / с предисл. С. А. Белокурова. М., 1907.

[*Вольке Х. Г.*] Сто шестьдесят эстампов с описанием оных к удовольствию и к пользе юношества, охотно смотрящего на изображения и охотно понимающего то, что понимать не трудно. СПб. : Сухопутный шляхетский корпус, 1785.

Гражданская типография Киприановых // Российский архив, Том IX. М., 1999.

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Изд. подг. Н. А. Пенчко. Т. 1: 1756–1764. М., 1960.

Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3: 1767–1786. Сост. и подг. Н. А. Пенчко. М. : Изд-во МГУ, 1963.

Иоанна Амоса Комения Видимый свет на латинском, русском, немецком, италийском и французском языках представлен, или Краткое введение, которым изъясняется, что обучающемуся юношеству лехким способом не только языку, разумным упражнением, но также и вещи достойныя знания самонужнейшия должны быть вперены: Изо ста пятидесяти одной главы состоящее, из которых каждая вместо надписи и содержания из Священнаго Писания взятым свидетельством означена, и с реестром самых нужнейших российских слов, которой вместо лексикона для употребления российского юношества служить имеет, место на пяти языках дополнить может, изданное. [М.], 1768.

История Московского университета (вторая половина XVIII-начало XIX века). Сб. документов. Сост. Д. Н. Костышин. Т. 1–3. М., 2006–2014.

Коменский Я.-А. Открытая дверь языков // Коменский Я.-А. Избр. соч. Т. 1. Ревель : Гимназия, 1892.

Костин А. А., Костина Т. В. «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Георга Вольфганга Крафта 1739 года и его подготовка // «Регулярная академия учреждена будет...» Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 219–316.

Костышин Д. Н. Неопубликованные документы по истории создания типографии Московского университета // Вестник МГУ. Серия 8 «История». 1997. № 6. С. 89–109.

Рыжов А. Н. Образование в «немецких» школах Москвы в первой четверти XVIII века // Вопросы образования. 2007. № 2. С. 368–382.

РГАДА ф.152 Духовные дела иностранных вероисповеданий. Оп. 1718 г. ед.хр.1
Доношение Римских паперов о выдаче обучающимся у них Российским детям на пищу и дрова денег.

СПФ АРАН Фонд 3 Канцелярия и Комиссия АН. Оп. 2 ед.хр. 96 Доношения, рапорта, промемории и прочие входящие документы.

СПФ АРАН, фонд 3 Канцелярия АН, оп. 9, ед.хр. 65: Приход университетской и академической суммы 1755–1761.

Толстой Е. Н. Из бумаг Ивана Ивановича Шувалова // Сборник РИО. Т. 9. СПб. 1872. С. 450–528.

Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом. Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с графом Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715–1717 // Русский Архив. 1868. Вып. 7. Стлб. 1041–1057.

Исследования

Aarma L. Ernst Glück und Johann Fischer: Ihre Rolle bei der lettischen und estnischen Bibelübersetzung // “Mach dich auf und werde licht — Celies nu, topi gaišs”: zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654–1705); Akten der Tagung anlässlich seines 300. Todestages vom 10. bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale) / hrsg. von Christiane Schiller und Māra Grudule. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. S. 79–110.

Charipova L. Latin books and the Eastern Orthodox clerical elite in Kiev, 1632–1780. Manchester, 2006.

Fijalkowski A. Tradycja i nowatorstwo w Orbis sensualium pictus Jana Amosa Komeńskiego, Warszawa, 2012.

Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück (1654–1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Beltikum und in Russland. Wiesbaden : Harrassowitz, 2005.

Guseva I. L., Rybakov V. V. Before Orbis Pictus: Some Notes on Comenius’s Latin Textbooks // Graeco-Latina Brunensia. 2017. Vol. 22:1. P. 69–79.

Hmelevskih I. V. Две книги о римских древностях Бартоли-Беллори и их переводы на русский язык из библиотеки Петра Великого // Cahiers du monde russe. 2010. Vol. 51/1. P. 101–120.

Keipert H. Cellarius in Russland // Russian Linguistics. 1987. Vol. 11. No. 2/3. S. 297–317.

Neuhäuser R. Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. The Hague. 1974.

Базарова Т. А. «Петербургский класс» новгородской епархиальной школы 1715–1717 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 43. Петровское время в лицах — 2008. Материалы научной конференции. СПб. 2008. С. 40–45.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза» Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2016. С. 157–168.

Безрогов В. Г. Торжество разноречия: Orbis sensualium pictus в контексте первых переизданий (1653–1703) // Наследие Яна Амоса Коменского: взгляд из XXI века: Материалы международного научно-практического форума (Санкт-Петербург, 7–8 июня 2017 г.) / ред. С. М. Марчукова. СПб., 2017. С. 105–117.

Бенда В. Н. Создание и деятельность Московской инженерной школы в начале XVIII в. // Вестн. С.-Петерб.ун-та. 2008. Сер. 2. Вып. 2. С. 29–35.

Библиотека Ломоносова. М. : Ломоносовь, 2011.

Биларский П. С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

Воевода Е. В. История языковой подготовки кадров для внешнеполитических учреждений Российского государства. М., 2016.

Гальцын Д. Д., Питулько Г. Н. Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741 гг.): Каталог / сост. Д. Д. Гальцын, Г. Н. Питулько. СПб., 2016.

Дианова Т. В. Филигрani XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». Труды ГИМ. М., 1998.

Зырянов В. В. Что читали и где учились // Россия в эпоху Петра Великого: путеводитель путешественника во времени. М., 2016.

Келлер А. Немцы в Москве XVI — начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. Международная научная конференция, посвященная 850-летию Москвы. Москва, 5 июня 1997 г. М., 1997. С. 53–105.

Клепиков С. А. Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производств. XVII–XVIII века. М., 1959.

Клепиков С. А. Филигрani на бумаге русского производства XVIII — нач. XX вв. М. : Наука, 1978.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители конца XVII — первой четверти XVIII вв. М., 1998.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.-Л., 1961.

Костин А. А. Ломоносов — читатель эмблематических книг // Русская литература. 2015. № 4. С. 69–72.

Кувшинская И. В. Scotia me genuit... : судьба библиотеки Патрика Гордона // Россия-Великобритания. Пять веков культурных связей. Материалы VI международного петровского конгресса. СПб. : Европейский дом, 2015. С. 724–732.

Куприянова Т. Г. Первая династия российских издателей. М., 2001.

Мельникова Н. Н. Издания Московского университета 1756–1779 / сост. Н. Н. Мельникова. М. : МГУ, 1955.

Мельникова Н. Н. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. XVIII век. / под ред. П. Н. Беркова. М. : Изд-во МГУ, 1966.

Модзалевский Л. Б. М. В. Ломоносов и его литературные отношения в Академии наук. СПб., 2011. С. 126–127, 226, прим. 123.

Мошкова Л. В. Азбука-восьмилетка XVII в.: история и проблемы изучения // Вестник славянских культур. 2012. № 1 (том XXIII). С. 62–67.

Немировский Е. Л., Шустова Ю. Э. Кириллические Азбуки и Буквари XVI–XVIII вв.: библиографический свод изданий // «В России надо жить по книге»: начальное обучение чтению и письму (становление учебной книги в XVI–XIX вв.) / под ред. М. В. Тендряковой, В. Г. Безрогова. М. : ПИМ. 2015. С. 185–338.

Николаева С. Г. Русская антиминсная гравюра XVII–XVIII веков. Дисс. канд. искусств. СПб., 2000.

Пекарский П. П. История Академии Наук. Т. 2. СПб., 1862.

Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Первом. СПб., 1862. Т. 1.

Пенчко Н. А. К 200-летию первого русского издания «Мира в картинках» Яна Амоса Коменского // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3. С. 29–31.

Посохова Л. Ю. Православные коллегииумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII — начало XIX в.). М., 2016.

Починская И. В. Московская типография в первой половине XVIII в.: адаптивные процессы в официальном книгопечатании // *Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2011. № 1. С. 204–213.

Рамазанова Д. Н. Книги из собрания справщика Книгопечатного двора Николая Семенова Головина (К истории частных библиотек конца XVII — начала XVIII вв.) // *Румянцевские чтения 2006.* М., 2006. С. 230–235.

Ромашина Е. Ю. «Забава и польза для детей»: азбука в картинках в учебном книгоиздании в России XIX века // *Текст. Книга. Книгоиздание.* 2017. № 14. С. 76–99.

Тихонравов Н. С. История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // *Русский архив.* 1872. Вып. 7–8. Стлб. 1311–1322.

Фиалковский А. Латинский текст «звучащего алфавита» в «Orbis sensualium pictus» Я. А. Коменского // *Ценности и смыслы.* 2017. 4 (50). С. 136–156.

Чума А. А. Издания произведений Я. А. Коменского в России // Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинений. Т. 2. М., 1982. С. 470–477.

Чума А. А. К вопросу о существовании русского печатного издания «Преддверия» Коменского // *Acta Comeniana: Archiv pro badani o zivote a dile Jana Amose Komenskeho,* гес. XX, 1961. С. 2, S. 169–188.

Чума А. А. Ян Амос Коменский и русская школа (до 70-х годов XVIII века). Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1970.

Школьные пособия раннего Нового времени: от Часослова к Orbis sensualium pictus / под ред. К. А. Левинсона, Ю. Г. Куровской, В. Г. Безрогова. М.: ПИМ, 2017.

Шугуров М. Учение и ученики в XVIII веке (По поводу биографии А. Я. Поленова) // *Русский архив,* 1866. Вып. 3. Стб. 304–324.

Яцимирский А. И. Описание южно-славянских и русских рукописей зарубежных библиотек. Том. I. Вена. Берлин. Дрезден. Лейпциг. Мюнхен. Прага. Люблина. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1921.

Примечания

¹ Работа поддержана грантами ОГОН РФФИ 17-06-00288 и 17-06-00075; автор также признателен Немецкому историческому институту в Москве за поддержку в исследованиях по данной теме. Благодарю своих коллег А. А. Костина, Т. В. Костину, О. Е. Кошелеву, Л. В. Мошкову, В. С. Ржеуцкого, И. А. Сергиенко за искреннюю, доброжелательную и очень существенную помощь.

² «Orbis sensualium pictus» («Мир в образах чувств», 1653, 1658), «Vestibulum» («Преддверие», 1630-е гг.), «Janua linguarum reserata» («Дверь к языкам», 1631); «Atrium linguae latinae» («Зал латинизма», 1632, в другом переводе «Дворик латыни») — книги, задумывавшиеся как части одного учебного курса, рассчитанного на три-четыре года обучения.

³ О знакомстве, применении и издании в России различных сочинений Коменского см.: [Чума, 1982]. Сведения об изучении пособий Коменского в других странах см.: [Fijałkowski, 2012].

⁴ Хранящийся в РГАДА фрагментарный перевод ОР (БМСТ 2009) не может быть отнесен к обсуждаемой группе рукописей, т. к. выполнен на бумаге 1710-х–1720-х гг. Более полные рукописные переводы ОР, имеющиеся в БАН РАН (Осн. хр. 1.2.1 и 26.3.50), хотя и выполнены на более ранней бумаге, не имеют никаких следов, позволяющих приписать их Глюку. Рукопись 26.3.50 содержит вписанные над русскими немецкие слова, что в случае глюковского авторства бессмысленно.

⁵ И.-В. Паузе за время руководства гимназией составил много вариантов расписания учебных занятий. В некоторых из них ОР не упомянут, в других упомянут только он, в третьих он упомянут вместе с “Vestibulum”, в четвертых еще и с “Janua”. Большинство расписаний упоминает 5 классов и говорит, что ОР изучается в «четвертом», то есть, втором от начала обучения (счет был принят обратный, выпускной класс считался «первым»). Имеется более подробное расписание, где дано деление на шесть классов и предполагается применение ОР в первых трех (шестом-четвертом). Трудно сказать, какой из вариантов применялся в реальности, но в любом случае Паузе предполагал активное использование в обучении ОР. См. бумаги Паузе об управлении гимназией в составе фонда Q213 Отдела рукописей БАН РАН.

⁶ Школа Глюка чаще называлась во множественном роде — «школы», т. к. «школой» полагали группу учеников вокруг того или другого учителя.

⁷ В школе («немецких школах») Глюка и его преемников по образцу протестантских и католических школ Немецкой слободы существовала библиотека иностранных книг. В 1717 г., после отъезда в 1715 г. последних двух учителей, в ней насчитывалось около тысячи книг на «немецком, еврейском, французском и других языках», как писал Федор Поликарпов начальнику Монастырского приказа Мусину-Пушкину. Интересно, что латынь отнесена им к «другим», менее представленном в библиотеке языкам [Чертвы, 1868, стлб. 1056].

⁸ О Целларии в России см.: [Keipert, 1987]; о применении ряда упомянутых пособий в более поздние времена см.: [Костин, 2015].

⁹ Рукописный латино-русский медицинский словарь «Termini medici in Rossica» обнаружен нами на нахзаце другого учебника Коменского: Joh. Amos Comenii Eruditionis scholasticae janua, Rerum & Linguarum structuram externam exhibens; ab Autore novissime adornata, atqve hac editione figures aeneis illustrate, quarum usus etiam in Atrio esse posit. Schaffhusii, impensis Johann. Caspari Suteri, 1656, которое хранится в ОРК БАН. Известны уходы познавших начальную латынь учащихся из «немецких школ» к лекарям для продолжения специализированного обучения.

¹⁰ Латино-шведские варианты ОР в московских собраниях пока не выявлены; есть экземпляр 1684 г. в БАН и экземпляр 1689 г. в РНБ. Можно предполагать, что их перевез в Санкт-Петербург сам Нордгрэн в составе своей учительской библиотечки, когда его в 1715 г. перевели в новую столицу. Однако оба экземпляра не содержат записей, которые бы позволили атрибутировать их Нордгрэну.

¹¹ Наставник обычно собирал библиотечку пособий, которые он использовал в работе с учениками своей «школы»/«класса», то есть группы учащихся, проходящих именно у него курс обучения. Такие пособия могли быть в нескольких копиях — в зависимости от разных обстоятельств, в том числе от задеятельности их в учебном процессе, в заданиях ученикам на вечер, и т. п. Учитель Нордгрэн, вероятно, перевез свои копии латино-шведского ОР в Санкт-Петербург, поэтому они не сохранились в московских собраниях и не отразились в документах.

¹² С учетом предыдущего опыта Федора Поликарпова такое поручение было дано ему и Федору (Феофилакту) Лопатинскому начальником Монастырского приказа И. А. Мусиным-Пушкиным в 1717 г. Обратим внимание на то, что специально подчеркивалось: русский вариант должен быть не церковнославянский, а в отличие от Букваря 1701 г. и Лексикона 1704 г. разговорный: «Не извольте высоких слов славенских класть, но паче простым русским языком» [Чертвы, 1868, стлб. 1054]. Можно ли видеть в этом поручении провозвестие решения Конференции Московского университета о латино-русской версии Orbis pictus, принятого в 1756 г.? Вполне возможно. Репертуар попыток создать пособия с опорой на повседневный язык обучающихся складывался из разных, взаимодействовавших друг с другом элементов.

¹³ В 1718 г. католики просили власти о прискании для школы экземпляра грамматики протестанта Ильи Копиевского (вероятно, издания 1706 г., а не 1700 г.). На данный момент это единственное пособие, составленное протестантом, о котором мы знаем, что оно применялось или планировалось к применению в латинской католической школе Немецкой слободы. По-видимому, пособия Коменского отсутствовали даже в библиотеке этой школы. См.: [РГАДА ф.152, оп. 1718 г., д. 1, л. 2; Кувшинская, 2015].

¹⁴ Различные экземпляры ОР демонстрируют разную степень износа: от нулевой до утраты значительной части пособия.

¹⁵ Справщик Герман был известным книжником, его деятельность приходится на 1705–1716 гг. [Hmelevskih, 2010, p. 108–109]. Благодарю Д. Н. Рамазанову за указание на эту работу И. В. Хмелевских.

¹⁶ Отец, основатель типографии В. О. Киприянов отдавал предпочтение католическим «алварам», латинским учебникам Мануэля Альвареса (1526–1582), а сын — ОР протестанта Коменского; заявку печатать «альвары» см.: [Гражданская, 1999].

¹⁷ *Terminus post quem* — хронологическая граница события, раньше которой оно не могло произойти (нижняя граница возможности события). Данное выражение, равно как и симметричное ему *terminus ante quem* (верхняя граница возможности события), применяется в случае, когда определить точную дату не удастся.

¹⁸ В напечатанном тексте сторожевой журавль просто перечислен. Рукописный комментарий объясняет, почему на изображении к данной теме журавль держит в одной из лап камень. Читатель ОР поделился знанием о смысле изображенного, дополнив текст педагога. Это объяснение взято из популярных сведений о журавлях, которые, будучи в охране журавлиного короля, «когда засыпают, то роняют камень на другую лапу» и просыпаются. Такая этимологическая легенда, восходящая к Аристотелю, объясняла название данной птицы. Журавль с камнем символизировал бдительность. В рукописном комментарии о символике ничего не сказано, но картинка снабжена отсутствующим в тексте пояснением. Журавль с камнем — известная тема средневековых миниатюр. См.: Harley Bestiary (British Library Harley MS 4751, ок. 1230–1240 гг.), British Library MS Royal 12 C XIX, 1-я четв. XIII в. и др.

¹⁹ «[1-й почерк:] Сохрани Бог Европу. [2-й почерк:] Сохрани Бог Европу. Это прекрасная земля» (*Daß Eüroba Daß wolte Gott behutt/ Daß Eüropa Daß wollte/ Gott behutt Daß ist Ein/ gut Lant von*). Благодарю К. А. Левинсона за прочтение и палеографическую экспертизу данного текста.

²⁰ Текст и гравюра по первой теме ни у Коменского в оригинале, ни в переводе не имеет нумерации, отсылающей от слов к изображению, в котором также нет чисел. Далее нумерация в оригинальном тексте, на картине и в переводе появляется. Обозначение арабскими цифрами слов и соответствующих им элементов тематического изображения-эмблемы являлось важным методическим приемом всего ОР.

²¹ «Свет» вписан от руки тем же почерком, что и перевод.

²² Здесь и далее цифры курсивом соответствуют аналогичным цифрам на картинке в оригинале.

²³ В данном месте дана сначала транскрипция, а затем перевод. По мнению А. А. Костина, которому мы выражаем самую искреннюю признательность за прочтение статьи в рукописи и высказанные замечания, «эта запись позволяет судить о том, как заполнялась рукопись — по-видимому, за счет диктовки учителя».

²⁴ *Nubila* переведено двумя вариантами. Наличие нескольких записанных вариантов перевода предполагает либо обсуждение перевода в аудитории, либо все же визуальную сверку перевода с печатным текстом. В последнем случае тогда перевод под диктовку проблематичен.

²⁵ В оригинале “lux f.3 diem”, то есть «свет дня».

²⁶ Двойной перевод mane.

²⁷ Транскрипция elisa («высеченная») без перевода.

²⁸ «Д» в двух случаях «трута» может свидетельствовать в пользу диктовки (прим. А. А. Костина).

²⁹ Двойной перевод «cogripit»? Далее двойные переводы «camino» и «fulginem».

³⁰ Запись неразборчива, возможно, ее следует читать как Демикова, Дешикова, Динисова и пр.

³¹ Филигранны РФ в картуше и АГ контрамаркой или в картуше. См.: [Клепиков, 1959. № 479 (1733 г.); Клепиков, 1978, № 655 и 13 (1734, 1735, 1736 гг.)].

³² Об интересе русского общества 1730-х гг. к пособиям по французскому языку см. материалы проектов «Формирование академической лингвистической традиции: “Грамматика французская и русская” (1730) — лингвистический, историко-культурный и источниковедческий аспекты» и «Формирование русской академической грамматической традиции: “Новая французская грамматика” В. Е. Теплова (лингвистический, историко-культурный, терминологический, лексикографический аспекты)» на сайте: <http://lomonosov.iling.spb.ru> (дата обращения: 21.02.2017).

³³ В рукописи не точки, но кавычки по нижней линии строки.

³⁴ Фраза переведена с латинской, переданной иначе, чем в переизданиях 1941/57 гг., опиравшихся на варианты 1658–1667 гг., в оригинале 1732 г. она дана так: E nube stillat (defluit guttatim) pluvia 4 f.l & imber. m.3. Переводчик «огерманивает» французскую фразу, в немецком тексте после Große steht Platzregen.

³⁵ Почерк не французского по рождению, ученически-старательный, “u” оторвал от «ne», человек с родным французским так бы не поступил.

³⁶ Например, сохранилось вроцлавское издание ОР 1667 г., выполненное в трех вариантах: «стандартно» с картинками; один лишь текст без картинок; вариант с картинками и с вплетенными дополнительно чистыми листами для записей (в этом случае сохранились расширяющие темы и их лексикон записи на латыни и немецком, сделанные более умелой (учительской?) и менее умелой (ученической?) рукой; второй вариант имеется в ОРК НБ МГУ, последний вариант хранится в ОРК БАН). Имеется также лейпцигское издание «Физики» 1633 г. с вплетенными белыми листами для комментариев (эти страницы частично заполнены латинскими размышлениями и цитатами по поводу излагаемого в книге; ОРК БАН). Можно предположить поливариантность изготовления пособий Коменского в зависимости от потребностей и возможностей покупателя. Наличие вплетенных белых листов было очень удобно не только в учебной практике, но и для зарождения идеи о переводе ОР в целях его издания в расширенном варианте языкового спектра.

³⁷ Пер. Н. А. Печко с изм. Оригинальный текст: Orbis pictus Commeni imprimendus pro usu omnium classium, et ne Typographia quid perdat 400 solum exemplaria resoluta sunt unaquaeque autem plictera 3 ¼ copicis venundand, id quod in novellis annunciantum, ut si plura desiderandur exemplaria praenumeratio fiat [Документы, 1960, с. 30–31]. Обратить внимание, что секретарь (писарь-протоколист?) Конференции, знал латынь, но не видел ОР и мало представлял себе, что это за книга. Поэтому имя автора он воспринял на слух. Облекая его в письменную форму, он сформировал его на основе и по типу обычных латинских слов с приставкой “com-”. В них полагается двойное «mm». Подобный вариант имени Коменского не встречается ни на одном из титулов изданий ОР. Интересен установленный тираж в 400 экземпляров. На тот момент, вероятно, на основе опыта изданий петербургской АН, которые не расходились более чем в 400–500 экземпляров (судя по количеству часто нераспроданных экземпляров из тиражей в 2 000 книг), данное число, как можно предположить, считалось своего

рода «стандартом» изданий не для широкой публики и первых пробных тиражей изданий с более широким адресатом. Подобным тиражом, например, был отпечатан в университете в конце 1757 г. «Опыт о человеке» Поупа, затем переизданный [Модзалевский, 2011, с. 126–127, 226, прим. 123]. «Московские ведомости», где давались объявления о книгах Коменского и Поупа, сами выходили тогда тиражом 600 экземпляров. Способ предполагаемого распространения ОР по подписке свидетельствует о том, что издание латинско-русского ОР не полагалось профессорами именно и прежде всего учебным, как издания азбук, грамматик и т. п., хотя и названо «полезной для молодых людей книгой» (Московские ведомости. 1756. № 64). «Пробный шар» ОР предполагалось подкрепить подпиской в случае допечатки. Следов подписки, однако, пока не обнаружено.

³⁸ «Первым листом» в данном документе названа первая тетрадь планирующей книги, 16 первых страниц, которые заняло, вероятно, предисловие и на которых, по-видимому, еще не начинался материал, имевший в оригинале иллюстрации. Можно предполагать, что на переходе к иллюстрациям дело и остановилось. Документы о заказе гравюр для ОР в Московской синодальной типографии на данный момент обнаружить не удалось.

³⁹ Сердечно благодарю Т. В. Костину за указание на данный источник. Н. С. Тихонравов без указания на источник цитирует письмо И. И. Шувалова И. И. Мелисину о снабжении готовящегося к выходу «Опыта о человеке» иллюстрациями (они там, действительно, появились): «К прежде посланным трем выгродорванным Попия фигурам и последние две на прошедшей неделе посланы» [Тихонравов, 1872, стлб. 1318]. Тихонравов неверно заключает о присылке данных гравюр из Синодальной типографии, опираясь на «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета 1755–1855» (Т. 2. М.: Univ. Тип., 1855. С. 314), где также нет ссылки на источник сведений. Заказ на гравюры был в 1756–1757 гг. сделан и оплачен Йоганну Штенглину (Стеглину, Шеглину, 1710–1770), в 1750-х гг. работавшему в Москве у М. М. Артемьева (см.: [Николаева, 2000; СПФ АРАН ф. 3, оп. 9, д. 65, лл. 3 об, 4 об.]). Более чем вероятно, что пять гравюр для подозрительного с церковной точки зрения издания были выполнены не в Синодальной типографии. В любом случае мы видим, что по поводу «издания на контроле» приходится специально заказывать иллюстрации на стороне, т. к. университетская типография тогда еще не обладала возможностями печатать что-либо, кроме текста.

⁴⁰ Процесс создания типографии начался на рубеже 1755–1756 гг. с «двух стонков русской печати», другие возможности сложились позже, причем сначала появились специалисты в «немецком, французском и латинском», а потом, во второй половине 1757–1758 гг., уже, видимо, и литеры вместе со второй группой спецов, присканных за границей. По январь 1757 г. речь в документах идет только о литерях русских букв (см.: [Костышин, 1997]). Сенатское решение от 4 марта 1756 г. предусматривало печать «университетских писателей сочинений и переводов», но не говорило о лицензии на издание книг с иностранным текстом. В 1756–1758 гг. помимо восемнадцатистраничного «Панегирика» Ф. Г. Дильтея латинскими и французскими литерами были напечатаны лишь объявления и каталоги («рестреры») лекций, программы экзаменов и т. п. [Мельникова, 1966, с. 19–27, № 12–16, 30–39, 49–52].

⁴¹ См. документы 24, 26, 46 и другие в издании: [История Московского, 2011].

⁴² В апреле 1758 г. нашли для московской университетской типографии двух типографов вместе с инструментами для отлива латинского шрифта, но рисовальщика и гравера найти к тому времени не удавалось [Толстой, 1872, с. 487]. Приезд приисканных специалистов и отправка их поздним летом 1758 г. в Москву зафиксированы выдачей им денег на проезд [СПФ АРАН, ф. 3, оп. 9, д. 65, л. 10].

⁴³ История появления фигурного стана в типографии Московского университета — отдельная исследовательская проблема. Известно, что 20 марта 1757 г. его еще не было, а работы по его созданию только были начаты «инструментальным мастером Шульцем». Н. Н. Мельникова пишет о том, что и в сентябре такой стан еще не был готов [Мельникова, 1966, с. 4]. 22 мая 1757 г. типография обретает возможность лить русские слова. Об иностранных еще речи не идет. Латинские и прочих западных языков литеры в сколько-нибудь заметном количестве появятся в университете в сентябре 1758 г. (самое раннее — к осени 1757 г., самое позднее — к 1762 г., когда вышло сочинение Корнелия Непота, широко читавшееся гимназистами и студентами), качественная бумага в январе 1758 г. В связи с этим мы можем с большой долей вероятности предположить, что первая тетрадь ОР, отправленная И. И. Шувалову в марте 1757 г., включала в себя русский текст предисловия, т. к. в 1757 г. речь об отмене печати иллюстраций не шла и в предисловии иностранных слов, по-видимому, не было. Решение об отмене иллюстраций было принято при подготовке издания 1768 г., когда стали доступны в достаточном количестве литеры для пятиязычной версии ОР. В июне 1757 г. директор университета И. И. Мелиссино докладывал Шувалову о печатании «сочинение господ Ломоносова и Попия», ни словом не упоминая ОР [Костышин, 1997].

⁴⁴ Н. А. Пенчко, исследовавшая в 1957–1960 гг. вопрос о печатании ОР, полагала, что издание 1757 г. существовало [Пенчко, 1957]. На основе ее мнения оно было внесено в Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII в. как разыскиваемое (Т. 6. М.: Книга, 1976. Разыскиваемые издания, № 531, С. 73). Противоположного мнения до работы публикации работы Н. А. Пенчко придерживалась Н. Н. Мельникова [Мельникова, 1955, с. 101–102; ср.: Мельникова, 1966, с. 73, № 369].

⁴⁵ Книжные заказы содержат перечни различных азбук немецких, латинских, российских, французских, атласов, грамматик и других пособий; равно как и заказы изданной в то же время книги Поупа («Поуп»). А. Поуп в переводе Н. Поповского был начат изданием одновременно с ОР. Если бы ОР был также издан, он бы упоминался в книжных заказах для учащихся хотя бы время от времени. См., например: [СПФ АРАН ф. 3, оп. 2, д. 96, лл. 82–85 об.].

⁴⁶ Иногда утверждают наличие в библиотеке Ломоносова двухтомного ОР 1740 г. издания на основе включения этой книги Г. М. Коровиным в общий список знакомых Ломоносову книг [Коровин, 1961, с. 376]. Однако, во-первых, это включение сделано только лишь на основе той самой записи об отсылке ОР Котельникову для перевода, которую мы рассмотрели; во-вторых, библиограф помещает в список случайное издание ОР, известное ему самому. Нет никаких документальных данных о том, что Ломоносову была знакома двухтомная переработка ОР, созданная много позже времени жизни Коменского в 1719–1720 гг. путем добавления второго тома. Ломоносов, как мы полагаем, никак не мог бы назвать *selectiora* вариант, расширенный вдвое относительно стандартного ОР.

⁴⁷ Об эмблематичности ОР помимо материала в указанной статье см. также: [Школьные, 2017].

⁴⁸ Примененное нами слово «наблюдаемый» здесь расшифровывает термины *sichtbare*, *visible*, присутствовавшие в заглавии книги. Русский эквивалент 1768 г. — «Видимый свет» — использован выше в подзаголовке.

⁴⁹ Специалист, реально наблюдающий ныне нюрнбергское издание 1755 г., равно как и более ранние, такого суждения о некачественности не выскажет. Однако глаза московских типографов XVIII в. вынесли иной вердикт иллюстрациям ОР. Свою роль сыграло, вероятно, и значительное число появившихся в 1740–1760-е гг. печатных и рукописных переводов книг о различных учебных моделях и других технических средствах обучения. См.: СПФ АРАН, опись разрядов II и III.

⁵⁰ Феофилакт владел еще и «Janua», другим учебником Коменского 1638 г. изд., ОР БАН 565-л.

⁵¹ Вне «основных» стран распространения ОР мы встречаем в XVII в. также иногда и т. н. «прагматический» «бизнес-вариант» печати ОР, когда иллюстрации воспроизводились на отдельных листах и по желанию покупателя клеивались либо не клеивались в приобретаемое издание. Можно было приобрести подешевле издание без иллюстраций, только словарь без видимого мира при нем. Такое латино-франко-немецко-польское издание 1667 г. из Вроцлава (Бреслау) имеется в фонде ОРК НБ МГУ. Оно предшествует выполненным в восточноевропейских регионах изданиям просто без иллюстраций. Характерно, что в центрально- и западноевропейских регионах таких «облегченных» изданий пока не выявлено.

⁵² Возможно, к этой группе принадлежит и четырехязычное издание [Wolke, 1789], его предваряло словесное описание картин в переводе на русский язык М. Н. Костина: [Вольке, 1785].

⁵³ «Рыбный словарь» из 7 (базовых?) наименований (осетр, сом, белуга, «белая рыба», стерлядь, «сомка», лосось) записан на третьей странице обложке переплета рукописного перевода ОР и «Преддверия» из ОР БАН (Осн. соб. 1.2.1).

МАТЕРИАЛЫ

А. Мельников

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ СКАЗКИ ШАРЛЯ ПЕРРО «КРАСНАЯ ШАПОЧКА» В РОССИИ

Первое издание сказок Шарля Перро в России (Илл. 1), вышедшее в 1768 г. под названием «Скаски о волшебницах с нравоучениями», еще не адресовалось детской аудитории, несмотря на то, что их переводчик Лев Воинов¹ посвятил свой труд семилетней Наталье Нарышкиной (1761–1819), дочери Л. А. Нарышкина². Интересно, что это посвящение перекликалось с оригинальной книгой Перро “Histoires ou contes du temps passé”, вышедшей в 1697 г. в Париже под именем Пьера Д’Арманкура³, сына Перро, и посвященной принцессе Орлеанской, племяннице Людовика XIV⁴ [Власов, 2016, с. 235]. Хотя нравоучительный аспект сказок Перро, особенно отчетливо сформулированный в стихотворных фрагментах, заключающих сказки, был по духу близок целям, задачам и художественным приемам детской нравоучительной литературы эпохи Просвещения, целенаправленно для детей сказки Перро в России были изданы только в 1795 г., это было прямо указано в названии книги — «Повести волшебныя съ нравоученіями, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ, сочиненныя Господиномъ Перольтомъ для детей» [Перро, 1795].

Необходимо отметить, что изучение истории переводов сказок Ш. Перро и истории их издания для детей на русском языке исследовалось мало, и еще не становилось предметом отдельного исследования. Данная статья, не претендуя на полноту охвата материала, посвящена обзору этого вопроса.

О переводе сказок Перро кратко упоминается в предисловии Н. П. Андреева к академическому изданию «Сказок» Ш. Перро [Перро, 1936в]. Первые научные исследования по этой теме появились лишь в 2016 г. Это две взаимосвязанные работы, первая — «Приключения Красной Шапочки в России (Часть I: 1768–1867)» выполнена С. В. Власовым, вторая — «Новые приключения Красной

Илл. 1. Первое издание сказок Перро в России в 1768 г. в переводе Л. Воинова

Шапочки в России (Часть II: 1871–2014)» выполнена В. Д. Алташиной в рамках исследования русско-французских культурных связей в XVII–XVIII вв. Авторы обосновывают предмет своих исследований следующим образом: «<...> рецепция “Историй, или Сказок былых времен” до сих пор еще не была предметом научного анализа. Между тем история переводов и различных обработок сказок Ш. Перро в России представляет большой интерес не только для литературоведов, специалистов по истории перевода, но и для социологов, педагогов и книговедов» [Власов, 2016, с. 234]. Несмотря на то, что С. В. Власов и В. Д. Алташина анализируют далеко не все переводы сказок Перро на русский язык, они, тем не менее, приходят к выводам, что в трансформации текста сказок в процессе перевода их на русский язык можно выделить три основные тенденции:

1) сокращение текста за счет отказа от поэтических нравоучений;
 2) изменение текста за счет удаления моментов, которые могли показаться «неприличными» (совместное пребывание раздетой девочки и мнимой бабушки в постели; трагический конец бабушки и девочки);

3) расширение текста — от добавления эпитетов до фантазирования и многократного увеличения объема сказки. Эти тенденции проявляются как каждая в отдельности, так и все в совокупности, приводя к созданию нового текста, имеющего к Перро лишь очень косвенное отношение — как к автору первой литературной обработки данного сюжета [Алташина, 2016, с. 260–261].

Увы, в русских переводах опора на национальную традицию отсутствует, — отмечает Алташина, — и изменения вносятся переводчиками ради самих изменений, а не в целях адекватной рецепции переведен-

ного текста в иноязычной среде. Таким образом, представление о сказках Перро у массового читателя зависит от случайности — от того, какой перевод попадет к нему в руки: в русской традиции нет единого Текста, есть многочисленные тексты [Алташина, 2016, с. 261–262].

В данной статье основное внимание сосредоточено на том, как и когда произошло изменение оригинального текста сказки «Красная шапочка», когда впервые финал, где главная героиня и ее бабушка погибали, сменился на счастливый конец. Корпус текстов, на основе изучения которых рассматривался этот вопрос, включает в себя более ста изданий этой сказки, хранящихся в фонде Российской государственной библиотеки и в электронных коллекциях: в т. ч. изучены отдельные издания «Красной шапочки» для самых маленьких читателей (из серии «Мои первые книжки», «Книжка-малышка» и т. д.), тексты из сборников сказок Ш. Перро и сборников сказок разных авторов и академические издания. Особый интерес представляли 40 изданий «Красной шапочки», вышедшие до 1950 г. включительно. Во всех изданиях отмечалось, под чьим именем они изданы (под именем Ш. Перро или анонимно) и рассматривалось соответствие финала сказки ее оригиналу. Тексты, авторами которых были указаны братья Grimm, из рассмотрения исключались.

Исходя из этих критериев, можно сказать, что весь массив изданий переводов и пересказов сказки Перро «Красная Шапочка», вышедших на русском языке, представлен следующими вариантами:

I. Перевод сказки Шарля Перро с сохранением трагического конца, с указанием его авторства. Сюда относятся, например, переводы сказки, вышедшие в 1795 г. и 1825 г., а также перевод 1867 г., приписываемый И. С. Тургеневу.

II. Анонимное издание «Красной Шапочки», в основе которого лежит текст Шарля Перро и где сохраняется финал, в котором Красная Шапочка и ее бабушка гибнут. Именно так, анонимно, был издан самый первый в России перевод Перро — в 1768 г.

III. Анонимное издание, и в основе перевода лежит текст «Красной Шапочки» бр. Grimm. Эти сказки включены в обзор, поскольку исследователи порой возводят их к авторству Ш. Перро [Власов, 2016, с. 244]. Выделение их в отдельную группу позволило исправить ряд ошибок и более четко показать, как происходила трансформация сказки. К этому варианту принадлежат переводы Ал. Алтаева (М. В. Ямшиковой) [Перро и Grimm, 1898], В. П. Андреевской [Grimm, 1901] и др.

IV. Анонимное издание «Красной Шапочки», в основе которого лежит сказка Ш. Перро, но финал изменен — Красная Шапочка и бабушка спасены охотниками или дровосеком. В XIX в. вышло только одно такое издание Перро [Перро, 1897а], а в XX в. они стали весьма популярны. Чтобы установить, что такие сказки восходят к тексту именно Ш. Перро, а не братьев Grimm, был сверен текст перевода с оригиналами, и осуществлено сравнение того фрагмента сказки, которая предшествует поглощению героини волком.

V. Автором «Красной Шапочки» указан Ш. Перро, но финал сказки изменен на благополучный. Здесь мы имеем дело с контаминированным текстом, действие которого сначала соответствует оригинальному тексту Перро, а затем воспроизводит текст сказки братьев Grimm. Причем текст не всегда заимствован дословно, но описывает те же события, что и в тексте Гриммов⁵. В ряде случаев пересказ бывает свободным, с изменением некоторых деталей (например, спасителем выступает дровосек, а не охотники), или сокращением ряда эпизодов (например, в живот волка не набивают камни, а просто убивают его), но главное, что исход сказки всегда благополучный.

Эти пять вариантов сказок представлены в виде схемы (см. Схему). Издания, выделенные схожим цветом, содержат одинаковые тексты, или отличающиеся очень несущественно, и принадлежат одному автору. Даже поверхностный взгляд на схемы показывает, как развивалась практика переводов и пересказов сказки. Отчетливо видно, что почти до конца XIX в. преобладали 1-й и 2-й варианты, в которых трагическая концовка сохранялась, и 3-й вариант со счастливым концом. Варианты 4-й и 5-й появились уже к концу века. А, например, в XX в. 2-й вариант уже не встречался, а 3-й был только в самом начале. Это нашло отражение на схеме. Самым частым стал вариант 5, который в XIX в. был представлен всего одним переводом Е. Урсынович [Перро, 1897б].

Одним из самых спорных изданий с точки зрения авторства перевода был текст «Красной Шапочки», опубликованный в 1826 г. в журнале Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Детский собеседник». Там были напечатаны шесть сказок братьев Grimm и Перро, переводчиком которых считается В. А. Жуковский. Его авторство раскрывалось в примечании издателя: «Перевод почтенного нашего Поэта, В. А. Жуковского» [Жуковский, 1826, с. 95]. По мнению С. В. Власова, этот текст «Красной Шапочки» «явился важной вехой в переводе сказок Ш. Перро» [Власов, 2016, с. 244]. Версия

«Красной Шапочки», предложенная В. А. Жуковским для «Детского собеседника», открывает многочисленный ряд переложений, использующих не только текст Перро, но и вариант счастливого конца сказки, заимствованный у братьев Grimm: Красная Шапочка и ее бабушка остаются живы, благодаря охотнику, сначала разрезавшему брюхо волка, а потом застрелившего его [Власов, 2016, с. 244]. Но с этим согласны не все исследователи. Специалисты по творчеству В. А. Жуковского считают, что здесь переведена одноименная сказка братьев Grimm, а не Перро [Канунова и др., 2009, с. 232]. По мнению автора статьи, этот текст представляет собой перевод текста братьев Grimm, куда включены несколько реалий и эпизодов из текста Перро. Например, когда волк старается сделать голос тоньше, или когда девочка, придя к бабушке, ведет с волком диалог о том, как открыть дверь и войти в дом (у Гриммов этих сцен нет) [Жуковский, 1826, с. 121–122].

Сравнение текста обеих сказок разных авторов показывает, что переводчик больше придерживался текста братьев Grimm. Для наглядности сопоставление элементов текстов Перро, братьев Grimm и перевода Жуковского представлено в сравнительной таблице. Из нее исключено сравнение начала сказки, т. к. почти все элементы изначально встречаются как у Перро, так и у Братьев Grimm, а курсивом выделены совпадения текстов (Таблица 1).

Таблица 1

Элементы сказки	Сказка Ш. Перро (перевод под ред. М. Петровского (1936))	Сказка братьев Grimm (перевод П. Полевого, (1893))	Перевод В. А. Жуковского (1826)
Наставления матери	Нет наставлений	Ни с кем не говори, в сторону с дороги не сходи, не то еще упадешь и бутылку расшибишь	Нужно идти осторожно, чтобы не упасть и не разбить горшочка
Ответ девочки на наставления матери	Нет	<i>Уж я все справлю как следует</i>	<i>Слушаю, матушка,</i> и пошла
Как далеко жила бабушка	В другой деревне	В лесу, <i>полчаса пути от деревни</i>	За рощею, <i>в двух верстах от деревни</i>
Где произошла встреча с волком	Когда уже шла лесом	Чуть только вступила в лес	Не успела войти в рощу
Почему волк не съел девочку сразу	Не посмел, т. к. недалеко были дровосеки	<i>Не говорится об этом</i>	<i>Не говорится об этом</i>

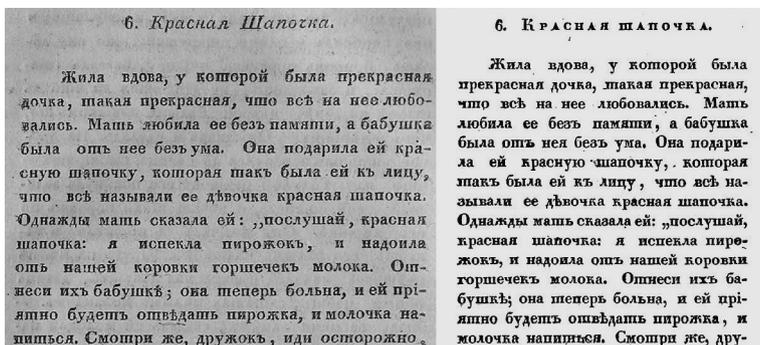
Продолжение табл. 1

Элементы сказки	Сказка Ш. Перро (перевод под ред. М. Петровского (1936))	Сказка братьев Гримм (перевод П. Полевого, (1893))	Перевод В. А. Жуковского (1826)
Первый диалог с волком	Красная Шапочка заговорила первой, сразу рассказала о гостинцах	<i>Первым заговорил волк. Спрашивает, что это у тебя в передничке</i>	<i>Первым заговорил волк. Спрашивает, что в узелке</i>
Где бабушка живет	За мельницей, в первом домике на деревне	Четверть часа пути в лес, под тремя старыми дубами, кругом дома изгородь из орешника	Там за рощею, три большие дуба, за ними хижина
Как девочка расстается с волком	Волк говорит ей идти по одной дороге к бабушке, а он побежит по другой	<i>Волк уговаривает ве- село провести время: обращает внимание на цветочки и птичек, говорит, что она торопится будто в школу</i>	<i>Волк: что ты спешишь, тебя никто не гонит, сколько прекрасных цветков, как приятно распевают птички</i>
Собирание цветов	Пошла по длинной дороге и стала играть, собирать орехи, бегать за бабочками, делать букеты из цветочков	<i>Увидела лучи солнца сквозь листву, красиво кругом, подумала: хорошо букет принести бабушке, успею ко времени. Сбежала с дороги, стала собирать цветы</i>	<i>Солнце светит сквозь деревья, красиво, подумала: нарву цветы, свяжусь прекрасный пучок для бабушки, еще рано — приду вовремя. Стала собирать цветы</i>
Волк меняет голос	<i>Меняет голос, чтоб его не узнали</i>	Нет этой сцены	<i>Подражает голосу девочки</i>
Устройство замка	Щеколда с веревочкой	Просто щеколда	Задвижка
Волк и бабушка	<i>Бросился на старушку и сожрал так, что не осталось ничего, т. к. больше 3-х дней не ел</i>	<i>Кинулся к постели и проглотил ее</i>	<i>Бросился на бабушку, разом проглотил</i>
	Запер дверь. Улегся на постель	Не запирая дверь, надел ее платье и чеп- чик. Улегся в постель, занавески задернул	<i>Оделся в ее платье, надвинул на глаза чепчик. Лег в постель, задернул занавес</i>
Возвращение Красной Шапочки к бабушке	Нет описания	<i>Девочка набрала цветов, сколько снести могла, вспом- нила про бабушку и по- шла к ней</i>	<i>Девочка, набрав довольно цветов, пошла к бабушке</i>

Продолжение табл. 1

Элементы сказки	Сказка Ш. Перро (перевод под ред. М. Петровского (1936))	Сказка братьев Гримм (перевод П. Полевого, (1893))	Перевод В. А. Жуковского (1826)
Девочка удивлена и испугана голосом «бабушки»	<i>Испугалась, услышав страшный голос. Но подумала, что у бабушки насморк. Волк ответил, смягчив голос</i>	Нет описания этого	<i>Испугалась осиплого голоса волка. Волк ответил: Я простудилась, горло болит</i>
Испуг девочки при входе в дом	Нет этой сцены	<i>Вошла, все показалось странно, подумала. Почему мне так страшно: я ведь всегда с удовольствием приходила</i>	Нет этой сцены
Второй диалог с волком	Волк говорит: пирожок поставь на квашню, поставь и горшочек, и ляг со мной	<i>Нет этой сцены</i>	Волк говорит: пирожок поставь на квашню, поставь и горшочек, и ляг со мной
Сцена раздевания девочки	Разделась, пошла ложиться и очень удивилась, «какова ее бабушка раздетая»	<i>Нет этой сцены</i>	Разделась, пошла ложиться, и очень удивилась, «какова ее бабушка раздетая»
Встреча с волком в кровати	Нет этой сцены	<i>Подошла к кровати, отдернула занавески. Чепчик надвинут на самый нос, бабушка странная</i>	Нет этой сцены
Последний диалог с волком	Вопросы задаются про: руки — ноги — уши — глаза — зубы	Вопросы задаются про: уши — глаза — руки — большой рот	Вопросы задаются про: руки — ноги — уши — глаза — зубы

Однако до сих пор остается непроясненным вопрос с атрибуцией этого перевода (Илл. 2). Если сравнить текст, опубликованный в «Детском собеседнике» с текстом сказки «Красная шапочка» из сборника «Волшебные сказки для детей первого возраста» в переводе известной детской писательницы А. П. Зонтаг [Зонтаг, 1862, с. 81–86], то они оказываются идентичными. Как это можно объяснить? Автору статьи удалось найти только одно краткое упоминание об этом в монографии Бена Хеллмана. Про публикацию сказок в журнале «Детский собеседник» он пишет:

Илл. 2. Слева текст пересказа «Красной шапочки» В. А. Жуковским (1826), справа — пересказ А. П. Зонтаг (1828)

Долго считалось, что ответственным за подбор сказок был Василий Жуковский, <...> но на самом деле переводами занималась его племянница и протеже Анна Зонтаг. Это выяснилось, когда в 1828 году Зонтаг включила переводы в собственный томик «Повестей для детей». Жуковский покровительствовал работе Зонтаг; в письме к ней от 1827 года он выразил свои взгляды на переводы для детей: «Переводите не рабски, но как будто сами рассказывая чужое своей дочери: это даст нежную ясность и простоту вашему слугу». Зонтаг следовала этому правилу, она не переводила слово в слово, но пересказывала сказки, привнося собственную творческую интонацию. Когда в «Красной Шапочке» охотник взрезал брюхо волку, оттуда «посыпались цветы, потом пирожки, потом выкатился горшок с молоком и молоко вылилось на пол; еще разрезал — мелькнула красная шапочка и вдруг выскочила сама девочка, живая!» [Хеллман, 2013, с. 23].

Такая версия возможна, но приведенные факты не доказывают, что автором перевода является именно Зонтаг. Ведь письмо, в котором Жуковский объясняет ей, как нужно переводить сказки, написано в 1827 г., то есть уже после их первой публикации в 1826 г. И значит, упоминание письма в этом контексте не существенно. Кроме того, специалисты по изучению творчества В. А. Жуковского считают, что переводы сказок в «Детском собеседнике» принадлежат именно ему [Канунова и др., 2009, с. 8–9, с. 232].

С другой стороны, поэт как будто был не против, чтобы о публикации сказок под его именем в «Детском собеседнике» забыли. И это почти удалось. Их повторно открыл в 1912 г. историк литературы Н. Н. Трубицын (1876–1918), занимающийся изучением творчества Жуковского. Он писал: «Ни в одном из изданий сочинений

Жуковского указываемых сказок не имеется; даже и в том полном издании, которое начато было самим поэтом, 1849–1857 гг.; мало этого, нигде нет даже простого упоминания о них. Видно, и сам Жуковский про них забыл» [Трубицын, 1913, с. 132].

Стоит упомянуть, что издание сказок в журнале «Детский собеседник» сопровождал своего рода скандал, вызывавший серьезные переживания Жуковского. Он писал об этом П. А. Вяземскому по свежим следам 26 декабря 1826 г:

Теперь маленький ответец на твою филиппику. Греч напечатал мои сказки. Вот их история. Они давно, давно были у меня переведены. Греч просил их в свой детский журнал. Я их отдал, потому что почитал их не заслуживающими никакого внимания, и что в таком случае отказать — значило бы почитать важным то, о чем я и подумать не вздумал. Но я их отдал с тем, чтобы не было моего имени; Греч дал слово не печатать его и напечатал. Это в его духе. Смешно мне теперь показываться на сцену после долгого молчания в чепце старой бабушки. Но Гречу до этого дела нет. Ему надобно продать свою книжонку, и он рассудил вместе с ней продать свое слово [Жуковский, 1960, с. 591].

Поэт не отказывается от авторства, но к самим сказкам относится не очень серьезно. Как это объяснить? Возможно, ответ кроется в особенностях отношений Жуковского с А. П. Зонтаг. Она была очень близким ему человеком. Их детство прошло вместе, потом Жуковский называл ее «одноколыбелицей» [Бекетова, 1929, с. 169]. Всю жизнь они общались и сотрудничали на литературном поприще. Еще в 1816 г., задолго до публикации сказок, он писал А. Зонтаг (тогда еще Юшковой) о совместной литературной работе:

Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания: это значит заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь. Это — национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимание. В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятия о нравах их и степени просвещения, и о старине. Я бы желал, чтобы вы, Анета, Дуняша и Като (племянницы Жуковского — Анна, Авдотья и Екатерина Юшковы. — *А. М.*), завели каждая по две белых книги: в одну записывать сказки (и сколько можно, теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину — суеверия, предания и тому подобное. Работа и не трудна, и не скучна. *Писать не нужно со старанием, записывать просто содержание. Все это*

привести со временем мое дело (курсив автора статьи. — А. М.) [Уткинский сборник, 1904, с. 89].

Жуковский собирал нечто вроде команды по собиранию фольклора, переводу лучших детских книг и изданию их в образовательных целях. Важно, что в письме он прямо берет на себя роль редактора.

И скорее всего, так же проходила работа над переводами. Его племянницы переводили, а он один или вместе с ними доводил тексты до кондиции. Возможно, так было и с подборкой сказок с «Красной Шапочкой». Может в этом и кроется разгадка их авторства? В любом случае, вопрос об авторстве перевода, опубликованного в 1826 г. в журнале «Детский собеседник», заслуживает дальнейшего тщательного изучения.

В 1867 г. в издательстве М. Вольфа вышло одно из самых известных изданий «Волшебных сказок» Перро [Перро, 1867]. На книге было указано, что автором перевода является И. С. Тургенев. Эпопея издания этого текста стала одной из самых непростых издательских историй в жизни великого русского писателя. Работу над ним он растянул на долгих пять лет:

В 1962 г. издатель Жюль Этцель предложил Тургеневу перевести этот сборник, который он намерен был издать в России со знаменитыми иллюстрациями Гюстава Доре. Тургенев сначала принял предложение с готовностью: «Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение: переводить Перро — это подлинно счастливый случай <...>».

Однако дальнейшая история этого перевода скорее служит подтверждением основного правила. В данном случае у Тургенева не было непосредственного интереса к произведению, и увлеченность к проекту быстро угасла. Он привлек к делу двух своих молодых соотечественников — Н. В. Щербаня и Н. В. Рашет. Сам он перевел всего две сказки и чрезмерно долго заставлял ждать обещанного предисловия, но т. к. он не обещал Этцелю об этой подмене, в сборнике переводчиком был назван только он [Жекулин, 2009, с. 53–54].

Ситуация осложняется тем, что согласно недавно опубликованному контракту, автором перевода «непременно должен был быть Тургенев» (Илл. 3) [Дмитришин, 2012, с. 492]. И понятно, почему это было сделано: «не подлежит сомнению, что само имя Тургенева на обложке немало способствовало успеху издания» [Там же, с. 499]. Писатель это прекрасно знал, но вынужден был пойти на подлог, предложив перевести сказки своим партне-

рам. Похоже и за редакторскую работу над этим текстом писателю братья особо не хотелось: он плохо вычитал книжку, или не сделал этого совсем. После ее выхода на Тургенева обрушилась справедливая критика, и он был вынужден оправдываться [Тургенев, 1990, с. 140].

Интересно, что переводы, выходящие под именем Тургенева

до сих пор переиздаются и тиражируются на сайтах в Интернете с весьма существенными изменениями, вплоть до подмены текстов переводов, но тем не менее по-прежнему пользуются спросом у введенных в заблуждение современных читателей, несмотря на тройной подлог (это уже и не сказки Перро, и не переводы Тургенева, и не переводы ассистентов Тургенева) [Власов, 2012, с. 247].

Практически одновременно в 1897 г., в типографии товарищества И. Д. Сытина появились две первых версии «Красной Шапочки», где текст Перро сконтаминирован с текстом сказки братьев Grimm. Первая сказка в сборнике «Бабушкины сказки», напечатанная анонимно, сохраняет завязку сказки Перро, однако финал в несколько измененном и укороченном виде уже позаимствован у Гриммов: дровосек подумав, что Красной Шапочки долго нет, пошел к бабушке и зарубил волка. «Потом вынул ножик и разрезал волку живот; оттуда выпрыгнула Красная Шапочка; за Красной Шапочкой вылезла старая бабушка» [Перро, 1897а, б/с].

Второе сытинское издание «Красной Шапочки» вышло в сборнике «Сказки. Волшебный мир» в переводе Е. Урсынович, автором сказки указывается Ш. Перро. Необходимо подчеркнуть, что это самое первое известное на сегодняшний день издание контаминированного текста сказок Перро и Гриммов в России, авторство которой приписывается Перро. Этот перевод сказки затем неоднократно переиздавался: в 1898 г., 1902 г., 1912 г. и 1915 г., но, тем не менее, не получил широкого распространения. Почему? Возможный ответ мы находим в исследовании

Илл. 3. Обложка первого издания перевода сказок Перро, приписываемого И. С. Тургеневу (1867)

В. Д. Алташиной: автор перевода стремилась русифицировать текст, вводя массу русских словечек.

В результате введенных дополнений сказка увеличивается вдвое, теряя ту простоту и обаяние, которые метко подметил Теофиль Готье, отнеся «Красную Шапочку» и «Синюю бороду» к «восхитительным историям, которыми не устает наслаждаться наивное восхищение ребенка и разумное восхищение взрослого» [Алташина, 2016, с. 254–255].

В первой трети XX в. продолжали издаваться переводы И. Тургенева, Е. Урсынович, Е. Лавровой, В. Андриевской, Ал. Алтаева, выходили и анонимные переводы (Илл. 4). Как ни удивительно, но в эпоху модерна, когда был расцвет издания европейской литературной сказки для детей в России, особо ярких изданий и переводов «Красной шапочки» не появилось. На общем фоне приверженностью к стилю модерн и качественным исполнением выделялись «Сказки Перро» с иллюстрациями А. П. Апсита, но при этом переводчик даже не был указан [Перро, 1916]. Необычной была «Красная шапочка», изданная в авторской серии для маленьких детей «Сказки-картинки», выпускаемой художником и детским писателем Валерием Карриком (1869–1943). Он сам пересказал сказку и нарисовал очень много картинок. Авторство Ш. Перро не указывалось, конец сказки был счастливым, но необычным. Случайный дровосек успевал помочь девочке еще до того, как ее проглотили. Да и сам волк, похоже, избежал гибели: «Взял дровосек волка за хвост, стал трясти — бабушка из него и вылезла. То-то радости было!» [Каррик, 1912, с. 29]. Важно, что применительно к изучаемой теме, в эти годы не выходило новых переводов или пересказов «Красной шапочки» Ш. Перро с измененным финалом — все сказки заканчивались гибелью героини. В первые советские годы ситуация оставалась такой же. Даже в изданных в 1918 г. и переработанных Е. Лилиной

Илл. 4. Иллюстрация В. Каррика к изданию 1912 г.

«Сказках Перро» «для самых маленьких детей» (это было указано на обложке) конец был трагическим. А вскоре, в середине 1920-х, началась кампания борьбы со сказкой, и с 1926 г. Ш. Перро перестали издавать.

Новые переводы сказки «Красная Шапочка» появляются уже в контексте новой советской детской литературы. В 1936 г. выходит сразу пять новых переводов этой сказки, причем в изданиях, адресованных и взрослому читателю, и предназначенных для детского чтения. Сборник «Сказки», вышедший в Москве в издательстве “Academia” в переводе под редакцией М. Петровского, и сборник под заглавием «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями» в переводе А. В. Федорова и Л. В. Успенского, выпущенный в Ленинграде в издательстве «Художественная литература», были предназначены для взрослой аудитории. Об этом свидетельствуют идентичность оригинальному французскому тексту “Histoires ou contes du temps passé” (включая восстановление поэтических нравоучений, они не издавались после перевода И. Тургенева), серьезные вступления к сборникам сказок и наличие в одной из книг научного комментария к сказкам [Алташина, 2016, с. 256].

Три издания сказки «Красная Шапочка», вышедшие в том же году, адресованы детям. Первое из них — пересказ текста Перро поэтом обзоритом А. И. Введенским, включено в сборник «Сказки братьев Grimm» [Гримм, 1936]. Над этой книжкой Введенский работал вместе с Д. Хармсом под руководством С. Я. Маршака в Ленинградской редакции Детгиза. Фамилия Хармса вполне могла бы появиться в выходных данных этой книги. Его записные книжки пестрят записями на эту тему. Среди них приведен список сказок, которые должен перевести Хармс [Хармс, 2002, с. 229]. Есть свидетельства, что он их переводил и сдавал редакторам: «Выготской сданы: Три пряжи, Муженек и женушка, Три брата, Храбрый портняжка. Габбе сданы: Умная Эльза, Hansel und Gretel, Волк и семеро маленьких козляток» [Хармс, 2002, с. 239]. Но потом что-то пошло не так: «Маршак сердится на меня за Гримма» [Хармс, 2002, с. 262]. «Надоели мне сказки Гримм. Но приходится возиться» [Хармс, 2002, с. 271]. В итоге, со стороны Хармса проект не осуществился, в вышедшей книге переводчиком был указан только А. Введенский.

Но важнейшую роль в истории адаптации текста «Красной Шапочки» в советской/российской традиции сыграли работы не этих

авангардных литераторов, а перевод, выполненный молодым писателем М. А. Булатовым (1913–1963). В это же время он работал над пересказом «Волшебных сказок» Перро [Перро, 1936а]. Книгу издавали помпезно, с иллюстрациями Г. Доре, в стиле тургеневского издания. Но главное было в том, как закачивался текст в пересказе М. Булатова:

Волк бросился на Красную Шапочку и проглотил ее. В это время мимо домика проходили дровосеки. Они услышали шум, вбежали в домик и убили Волка. Потом разрезали ему живот, и оттуда вышли Красная Шапочка и ее бабушка, — целы и невредимы [Перро, 1936а, с. 12].

Вскоре, в конце 1936 г. этот пересказ вышел повторно [Перро, 1936б], правда, Булатов в качестве автора перевода и обработки в выходных данных не упоминался. В ближайшие годы было анонимно переиздано еще несколько переводов М. Булатова.

Почему 1936-й год вдруг стал так богат на переводы сказок Перро? Которое всего, такое оживление издательской политики связано с итогами 1-го Всесоюзного съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 г., на котором была одержана победа в борьбе за сказку. Изданию сказочной классики дали зеленый свет. А до этого, как беспристрастно свидетельствуют библиографические источники, сказки практически не издавали, изымали из библиотек. Сказки Перро не печатали на протяжении 10 лет: с 1926 г. по 1936 г. [Книги для детей, 1979].

Подарочные издания «Сказок братьев Grimm» и «Волшебных сказок» Перро вышли почти одновременно, подписаны к печати были с разницей в четыре дня — 4 и 8 мая соответственно [Перро, 1936а], [Гримм, 1936]. Критика встретила Гриммов в пересказе Введенского доброжелательно, а Перро в изложении Булатова — в штыки. Критиковали люди, обладающие определенным авторитетом в литературе, и в детской тоже — В. Б. Шкловский, Е. Ю. Шаббад, А. П. Бабушкина и другие. Шкловский в «Правде» писал, что «книжка М. Булатова не вредная, но залезанная и заредактированная. <...> Сказки М. Булатова лишены сказочных витаминов, — здесь все засушено и засахарено» [Шкловский, 1936].

Темы трансформации финала сказки коснулась только ответственный секретарь журнала «Детская литература» А. П. Бабушкина (1903–1947) (позже она его возглавит, затем будет руководить «Мурзилкой» и станет известным исследователем детской литературы):

Конец сказки Булатов совершенно искажает <...>. Этот конец, заимствованный Булатовым у бр. Гримм, разрушает всю идею сказки Перро. Ведь Перро здесь учит детей осторожности, умению разглядеть за приветливым обликом волчью породу и нарочито дает трагическую развязку, а не благополучный конец. <...> Нам даже трудно понять, какие соображения здесь были у Булатова, — неужели только ложная педагогическая боязнь дать «страшное» детям? [Бабушкина, 1936, с. 9–10].

Может поэтому, потом в ближайшие годы почти все переводы этого автора выходили анонимно. Так было в 1937 г. [Перро, 1937б], 1941 г. [Перро, 1941] и 1945 г. [Перро, 1945].

В то время единая позиция о необходимости радикальной трансформации сказок еще не победила. Свидетельством тому парадоксальное анонимное издание пересказа Булатова в 1937 г.: от него отрезали хорошую концовку, восстановив трагический финал оригинала [Перро, 1937а]. Интересно, что сделано это было в редакции Детгиздата ЦК ВЛКСМ, в котором чуть раньше вышла «Красная Шапочка» в обработке М. Булатова. Более того, похоже, что оба этих издания готовил один и тот же коллектив: ответственным секретарем двух книг была детская писательница и переводчица Н. С. Шер (1890–1976). Это же издательство выпустило в 1940 г. еще один сборник сказок Перро в переводе Н. Медведковой, где «Красная Шапочка» заканчивалась классически, смертью героини и ее бабушки [Перро, 1940, с. 7].

Новые издания этой сказки (Илл. 5) стали появляться только ближе к концу войны в 1944 г. и 1945 г. Это был анонимно изданный пересказ М. Булатова [Перро, 1945а] и два других одинаковых анонимных перевода [Перро, 1944, Перро, 1945б]. Они имели счастливую развязку. С тех пор для детей больше не издавали «Красную Шапочку» с плохим концом. Интересная деталь — в 1948 г. Н. Медведкова, спустя 8 лет после первого

Илл. 5. «Книжка-малютка», изданная в 1944 г. с иллюстрациями В. Таубера

Илл. 6. Первое издание перевода «Красной шапочки» под редакцией С. Маршакa, иллюстрации П. Алякринского (1946)

издания своих переводов, повторно выпустила сборник Перро, расширив количество сказок до семи. Но среди них вместо своего раннего перевода «Красной Шапочки» с плохим концом она включила в книгу новый перевод Н. Касаткиной со счастливым финалом [Перро, 1948, с. 3–8]. Похоже, к этому времени в политике издания сказок Перро уже возобладало единое мнение. Наиболее важное в этом плане событие произошло в 1946 г., когда Госиздательство детской литературы Министерства просвещения выпустило книжку «Красная Шапочка» (Илл. 6), текст финала которой у многих читателей старшего поколения сохранился в памяти с детства: «Потом они распорили ему брюхо, и вышли оттуда Красная Шапочка и ее бабушка — обе целые и невредимые» [Перро, 1946б, с. 16]. На обороте книжки было напечатано: «Перевод под редакцией С. Маршакa». Именно эта «формула финала» печаталась обычно в миллионных тиражах «Красной Шапочки», проиллюстрированных классиками советской детской книжной графики — Б. Дехтеревым, П. Алякринским, Э. Булатовым, О. Васильевым, А. Рейпольским и др.

Почему счастливый финал возобладал в изданиях для детей? При всей очевидности однозначного ответа на этот вопрос нет. Представляется, например, что решение М. Булатова было обусловлено его профессиональной позицией. Как известно, он адаптировал

народные русские сказки и сказки народов СССР для маленьких детей. В 1935 г., еще до пересказа Ш. Перро, он издал для детей сборник «Русские народные сказки», потом в 1937 г. — «Гуси-лебеди. Сборник русских народных сказок, песенок, загадок и скороговорок», в 1957 г. вышла книга «Гора самоцветов. Сказки народов СССР». Эти и другие его издания с обработкой фольклора для детей выходили большими тиражами и многократно. «Теремок», «Колобок» и многие другие сказки для самых маленьких люди знают в его пересказе, но не знают его имени. В 1935 г. в «Литературной газете» в статье «Фольклор — детям» М. Булатов писал:

Имеет в этом деле огромное значение возраст. Если мы делаем ту или иную сказку или былинку малышу, мы вправе обработать, даже пересказать ее. Если же мы даем их подростку-юноше — мы не должны смущаться тем, что в мифе, былинке или песни есть кое-какая грубость, трудность [Булатов, 1935].

Это писалось, когда Булатов трудился над пересказом Ш. Перро для детей, и такой подход нашел свое отражение в «Красной Шапочке» и других сказках.

С. Я. Маршак, сыгравший важнейшую роль в изменении текста финала «Красной Шапочки», тоже был сторонником творческой переработки сказок. Но применительно к обсуждаемой теме важна и общественная позиция, которую он озвучил с трибуны Первого съезда советских писателей. Его выступление играло и директивную роль, ведь это был съезд победителей, выигравших войну за сказку. При этом не нужно преувеличивать, что победила сказка вообще, как таковая. Победители вели речь больше о новой сказке, о том, что ее надо избавить от пережитков старого. Удивительно, но в докладе С. Маршак уделил внимание именно «Красной Шапочке». Он говорит о ней, отвечая на свой же вопрос, возникла ли у нас хорошая детская сказка:

Надо прямо сказать: у нас еще нет такой сказки. Во всяком случае, то немногое, что в этом роде и написано, еще не может заменить по своей простоте, законченности и занимательности старинную «Красную шапочку» или каких-нибудь «Семерых козлят». В чем же тут дело? Может быть в тенденциозности наших детских сказок, в их морали? Но ведь и в «Красной шапочке» есть мораль, да еще какая назидательная! «Ежели тебя послали по делу, то не останавливайся по дороге, да не разговаривай с незнакомыми, а то еще — того и гляди — незнакомец окажется серым волком». А это ведь такое наставление, которое ни одному ребенку не может быть по вкусу. А между тем «Красную шапочку» дети готовы

слушать двадцать раз подряд. Это потому, что каждое положение в этой сказке так ясно по своей обстановке, последовательности и логике мотивов, что любой ребенок может поставить себя на место героини сказки, может играть в «Красную шапочку» [Маршак, 1934, с. 28].

Эта тема игры и сказки очень важна, она становится главной, когда Маршак начинает говорить о дошкольной книге:

Эта книга неразрывно связана с игрой ребенка, а игра для него — серьезное дело.

Значит дошкольная книга должна быть серьезна и действенна, как детская книга. Вот какие условия обязательны для дошкольной книги. А в нашей стране, где эти тоненькие цветные книжки расходятся в миллионах экземпляров, мы должны быть особенно осторожными в отборе стихов и прозы для маленьких. Между тем подавляющая масса книжек для этого возраста пока еще представляет чистейший брак <...> Надо полагать, что Детгиз скоро переиздаст для нее все лучшее из того, что появилось уже в советской дошкольной литературе, и напечатает хорошо обработанные сказки Андерсена, Топелиуса, братьев Гримм [Там же, с. 37–38].

Нет сомнений, что в этом списке должны быть и сказки Шарля Перро. И то, что будет происходить далее с изданием сказки «Красной Шапочки», хорошо иллюстрирует изложенные здесь мысли. Нет сомнения, что одно из ключевых слов в этом послании писателям — «*обработанные*»: сказки нужно обрабатывать, пересказывать. Второе важнейшее слово — «*игра*». А как можно играть в «Красную Шапочку», если героиня погибает? Здесь и заложена программа радикальной трансформации конца сказки в советской и постсоветской традиции.

Однако такая же трансформация текста сказки происходит и в других странах, например в США:

Жестокий конец почти полностью исчез из американских версий сказки. В большинстве из них, даже в тех, которые приписывают Перро, <...> Красную Шапочку и бабушку спасают невредимыми из брюха волка. Короче говоря, большинство американских пересказов сказки преобразовывают ее в ту версию, которая братьями Гримами публикуется в их сказках под номером 26, как «Красная Шапочка» [Hanks, 1978, p. 73].

Авторы этого исследования изучили все издания «Красной Шапочки», хранящиеся в местной библиотеке, в фонде библиотеки Университета Миннесоты и в Коллекции детских книг им. И. Керлана (Kerlan collection of children's books) при этом же универси-

тете: в подавляющем большинстве книг трагический финал сказки заменен хеппи-эндом [Ibid.].

Такой прием обработки сюжета Перро характерен и для современной традиции. Сандра Бэккет, изучавшая переработки текста «Красной Шапочки» в Европе, Австралии, Японии, Колумбии и Канаде, отмечает:

Большинство читателей, как взрослых, так и детей, не знают классическую французскую версию с ее жестоким концом. Даже у версий, которые приписывают Перро, часто есть успокаивающая концовка, как у братьев Гримм [Beckett, 2012, p. xvii-xviii].

Правда, при этом она отмечает, что изменяясь, сказка часто теряет авторство и снова становится анонимной [Ibid., p. xviii]. Как объяснить этот глобальный процесс? Ведь в других странах не было социально-политических факторов, сыгравших свою роль в радикальной трансформации текста сказки в Советском Союзе. Можно предположить, что это обстоятельство связано с процессом фольклоризации сюжета литературной сказки. Еще В. Я. Пропп обратил внимание на то, что волшебная сказка имеет очень жесткую структуру, которая связана с обрядом инициации. По своей структуре «Красная Шапочка» Перро и лежащие в ее основе фольклорные сказки именно таковыми и являются. В них есть типичные для ритуала инициации отлучение ребенка от родителей, избушка в лесу, мотивы испытания и проглатывания героини. Последнее символизирует ее временную смерть, за которой в классических волшебных сказках следует спасение. Если этого не происходит и все заканчивается смертью главного персонажа, это значит, что он не прошел испытание.

Закончив свою сказку описанием гибели героини, Перро поступил в соответствии с канонами нравоучительной литературы. В результате у него получилось что-то среднее между сказкой и басней. И стихотворная мораль, которой заключается каждая сказка, это лишний раз подчеркивает. Отчасти это связано с тем, что жанр литературной сказки еще только зарождался, к тому же Ш. Перро сам писал и переводил басни, почитал своего старшего современника Лафонтена, которому посвятил восторженные слова [Спор о древних и новых, 1985, с. 240–242].

Истории Перро многократно издавались в «Голубой библиотеке» — грошовых тоненьких книжках для народа [Арьес, 1999, с. 106]. Переделки его сказок — одни из самых популярных книг

**Схема. История переводов «Красной Шапочки» с 1768 по 1950 гг.
(начало)**

Финал	Сказки с плохим концом		Сказки с хорошим концом			
Критерии	Автор Ш. Перро	Не указан автор	Не указан автор, основа текст бр. Гримм	Не указан автор, основа текст Ш. Перро	Автор Ш.Перро, конец от бр. Гримм	
Варианты	I	II	III	IV	V	
Годы выхода книг	1768		О девочке в красненькой шапочке пер. Л. Воинов 1-е и 2 изд. [Перро, 1768]			
	1781					
	1795	Малинькая Красная Шапочка перевод анонимный 1-е и 2 изд. [Перро, 1795]				
	1805	Красная Шапочка пер. В.Баранов [Перро, 1825]				
	1825					
	1826					
	1828					
	1845	! Перевод приписывают Тургеневу неточно	Красная Шапочка перевод анонимный [Перро, 1845]	Красная Шапочка пер. Жуковского (?) [Жуковский, 1826]		
	1861		Красная Шапочка перевод анонимный [Перро, 1861]	Красная Шапочка пер. А. Зонтаг (был анонимный) [Зонтаг, 1828]		
	1862		Далее этот вариант не встречается			
	1867	Красная Шапочка пер. И. С. Тургенева(!) [Перро, 1867]		Красная Шапочка пер. А. Зонтаг 1-е и 2 изд. [Зонтаг, 1862]		
	1877	Маленькая Красная Шапочка пер. анонимный [Перро, 1877]				
	1894			Красная Шапочка пер. анонимный [Перро и Гримм, 1894]	Первая сказка на основе текста Перро с хорошим концом	Первая сказка Перро с хорошим концом
	1896	Красная шапочка пер. А. Усовой [Перро 1896]				
	1897	Красная шапочка пер. анонимный [Перро 1897е]				
Красная Шапочка пер. Б. Прозоровской [1897г]						
1898			Красная Шапочка пер. А. Алтаев [Перро и Гримм, 1898]	Красная Шапочка перевод анонимный [Перро, 1897а]	Красная Шапочка пер. Е. Урысьнович [Перро, 1897б]	
1899	Красная Шапочка пер. Е. Лаврова 1 и 2 изд. [Перро, 1899]					
1901			Красная Шапочка пер. В. Андреевской [Гримм, 1901]			
1912			Далее этот вариант не встречается	Красная-Шапочка пересказ В. Каррика [Каррик, 1912]		

Схема. История переводов «Красной Шапочки» с 1786 по 1950 гг. (продолжение)

Финал	Сказки с плохим концом		Сказки с хорошим концом			
Критерии	Автор Ш. Перро	Не указан автор	Не указан автор, основа текст бр. ГРИММ	Не указан автор, основа текст Ш. Перро	Автор Ш. Перро, конец от бр. ГРИММ	
Варианты	I	II*	III*	IV	V	
Годы выхода книг	1916	Красная Шапочка перевод анонимный [Перро, 1916]	} Взрослые издания	<div style="border: 1px solid black; border-radius: 15px; padding: 5px; width: fit-content; margin: 0 auto;">Первый в СССР пересказ текста Перро с хорошим концом</div>	<div style="border: 1px solid black; border-radius: 15px; padding: 5px; width: fit-content; margin: 0 auto;">Первый пересказ под ред. Маршака, ставший каноном</div>	<div style="display: flex; flex-direction: column; align-items: center;"> <div style="margin-bottom: 10px;">↓</div> </div>
	1918	Красная Шапочка пер. Е. Лилина [Перро, 1918]				
	1936	1. Красная Шапочка пер. под ред. М. Петровского [Перро, 1936]				
		2. Красная Шапочка пер. А. Федоров, Л. Успенский [Перро, 1936]				
	1937	Красная Шапочка переводчик М. Булатов не указан [Перро, 1937а]				
	1940	Красная Шапочка пер. Н. Медведкова [Перро, 1940]				
	1941					
	1944					
	1945					
	1946					
	1948					
	1949					
	1950					
после 1950						

Примечание: *Варианты II и III в эти годы уже не встречаются

в этой серии [Мягкова, 2006, с. 104–105]. Перейдя в круг широкого чтения, текст «Красной Шапочки» изменился: у сказки появился хороший конец и исчезло нравоучение. Эта трансформация была неизбежной, как неизбежным был уход со сцены нравоучительных историй о гибели ребенка, популярных в детской литературе 2-й пол. XVIII в. Оригинальную версию Перро сегодня можно найти лишь во взрослых и комментируемых изданиях. По сути, она стала литературным памятником.

Источники

- Андреев Н. П.* Сказки Перро // Перро Ш. Сказки. СПб., 2000. С. 5–32.
- Бабушкина А. П.* Оригинал и пересказ (Перро, Волшебные сказки) // Детская литература. 1936. № 14. С. 2–12.
- Бекетова Н. А., Зонтаг А. П.* // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855). Вып. 1 / ред. Н. В. Чехов, А. К. Покровская. Изд. ИМВР, 1929. С. 167–186.
- Булатов М. А.* Фольклор — детям // Литературная газета. 1935. № 46 (92). 20 авг. [Гримм] Любимые волшебные сказки для детей младшего возраста / пер. В. П. Андреевской. СПб. : Изд. Ф. А. Битепажа, 1901.
- [Гримм] Сказки братьев Гримм / пересказ А. Введенского; под ред. С. Маршака. М.-Л. : Изд-во дет. лит-ры ЦК ВЛКСМ, 1936.
- Гримм Я. и Гримм В.* Полное собрание сказок и легенд в одном томе / пер. с нем. Под ред. П. Полевого. М. : Изд. «АЛЬФА-КНИГА», 2009.
- Жуковский В. А.* Детские сказки // Детский собеседник. 1826. № 2. С. 95–124.
- Жуковский В. А.* Письмо Вяземскому П. А., 26 декабря 1826 г. // Жуковский В. А. Собр. соч. в 4 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1959–1960. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. 1960. С. 588–592.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / редкол. И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева и др., А. С. Янушкевич (гл. ред.). Т. 4. Стихотворные повести и сказки. М. : Яз. рус. культуры, 2011. С. 391–629.
- [Зонтаг] Повести для детей. Ч. 1: Повести для первого возраста. СПб. : Тип. А. Смирдина, 1828.
- Зонтаг А. П.* Волшебные сказки для детей первого возраста, изданные Анной Зонтаг, урож. Юшковой. М. : Изд. бр. Салаевы, 1862.
- Каррик В.* Сказки-картинки. № 4. СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1912.
- Книги для детей: произведения зарубежных писателей в переводах на русский язык, 1918–1978. Библиографический указатель. М. : ВГИБЛ, 1979.
- [Маршак] Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. : Худ. лит., 1934. С. 20–38.
- Перро Ш.* Сказки о волшебницах с нравоучениями / пер. с фр. Лев Воинов. М. : Печатаны при Имп. Моск. ун-те, 1768.
- Перро Ш.* Повести волшебныя с нравоучениями, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ, сочиненныя Господиномъ Перольтомъ, для дѣтей. «Contes des Fées avec des moralités», par Mr. Per[r]ault. М. : Въ вольной Тип. Рышетникова, 1795.
- Перро Ш.* Волшебныя сказки, или приятное занятіе отъ нечего делать. Соч. Перольта. Изъкоторыхъ взяты оперы и балеты, представляемые на Императорскихъ Театрахъ / пер. съ французскаго Имп. Моск. Театра Актеръ Барановъ. М., Въ тип. Августа Семена, 1825.

- Перро Ш.* Шесть сказок для детей / пер. с фр. СПб., 1845.
 [*Перро*] Волшебные сказки. СПб., Тип. Ю. Штауфа, 1861.
- Перро Ш.* Волшебные сказки Перро / Перевод с фр. И. Тургенева. СПб.-М. : Изд. книгопродавца и типографа М. О. Вольфа, 1867.
- [*Перро*] Знаменитые волшебные сказки Перро. СПб. М. : Изд. тип. Индрих, 1877.
- [*Перро* и *Гримм*] Сказка за сказкой. Сб. лучших волшебных сказок для детей младшего возраста по Гримму, Перро и др. СПб. : Изд. Ф. А. Битепажа, 1894.
- Бабушкины сказки. Из сборника сказок нашей бабушки. Для школьного возраста. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1897а.
- Перро Ш.* Волшебный мир: Сказки Перро / пер. Ек. Урсынович. М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1897б.
- Перро Ш.* Волшебные сказки Перро (Народная библиотека В. Н. Маракуева). Одесса : Южно-рус. об-во печ. дела, 1897в.
- Перро Ш.* Иллюстрированная сказочная библиотека Ф. Павленкова. Красная шапочка; Кот в сапогах; Спящая красавица; Синяя борода. Пер. с фр. Б. Д. Порозовской. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1897г.
- [*Перро* и *Гримм*] Былые небылицы: Семь любимых дет. сказок бр. Гримм и Перро / сост. А. Алтаев. С-Пб. : Изд. А. Ф. Девриен, 1898.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Волшебные сказки Перро / пер. Е. В. Лаврова. СПб. : Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова, 1899.
- [*Перро*] Сказки Перро / с рис. А. П. Апсита. М. : Изд. В. М. Саблина, 1916.
- [*Перро*] Сказки Перро / в обработке для маленьких детей Е. Лилиной. М. : Изд. И. Кнебель, 1918.
- Перро Ш.* Волшебные сказки / пересказал для детей М. Булатов. рис. Густава Доре. М.-Л. : Детиздат, 1936а.
- Перро Ш.* Сказки. Маленькая библиотека / рис. Густава Доре. М.-Л. : Детиздат, 1936б.
- Перро Ш.* Сказки / пер. под ред. М. Петровского; вступ. ст., коммент. Н. П. Андреева. М.-Л. : Academia, 1936в.
- Перро Ш.* Сказки матушки Гусыни, или истории и сказки былых времен с поучениями / пер. А. Федорова и Л. Успенского; вступ. ст. В. М. Блюменфельд, Л. : Гос. изд. Худ. лит-ра, 1936г.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Книжка-малышка. М. : Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937а.
- Красная Шапочка. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1937а.
- Перро Ш.* Красная Шапочк. / Пер. Н. Медведкова. М.-Л. : Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1940.
- [*Перро*] Красная Шапочка. Харьков : Изд. харьковского товарищества «Художник», 1941.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. М. : Детгиз, 1944.
- Красная Шапочка. Нальчик : Изд. газеты «Кабардинская правда», 1945а.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Ставрополь : Книгоиздательство Ставрополь, 1945б.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1946а.
- Перро Ш.* Красная Шапочка / пер. под ред. С. Маршака. Гос. изд. детской лит-ры Мин-ва просвещения. Л., 1946б.
- Перро Ш.* Волшебные сказки / пер. Н. Медведковой и Н. Касаткиной. Гос. изд. детской литературы Мин-ва просвещения РСФСР. Л. : 1948.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Гос. изд. художественной литературы ССР. Вильнюс, 1949а.
- Перро Ш.* Красная Шапочка. Латгосиздат. Рига : 1949б.
- Перро Ш.* Красная Шапочка / пер. под ред. С. Маршака. Гос. изд. детской литературы Мин-ва просвещения РСФСР. Л. : 1949в.

Перро Ш. Красная Шапочка. Гос. изд. художественной литературы ССР. Вильнюс : 1950а.

Перро Ш. Красная Шапочка. Молотовгиз. Молотов: 1950б.

Сочинения и переписка П. А. Плетнева / по поруч. 2 Отд. Акад. наук изд. [и снабдил предисл.] Я. Грот. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук. Т. 3: [Статьи, стихотворения, переписка с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским]. 1885.

Спор о древних и новых / сост., вступ. ст. В. Я. Бахмутского. М. : Искусство, 1985.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма в 18 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: М. П. Алексеев и др.]. М. : Наука, 1990. Т. 7. 1866 – июнь 1867.

Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.

Хармс Д. Записные книжки. Дневник: в 2 кн. Кн. 1 / подготовка текста Ж.-Ф. Жакара и В. Н. Сажина, вступ. статья, примеч. В. Н. Сажина. СПб. : Академ. проект, 2002.

Шкловский В. Б. Пирог с изюмом // Правда. 1936. №289 (6895). 19 окт.

Исследования

Beckett S. L. Recycling Red Riding Hood. New York: Routledge, 2012.

Hanks C., Hanks Jr. D. T. Perrault's "Little Red Riding Hood": Victim of the Revisers // Children's Literature. Vol. 7. 1978. P. 68–77.

Алташина В. Д. Новые приключения Красной Шапочки в России (Часть II: 1871–2014). // Франция и Россия: век XVII. Коллективная монография / отв. ред. К. Кашлявик. Нижний Новгород : Радонеж, 2016. С. 250–262.

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Екатеринбург : Изд. Уральского ун-та, 1999.

Власов С. В. Приключения Красной Шапочки в России (Часть I: 1768–1867) // Франция и Россия: век XVII. Коллективная монография / отв. ред. К. Кашлявик. Нижний Новгород : Радонеж, 2016. С. 234–249.

Дмитришин И. Тургенев и «Волшебные сказки» Шарля Перро в России // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. М.-СПб. : Альянс-Архео, 2012. Вып. 3. С. 489–501.

Жекулин Н. Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб. : Альянс-Архео, 2009. С. 48–94.

Канунова Ф. З., Айзикова И. А., Никонова Н. Е. Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.

Трубицын Н. Н. О сказках В. А. Жуковского // Русский филологический вестник, 1913. № 1. С. 130–146.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М. : НЛЮ, 2016.

Примечания

¹ На данный момент о Льево Воинове нет никаких сведений.

² Нарышкин Лев Александрович (1733–1799) — влиятельный вельможа при дворе Петра III и Екатерины II.

³ Пьер Перро Дарманкур / Д'Арманкур (1678–1700)

⁴ Елизавета Шарлотта де Бурбон-Орлеанская (1676–1744)

⁵ См. «Охотник проходил как раз в это время мимо бабушкина дома и подумал: “Что это старушка-то так храпит, уж с ней не приключилось ли что-нибудь?”»

Вошел он в дом, подошел к кровати и видит, что туда волк забрался. “Вот где ты мне попался, старый греховодник! — сказал охотник. — Давно уж я до тебя добираюсь”.

И хотел было убить его из ружья, да пришло ему в голову, что волк, может быть, бабушку-то проглотил и что ее еще спасти можно; потому он и не выстрелил, а взял ножницы и стал вспарывать спящему волку брюхо.

Чуть только взрезал, как увидел, что там мелькнула красная шапочка; а дальше стал резать, и выпрыгнула оттуда девочка и воскликнула: “Ах, как я перепугалась, как к волку-то в его темную утробушку попалась!”

А за Красною Шапочкою кое-как выбралась и бабушка-старушка и еле могла отдышаться.

Тут уж Красная Шапочка натаскала поскорее больших камней, которые они и навалили волку в брюхо, и зашили разрез; и когда он проснулся, то хотел было улизнуть; но не вынес тяжести камней, пал наземь и издох.

Это всех троих порадовало: охотник тотчас содрал с волка шкуру и пошел с нею домой, бабушка поела пирога и попила винца, которое ей Красная Шапочка принесла, и это ее окончательно подкрепило, а Красная Шапочка подумала: “Ну, уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги, не слушаюсь больше матушкиного приказания”» [Гримм, 2009, с. 159–160].

М. Костюхина

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРОКЛАМАЦИЯ

Среди детских писательниц 2-й пол. XIX в. Мария Константиновна Цебрикова (1835–1917) занимает особое место. Широко известная как автор острополитического «Письма Александру III» Цебрикова написала множество статей по вопросам детского чтения и воспитания. Использование педагогической площадки для высказывания оппозиционных идей в условиях российской цензуры было не редкостью, но не от лица дам-писательниц. Даже отчаянная гарибальдийка А. Н. Толиверова, издательница «Игрушечки», придерживалась в журнале традиционной роли «гуманной наставницы»¹, а А. Н. Анненская, талантливая писательница из круга народников, лозунгам борьбы предпочитала прагматику малых дел (применительно к героиням своих произведений)². М. Цебрикова отказалась от позиции «гендерной благонамеренности» в целях пропаганды социальной борьбы и гражданских идеалов на страницах детских и педагогических изданий.

Источники сюжетов произведений Цебриковой следует искать в ее биографии. Будущая писательница родилась в семье генерал-лейтенанта Константина Цебрикова, служившего в Кронштадте (там Цебрикова родилась и провела свое детство). Отец был представителем религии «престол-отечества», до конца жизни преданный царю и России морской офицер. Этот биографический факт Цебрикова однако использовала не для того, чтобы засвидетельствовать благонамеренность родителя. Изображая отца человеком чести и совести, Цебрикова показывала неизбежность его столкновения с военно-чиновничьей системой [Цебрикова, 1902]. «Отец дал мне крупную мерку честности, патриотизма, человеческого достоинства, христианской морали <...>» [Цебрикова, 1901а, с. 27]. Цебрикова описала драматические ситуации, свидетельницей которых она была в детстве: отцу приходилось выбирать между честью офицера и материальным благополучием семьи (коррупция

в армии считалась нормальным делом, а отец, служивший на таможне, пытался противиться этому). Дочь во всем поддерживала отца и была готова разделить с ним материальные тяготы [Цебрикова, 1911]. Противоположную позицию занимала мать, образ которой в произведениях Цебриковой наделен негативными чертами («институтка», стремившаяся воспитать дочь по гендерным образцам дворянского сословия). Большое значение для формирования жизненной позиции будущей писательницы имел родной брат отца — Николай Романович Цебриков (1800–1866). Как участник восстания декабристов, он был разжалован в солдаты и сослан в Сибирь, затем отбывал службу на Кавказе. Николай Цебриков сидел в одном каземате с Пестелем и Каховским, их последние дни он описал в «Воспоминаниях о Кронверкской куртине», которые отослал А. И. Герцену в «Полярную звезду», где тот и опубликовал их в 1861 г.

Мария познакомилась с дядей после переезда семьи в Москву в 1855 г. Дядя ввел племянницу в круг оппозиционной московской молодежи, где Цебрикова обрела опыт гражданского мышления. Псевдонимы писательницы (Н. Р., Н. Николаев, М. Николаева) составлены из инициалов Николая Романовича в знак уважения к нему. Когда дядя вернулся из ссылки, между братьями начались горячие споры. По свидетельству Цебриковой, отцу часто нечем было возразить брату-оппозиционеру (Николай, например, считал неизбежным поражение в Крымской кампании и призывал извлечь уроки из этого).

Среди значимых личностей Цебрикова называла Александру Назимову, свою дальнюю родственницу, бывшую одной из первых сестер милосердия в Севастополе. В личности Назимовой Цебрикова видела «силу светлой, правдивой, нелгущей женской души. Томимая душевным голодом в двадцать лет, я на нее накинута как на здоровый хлеб» [Цебрикова, 19016, с. 67]. Встречу с Назимовой Цебрикова описала в «Записках бабушки» (1902). Традиционную в русской литературе форму «записок» и «воспоминаний из детства» Цебрикова использовала для рассказов о становлении в юности гражданского самосознания.

Как литератор и публицист Цебрикова сформировалась в журнале «Отечественные записки». Когда Н. А. Некрасов спросил у молодой писательницы адрес, Цебрикова отказалась назвать, объяснив тем, что дома жгут ее рукописи (мать негативно относилась к занятиям дочери литературой). «Некрасов отечески-вразумительным тоном

сказал: “А вы предъявите свои права”, — и получил ответ: “Какие? Справлялась в X томе свода законов”, не нашел, что возразить» [Могилянский, 1971, с. 108]. В «Отечественных записках» были напечатаны статьи Цебриковой, имевшие широкий общественный резонанс — «Женские типы Шпильгагена» (1869), «Герои молодой Германии» (1870), «Псевдоновая героиня» (1870) и др. Литературные произведения молодой критик рассматривала с точки зрения выражения в них общественной позиции писателя, и такой подход был в традициях русской демократической журналистики. Цензор Ф. Толстой докладывал, что «статьи ее по методу и приемам напоминают манеру покойного Писарева, который в рецензиях своих более занимался, как известно, развитием собственных своих философских воззрений, чем разбором оцениваемого или критикуемого им произведения» [Боград, 1971, с. 395]. Образцом писателя-гражданина для Цебриковой был Некрасов, на смерть которого она отозвалась глубоко прочувствованным некрологом. «Россия лишилась лучшего поэта нашего времени» [Цебрикова, 1878, с. 37], он «песнями своими будил в нас чувство святой скорби и чувство любви к страдающим братьям, учил нас быть гражданами родной земли» [Там же, с. 49]. В собственном творчестве Цебрикова ориентировалась на некрасовский стиль и народническую патетику.

Цебрикова сотрудничала в различных изданиях («Дело», «Русская мысль», «Русское богатство», «Неделя» и др.), выступая в новаторской для русской журналистики роли женщины-публициста. Внимание к женскому вопросу было главным в ее литературно-общественной деятельности, тесно связанной с народническим движением.

Оппозиционность Цебриковой привлекла к ней пристальное внимание полиции и цензуры, что заставило ее печататься под псевдонимами или без подписи. Цебрикова писала в 1874 г. редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Т. к. я, Аллах ведает, почему, удостоилась особенного преследования цензуры, то я оставляю на Ваше благоусмотрение оставить мою подпись или нет, если статья нужна. От [ечественные] Зап [иски] второй год уже печатают мои статьи без подписи ради этой причины» [Стасюлевич, 1913, с. 157]. Готовность отказаться от известности публициста и литературной славы ради возможности высказаться по общественным вопросам характеризует личность Цебриковой.

Переводы Цебриковой были продолжением ее публицистики. Цебрикова написала предисловие к книге Д. С. Милля

«Подчиненность женщины» (перевод Марко Вовчек. СПб., 1870), перевела книгу соратницы А. И. Герцена Мальвиды Мейзенбург «Записки идеалистки. Между двумя революциями 1830–1848 гг. Мемуары женщины Германии сороковых годов» (СПб., 1871). Она первой познакомила русских читателей с творчеством Марка Твена, публикуя в 1874 г. в «Отечественных записках» перевод его романа «Мишурный век»³, написанного в соавторстве с Чарльзом Уорнером (1829–1900).

В роли педагога-публициста и детского писателя Цебрикова выступила в журнале «Детский сад» (редакторы А. С. и Я. М. Симонovich). Среди первых публикаций за подписью Цебриковой — статьи «Предупредительная мать. Дети сами выучиваются всему» (1868, № 1–2) и «Несчастья детства» (1868, № 3–4), затем Цебрикова становится постоянным автором этого издания и публикует в нем более сотни статей и материалов. В 1876 г. она выкупает журнал и фактически становится его главным редактором вплоть до закрытия в 1881 г. На титульном листе имя Цебриковой не значилось (из опасений цензуры), но всю работу по изданию объемного литературно-педагогического журнала она выполняла сама. В письме к И. З. Сурикову Цебрикова писала: «...теперь я сама и редактор, и корректор, и экспедитор, и секретарь» [РО РГБ. Ф. 295. Карг. 5335]. Поскольку тематика журнала, редактируемого Цебриковой, выходила за круг проблем дошкольного образования, журнал с 1877 г. стал издаваться под названием «Воспитание и обучение»⁴. Главной задачей журнала Цебрикова считала разъяснение «нравственных вопросов воспитания», в первую очередь, народолюбия и гражданственности. Поддержку своим взглядам Цебрикова искала как у современников — Н. В. Шелгунова, О. Н. Поповой, Е. И. Конради, так и у педагогов прошлого — ею написаны статьи о И.-Г. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсере и др. Глубокое уважение у Цебриковой вызывал К. Д. Ушинский, анализу деятельности которого она посвятила статью [Цебрикова, 1872] и отозвалась на его смерть некрологом [Цебрикова, 1871, с. 40].

Среди публикаций Цебриковой были работы на тему преподавания литературы [Цебрикова, 1877]. Значение литературы она видела в том, что та дает юношеству «идеалы развития, братства, любви к народу» [Цебрикова, 1876, с. 119]. Недостатком школьного курса литературы писательница считала умалчивание имен оппозиционных писателей и критиков — А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова.

Статьи, повести и рассказы Цебрикова печатала в близких ей по духу журналах, среди которых «Детское чтение», «Педагогический музей» «Женское образование», «Русская школа», «Образование» и прочие. Многие из произведений «педагогической беллетристики» Цебриковой вышли отдельными изданиями. Типы ее героев резко делятся на идеологов и их антагонистов. В роли идеологов выступают дети, с болью относящиеся ко всем проявлениям социальной несправедливости [Цебрикова, 1873; Цебрикова, 1875]. Не по летам задумчивые они вызывают отчуждение в среде ровесников и неприязнь у своих родных. Последние идут на все, чтобы сломить «странных» детей, что приводит, в итоге, к гибели страдальцев⁵. Произведения Цебриковой о детях вызвали противоречивые оценки. Положительными рецензиями отмечена повесть «Записки бабушки», сборник «Детские рассказы», «Быль-небылица»⁶. Тяжелый, порой мрачный колорит произведений Цебриковой вызывал нарекания со стороны критиков, в том числе и среди сотрудников журнала «Детский сад». Рецензент И. Белов писал о рассказе Цебриковой «Набор»: «все наиболее талантливые, умные статьи для детей, появившиеся в последнее время, носят характер грусти, уныния» [Белов, 1873, с. 275]. Цебрикова возражала на эти упреки: «пусть дети учатся сострадать невинным жертвам, негодовать на тех, кто бывает причиной страданий <...>» [Цебрикова, 1880, с. 140]. Призывы к сочувствию не были пустым звуком в условиях политической реакции, тюрем и каторги. Издатели народнического круга поддерживали заданное Цебриковой направление журнала «Воспитание и обучение»: «статьи, данные им, в общей сложности ставят перед читателями целую систему, целое педагогическое мирозерцание» [Тихомиров, 1877, с. 208].

Произведения Цебриковой на тему крестьянской жизни предназначались как для детского, так и для народного чтения. Агитаторы использовали их во время пропагандистских бесед. Наличие цензурного разрешения значительно облегчало работу по распространению этой литературы. В «Сказке про трех мужиков и бабу Ведунью»⁷ рассказана история трех крестьян: мироеда, который печется только о своей наживе, и двух мужиков, нашедших счастье в служении народу. Жизнь и смерть последних героизируется Цебриковой в стиле поэтики Некрасова. Рассказ «Дедушка Егор», подписанный псевдонимом Н. Р., впервые опубликованный в 1872 г., также использовался пропагандистами в качестве агитационной литературы. Герой рассказа крестьянин

Егор единственный среди односельчан решился высказать протест и был сослан за вольнодумство на каторгу. Рассказ призывал крестьян к совместным действиям против представителей власти (всех не посадят, а одиночка всегда обречен). Известный педагог В. Острогорский назвал «благой тенденцией — служить на общую пользу» и рекомендовал педагогам читать этот рассказ детям вслух и обсуждать с ними прочитанное [Острогорский, 1879, с. 133]. Эти рекомендации относились также к учителям народных и фабричных школ. Известно, что упоминание рассказа «Дедушка Егор» «встречается во многих следственных показаниях по «процессу 50-ти» и «193-х»⁸ [Базанов, 1973, с. 133]. При обысках на явочных квартирах неоднократно изымались брошюры с рассказами Цебриковой, читавшимися среди рабочих. Наибольшее сочувствие у слушателей вызывал герой, который предпочел пойти на каторгу, но не предал односельчан: «Дедушка Егор был превыше всех людей, любил народ, зато и в Сибирь был сослан, что за народ стоял» [Там же, с. 134]. Образы народных страдальцев в педагогической беллетристике Цебриковой служили иллюстрацией к политическим призывам в прокламациях агитаторов. В контексте детской литературы они прочитывались как примеры милосердия и народолюбия.

Литературно-издательская работа Цебриковой шла одновременно с общественной деятельностью. Она занималась организацией вечерних публичных курсов для женщин (Владимирских, Аларчинских, Высших женских курсов при Петербургском университете), была членом «Общества для доставления средств высшим женским курсам» (многие произведения Цебриковой были изданы в пользу женских курсов). Борясь за право женщин на образование, Цебрикова в то же время сторонилась ультра-феминистических требований (например, освободить женщин от воспитания детей).

Общественная позиция Цебриковой сблизила ее с различными деятелями освободительного движения в России и за границей (среди них М. Бакунин, П. Лавров, В. Берви-Флеровский, С. Степняк-Кравчинский, Н. Шелгунов, Э. Войнич, В. Фигнер и др.). Она была близка к участникам народнических кружков (петербургский кружок «чайковцев»), но решительно возражала против призывов к «кровавым» жертвам. Писательница активно помогала заключенным, сотрудничая с Международным красным крестом, принимала личное участие в судьбе ссыльных, помогая устроить их детей, найти работу, собрать деньги на лечение.

В 1889 г. Цебрикова опубликовала «Письмо к Александру III», вызванное протестом против контрреформ правительства в области судопроизводства и образования. Цебрикова не претендовала на исключительность в выражении своего протеста (хотя никто из писателей не поддержал ее в написании письма, поэтому протест получился личным). Необычным было то, что так высказывалась женщина. Индивидуальность стиля и яркая образность, отличавшие «Письмо», дали право С. Венгеру назвать его «замечательным произведением русской беллетристики» [Цебрикова, 1906, с. 4]. История публикации письма была бы похожа на остросюжетный роман, если бы не грозила автору тяжелыми последствиями. Несмотря на гневную реакцию, вызванную письмом, Александр III признал: «что отечество свое она все-таки любит» [Там же, с. 44]. После публикации письма Цебрикова была арестована и сослана на 3 года в Вологодскую губернию. На достаточно мягкий приговор суда, возможно, повлияло широкое международное участие к судьбе Цебриковой, ее известность как педагога и издателя. В среде ссыльных Цебрикова была старшей по возрасту, и молодежь называла ее «матерью-командиршей». После возвращения из ссылки Цебрикова получила право выезжать во все губернии, кроме столиц, а затем в Москву и Петербург, но этим правом она не воспользовалась (здоровье и силы были подорваны).

Несмотря на то, что в последние годы Цебрикова не принимала участия в литературной и общественной жизни, ее произведения, написанные для детей, широко переиздавались. Актуальность их использования в агитационных целях после революции 1905 года отпала, но идеалы гражданского служения, представленные на примерах из детской и народной жизни, сохраняли значимость. Это дало право А. Флерову, автору указателя книг по детской литературе, назвать Цебрикову «почтенным автором», переиздания книг которого «будут встречены читателями с большим удовольствием, тем более, что г. Цебрикова принимала нередко участие в педагогических журналах и с особым вниманием относилась к вопросам воспитания» [Флеров, 1905, с. 399].

Источники

Анненская А. Н. Зимние вечера: сб. / сост. и авт. вступ. ст. Е. Путилова. Л. : Дет. лит., 1990.

Белов И. [Рецензия] // Детский сад. 1873. № 4–5.

М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. / под ред. М. К. Лемке. СПб., 1913. Т. 5. С. 150–159.

- Острогорский В.* [Рецензия] // Педагогический листок. 1879. № 2. С. 133.
- Тихомиров А.* [Рецензия] // Педагогический музей. 1877. № 3. С. 208.
- Флеров А. Е.* Указатель книг для детского чтения: опыт критического обзора детских книг. М., 1905.
- Цебрикова М. К.* Воспитательное значение литературы // Детский сад. 1876. № 3.
- Цебрикова М. К.* Воспитание души и ее сил. Опыт педагогической антропологии К. Ушинского // Детский сад. 1872. № 7–12.
- Цебрикова М. К.* Детские рассказы. СПб. : тип. П. П. Меркульева, 1875.
- Цебрикова М. К.* Детская впечатлительность: из записок воспитательницы // Воспитание и обучение. 1880. № 3.
- Цебрикова М. К.* Записки бабушки. СПб. : тип. Училища глухонемых, 1902.
- Цебрикова М. К.* Константин Дмитриевич Ушинский. Некролог. // Детский сад. 1871. № 1.
- Цебрикова М. К.* Мой отец. М. : ред. журн. «Юная Россия», 1911.
- Цебрикова М. К.* Молодые всходы старой полосы // Русское богатство. 1897. № 1–2.
- Цебрикова М. К.* Наше обучение русской литературе // Воспитание и обучение. 1877. № 7–8.
- Цебрикова М. К.* Н. А. Некрасов // Воспитание и обучение. Прилож. к № 2. [1878]. за подп. М. Артемьева.
- Цебрикова М. К.* Письмо к Александру III: с прил. напис. для настоящего изд. воспоминаний авт. [и письма к Д. Кеннану]. СПб. : Центр. типо-лит. М. Я. Минкова, 1906.
- Цебрикова М. К.* Пятидесятые годы // Вестник всемирной истории. 1901а. № 10.
- Цебрикова М. К.* Пятидесятые годы. Из воспоминаний о войне 1853–55 гг. // Вестник всемирной истории. 1901б. № 11.
- Цебрикова М. К.* Сестра Катя // Детский сад. 1873. № 1–5.
- Цебрикова М. К.* Письмо И. З. Сурикову // РО РГБ. Ф. 295. Карт. 5335.

Исследования

- Базанов В. Г.* От фольклора к народной книге. Л., 1973.
- Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868–1884. М., 1971.
- Исаев И. Ф., Чернявская Н. Э.* Педагогические повести М. К. Цебриковой // Педагогика. 2009. № 7.
- Кайдаш-Лакишина С. Н.* Судьбы великих русских женщин. М., 2005. С. 341–378.
- Кулиш Ж. В. М. К. Цебрикова.* Общественная и литературно-критическая деятельность. Воронеж, 1988.
- Мануйлов В. А. М. К. Цебрикова и ее воспоминания* // Звезда. 1935. № 6. С. 176–189.
- Могиланский А. П.* Новые данные о М. К. Цебриковой // Русская литература. 1971. № 1. С. 102–111.
- Чернявская Н. Э.* Цебрикова М. К. Педагогические взгляды. Белгород, 2010.

Примечания

¹ Александра Николаевна Пешкова-Толиверова (урожд. Сусоколова, в первом браке Тюфяева, во втором — Якоби, в третьем — Пешкова; литературный псевдоним Толиверова, 1841–1918), участница гарибальдийского движения, одна из первых российских феминисток, писательница и переводчица.

² Анненская Александра Никитична (1840–1915), детская писательница, переводчица, сестра народовольца П. Ткачева, жена общественного деятеля П. Анненского.

Наибольшую известность ей принесли повести «Брат и сестра» (1880), «Анна» (1881), рассказы «Мои две племянницы» (1882), «Надежда семьи» (1882), перевод «Робинзона Крузо» Дефо (1882). Произведения Анненской после длительного перерыва были возвращены в литературу Е. О. Путиловой, сопроводившей издание обширной вступительной статьей [Анненская, 1990].

³ В переводе М. К. Цебриковой роман вышел отдельным изданием в 1874 г., в настоящее время более известен в переводе К. Жихаревой под заглавием «Золотой век».

⁴ См. о смене названия «Воспитание и обучение». 1876. № 1–2. стр. не нум., оборот обложки.

⁵ См. Цебрикова М. Маменьки // Детский сад. 1868. № 3–4; Цебрикова М. Самодуры // Детский сад. 1873. № 1–12; Записки гувернантки // Детский сад. 1874. № 3–6 и др.

⁶ См. Флеров А. Указатель книг для детского чтения. М., 1905. С. 498–499; Педагогический сб., вып. IV, 1881, С. 929–930; Педагогический листок, 1876, № 1. С. 87; Женское образование, 1877, № 9. С. 559–561 и др.

⁷ Первая публикация в журнале «Воспитание и обучение» за 1879 г.

⁸ «Процесс 50-ти» и «Процесс 193-х» — политические процессы над революционерами-народниками, проходившие в Санкт-Петербурге в 1877–1878 гг. Их участникам инкриминировалось «хождение в народ» и организация тайного общества с целью свержения существующей власти.

ЭССЕ

И. Арзамасцева

ШКОЛА ДЛЯ БУРАТИНО, ИЛИ «ГРУСТНЫЕ И ПРОЗРАЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ»

Все «взрослые» прочтения, сколь бы точны или вольны они ни были, не могут дать ответа на вопрос о природе детскости «Золотого ключика». Как бы то ни было, дети-читатели не обратили ни малейшего внимания на страсти взрослых, они приняли Буратино, Мальвина, Пьеро, Артемона и даже Арлекина в круг лучших друзей — и хорошо сделали. Сказка зажила собственной жизнью, а история «Золотого ключика» все-таки лучше, радостнее изложена автором в том самом предисловии.

В пестрой ткани сказки есть, пожалуй, два фрагмента, производящие впечатление абсолютных эмблем детства — лужайка Мальвины и пруд Тортилы. Игрушечные статуэтки советской поры во множестве представляли Буратино на листе кувшинки: в этом образе подчеркивалось и мальчишеское счастье и готовность к новым проказам. Мальвину изображали чаще всего на фоне белого домика, среди цветов и бабочек — в основном, этому сюжету отдавали предпочтение девочки в своих рисунках к сказке.

Именно этим картинам писатель несколькими точными штрихами придал наивное очарование и привнес в них нечто из самого сердца, из глубин памяти. Истоки ностальгии по утраченному Эдему восходят к раннему творчеству писателя, к произведениям о родном Заволжье.

Повесть «Петушок (Неделя в Турене)»:

После ужина Николушка вышел в сад, глубокий и сырой под ясным месяцем, настроившим меланхолично томные голоса древесных лягушек. Резко и нахально врываясь в их хор, кричала квакуша, охваченная любовной тоской. На поляне, уходящей вниз, к реке, путался в траве туман.

Николушка вошел в полусгнившую беседку над заводью, куда каждую весну подходила Волга, и, чиркнув спичкой, спугнул бестолково завозившихся под крышей голубей.

Отсюда видны были поемные луга с клубами тумана над болотами, черная гряда ветел у мельничной запруды и далеко, на самом горизонте, высокая, сияющая местами, как чешуя, длинная полоса Волги.

Вдыхая ночной запах травы, земли и болотных цветов, Николушка вспомнил давнишнее. И то, что было, и то, что, быть может, видел он во сне — ребенком, — смешалось неразрывно в грустные и прозрачные воспоминания [Толстой, 1951, с. 259].

В той же повести расстилаются «далеко ушедший туман детства» [Там же, с. 269], «дымные луга» [Там же, с. 263].

В рассказе «Мечтатель (Аггей Коровин)» переплетаются те же мотивы:

...поляна сада, где широко разрослись одичавшие розы, и две полукруглые аллеи, и старые яблони, и куртины сирени, окаймленные петуниями, ромашками, резедой [Толстой, 2014, с. 1].

Ночь закрыла полосу заката. Возникли звуки, всегда таинственные, как будто сама темнота шевелилась в кустах, ломала ветку и меланхолично ухала вдруг далеко за прудом, где, сидя на пловучих листьях, пели, надув брюшки, маленькие лягушки [Там же, с. 2].

Пруд служит музыке ночью, а днем, в свете солнца, пруд — отличное место для детей и их наставников. Можно сказать, ночью — пруд артистический, мир чистого искусства, а днем — пруд педагогический, школьный.

Если перед нами роман для детей (в чем есть поводы усомниться), то это роман воспитания, точнее, пародия на него. При этом настоящей целью пародирования в этом жанровом аспекте, на наш взгляд, являлась для автора современная школа. Не будем забывать о том, что в пору работы над «Золотым ключиком» Алексей Николаевич — отец двух сыновей, младшему из которых в 1933 г., когда был подписан договор с Детгизом, исполнилось десять лет. В это время советская школа переживает очередные болезненные реформы. Для старшего сына отцом был создан настоящий шедевр — «Детство Никиты»¹, первая публикация повести была задумана в итальянском журнале. Разве младшему сыну не полагалось произведение, эстетически равноценное, с отчетливым мотивом школы жизни и школы в обычном ее понимании?

Буратино проходит через несколько школ. Первая из них — так сказать, домашняя, это назидания папы Карло и Говорящего

Сверчка. Вторая — театр, точнее, театры. Еще есть странная до фантазмагории школа Мальвины, есть школа мошенников и, наконец, школа пруда.

Эпизод, когда Буратино продает свою красивую азбуку и покупает билет в кукольный театр, помимо прямой аналогии со сказкой-источником, имеет, на наш взгляд, области сближения с экспериментальными формами школы.

Классическая школа, построенная Я.-А. Коменским по принципу классно-урочной системы и созданная для доиндустриального общества, в условиях XX в.

начала переживать кризис, что и вызвало поиск новых образовательно-педагогических принципов и форм образования.

К нач. XX в. Германия сделалась основным поставщиком новых педагогических теорий и школьных технологий, захватила она и большую часть детского книжного рынка в Европе и в России.

Уроки Мальвины наглядно доказывают бесполезность классно-урочной школы и нежизненность связанной с нею утопической концепции «золотого детства». Буратино, не видящий логики в задачке о двух яблоках, вне пределов лужайки Мальвины отлично считает свои сольдо.

В европейских странах (прежде всего Германии с ее высоко-развитыми школьными технологиями и авторитетными педагогическими системами) бытовала идея о том, что театр как синтетическое искусство может заменить скучные занятия и повысить эффективность традиционной классно-урочной школы.

С. Ауслендер в статье-предисловии к сборнику сценариев для детского самодеятельного театра (1927) развивает подобные идеи, не будучи автором оригинальных идей, а лишь подхватив официальную директиву². Он критикует старую школу:

Усадить ребят за парты, установить строгую тишину и начать обучать — в этом и до сих пор еще часто на практике основные «методы школьной работы».

Илл. 1. Иллюстрации Б. Малаховского к изданию 1936 г.

Сама обстановка школы и обучения до сих пор не связана с обычной, житейской обстановкой ребят, во всем есть нечто особое, нарочитое, «школьное».

Конечно, еще далеким идеалом представляется то время, когда школа будет просторным, светлым, теплым домом <...>, где <...> ребята будут не специально «обучаться» чему-то скучному и принудительному, а прежде всего жить радостно, свободно и напряженно-интересно, где они будут проводить самые значительные и увлекательные часы своей жизни, часы, не вырванные искусственно из общей жизни.

Но все же творчество новой школы направлено к осуществлению этого идеала [Ауслендер, Бонди, 1927, с. 3].

Среди сценариев, в основном политизированных, предлагается и «Балда (По Пушкину)»:

Балда требует платы, вытаскивает испуганного попа левой рукой за плечо, а правой дает щелчки. Первый щелчок (за сценой всякий раз удар) — поп подпрыгивает или кувырывается («От первого щелчка прыгнул поп до потолка» — Пушкин). Второй щелчок — поп начинает бормотать что-то языком («От второго щелчка лишился поп языка»). Третий щелчок — поп на четвереньках бежит по сцене и убегает, сопровождаемый охающей попадшей и поповной («От третьего щелчка вышибло ум у старика»). Балда приговаривает с укоризной: «не गया бы ты, поп, за дешевизной». Надевает шапку и уходит.

Примечание: Чтобы сцена расправы с попом не вышла слишком грубой и жестокой, ее нужно вести в преувеличенно-комических, почти клоуновских тонах [Ауслендер, Бонди, 1927, с. 95].

Пьеса, идущая в театре Карабаса Барабаса, — «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника» — отличается как раз грубостью и жестокостью, несмотря на то, что представлена балаганно-комически. Благая идея — оживить школу искусством — была в советской системе просвещения 1920-х гг. извращена, подчинена политпропаганде. Толстовский Арлекин дает пощечины и подзатыльники, бьет палкой Пьеро, только что уверявшего публику: «Это очень смешная комедия». Да и в названии «комедии» явное нарушение, вернее, разрушение старой сказки, где царили девочки-феи, и подмена ее сказкой пропагандистской, с пафосом классовой эксплуатации и борьбы.

Другой идеей, кстати, подхваченной и развитой русской школой еще в предреволюционные годы, была идея о том, что уроки биологии лучше проводить не в классе, прибегая к чучелам и таблицам, а на природе, и что лучше всего объяснять биоценоз в погожий день на берегу ближайшего к школе пруда. Эта методика была обоснована

в Германии и привита в России прежде, чем русские ученые-биологи признали саму идею биоценоза³. Обычная бытовая картинка того времени — класс с учителем во главе, вооружась сачками и банками, знакомится с населением местного пруда.

Илл. 2. Иллюстрации Б. Малаховского к изданию 1936 г.

Толстой прибегает к учебно-научному лексикону, сведениям по биоценозу, создавая пародийно-игровое пространство:

Вокруг него [Буратино. — *И. А.*] собрались обитатели пруда: всем известные своей глупостью черные пузатые головастики, водяные жуки с задними лапами, похожими на весла, пиявки, личинки, которые кушали все, что попадалось, вплоть да самих себя, и, наконец, разные мелкие инфузории.

Головастики щекотали его жесткими губами и с удовольствием жевали кисточку на колпаке. Пиявки заползли в карман курточки. Один водяной жук несколько раз влезал на его нос, высоко торчавший из воды, и оттуда бросался в воду — ласточкой.

Мелкие инфузории, извиваясь и торопливо дрожа волосками, заманчивыми им руки и ноги, пытались подхватить что-нибудь съедобное, но сами попадали в рот к личинкам майского жука.

Буратино это, наконец, надоело, он зашлепал пятками по воде:
— Пошли прочь! Я вам не дохлая кошка [*Толстой, 1986, с. 56*].

Эпизод на пруду особенно популярен у детей-читателей, они с особым удовольствием воображают себя на листе водяной лилии в окружении «хладнокровных», но таких сердечных лягушек. Допускаем, что в тексте эпизода нашли выражение и никогда не отпускавшие Толстого воспоминания о заволжском детстве.

Источники

Ауслендер С. Работа по драматизации в школе I ступени // *С. Ауслендер и С. Бонди. Театр для детей. Сборник сценариев.* М.-Л. : Государственное издательство, 1927.

Боркин Л. Я. Преподавание биоценологии в России и школьная педагогика // *Биосфера. Междисциплинарный научный и прикладной журнал.* 2010. № 1. С. 262–277.

Кричагин Н. А. Естественноеведение в средней школе // *Педагогический сборник.* СПб., 1890. Кн. 288. Декабрь. С. 278–285 (приложение).

Толстой А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1951.

Толстой А. Н. Золотой ключик или Приключения Буратино. М. : Сов.Россия, 1986.

Толстой А. Н. Мечтатель (Аггей Коровин). М. : ФТМ лтд., 2014 (электронный формат).

Примечания

¹ В 1922 г. в Берлинском издательстве «Геликон» под названием «Повесть о многих превосходных вещах»; под названием «Детство Никиты» повесть вышла в издательстве «Академия» в 1934 г.

² «Поэтому следует признать весьма важным и значительным шагом на пути строительства новой школы попытку подсекции художественного воспитания Научно-Педагогической Секции ГУС'а увязать все области искусства с школьной работой и наметить программы по всем годам обучения первой ступени» [Ауслендер, Бонди, 1927].

³ Немецкий учитель начальной школы Фридрих Юнге опубликовал двухтомник «Естественная история в народной школе». Первая часть — «Деревенский пруд как сообщество» (1885) имела невероятный успех, была переиздана в 1891 г. и фактически вызвала революцию в преподавании биологии в немецких школах, была подхвачена русскими педагогами в 1890-е гг. — даже раньше, чем русским научным сообществом сама идея биоценоза. Вместо скучного и утомительного для школьников систематическо-морфологического метода с большим количеством малопонятных научных названий и с догматическим кабинетным преподаванием «мертвых» организмов Ф. Юнге предложил так называемый «биоцентрический» метод.

В России развернулась дискуссия. «Педагог Н. А. Кричагин в своем докладе «Естествоведение в средней школе» указал «на бесконечные споры» вокруг программы любого учебного предмета. По его мнению, настала пора оставить обычные приемы и изучать естественные тела в их естественной обстановке и в их взаимных отношениях» [Кричагин, 1890, с. 284].

Обсуждение доклада Кричагина разделило участников на две группы. Одна из них во главе с Д. Н. Кайгородовым поддержала докладчика и признала другие методы, кроме изучения природы в естественной обстановке, искусственными [Там же, с. 285].

См. Боркин Л. Я. Преподавание биоценологии в России и школьная педагогика [Боркин, 2010].

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Асонова Е.

НАБОР ОТКРЫТОК КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ КНИГИ, КОТОРЫЕ ДАРЯТ СТИХИ

Поэзия и дети — тема особая, потому что дети любят ритм и чутко относятся к словесной игре и интонации. Поэзия для детей совсем не то же, что поэзия для взрослого мира: детские стихи в большей степени повествовательны (эпичны или нарративны), они сочетают в себе иронию и дидактику, они не могут позволить себе быть пессимистичными и уж тем более мрачными или депрессивными. Стихи для детей создаются еще и для того, чтобы учить своих читателей/слушателей понимать стихи, формировать у них чувство слова, ритма, гармонии. Видимо, поэтому детское чтение одновременно вмещает в себя и особую, детскую, поэзию, и непонятную, но удивительно близкую детскому восприятию мира изящную словесность.

И, наверное, самое главное — дети сами сочиняют стихи, с удовольствием обнаруживают ритм и подбирают рифмы.

Стихотворная лирика — уникальный способ передачи чувственного, эмоционального переживания, ее восприятие — эстетически важный опыт. Все это дает основания нам, взрослым, говорить о том, что знакомство детей с лирикой, использование поэтических произведений в образовательных целях может иметь воспитательный эффект.

Поэзия — это красиво и не так, как в жизни, хотя есть люди, для которых она становится жизнью и очень точным ее отражением.

Подборка открыток для «юбилейного номера» — это несколько коротких рецензий на книги, которые мне хотелось бы подарить юбилярам этого номера — Евгении Оскаровне Путиловой (1923 – 27 марта 2018), Сельме Лагерлеф (1858–1940), Льву Николаевичу Толстому (1828–1910), Джонатану Свифту (1667–1745), Борису

Заходеру (1918–2000) и всем читателям. Почему именно стихи? Серьезная проза — обязывает, сказки, фэнтези или детективы, остросоциальные повести — требуют точного попадания в интересы получателя подарка, а иллюстрированный детский поэтический сборник — ритмы и рифмы, живущие в линиях и в цвете, — отличный способ передать радость или доброе чувство.

В связи с тем, что эта авторская колонка адресована в первую очередь тем, кто работает с детьми, стараюсь сделать их чтение интересным и насыщенным, предлагаю рассмотреть саму идею не только как оригинальный способ организации материала о современных изданиях, но и как методический прием. По-моему, такая игра, где предлагается выбрать книгу в подарок писателю-классику, может оказаться очень продуктивной: что подарил бы один писатель другому и почему? Какая книга уместна в подарок ровеснику, а какая хороша как подарок взрослому? Литературное произведение как подарок со значением: как содержание или оформление произведения мотивируют дарителя, как они отражают его отношение или образ получателя подарка? Эти и другие вопросы могут стать хорошим стимулом для речевого и визуального высказывания — поздравительной открытки и текста на ней. Отмечу особо, что наиболее подходящим местом для организации такой работы является библиотека, где можно просто искать нужное издание на полках. Тогда задание создать поздравительную книжную открытку приобретает дополнительный смысл — становится поводом для знакомства с книгами на библиотечных стеллажах, выставках и т. п.

ОТКРЫТКА ПЕРВАЯ

Эта открытка адресована человеку, благодаря которому появилась тема публикации — поэзия. Речь идет о Евгении Оскаровне Путиловой — главном покровителе круга детского поэтического чтения.

Кому: Евгения Оскаровна Путилова

От кого: Сергей Махотин, Катя Толстая

Мне сказала Крылова Инга,
Что из множества разных птиц
Она любит одних фламинго.
Я сказал, что люблю синиц [Сергей Махотин].

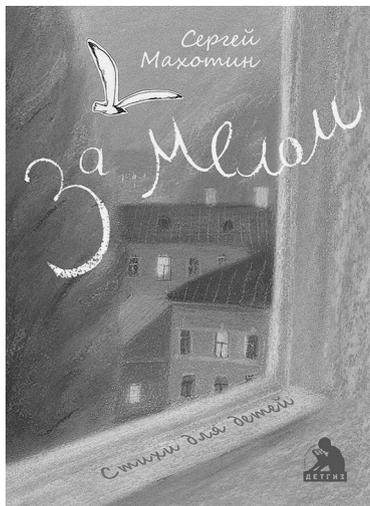
Поэтический сборник Сергея Махотина «За мелом», как и положено иллюстрированному подарочному изданию, с первого взгляда

привлекает внимание своим оформлением — работа Кати Толстой завораживает своей необычной техникой исполнения. Мел — это один из символов свободного творчества детей: им можно криво рисовать на асфальте, можно начертить дорожку или клеточки классиков, а можно создать художественный шедевр или написать послание для соседской девочки.

Подсказанный названием сборника прием использован удивительно точно: созданные пастельными мелками рисунки и фоны сочетаются с аппликацией. Фигурки героев стихотворений вырезаны из бумаги и наложены на фактурные поверхности — шероховатость бумаги подчеркивается меловой основой. Это создает особый акцент на образе лирического героя или персонажа стихотворения, вовлекает зрителя в «чтение» пастельного рисунка: рисунки мелками часто воспринимаются в контексте собственного опыта как что-то очень близкое, всего на шаг отличающееся от собственного рисования мелом.

Смело и неожиданно включается в оформление книги красный цвет, который приобретает непривычные значения в сочетании с настроением поэтического произведения: на странице с стихотворениями о Вите («Дворник», «Еще про Витю») красный фон аккомпанирует раздражению, иронии, направленной на неоправданно агрессивное поведение; на странице со стихотворением «Что я ему скажу» красный становится выражением сожаления и раскаяния; красный на развороте со стихами «Добрые слова» делает правый край страницы как будто бы окрашенным закатным солнцем, тепло которого — тепло вовемя сказанных слов симпатии.

Лирический герой сборника — мальчишка, мечтатель, искренний и чуткий, умеющий удивляться окружающему его миру. Он одновременно и знаком нам — он тонко чувствует мир, как и положено лирическому герою поэзии, и в то же время нов: его переживания — горечь неудачи, поражения или ошибки выбиваются из привычного образа мальчика, которому в большей степени приписывают силу, стремление побеждать.

На мой взгляд, главной особенностью поэзии Сергея Махотина является взрослая, отчасти наставническая тональность. Это не дидактизм, не морализаторство, не стремление чему-то учить. В стихотворениях чувствуется такое присутствие взрослого, которое дает поддержку, опору для того, чтобы пережить испытания трудным или новым чувством, иметь возможность поделиться открытием.

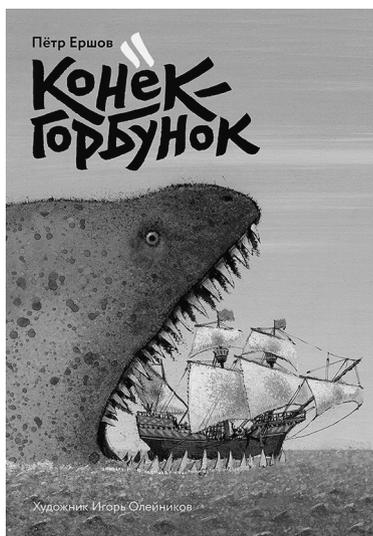
ОТКРЫТКА ВТОРАЯ

Кому: Сельма Отгилия Ловиса Лагерлеф

От кого: Игорь Олейников и Петр Ершов

С рассказа о том, как замысел написать занимательный учебник географии Швеции обернулся для детской литературы появлением одной из самых главных сказок, я, как правило, начинаю свою лекцию о феномене литературы для детей. У меня нет данных о том, насколько активно читают книгу «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции» современные дети, но об этом сюжете, о путешествии с гусями, об Акке Кнебекайзе знают если не все, то многие — об этом свидетельствуют опросы родителей.

Классический текст жив до тех пор, пока им «питается» современная культура, и наоборот — современная культура жива, пока в ней есть идеи нового прочтения произведений с золотой книжной полки. Сказка П. Ершова настолько прочно вросла в рус-

скую литературу, ее образы: Ивана, Конька-Горбунка, царевны, чудо-рыбы — не представлялись читателям чем-то, нуждающимся в переосмыслении: привычный образ игрушечного конька, сказочная чудо-рыба-кит, потешный, но симпатичный Иван, яркая, оптимистичная красно-желто-оранжевая палитра сказочных иллюстраций. И вдруг в издании с иллюстрациями Игоря Олейникова оказалось, что мы ничего не знаем о мире, в котором живут герои этой сказки, и даже не представляем себе, насколько

они органичны и близки современности: Иван не смешон, а немало страшен, рыба-кит угрюма, конек серый и сильно напоминает осла. Сказка о Коньке-Горбунке — очень взрослая, без игры в яркие краски и мультяшные картинки: реалистичность и некоторая безжалостная карикатурность покадрового изображения драки старших братьев и мрачноватая цветовая гамма всех иллюстраций.

Этот недетский текст благодаря своей игривой задорности стал классикой детского чтения, Конек-Горбунок прочно занял место главного символа детской литературы, а между тем ее поэтика не поменялась — ритмичная сказка Ершова, как и сказка о Золотом петушке Пушкина или сказка про Федота-стрельца Леонида Филатова, является мостиком между взрослым и детским мирами, или, что будет точнее, — символом их общности. И новое прочтение «Конька-горбунка» Игорем Олейниковым заставит не одного взрослого вдруг воскликнуть: «Так это не детская сказка!»

Дорогая фрау Лагерлеф, разрешите пожелать Вам новых переизданий и внимания взрослых читателей к Вашей бессмертной сказке, к Вашим романам и притчам!

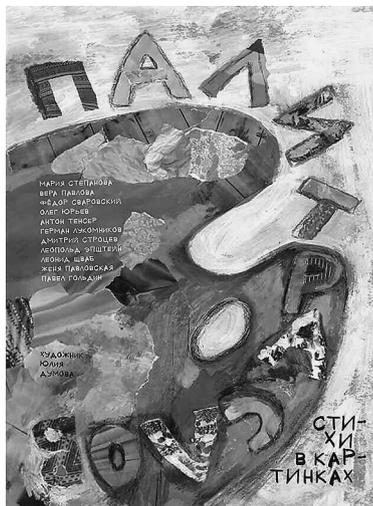
ОТКРЫТКА ТРЕТЬЯ

Кому: Джонатан Свифт

От кого: Мария Степанова, Вера Павлова, Федор Сваровский, Олег Юрьев, Антон Тенсер, Герман Лукомников, Дмитрий Стронец, Леопольд Эпштейн, Леонид Шваб, Женя Павловская, Павел Гольдин, Юлия Думова

На границе взрослого мира — именно так присутствует для меня в культуре имя Джонатана Свифта. Никак нельзя назвать его автором детской литературы, но и без него нельзя представить себе детское чтение. Гулливер прочно вошел в культуру, и его образ стал одним из мостов между миром культуры и миром образования (конечно, их разделение искусственно, но оно есть).

Палитра слов — сборник стихотворений, точно так же находящихся в поле совмещения взрослого мира, наделенного собственными серьезными (а иногда надуманными) проблемами, и мира детства с его искренностью и непосредственностью. История издания этого сборника сама по себе примечательна: взрослые поэты, почти никто из которых до сих пор не был замечен в пространстве детской литературы (исключения составляют Герман Лукомников и Женя Павловская), собрали под одной обложкой стихи, которые

могут быть интересны ребенку, а еще больше родителю, который ищет для своих детей хорошую поэзию.

Но сборник стихов таких разных поэтов, как Мария Степанова, Вера Павлова, Федор Сваровский, Олег Юрьев, Антон Тенсер, Герман Лукомников, Дмитрий Строчев, Леопольд Эпштейн, Леонид Шваб, Женя Павловская, Павел Гольдин состоялся благодаря тому, что художник-иллюстратор Юлия Думова создала для него особый дом — не просто книжку с об-

ложкой, а мир — в котором есть день и ночь, земля и вода, звери, птицы, змеи, люди: мамы и папы, бабушки и дедушки. Правит этим миром явно ребенок!

Использование в оформлении поэзии смешанной, коллажной техники, когда художник сочетает карандашный рисунок, раскрашенный акварелью, включения тканевых элементов, «живую» конфетку в обертке, скрепку, монетку, — один из наиболее привлекательных способов визуализации современной поэзии, которой свойственно нарочитое опредмечивание лирического переживания. Коллаж, как мне кажется, точнее всего передает мотив познания, присущий поэзии авторов: отрывистая, лаконичная интонация, позволяющая сталкивать и сравнивать не только предметы, но и явления, ощущения, чувства, мысли. Смена материалов в иллюстрации, их фактурность соотнесена с ритмом, неожиданными темами, образами стихотворений или смыслами:

Кто бы не был
 Кто бы ни был
 Тук-тук-тук
 Я не дома
 Я уехал
 В Тимбукту [Антон Тенсер].

Привычное для знатоков современной взрослой поэзии отсутствие пунктуационных знаков, неожиданные сдвиги, игра с грамматикой

и звуком в этой книге воспринимаются абсолютно детскими шалостями, нелепостями, наделенными непостижимой педагогике мудростью.

Дорогой мистер Свифт, уверена, что Вы уже привыкли к тому, что Вас считают автором детским, но все же поздравить Вас произведениями поэтов взрослых, ироничных и готовых на эксперимент! С 350-летием Вас!

ОТКРЫТКА ЧЕТВЕРТАЯ

Кому: Лев Николаевич Толстой

От кого: Артур Гиваргизов и Максим Покалев

Одним из ключевых произведений Л. Толстого в круге детского чтения стала повесть «Кавказский пленник» — она вошла в программу по литературе, практически все школьники России знают историю двух военных — Жилина и Костылина. Знают, что были они в плену. И благодаря Вам в свои 9–11 лет знают, видимо, самое важное — воинский мундир не делает человека смелым, порядочным или героем. Война сильно мешает хорошим людям.

Книга стихов Артура Гиваргизова «Генералы», как мне кажется, о том же. Возможно, с первого взгляда она покажется читателю слишком ироничной и даже странной, но эти стихи и образно, и содержательно очень близки тому, как современные читатели воспринимают творчество Льва Толстого. Так, образ генерала раскрывается перед читателем благодаря описанию его взаимоотношений с детьми: с внуком, с первоклассником, с сыном соседа, — как это было и в повести «Кавказский пленник», когда для создания образа Жилина автор предлагает читателю историю его отношений с девочкой Диной. Часто местом действия стихотворений Гиваргизова становятся больница, детский сад, морской пляж, дача — места не военные, не боевые. Так и в «Кавказском пленнике» место, где разворачиваются события, не театр боевых действий, а мирная деревня.

Основной идеей ироничного изображения генерала для юного читателя становится простая мысль

о том, что в человеке не может быть важнее «генерал», что черты характера, душевные качества смешно связывать с генеральскими погонами, комично выглядит герой, который свои поступки в быту «измеряет» чинами и званиями.

Лев Николаевич, с юбилеем! Пусть Ваши гуманистические и педагогические идеи живут и развиваются!

ОТКРЫТКА ПЯТАЯ

Кому: Борис Заходер

От кого: Григорий Кружков и Евгений Антоненков

Традиция переводить на русский язык произведения зарубежных авторов таким образом, чтобы они стали шедеврами литературы русской, насчитывает не одно столетие. Медвежонок Винни-Пух, как и многие другие, давно стал героем русской детской литературы, а благодаря мультипликационным фильмам занял почетное место одного из наиболее тиражируемых образов культуры детства. Особенность его в том, что он парный — «их» и «наш» — Винни-Пух Уолта Диснея и Винни-Пух Ф. Хитрука¹.

На титульном листе сборника стихов Григория Кружкова «Чашка по-английски» указано: «по мотивам стихов Спайка Миллигана» (в выходных данных «пересказ Г. М. Кружкова»). И первое стихотворение начинается так:

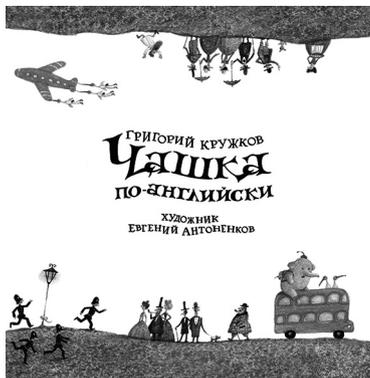
В пустыне, чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной...

Не очень Миллиган, как мне кажется.

О другом стихотворении этого сборника: «*Я дважды перечитал всего Миллигана, чтобы понять, откуда взялся “Мультуля”... и не нашел абсолютно ничего подобного. Может быть, я не в книгу смотрел, а на синицу за окном*», — пишет Кружков в «Предисловии для дотошного читателя». Видимо, у Миллигана тоже есть такая игра с цитатами, — догадывается дотошный читатель. — И, видимо, мы имеем дело даже не с пересказом, а с передачей игры, стилистической, фонетической, лексической, метатекстовой, которую находят в произведениях Миллигана английские читатели. И мы, читатели русские, находим ее по-русски. А для русского читателя она дополняется игрой с английским языком, когда чашка в ответ на вопрос о своем имени говорит: — *Кап, кап, кап!*

Иллюстрации Евгения Антоненкова создают пространство поэтической книжки-картинки, то есть становятся полноправными

компонентами сборника, не только дополняя тексты стихотворений, но предлагая свою игру с ними, материализуя образы выдуманного Мультимуля и других героев. Выбранные цвета, композиционные и стилистические решения художника преподносят стихи Григория Кружкова как настоящий подарок детской литературы, вписывая их в ряд уже любимых читателями работ этого художника: другие стихи и переводы самого Г. Кружкова, серии книг Милна в переводе Б. Заходера о Винни-Пухе, «Волшебный мелок» Синкен Хопп, стихи Ю. Мориц и Р. Мухи, сказки С. Козлова, К. Чуковского и многих других.

Дорогой Борис Владимирович, с 100-летием! Мы продолжаем играть в переводы, даем волю нашей фантазии и по-прежнему любим читать стихи!

Источники

Гиваргизов А. А. Генералы: Стихи: [для мл. и сред.шк.возраста] / А. А. Гиваргизов, М. А. Покалев. М. : Самокат, 2011.

Ершов П. Конек-горбунок / П. Ершов, ил. И. Олейникова. М. : Контакт-культура, 2016.

Махотин С. За мелом: стихи для детей / С. Махотин, ил. К. Толстой. СПб. : ДЕТГИЗ, 2011.

Палитра слов. Стихи в картинках / М. Степанова [и др.], ил. Ю. Думовой. Бостон : Изд-во студии дизайнера Тяп-ляп Production, 2014.

Чашка по-английски: сб. стихов / пересказ Г. М. Кружкова, ил. Е. А. Антоненкова. М. : Нигма, 2016.

Примечание

¹ Образ плюшевого мишки создан в мультипликационных фильмах компании Уолта Диснея по иллюстрациям Эрнеста Шепарда (они были нарисованы специально для первого издания и передавали образы игрушек Кристофера Робина, которые и сейчас можно увидеть в библиотеке Нью-Йорка), но оказались довольно далекими от оригинала. И надо признать, что в американской культуре благодаря этому мультфильму произошел такой же отрыв от первоисточника, как и в ситуации с российским переводом и экранизацией. В написании сценария для мультфильма Ф. Хитрука принимал участие Б. Заходер. Примечательно, что многие разошедшиеся на цитаты песенки из этого мультфильма были созданы Заходером специально для мультфильма и впоследствии издавались отдельно.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ ЕВГЕНИИ ОСКАРОВНЫ ПУТИЛОВОЙ: 1955–2018

1955

Повесть А. П. Гайдара «Р.В.С.» // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1955. Вып. 1. С. 34–63.

1960

О творчестве А. П. Гайдара: очерки. Л. : Детгиз, 1960. 168 с.

1962

Люби прекрасное!: рек. указатель книг о литературе и искусстве для учащихся 8–11 классов / Дом детской книги. Ленинградский филиал; сост. Е. О. Путилова, Э. Капिताйкин. Л. : Детгиз, 1962. 48 с.: ил.

Эстафета поколений // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1962. Вып. 7. С. 3–23.

1964

Герой ищет себя (Ю. Томин «Шел по городу волшебник»)// О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1964. Вып. 9. С. 139–148.
Л. Пантелеев // Нева. 1964. № 7. С. 187–191.

1965

А. И. Куприн о детстве // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1965. Вып. 10. С. 215–229.

1966

В. В. Вересаев о детях // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1966. Вып. 11. С. 114–135.

Возвращение в строй. К 60-летию со дня рождения [писателя] Г. Белых // Детская литература. 1966. № 8. С. 20–22.

1967

Аркадий Петрович Гайдар / вступ. ст. Н. Лялин, Е. О. Путилова // Гайдар А. Избранные произведения. Л. : Лениздат, 1967. С. 3–12.

1968

Пример высокий и поучительный: [рассказы М. Зощенко о Ленине] // Детская литература. 1968. № 4. С. 17–19.

1969

Л. Пантелеев: очерк жизни и творчества. Л. : Советский писатель, 1969. 215 с.: 4 л. фото. Библиогр.: с. 211–214.

[Рецензия] // Детская литература. 1969. № 4. С. 52–53. Рец. на кн.: Гинц С. М. Аркадий Гайдар на Урале / С. М. Гинц, Б. Н. Назаровский. Пермь : Кн. изд-во, 1968. 262 с.

1970

Ольга Берггольц — детям // О литературе для детей. 1970. Вып. 15. С. 93–110.

Пантелеев Л. Ленька Пантелеев. Первые рассказы // Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. / К. И. Чуковский [и др.]; ил. А. Ф. Пахомов, И. Харкевич. Л. : Детская литература, 1970. Т. 1. 478 с.: ил., 1 л. портр. Примеч.: с. 474–477.

1971

Пантелеев Л. Наша Маша; Литературные портреты // Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. / сост. Г. Антонова, Е. О. Путилова; ил. М. С. Беломлинский. Л. : Детская литература, 1971. Т. 4. 431 с.: ил. Примеч.: с. 429–430.

Труд первопроходчика (А. П. Бабушкина) // Детская литература. 1971. № 6. С. 30–34.

1972

Бунин И. А. Детство / сост. Е. О. Путилова; ил. А. Пахомова. Л. : Детская литература, 1972. 32 с.: ил.

Заболоцкий Н. А. Змеиное яблоко: стихи, рассказы, сказки: [для дошк. возраста]: книга сост. по материалам журн. «Чиж» и «Еж» 20–30-х гг. / сост. Е. О. Путилова. Л. : Детская литература, 1972. 44 с.: ил.

Н. Заболоцкий детям // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1972. Вып. 16. С. 123–139.

Пантелеев Л. Рассказы. Воспоминания. Дневники. Одноактные пьесы / Г. Антонова, Е. О. Путилова; ил. Н. А. Тырса, И. Харкевич. Л. : Детская литература, 1972. 455 с.: ил.

[Рецензия] // Звезда. 1972. № 9–213–214. Рец. на кн.: Васильева Р. Первые комсомолки. Л. : Детская литература, 1971. 238 с.

1973

Вопросы теории и критики в журнале «Детская литература» (1932–1941) // Детская литература: сборник статей. М. : Детская литература, 1973. С. 292–317.

1974

В. Шкловский — критик детской литературы // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1974. Вып. 18. С. 117–137.

Литературная критика 20–30-х годов о традиции и новаторстве в советской детской литературе // Всесоюзная межвузовская конференция по проблемам изучения и преподавания литературной критики в высшей школе: краткое содержание докладов / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1974. С. 95–98.

Самое главное // Нева. 1974. № 3. С. 204. Рец. на кн.: Зошенко М. Рассказы для детей: [для мл. возраста]. М. : Детская литература, 1973. 80 с.

1975

История критики советской детской литературы 1929–1936 гг.: учеб. пособие / ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1975. 100 с.

1976

Вопросы специфики детской литературы в литературной критике 20–30-х годов // Детская литература: сб. статей. М., 1976. С. 41–43, 58.

Н. Саввин — критик детской литературы // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1976. С. 19–31.

1978

Бунин И. А. Детство: стихи: [для ст. дошк. и мл. шк. возраста] / сост. Е. О. Путилова; ил. А. Пахомова. 2-е изд. Л. : Детская литература, 1978. 32 с.: цв. ил.

«Гордые мечты мои об этой Азбуке» // Звезда. 1978. № 8. С. 209–211.

1979

Бунин И. А. Детство: стихи / сост. Е. О. Путилова; Г. Голенький; ил. В. И. Тюленева. Л. : Художник РСФСР, 1979. 32 с.: ил.

М. Зощенко и детская литература // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1979. С. 61–77.

Этот невозможный Кукушкин // Детская литература. 1979. № 12. с. 47. Рец. на кн.: Галахова Г. А. Невозможный Кукушкин. Л. : Детская литература, 1978. 192 с.

1981

Александр Блок и забытая пьеса Вс. Мейерхольда «Алинура» // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1981. С. 129–137.

Время решений // Нева. 1981. № 12. С. 180–181. Рец. на кн.: Браун Ж. А. Решительный сентябрь. Л. : Детская литература, 1981. 192 с.

[Рецензия] // Детская литература. 1981. № 7. С. 60–61. Рец. на кн.: Суслов В. Покладистый Ложкин. Л. : Детская литература, 1980. 111 с.

1982

Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917–1941. М. : Детская литература, 1982. 175 с. Примеч.: с. 155–168; имен. указ.: с. 169–174.

1983

Альберт Лиханов. Высшая мера // Детская литература. 1983. № 4. С. 55.

Опыт великой жизни // Литературная Россия. 1983. 25 нояб. С. 20. Рец. на кн.: Воскобойников В. Утренние колокола: роман-хроника [о Ф. Энгельсе], 1820–1895. Л., 1983. 240 с.

Оркестр / сост. Е. О. Путилова. М. : Детская литература, 1983. 228 с.

[Рецензия] // Детская литература. 1983. № 6. С. 68–69. Рец. на кн.: Драбкина А. В. Меня не узнала Петровская. Л. : Детская литература, 1981. 144 с.

Сила земного притяжения (книги ленинградских писателей для детей младшего возраста) // О литературе для детей. Л. : Детгиз, 1983. Вып. 26. С. 25–37.

1986

Началось в республике ШКИД: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева: [для среднего и старшего школьного возраста] / ил. А. Аземша. Л. : Детская литература, 1986. 124, [2] с.: ил.

1987

Воспитание чувств // Фраерман Р. Дикая собака динго, или Повесть о первой любви; Кузнецова А. Честное комсомольское: повесть. Иркутск, 1987. С. 279–287.

1988

Из забытого о Л. Н. Толстом / вступ. ст., подгот. текста и публ. Е. Путиловой // Нева. 1988. № 9. С. 199–202.

1989

В поисках автора // Детская литература. 1989. № 2. С. 22–24.

О забытых именах, или О «феномене» Чарской // Детская литература. 1989. № 9. С. 31–35.

О забытых именах, или О «феномене» Л. Чарской // О литературе для детей. Л. : Детская литература, 1989. Вып. 32. С. 73–97.

Русская поэзия детям / сост., подгот. текста, примеч. Е. О. Путиловой. М. : Советский писатель, 1989. 766 с., 43 л. ил.

1990

Арро В. К. Бананы и лимоны: Повести / послеслов. Е. Путиловой; рис. С. Острова. Л. : Детская литература, 1990. С. 300–302.

Об авторе «Зимних вечеров» // Зимние вечера / А. Н. Анненская; сост. Е. Путилова. Л., 1990. С. 5–12.

1991

Лидия Чарская и ее книги // Повести / Л. Чарская; сост. Е. Путилова. Л., 1991. С. 5–18.

Свадьба Солнца и Весны: музыкальная сказка в стихах / стихи и рис. П. Соловьевой; музыка М. Кузмина; предисл. Е. О. Путиловой. М. : Скорпион, 1991. 40 с.

Соловьева П. С. Свадьба Солнца и Весны: муз. сказка в стихах / П. С. Соловьева; М. А. Кузмин; Е. О. Путилова и др.; ил. П. С. Соловьева, В. Павлова. Печатается по изд. 1907 г. М. : Скорпион, 1991. 39 с.: ил.

Чарская Л. А. Повести; Княжна Джаваха; Записки институтки / Л. А. Чарская; С. Захарьянц; сост. Е. Путилова. Л. : Детская литература, 1991. 319 с.: ил.

1992

Любимые стихи моей прабабушки, когда она была маленькая / сост. Е. О. Путилова. М. : НПК «ИМИДЖ» : творческая мастерская «Кредо», 1992. 47 с.

Типы женщин, их судьбы и жизненные идеалы в произведениях А. Н. Анненской // *Russland aus der Feder seiner Frauen: zum femininen Diskurs in der russischen Literatur: Materialien des am Fachbereich Slavistik der Univ. Potsdam durchgeführten Kolloquiums, 21–22 Mai, 1992. München, 1992. S. 167–173.*

1993

В поисках ключей счастья // Вербицкая А. Ключи счастья / А. Вербицкая. СПб. : Северо-Запад, 1993. Т. 2. С. 495–509.

Григорий Георгиевич Белых. «Путь наш длинен и суров...» // *Распятыя. Л., 1993. С. 51–58.*

История двух приемышей // Джемисон С. Леди Джен, или Голубая цапля; Приемыш черной Туанетты: повести: пер. с англ. / С. В. Джемисон; сост. Е. О. Путилова; ил. Н. Камышова. СПб. : Лира, 1993. С. 5–12 (Б-ка детского романа).

Ленинградская детская литература 20–30-х годов и мир детства // *Детская литература. 1993. № 3. С. 10–14.*

Пути развития русской литературы для детей XIX — нач. XX вв. (Проблемы. Традиции): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. филол. н. / ИРЛИ РАН. СПб., 1993. 33 с.

1994

Смольный институт благородных девиц: Французские истоки и новшества императрицы Екатерины II // *Российские женщины и европейская культура: тез. докл. II науч. конф.; РАН; Фонд им. М. В. Ломоносова; отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 1994. С. 56–57.*

Charskaya Lidia / [Е. Путилова, Р. Зернова] // *Dictionary of Russian Women Writers. London : Greenwood Press, 1994. S. 120–123.*

1995

Две встречи // *Воспоминания о Михаиле Зощенко; сост. и подгот. текста Ю. В. Томашевского. СПб. : Художественная литература, 1995. С. 536–540.*

Загадка Карла Александровича Петерсона, или Фантазмагория по Гоголю // *Нева. 1995. № 9. С. 218–221.*

Из воспоминаний о В. Я. Проппе: [К 100-летию со дня рождения В. Я. Проппа, 1895–1970] // *Живая старина. 1995. № 3. с. 10.*

Книга принцесс: сборник волшебных сказок / сост. Е. О. Путилова. СПб. : Лицей, 1995. 479 с.

Три жизни Лидии Чарской // *Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — первой трети XX в.: сб. науч. ст. [Потсдам], 1995. Т. 2. С. 169–185.*

Ф. Сологуб и Л. Чарская // Русская литература. СПб. : Наука, 1995. № 4. С. 159–168.

Эрлих В. И. Профессор Задача: [стихи] / публ. Е. О. Путиловой // Автобус. 1995. № 1. С. 28–30.

1996

Путилова Е. О. Л. Чарская: романтическая автобиография // Женщины Серебряного века: жизнь и творчество: тез. докл. III науч. конф. «Российские женщины и европейская культура», 23–25 сент. 1996 г. СПб., 1996. С. 94–97.

1997

Институтки: сборник повестей / [сост. Е. Путилова; худож. Е. Баскакова, С. Бордюг]. М. : Terra, 1997. 605, [2] с.: ил. (Библиотека для девочек).

Поэзия 1920–1930-х годов — детям // Русская поэзия детям. СПб., 1997. Т. 2. С. 5–62.

Русская поэзия детям. Т. 1 / ред. Д. М. Климова; сост. Е. О. Путилова. СПб. : Академический проект, 1997. 766 с. (Новая библиотека поэта).

Русская поэзия детям. Т. 2 / ред. Д. М. Климова; сост. Е. О. Путилова. СПб. : Академический проект, 1997. 750 с. (Новая библиотека поэта).

1998

Путилов Б. Н. «Посылаю Вам это письмо...»: неизд. автобиограф. / Б. Н. Путилов; публ. Е. О. Путиловой // Всемирное слово = Lettre Internationale. СПб., 1998. № 10/11. С. 102–104.

Путилов Б. Н. Автобиография / подгот. текста к печати Е. О. Путиловой и др. // Живая старина. 1998. № 4. С. 5–8.

Биография Марии Пожаровой // Женский вопрос в контексте национальной культуры: тез. докл. междунар. науч. конф. СПб., 1998. С. 11–13.

Пантелеев Л. // Русские писатели. XX в.: биобиблиогр. слов. М., 1998. Т. 2: М–Я. С. 166–168.

Чарская Л. А. // Русские писатели. XX в.: биобиблиогр. слов. М., 1998. Т. 2: М–Я. С. 537–540.

Открытый мир писателя // Детская литература. 1998. № 5–6. С. 44–45.

1999

Былины / вступит. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова; [ред. Е. О. Путилова]. СПб. : ИНАПРЕСС, 1999. 526, [1] с. Библиогр.: с. 70, 524. Библиогр. в прим.: с. 461–508.

Загадка Карла Александровича Петерсона, или Фантасмагория по Гоголю // Нева. 1995. № 9. С. 218–221.

Модзалевский Лев Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: биогр. слов. М., 1999. Т. 4: М–П. С. 116–117.

Петерсон Карл Александрович / Гаврина Л. Н., Путилова Е. О. // Русские писатели. 1800–1917: биогр. слов. М., 1999. Т. 4: М–П. С. 567–568.

Сапгир Г. Автобиография / вступит. ст. Е. Путиловой // Звезда. 1999. № 12. С. 72.

2000

Русская «робинзонада» для детей // Детская литература. 2000. № 2–3. С. 40–45.

2001

Об авторе этой книги // Чарская Л. Записки институтки / Л. Чарская. Калининград, 2001. С. 391–396.

2002

Детская литература и язык // Воспитание языковой личности и изучение литературы. СПб., 2002. С. 71–109.

Из воспоминаний о В. Я. Проппе // Неизвестный В. Я. Пропп: науч. изд. СПб., 2002. С. 394–395.

Путилова Е. О. Небольшие заметки о поэзии для детей конца XX века // Воспитание языковой личности и изучение литературы: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-метод. конф. (СПб., 2–4 нояб. 2001 г.). СПб., 2002. С. 71–75.

2003

Круг детского чтения глазами филолога // Модернизация начального образования в России: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. / РГПУ, НИИ общ. образования, фак. нач. образования. СПб., 2003. С. 35–40.

Моя встреча с Владимиром Максимовым // Звезда. 2003. № 12. С. 187–189.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. In memorem / Б. Н. Путилов; сост. Е. О. Путилова; РАН, Музей антропологии

и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 457 с.

2004

От Перуна до «двоечника в законе». Заметки о современной детской литературе // Звезда. 2004. № 11. С. 201–207.

2005

Андерсен, прочитанный сегодня // Личность и культура. 2005. № 2. С. 60–64.

Андерсен, прочитанный сегодня // Личность и культура. 2005. № 3. С. 54–58.

Все сущее — увековечить // Виталий Бианки: писатель, ученый, педагог: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (В. Новгород, 14–15 февр. 2005 г.). В. Новгород, 2005. С. 45–51.

Детское чтение — для сердца и разума: очерки по истории детской литературы / под ред. С. А. Гончарова; РГПУ. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 402 с.

2006

Лев Толстой и его «Азбука» // Детский сад со всех сторон. 2006. № 23. С. 8–11.

Мир сказок Х. К. Андерсена. Вместо предисловия // Ханс Кристиан Андерсен и судьбы сказки в мировой художественной культуре: сб. науч. ст. по мат. Всерос. науч. конф. (СПб., 7–8 апреля 2005 г.). СПб. : РГПУ, 2006. С. 7–17.

2007

Мальчик, старушка и красногвардеец // Нева. 2007. № 10. С. 225–226.

Пожарова М. А. / Е. О. Путилова, С. М. Гучков // Русские писатели. 1800–1917: биогр. слов. М. : БРЭ, 2007. Т. 5: П–С. С. 18–19.

Показательная библиотека как центр книжной культуры: [история создания б-ки дет. лит. ЛГПИ им. А. И. Герцена] // Вестник Герценовского университета. СПб. : РГПУ, 2007. № 5 (43). С. 34–37.

Пчельникова А. А. // Русские писатели. 1800–1917: биогр. слов. М. : БРЭ, 2007. Т. 5: П–С. С. 224–225.

Столько неба про запас... // Вестник Герценовского университета. СПб. : РГПУ, 2007. № 9 (47). С. 77–78. Рец. на кн.: Яснов М. Детское время: стихи / М. Яснов. СПб. : Детгиз, 2007.

2008

«Серебряный век» в детской поэзии // Детская литература: учеб. для студентов сред. проф. образования. М., 2008. Гл. 6, § 10. С. 195–204.

Детская литература: учеб. для сред. проф. образования / А. В. Денисова, И. Л. Днепров, Е. А. Костюхин, М. С. Костюхина, Е. О. Путилова, О. И. Тиманова, И. Л. Шолпо. М. : Академия, 2008. 383 с.

Дисциплина «Изучение литературной сказки как путь формирования толерантного мироотношения учащихся полиэтнической школы» / Путилова Е. О., Денисова А. В. // Технологии адаптации мигрантов: учеб.-метод. комплекс: эксперим. учеб.-метод. пособие для науч.-пед. работников и студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлениям пед. образования. СПб., 2008. С. 95–101, 159–163.

Литературная премия имени К. Чуковского // Вестник Герценовского университета. СПб. : РГПУ, 2008. № 1 (51). С. 78–80.

2009

Битва добра и зла // Мурашова Е. Одно чудо на всю жизнь. М. : Нарния, 2009. С. 5–16.

Историография и критика детской литературы // Подготовка магистра в сфере дошкольного и начального образования: прогр. учеб. дисциплин: учеб.-метод. материалы по направлению «050700 — Педагогика». СПб. : РГПУ, 2009. Ч. 1. С. 53–56.

Отечественная журналистика для детей: история и современность // Подготовка магистра в сфере дошкольного и начального образования: прогр. учеб. дисциплин: учеб.-метод. материалы по направлению «050700 — Педагогика». СПб. : РГПУ, 2009. Ч. 1. С. 108–112.

Страна Вообразия // Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника: сб. науч. ст. по мат. IV Всерос. науч.-методич. конференции (СПб., 11–12 февраля 2009 г.). СПб. : РГПУ, 2009. С. 36–40.

Школьная лирика // Вестник Герценовского университета. СПб. : РГПУ, 2009. № 9 (71). С. 78–80.

2010

Проверяется любовью: о книге Александр Гиневского «Танец маленького динозавра» // Библиотека в школе. «Первое

сентября»: методическая газета для школьных и детских библиотек. М., 2012. № 2. С. 29.

Чудетство Михаила Яснова // Вестник детской литературы. 2010. Вып 1. С. 53–62.

2013

Осип Манделъштам: детские стихи поэта в контексте времени (1920-е гг.) // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом), Центр теоретико-литератур. и междисциплинар. исслед.; сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб. : Алетей, 2013. С. 262–271.

Четыре века русской поэзии детям: [антология: в 3 т.]. СПб. : Фонд «Спас»: Лики России, 2013.

2014

Возвращение приключенческой повести 1920-х гг. // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 51–66.

2015

Золотых ступенек ряд: книга о детстве и книги детства. СПб. : Союз писателей Санкт-Петербурга : Фонд «Дом детской книги», 2015. 311 с.

2016

Леса-чудеса Генриха Сапгира // Чиж и еж. 2016. № 65–66. С. 35–36.

2018

Цветаева М. И. Мой рыцарь / сост., вступит. ст., примеч. Е. О. Путиловой. СПб. : Детгиз, 2018. 80 с.

Составитель С. Маслинская

КОНФЕРЕНЦИИ

Е. Асонова, Е. Романичева

КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОШЛА — ИДЕИ ОСТАЛИСЬ

15–17 декабря 2017 г. в Москве прошла вторая Международная конференция-форум «Детская литература как событие»¹. В этой статье мы, организаторы конференции, постараемся рассказать о том, какой мы видим роль нашего форума в развитии детской литературы, в поддержке детского и подросткового чтения, а также в стимулировании научного интереса к этим явлениям культуры.

ИСКУССТВО КРАУДСОРСИНГА, ИЛИ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА

Являясь организаторами конференции, мы, лаборатория социокультурных образовательных практик Московского городского педагогического университета, в первую очередь стремимся выступить в роли медиатора коммуникативного пространства — предоставить ведущим исследователям детской литературы и чтения площадку для воплощения своих важнейших идей и презентации материалов долгосрочных проектов. Поэтому первое информационное письмо о приглашении в оргкомитет мы пишем широкому кругу специалистов — исследователей и практиков, которые откликаются на него идеями проведения тех или иных событий, что составят программу форума. К чему приводит такой полифонический подход, очень точно определила научный сотрудник ИРЛИ РАН и член редколлегии журнала «Детские чтения» Светлана Маслинская²:

Эта конференция — единственное на сегодняшний день научное событие такого масштаба, которое собирает специалистов, готовых говорить о предмете обсуждения не только на языке педагогики (точнее — образования), но и о том, как изучать детскую литературу с точек зрения филологической, исторической и книговедческой. Больше таких событий нет. Эта конференция-форум наиболее авторитетная, т. к. на ней

Екатерина Асонова, одна из организаторов конференции-форума «Детская литература как событие»

встречаются не только филологи, но и люди других специальностей (учителя, писатели, переводчики, издатели, редакторы и др.) и ведут общий разговор, что позволяет назвать этот форум междисциплинарным.

А вот комплементарное (и одновременно комплиментарное) мнение о конференции независимого исследователя детской литературы Марии Скаф:

Конференция — это, в первую очередь, подтверждение того, что в современной детской литературе существует профессиональный цех. Здесь я вижу, что существует большое количество самых разных секций, которые занимаются детской литературой и диахронически, и современным состоянием, и методологией, я понимаю, что цех функционирует, цех развивается, и это хорошая, здоровая ситуация.

Соорганизаторами конференции выступили самые разные научные, библиотечные и общественные организации. Так, переводчик и литературный обозреватель Ольга Бухина, автор исследования о героях-сиротах в детской литературе³, представляющая Международную ассоциацию гуманитариев, стала инициатором международной секции «Странные и неудобные темы детской и подростковой литературы: огорчительные, раздражительные, вызывающие и слишком взрослые», где встретились создатели и исследователи детской литературы, учителя, библиотекари и представители общественных организаций из разных стран.

Петербургскую школу изучения детской литературы и чтения на конференции представляли сотрудники Центра Исследований Детской Литературы ИРЛИ РАН Валентин Головин и Светлана Маслинская и главный библиотекарь Ленинградской областной детской библиотеки (ЛОДБ) Людмила Степанова, куратор и координатор

множества библиотечных проектов, связанных с исследованием детского чтения и популяризацией детской книги. Ими были предложены две темы: «антропология семейного чтения» (проекты ЛОДБ «Антропология семейного чтения» и «Чтение без границ»)⁴ и «современная критика детской литературы». Крутые столы, организованные С. Маслинской, В. Головиным, их коллегами и зарубежными партнерами, прошли ярко, содержательно и эмоционально.

Центральная городская детская библиотека им. А. П. Гайдара (Москва) организовала на площадке конференции выездную выставку «Люди детской книги, или Художники-иллюстраторы в объективе Николая Галкина». Совместный проект фотографа Николая Галкина и ЦГДБ имени Гайдара представила главный методист библиотеки Татьяна Рудишина в виде лекции-экскурсии.

Известный переводчик детских книг и литературный критик Ольга Мязотс, представляющая Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы имени М. И. Рудомино, выступила с инициативой организовать круглый стол «“Мухи отдельно, котлеты отдельно”»: книжка-картинка как объект исследования», в котором приняли участие Светлана Прудовская, Мария Скаф, Татьяна Рудишина и многие другие.

В работе организационного комитета конференции приняла участие Анна Годинер, эксперт в области литературы по теме «особого детства». Она провела в рамках конференции две встречи —

Фрагмент выставки «Люди детской книги, или Художники-иллюстраторы в объективе Николая Галкина»

лекцию-практикум и презентацию «Читать: печально, интересно, важно?»

Мария Майофис, сотрудник НИУ ВШЭ и исследователь истории детской литературы XX в., предложила тему «“Дальние страны”: изображение и восприятие культурного другого в детской литературе», которая была развернута на организованной ею секции в докладах историков, культурологов, издателей, социологов.

Благодаря участию в работе оргкомитета конференции профессора Института детства МПГУ Татьяны Троицкой в программе появилась секция «Детская книга в начальной школе», на которой учителя и методисты представили методiku организации литературного чтения в начальной школе, основанную на работе с «настоящими» детскими книгами (не учебниками!).

И конечно, в подготовке и проведении конференции приняли участие наши коллеги из МПГУ: Александра Кудряшова, профессор Департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования, организовала секцию по поэтике диалога в детской литературе, в работе которой приняли участие студенты МПГУ, а также исследователи детской литературы из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов.

Второе информационное письмо было составлено на основе предложений членов организационного комитета, его распространение позволило собрать очень интересный состав участников, привлекло большое число слушателей, а также привнесло в программу новые темы круглых столов и секций.

СТАТИСТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

В общей сложности конференцию за три дня работы посетило около 300 участников. Всего в программе было семь тематических секций, на которых было сделано пятьдесят докладов, прочитаны пять открытых лекций, состоялись пять круглых столов. В мероприятии приняли участие исследователи, преподаватели, учителя, библиотекари из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Екатеринбурга, Новосибирска, Казани, Кирова, Самары, Тулы, Перми и других городов России, а также из Великобритании, Австралии, Франции, Соединенных Штатов Америки, Беларуси и Казахстана.

КОМПОЗИЦИЯ СОБЫТИЯ

Следуя замыслу конференции — создать условия для общения исследователей («кабинетных ученых») и практиков — мы формировали ее расписание таким образом, чтобы решить две задачи:

Представители Ленинградской областной детской библиотеки (ЛЮДБ, СПб.)

просветительскую и коммуникативную. Первый день конференции открывался лекциями — пять открытых лекций писательницы и главного редактора портала «Папмамбук» Марины Аромштам, редактора издательства «Нарния» Анны Годинер, методиста ЦГДБ им. А. Гайдара Татьяны Рудишиной, исследовательниц Ольги Бухиной и Марии Скаф были адресованы как тем участникам, которые еще только начинают осваивать научную и педагогическую проблематику детской литературы и детского чтения, так и специалистам, для кого это входит в область профессиональных интересов. Именно поэтому тематика лекций была определена таким образом, чтобы, с одной стороны, было интересно студентам, а с другой — представителям

экспертного сообщества. Были заявлены наиболее актуальные вопросы поддержки детского чтения и исследования детской литературы: возрастная адресация, чтение книг об инвалидах и инвалидности, место иллюстрации и иллюстраторов в детской литературе, гендерная проблематика и визуальность в современных книгах для детей и подростков. Лекции специалистов в области детского чтения и литературы были полезны студентам, которые отметили в интервью, что благодаря этому событию составили себе список перспективного чтения.

Самым популярным форматом организации профессионального взаимодействия на конференции стали круглые столы — они позволяли задать фокус разговора и представить разнообразие взглядов и мнений.

Для меня за все эти дни самым главным была возможность дискуссии, обсуждения. Не выслушивание докладов, а возможность непосредственного

общения, то, что ты можешь сразу обсудить: возразить или наоборот поддержать и добавить,

— так охарактеризовала их работу Ольга Мязотс.

А Людмила Степанова добавила:

Конечно, импонирует научный уровень разговора. Для нас, для петербургской школы, которая все еще существует, было очень принципиально поговорить о критике. Этот разговор о современной критике был отмечен очень высоким стилем общения по напряжению, по накалу страстей. Замечательно, что там собрались ведущие субъекты этого процесса. И я настаиваю на выводе, который я и декларировала и поддерживала в этом направлении, что сегодня необходима аналитическая критика, которая бы выявила особенности литературного процесса.

Но и работа секций строилась таким образом, чтобы оставалось место для обсуждения, перехода от формата «заслушивания» короткого выступления, «отчета о проделанной работе»/проведенном исследовании, к диалогу и сотрудничеству: американская исследовательница русской детской литературы Келли Херольд, Associate Professor of Russian в Grinnell College (ее выступление было посвящено изучению образа молодого мужчины как «старшего» в романах для подростков), и учитель русского языка из школы № 12 подмосковного города Жуковского Ольга Черникова, которая рассказала о своем опыте работы с книгой Дж. Сафран Фоера «Жутко громко и запредельно близко» на уроках, договорились о совместном проекте по книге Фоера, и результаты этого сотрудничества уже воплотились в видеоролик, который подготовили российские и американские школьники.

Дискуссии, размышления по темам выступлений становились питательной средой для участников. Вот что в своем интервью говорила Людмила Степанова:

Я бы подчеркнула тезис, который выдвинула Ольга Дробот⁵. Он может быть этической и эстетической основой для оценки современной детской литературы: никакая книга не должна унижать ребенка: читателя и героя. И никакая позиция автора не должна эксплуатировать природу ребенка. Она говорит о трудных, противоречивых темах и проблемах в подростковой литературе. Это такой критерий. И был достаточно интересный поток докладов, которые подтверждали эту позицию Ольги Дробот.

КОНФЕРЕНЦИЯ — ЭТО ЗАВЯЗКА НОВОГО СЮЖЕТА

Но самое ценное в конференции — это идеи, которые рождаются в ходе обсуждений и дискуссий, за чашкой чая. Об этом тоже точнее всех сказала Людмила Степанова:

...круглые столы и лекции устроены таким образом, что твой поток сознания и готовность к интеграции дают возможность для создания нового продукта уже в кулуарах.

Обозначим круг проблем (или идей), которые прозвучали в ходе дискуссий и которые требуют дальнейшей проработки и осмысления:

Мария Скаф: Почему детской книжки-картинки нет в учебниках детской литературы? Книжка-картинка исключена из «академической» истории детской литературы: почему и/или зачем? Если сейчас книжка-картинка — очень популярный жанр, то когда и почему прерывалась традиция и когда она начала возрождаться?

Наталья Колодина: Какими могут быть цели и задачи организации детского чтения детей-билингвов, изучающих русский язык за рубежом, а также детей, обучающихся вне школы и нуждающихся в особом режиме организации чтения?

Людмила Степанова: Если мы как «руководители чтения» хотим заниматься чтением с современными детьми, то мы должны заниматься не вторжением на их территорию, а продумать, каким образом исследовать эту территорию.

Екатерина Асонова: Какова основная образовательная задача школы в области чтения?

Светлана Маслинская: Может ли филологическая критика детской литературы реально повлиять на ее «качество», определять ее высокий эстетический уровень?

Мария Майофис: Как перевести наш научный, литературоведческий язык и темы, о которых мы говорим здесь и сейчас, на язык разговора с детьми? Это касается и нашего преподавательского языка, когда мы выходим к ним в качестве учителей, и нашего экспертного языка, когда мы выходим к ним как литературные критики, ведущие передач, и языка разговора с нашими собственными детьми как родителей.

Мария Черняк, Елена Романичева: Издание советских детских книг с комментариями — это первый шаг к созданию канона детской литературы, создание такого канона и его обоснование —

мощнейшая исследовательская задача, которую не решить в одиночку ни филологам, ни педагогам. Методистам-словесникам тоже нужно решать свою задачу: определять объем и место комментария и комментированного чтения на современном учебном занятии (в первую очередь — на уроке литературы), обосновывать для издателей, какими должны быть книги с комментариями, которые адресованы школьникам.

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать: конференция-форум «Детская литература как событие» стала событием в жизни профессионального сообщества, т. к. не закончилась, а продолжается в публикациях, новых идеях, проектах и исследованиях.

Исследования

Аромштам М. Как выбрать книгу для малыша? [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Папмамбук». URL: <http://www.papmambook.ru/articles/59/> (дата обращения: 12.01.2018).

Асонова Е., Невская Д. Детская литература как событие // *Детские чтения*. 2016. № 2. С. 344–357.

Бухина О. Б. Гадкий утенок, Гарри Поттер и другие. Путеводитель по детским книгам о сиротах. М.: КомпасГид, 2016.

Веселые человечки: Культурные герои советского детства: сб. статей / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Годинер А. В. Герой с «особенностями» в детской литературе [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Папмамбук». 14 апреля 2016 года. URL: <http://www.papmambook.ru/articles/2069/> (дата обращения: 10.01.2018).

Годинер А. В. Тося-Бося и темнота [Электронный ресурс]: Интернет-журнал «Папмамбук». 19 мая 2016 года. URL: <http://www.papmambook.ru/articles/2130/> (дата обращения: 10.01.2018).

Дробот О. Объяснение в любви. Мария Парр и ее книги. Размышления переводчика [Электронный ресурс]: Библиотека в школе. 2011. № 11. URL: <http://lib.1september.ru/?year=2011&num=16> (дата обращения: 10.01.2018).

Кукулин И., Майофис М., Сафронов П. Намывая острова: позднесоветская образовательная политика в социальных контекстах // Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е). Коллективная монография. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 5–32.

Кукулин И., Майофис М. Детская литература «оттепели»: публикационные истории, рецепция, репутации // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 7–11.

Майофис М. Повесть М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» (1956) и программа обновления педагогики и литературы в советском обществе начала «оттепели» // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 53–69.

Мязотс О. Конфликт «отцов и детей»: для кого пишут детские книги, и кто их читает? // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 170–183.

Мязотс О. Критика детской литературы в России в годы Первой мировой войны (По материалам журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям») // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 166–160.

Скаф М. Визуальная литература. Речевые фигуры и тропы // Детские чтения. 2014. № 2 (6). С. 209–219.

Скаф М. Комикс и книжка-картинка: границы визуально-литературных жанров // Детские чтения. 2016. № 2 (10). С. 280–303.

Троицкая Т. С. Проблемы детской художественной словесности. Учебное пособие. М.: Прометей, 2016.

Черняк М. А. Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу. Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.

Примечания

¹ С программой и материалами конференции можно познакомиться на сайте <https://dlkaksobytie.wixsite.com/detskaialiteratura> или на ее странице в Фейсбуке. Там же можно следить и за развитием идей и проектов, родившихся на конференции. Первый раз Международная конференция-форум «Детская литература как событие» прошла в Москве 11–13 декабря 2015 г., обзор этой конференции также опубликован в журнале «Детские чтения» [Асонова, Невская, 2016].

² В ходе работы конференции организаторы брали интервью у участников, их материалы помогли сформулировать основные итоги конференции, а также написать данную статью. В этой работе принимали участие сотрудники лаборатории Ирина Воронцова, Ксения Киктева, Александра Никитина, Анастасия Россинская. Авторы статьи очень благодарны им за собранный материал.

³ Бухина О. Б. Гадкий утенок, Гарри Поттер и другие. Путеводитель по детским книгам о сиротах. М.: КомпасГид, 2016. 320 с.

⁴ С проектами ЛОДБ «Антропология семейного чтения» и «Чтение без границ» можно познакомиться на официальном сайте библиотеки в разделе «Проекты», а также пройдя по ссылке: <http://lodbspb.ru/anthropologyreading/>, http://www.deti.spb.ru/bez_granits

⁵ Дробот Ольга Дмитриевна, переводчик книг М. Парр, Р. Белвика редактор, специалист по скандинавской литературе. Ее доклад «Взять вес: нужна ли страховка, когда поднимаешь тяжелую тему» открывал секцию «Странные и неудобные темы детской и подростковой литературы...».

SUMMARY

The thirteenth issue of the journal, *Children's Readings*, is dedicated to the memory of an exceptional Russian scholar of children's literature, Evgeniia Oskarovna Putilova (1923–2018). The preparation of this issue started during the celebration of her 95th birthday, but sadly was completed during the days of mourning over her recent passing. Thus, a part of the materials was prepared with direct participation of E. O. Putilova herself, while the rest were completed as a tribute to her memory.

The section dedicated to E. O. Putilova includes articles and materials connected to the merriments of children's writers, children's books, and popular characters. Several publications of this section are thematically connected with the sphere of E. O. Putilova's many research interests, including interviews with children's writers, poets, librarians, and current scholars whom recollect on the life and work of E. O. Putilova. Conversation with Evgeniia Putilova herself that was recorded by the members of the *Children's Readings* editorial board opens this section.

"Archive of *Children's Readings*" includes reprints of E. O. Putilova articles on Aleksandra Annenskaia, Maria Pozharova, Lidia Charskaia, and Leonid Pantelev.

Under "Research", the readers can expect a publication by Olga Selivanova, "Archive of the Exemplary Children's Library: Unpublished History". This article is dedicated to the overview of the documents preserved at the Library of Children's Literature at the Herzen State Pedagogical University of Russia. These materials offer new information on the Exemplary Children's Library that was opened in 1919, upon the initiative of O. I. Kapitsa. The archive includes reviews of children's books at the beginning of the 20th century, records of the library committee meetings of the society for the support for pre-school education, and various documents of bibliographical and advisory nature.

Key words: national bibliography of children's literature, children's literature of 1910s–1940s, rare children's books, O. I. Kapitsa.

In Valentin Golovin's article, "Literary Works of Lidia Charskaia in the Critical Discourse of Her Lifetime," the scholar evaluates the critical response to the works of the most popular Russian children's writer. The article focuses on the critiques of pre-revolutionary and Soviet-era evaluators of Charskaia's books. Golovin uses a broad spectrum of historical and literary evidence and analyzes ground principles of children's literature critical discourse.

Key words: mass children's literature, history of children's literature critical discourse, Lidia Charskaia, Kornei Chukovsky.

Iulia Valieva's article, "Lenin and Eye Glasses: On the Sources of L. Saveliev's 'The Storming of the Winter Palace'", provides a historical background for Leonid Lipavsky's book, *The Storming of the Winter Palace* (1938), written under the pen name of L. Saviliev. At the core of the analysis is the correspondence between the author and the editor of Detgiz, K. Piskunov, which is currently located at RGALI (*Rossiiski Gosudarstvennii Arkhiv Literatury i Iskusstva*). The researcher analyzes the preliminary stages of the book's publication history, paying special attention to the use of cito-citation as a means of avoiding censorship.

Key words: L. Lipavsky, L. Saveliev, OBERIU, children's literature of the 1920s — 1930s, archival materials, S. Eisenstein, M. Romm, G. Boltiansky.

In her article, "New Plots for the New German Child or M. Iliin's 'Poetry of Science' in GDR Children's Literature", Larissa Rudova focuses her attention on the works of Soviet children's writer, Ilya Marshak (M. Iliin), who was one of the founding fathers of the *industrial children's book*. Rudova concentrates on the cultural reception of Iliin's work in East Germany during the socialist period.

Key words: Soviet children's book, M. Iliin, Ilya Marshak, German children's literature of the socialist period.

Marina Balina's article, "On the Genre Specificity of Historical Prose for Children", examines Soviet-era historical prose for children. The works of children's historical prose analyzed in this article show how complex and contradictory was the rise and development of this genre in Soviet children's literature. Historical narratives written for children during the Soviet era allow the reader to observe various trends in children's literature discourse, from blatant propaganda to the no less blatant dissent-stance of *fronda* – the complex phenomenon that Russian historian Jakov Gordin terms an act of "opponentist enlightenment."

Key words: historical narratives for children, Soviet children's literature, Marxist approach to history, ancient Egypt, S. Grigoriev, N. Ostromenskaia.

In the work of Elena Dushechkina, attention is given to certain literary characteristics specific to children's creative work (specifically by 6/7 year olds). Analyzing the literary framework that children operate within, the author insists on their ability to imitate literature, thus suggesting that children's creativity could be considered as study material for their comprehension of literary texts.

Key words: Kornei Chukovsky, children's creativity, imitation, experience of reading literature.

The article by Marina Ivankiva, “The (Anti)Anniversary of Peter Pan,” reveals the history of Peter Pan’s conception by J. M. Barrie. Barrie worked on creating his character, Peter Pan, over thirty years, however the text of the play, *Peter Pan, or the Boy Who Wouldn’t Grow Up*, was only published in 1928. The article describes several stages in the creation of the character, starting from the notes that dated as early as 1987, to the time of its publication.

Key words: British children’s literature, J. M. Barrie, Peter Pan, children’s theater, anniversary of the literary character.

The subsequent section is dedicated to the history of book publication for children, entitled, “On the History of the Textbook”. The articles by Iulia Shustova, Tatiana Kostina, Olga Kirikova, and Vitaly Bezrogov offer various perspectives on the history of book publishing for children. Shustova presents to her readers the story of the 1679 Moscow primer that is currently part of the rare book collection in the Russian State Library. This primer was rediscovered as a part of another volume dated 1664 and the article focuses on the history of this finding.

Key words: old print instructional materials, Moscow primers and ABC books, Ivan Fyodorov.

In their article, “Gymnasium Instructional Materials at the Russian Academy of Science”, Tatiana Kostina and Olga Kirikova use previously unpublished documents to analyze didactic materials commissioned for the gymnasium at the Russian Academy of Science in the 1730s.

Key words: academic gymnasium, Russian Academy of Sciences, grammar books, instructional literature, G. Stolle, G. V. Kraft.

In his comprehensive study of Jan Amos Komensky’s *Orbis Sensualium Pictus* and its reception in Russia during the first half of the 18th century, Vitaly Bezrogov analyzes practical activities of the German Village in Moscow. This work, entitled, “Die un/sichtbare Welt: Reception of J. A. Komensky’s *Orbis Sensalium Pictus*. Pedagogical Practices and Early Translations”, follows the implementations of Komensky’s teaching materials in the Russian educational system. The history of translation of *Orbis Pictus* in 1768 is thoroughly analyzed.

Key words: J. A. Komensky, instructional literature, pedagogical culture, reception, methodological practices.

The next section, entitled, “Materials”, is represented by the publications of Alexandr Melnikov and Marina Kostukhina. Melnikov’s article, “On Russian Translations of Charles Perrault’s *Little Red Riding Hood*”, introduces the reader to the history of Perrault’s translation into Russian and provides a comparative analysis of various translations. Kostukhina’s article, “Children’s Literature as Proclamation” provides a biographical sketch of the famous literary critic and children’s writer, Maria Tsebreikova.

In the “Essay” section, Irina Arzamastseva shares her ideas on historical and cultural context which surrounded A. N. Tolstoy’s famous literary tale, *The Golden Key or The Adventures of Buratino*.

The section, “Children’s Books for Adult Readers”, opens with Ekaterina Asonova’s comments on contemporary children’s poetry, which is introduced by the poets themselves.

The section “Bibliography” is dedicated to the works of E. O. Putilova. It consists of an all-encompassing list of her publications for the last fifty years.

The final section, “Conferences”, provides an overview of the 2017 conference, “Children’s Literature as an Event”, that took place in December at the Moscow State Pedagogical University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева, Ирина Николаевна (arzamas_i@mail.ru), Московский педагогический государственный университет.

Асонова, Екатерина Андреевна (asonova_ea@mail.ru), лаборатория социокультурных образовательных практик Московского городского педагогического университета (ГАОУ ВО МГПУ).

Балина, Марина (mabalina@iwu.edu), Illinois Wesleyan University (USA).

Безрогов, Виталий Григорьевич (bezrogov@mail.ru), Центр истории педагогики и образования ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО».

Валиева, Юлия Мелисовна (jouliali@gmail.com), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

Головин, Валентин Вадимович (valentin_golovin@mail.ru), Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Центр исследований детской литературы.

Душечкина, Елена Владимировна (dushechkina@yandex.ru), Санкт-Петербургский университет.

Иванкина, Марина Владимировна (marina.ivankiva@gmail.com), Санкт-Петербургский университет кино и телевидения.

Кирикова, Ольга Александровна (kirikova.o@bk.ru), Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Костина Татьяна Владимировна (tatianav.kostina@gmail.com), Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

Костюхина, Марина Сергеевна (eakost@yandex.ru), Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена, Институт детства.

Маслинская, Светлана Геннадьевна (braunknopf@gmail.com), Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Центр исследований детской литературы.

Мельников, Александр Юлианович (au.melnikov@gmail.com), независимый исследователь.

Романичева, Елена Станиславовна (els-62@mail.ru), лаборатория социокультурных образовательных практик Московского городского педагогического университета (ГАОУ ВО МГПУ).

Рудова, Лариса (LVR04747@pomona.edu), Pomona College (USA).

Селиванова, Ольга Владиславовна (ol.vl.sel@gmail.com), Фундаментальная библиотека РГПУ им. А. И. Герцена.

Шустова, Юлия Эдуардовна (shustova@yandex.ru), НИИ редкой книги (Музей книги) Российской государственной библиотеки; РГГУ.

Адрес редакции «Детских чтений»: detskie.chtenia@gmail.com
Странички в интернете: www.detskie-chtenia.ru
www.armchair-scientist.ru/detlit/

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:
Корректор *Е. Р. Филатова*
Обложка *Е. А. Язвенко*
Верстальщик *Е. Г. Жилина*
Издатель *Ф. А. Еремеев*

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

Postal address: Armchair Scientist
Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489

E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 30.05.2018. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.